

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1 Источниковедение и историография истории первобытного общества	17
1. Источниковедение первобытной истории	17
2. Историография первобытной истории	48
Глава 2. Становление первобытного общества: эпоха праобщины	99
1. Происхождение человека	99
2. Возникновение человеческого общества	136
3. Возникновение и развитие мышления и речи	141
4. Истоки идеологических представлений	145
Глава 3. Зрелость первобытного общества: эпоха первобытной общины	151
1. Завершение процесса антропогенеза	151
2. Возникновение общинно-родового строя	159
3. Стадия раннепервобытной (раннеродовой) общины	165
4. Стадия позднепервобытной (позднеродовой) общины	217
Глава 4 Разложение первобытного общества: эпоха классового образования	255
1. Подъем производства	255
2. Вызревание институтов классового общества	267
3. Переворот в положении полов	292
4. Брак и семья	296
5. Общинная и родоплеменная организация	303
6. Духовная культура	308
7. Этническое и языковое состояние	318
Глава 5 Первобытное общество и цивилизация	322
1. Первобытная периферия классовых обществ	322
2. Остатки первобытности в классовых обществах	332
Глоссарий	343
Литература	350

ББК 63.3(0)2
А47

Рецензенты:

кафедра археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета им. Ленинского комсомола (зав. кафедрой — проф. А. Д. Прихин); академик А. П. Деревянко (Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР).

Главы 1 и 2 написаны В. П. Алексеевым, введение, главы 4 и 5 — А. И. Першицем, глава 3 — В. П. Алексеевым и А. И. Першицем.

Алексеев В. П., Першиц А. И.

А47 История первобытного общества: Учеб. для вузов по спец. «История». — М.: Высш. шк., 1990. — 351 с.: ил.

ISBN 5-06-000998-X

В учебнике обобщены современные данные о становлении человека и общества, коллективистской природе зрелого первобытнообщинного строя и процессе его распада в ходе возникновения частной собственности, общественных классов и государства. Рассмотрены остатки первобытности после появления классовых обществ.

А 0503010000(4309000000)—491 48—90
001(01)—90

ББК 63.3(0)2
9(С)11

ISBN 5-06-000998-X © В. П. Алексеев, А. И. Першиц, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Подчас считают, что в учебные издания должно входить только давно устоявшееся и общепринятое. Это верно лишь отчасти и меньше всего верно для такой дисциплины, как история первобытного общества. Первобытная история — сложнее всего поддающийся точным реконструкциям раздел истории, в котором наряду с несомненно установленным еще очень много неисследованного и спорного. Выдавать это спорное за бесспорное — значит обманывать себя и других. Поэтому авторы пошли по другому пути. Не затушевывая имеющихся научных пробелов и расхождений во взглядах, они постарались в пределах возможного ввести студентов в лабораторию исследовательского поиска, в которой найдут себе дело еще много поколений историков. Сказанным объясняется и то, что немало вопросов истории первобытного общества в этом учебнике рассматривается иначе, чем в предыдущих.

Предмет первобытной истории и ее место в системе наук. Историки-марксисты обычно выделяют в истории человечества ряд общественно-экономических формаций как восходящих ступеней развития. Таких ступеней, или исторических типов общества, одни ученые насчитывают пять (первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм), другие — шесть (между первобытнообщинным строем и рабовладением они помещают азиатский способ производства). Существует и более крупное членение исторического процесса, при котором выделяют три большие формации: первичную (архаическую, доклассовую), вторичную (антагонистическо-классовую) и коммунистическую (бесклассовую). Но как бы различные исследователи ни относились к членению исторического процесса, да и к самой теории формаций, ни у кого нет сомнений в том, что начальным этапом этого процесса был первобытнообщинный строй, охватывающий весь огромный период

времени от появления на Земле человека до становления первых классовых обществ и государств, а также обычно сопутствующего им возникновения упорядоченной письменности.

Этот начальный этап существования человечества и есть предмет первобытной истории. В советском науковедении первобытная история рассматривается как один из разделов единой исторической науки. Но это ее несколько специфический раздел. В то время как другие исторические дисциплины основываются на изучении прежде всего письменных источников, первобытная история таких источников в своем распоряжении почти не имеет. Ее реконструкции — результат синтеза данных ряда других наук, и в первую очередь этнографии, археологии и палеоантропологии. Однако при этом она остается органическим разделом именно истории, так как основной критерий систематики областей знания — их классификация по предмету изучения, а не по познавательным особенностям науки. Поэтому нельзя согласиться с встречающимся в западном науковедении отнесением первобытной истории к области антропологии (общей науки о человеке), по характеру своих естественнонаучных источников противопоставляемой историческому знанию.

Не единообразны взгляды также на наименование первобытной истории. Некоторые советские ученые считают неудачным принятый в западной литературе термин «доистория» («предыстория», «преистория»), в принципе отрывающий бесписьменную первобытную историю от письменной истории. Однако и термин «первобытная история» («история первобытного общества») часть советских исследователей рассматривает как недостаточно точный. При этом указывают, что если первоначальное человечество было действительно первобытным, то позднее, особенно на исходе доклассовой эпохи, оно уже вышло из этого состояния. Кроме того, в ряде западных языков слова «первобытный» и «примитивный» синонимичны, и это делает нежелательным применение данного термина к народам, не миновавшим рубежа доклассового общества. Однако и предлагаемые взамен термины «доклассовая история», «бесписьменная история» недостаточно удачны, так как содержат лишь негативное определение. Доклассовая, но какая? Бесписьменная, но какая? Принятое в этой книге наименование первого из разделов исторической науки оста-

ется наиболее распространенным. Пользуясь им, историки исходят из того, что первобытная история на всех своих этапах первична, первоначальна, первобытна по отношению к последующим историческим эпохам и что в русском языке слова «первобытный» и «примитивный» не являются синонимами.

Значение первобытной истории. «...„седая древность“, — писал Ф. Энгельс, — при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития...»¹. И действительно, множество явлений человеческой жизни, в том числе и современной жизни, возникло или стало возникать в седой древности первобытного общества. Назовем только некоторые: жилище и одежда, земледелие и скотоводство, общественное разделение труда, брак и семья, нравственность и этикет, полезные знания, искусство и религиозные верования. Чтобы правильно разобраться в эволюции ряда элементов материальной культуры, социальных норм или идеологических представлений, часто приходится обращаться к их истокам. В этом познавательное значение первобытной истории.

В числе проблем, целиком или частично исследуемых на материалах первобытной истории, немало таких, в решении которых десятилетиями проходил, а подчас и теперь проходит водораздел между разными мировоззренческими позициями. Как появился на Земле сам человек: в результате закономерной эволюции органической природы или божественным промыслом? Каково происхождение человеческих рас, и даёт ли оно основания для расистских идей о их неравноценности? Обоснованна ли коллективистическая концепция первобытного общества — этого первого звена в развитии человечества? Как и когда возникли частная собственность, общественное неравенство и государственное принуждение? Имманентны ли они всякому человеческому обществу или исторически обусловлены, а тем самым и преходящи? Извечна ли такая специфичная форма миропонимания, как религия, и, в частности, религия в ее монотеистической форме? Идеологическая масштабность этих вопросов очевидна. Таким образом, первобытная история имеет также и большое мировоззренческое значение.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 118.

Еще один аспект первобытно-исторических знаний не лишен непосредственно практического значения. Ведь многие народы Азии, Африки, Латинской Америки, Океании еще совсем недавно находились или продолжают находиться на различных ступенях разложения первобытнообщинного строя. Черты и остатки этого строя в их жизни требуют анализа, оценки, учета в государственном, экономическом и культурном строительстве, и наука, в том числе первобытно-историческая, не стоит от этого в стороне.

Хронология и периодизация первобытной истории. Первобытнообщинный строй был самым длительным по времени — более миллиона лет — этапом истории человечества. Определить его нижнюю грань сколько-нибудь точно нелегко, так как во вновь обнаруживаемых костных остатках наших далеких предков большинство специалистов видит то предчеловека, то человека, и время от времени преобладающее мнение меняется. В настоящее время одни ученые считают, что древнейший человек (а тем самым и первобытное общество) возник 1,5—1 млн. лет назад, другие относят его появление ко времени более 2,5 млн. лет назад. Верхняя грань первобытнообщинного строя колеблется в пределах последних 5 тыс. лет, различаясь на разных континентах. В Азии и Африке первые классовые общества и государства сложились на рубеже 4 и 3 тысячелетий до н. э., в Америке — в 1 тысячелетии н. э., в других областях ойкумены * — еще позднее.

Не проще обстоит дело с периодизацией первобытной истории, точнее говоря, ее периодизациями, так как параллельно существуют несколько специальных и общая (историческая) периодизации первобытной истории, частично отражающие характер дисциплин, которые участвуют в их разработке.

Из специальных периодизаций наиболее важна археологическая, основанная на различиях в материале и технике изготовления орудий труда. Известное уже древнекитайским и древнеримским философам деление древнейшей истории на три века — каменный, бронзовый (медный) и железный — получило научную разработку в XIX — начале XX в., когда были в основном типологизированы эпохи и стадии этих веков. Каменный век начинается с древнекаменного (палеолита *), в ко-

* Слова, отмеченные звездочками, объяснены в глоссарии.

тором сейчас большинство ученых выделяет эпохи раннего (нижнего), среднего и позднего (верхнего) палеолита. Затем следует переходная эпоха среднекаменного века (мезолита *), который иногда называют «послепалеолитом» (эпипалеолитом *), или «преднеолитом» (протонеолитом *), иногда же не выделяют вообще. Заключительная эпоха каменного века — новокаменный век (неолит *). В конце его появляются первые орудия из меди, что дает основание говорить об особой стадии энеолита *, или халколита *. Схемы внутренней периодизации новокаменного, бронзового и железного веков на стадии у разных исследователей сильно отличаются друг от друга. Еще более различаются выделяемые внутри стадий культуры или фазы, называемые по тем областям, где они были впервые обнаружены.

Археологическая периодизация открывает широкие возможности для абсолютной и относительной хронологии первобытной истории. Для абсолютной датировки используются различные методы естественных наук: изотопные радиоуглеродный и калий-аргоновый (по времени распада радиоактивных элементов), геохронологический (по годичным слоям ленточных глин), дендрохронологический (по годичным кольцам деревьев) и др. В своей совокупности они сейчас позволяют с большими или меньшими допусками датировать эпохи и стадии каменного века. А начиная с бронзового века появляется также календарная (истинная) датировка на основе памятников древних цивилизаций, соседствовавших с первобытными обществами. Для большей части ойкумены нижний палеолит закончился приблизительно 100 тыс. лет, средний палеолит — 45—40 тыс., верхний палеолит — 12—10 тыс., мезолит — не ранее 8 тыс. и неолит — не ранее 5 тыс. лет назад. Бронзовый век длился до начала I тысячелетия до н. э., когда начался век железа.

Относительная датировка достигается путем сопоставления самих культурных слоев или археологических типов друг с другом либо путем их сопоставления с изменениями в природной среде: геологическими ступенями, палеонтологическими (палеозоологическими и палеоботаническими) эпохами и т. п. Особенно большое значение имеет синхронизация археологических эпох с геологическими периодами истории Земли. Времени существования человека приблизительно соответствует четвертичный период. Он делится на две эпохи: пред-

ледниковую и ледниковую (плейстоцен) и послеледниковую (голоцен). В плейстоцене значительные пространства Северной Евразии и Северной Америки периодически подвергались оледенению. Обычно насчитывают четыре наступления и отступления ледников и соответственно четыре ледниковые и три межледниковые эпохи. Применительно к Европе для эпох оледенения применяют термины «гюнц», «миндель», «рисс» и «вюрм» (по названиям альпийских рек, где были хорошо прослежены ледниковые отложения). Гюнц и миндель относятся к нижнему плейстоцену, рисс — к среднему; вюрм — к верхнему плейстоцену. Археологически плейстоцен соответствует палеолиту и в значительной части, а может быть, и полностью — мезолиту. Неолит — уже время голоцена.

Хотя археологическая периодизация всецело основана на технологическом критерии и не дает полного представления о развитии производства в целом, ее создание явилось крупным научным достижением. Она позволила судить о развитии орудий труда, а тем самым в известной мере и о развитии общественных отношений. В то же время археологическая периодизация обладает большим недостатком: она не универсальна. Вначале, с развертыванием археологических раскопок за пределами Европы, выяснилась невозможность увязки выделенных на различных континентах и территориях культур и фаз, т. е. региональных периодизаций. Затем это коснулось более крупных стадий и даже веков. Было установлено, что из-за различий в природной среде однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях и камнем. Археологическая периодизация лишилась общего признания. Некоторые западные археологи начали различным образом комбинировать в своих схемах периодизации эпохи геологического развития Земли, этапы биологической эволюции человека и ступени хозяйственного прогресса. Другие археологи, и в том числе советские, скептически относятся к таким эклектическим сочетаниям и продолжают совершенствовать археологические схемы, однако по большей части ограничивая их теми или иными региональными рамками. В целом археологическая периодизация превратилась из глобальной в совокупность региональных, но и в таком виде она сохраняет немалое значение.

Более ограничена по своим целям палеоантропологическая (палеантропологическая) * периодизация первобытной истории, основанная на критерии биологической эволюции человека. Это выделение эпох существования древнейшего, древнего и ископаемого современного человека, т. е. архантропа *, палеантропа (палеантропа) * и неантропа *. Систематика собственно людей, выделяемых как семейство гоминид * или подсемейство гоминин *, их родов и видов, а также их наименований, очень различается у разных исследователей. Наиболее спорно периодизационное место так называемого человека умелого, в котором одни исследователи видят еще предчеловека, другие уже человека. Тем не менее палеоантропологическая периодизация в своей наиболее устойчивой части перекликается с археологической периодизацией первобытности.

Особый аспект периодизации первобытной истории состоит в подразделении ее на историю первобытных обществ, существовавших до появления первых цивилизаций, и обществ, сосуществовавших с этими и позднейшими цивилизациями. В западной литературе они различаются как, с одной стороны, преистория, с другой — прото- *, пара- * или этноистория *, под которыми понимаются не только разделы науки, но и изучаемые ими эпохи. Но там это главным образом источниковедческое различие: преистория изучается преимущественно археологически, протоистория — также и с помощью письменных сведений соседствующих с первобытными обществами цивилизаций, т. е. собственно исторически. Между тем выделение тех и других обществ имеет и содержательно-историческое значение. И те и другие относятся к одной общественно-экономической формации, так как критерием принадлежности к формации является способ производства, а не эпоха его существования. Однако они не тождественны по степени самостоятельности своего развития: как правило, первые испытывали меньше сторонних влияний, чем вторые. Поэтому в последнее время многие советские исследователи различают их как апополитейные * первобытные общества (АПО) и синполитейные * первобытные общества (СПО).

При всей важности специальных периодизаций первобытной истории ни одна из них не в состоянии заменить общей (исторической) периодизации древнейшего прошлого человечества, разработка которой ведется

уже более столетия, главным образом по этнографическим и археологическим данным.

Первая серьезная попытка в этом направлении была предпринята выдающимся американским этнографом Л. Г. Морганом, близко подошедшим к историко-материалистическому пониманию первобытной истории. Используя установившееся в XVIII в. членение исторического процесса на эпохи дикости, варварства и цивилизации и основываясь главным образом на критерии уровня развития производительных сил («производства средств к жизни»), он выделил в каждой из названных эпох низшую, среднюю и высшую ступени. Низшая ступень дикости начинается с появления человека и членораздельной речи, средняя — с возникновения рыболовства и применения огня, высшая — с изобретения лука и стрел. Переход к низшей ступени варварства знаменуется распространением керамики, к средней — освоением земледелия и скотоводства, к высшей — внедрением железа. С изобретением иероглифического* или алфавитного письма начинается эпоха цивилизации.

Эта периодизация была высоко оценена Ф. Энгельсом, который в то же время положил начало ее пересмотру. Он обобщил периодизацию Моргана, определив эпоху дикости как время присваивающего, а эпоху варварства — как время производящего хозяйства. Он подчеркнул также качественное своеобразие начального, соответствующего низшей ступени дикости этапа первобытной истории как своего рода формативного периода «человеческого стада»¹. Такое же качественное своеобразие заключительного этапа первобытной истории, соответствующего высшей ступени варварства, было показано им в особой главе («Варварство и цивилизация») его работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Недоучет в схеме Моргана принципиальных граней, отделяющих этап зрелости первобытного общества от этапов его становления и упадка, и значительное расширение в дальнейшем фактического материала сделали необходимой разработку новой историко-материалистической периодизации первобытной истории.

Ряд таких периодизаций был предложен в советской науке в довоенные и особенно в послевоенные годы, но

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 486—499; Т. 34. С. 138.

даже наиболее продуманные из них не выдержали проверки временем. В частности, выяснилось, что применение в качестве критерия периодизации первобытной истории только уровня развития производительных сил ведет к теоретическим неувязкам. Так, даже создатели некоторых цивилизаций еще не знали производственного применения металлов, между тем как часть позднепервобытных племен уже освоила плавку железа. Чтобы выйти из этого противоречия, пришлось бы учитывать уровень не столько абсолютных, сколько относительных производительных сил, а тем самым в конечном счете отказаться от монистического принципа периодизации. Поэтому ученые, и прежде всего этнографы, обратились к тому критерию, на котором основано формационное членение всего исторического процесса: различиям в способе производства и, в частности, в формах производственных отношений. В связи с этим была предпринята попытка проследить развитие форм первобытной собственности, что привело к выделению, помимо этапа первобытного человеческого стада, этапов первобытной родовой общины и первобытной соседской общины

Дальнейшее изучение первобытной экономики позволило выявить важные различия в отношениях распределения и собственности на основных стадиях развития первобытной родовой общины. В раннепервобытной (раннеродовой) общине, ведшей присваивающее хозяйство и получавшей главным образом лишь жизнеобеспечивающий продукт, господствовали уравнительное распределение и общая собственность; каждый член общины имел право на долю произведенного продукта независимо от того, участвовал ли он в его производстве. В позднепервобытной (позднеродовой) общине, перешедшей к производящему или высокоспециализированному присваивающему хозяйству и получившей относительно регулярный избыточный * продукт, наряду с уравнительным получило развитие трудовое распределение, при котором часть продукта поступала в распоряжение отдельных членов общины, и наряду с общей развилась личная собственность. Теоретический анализ позволил также определить предшествовавшую первобытной родовой общине форму как праобщину (первобытное человеческое стадо), а сменившую эту общину форму как первобытную соседскую (протокрестьянскую) общину. Исследование первобытной экономики

продолжается, но и то, что уже сделано, показало действительность принятого критерия общей периодизации первобытной истории и правомерность отождествления основных этапов этой истории с основными типами развития первобытной общины.

Этот типологический ряд — праобщина (первобытное человеческое стадо), раннепервобытная и позднепервобытная (раннеродовая и позднеродовая); первобытная соседская (протокрестьянская) общины — и соответствует основным этапам первобытной истории. Однако таксономия некоторых этапов остается спорной, из-за чего их количество у разных ученых неодинаково. Их четыре, если рассматривать два средних как однопорядковые с первым и последним. Такая периодизация позволяет полнее учитывать важный рубеж, разделяющий эпохи присваивающего и производящего хозяйств. Их три, если рассматривать два средних как субэтапы одного этапа первобытной родовой общины. Такая периодизация хорошо отражает то обстоятельство, что социально-экономические последствия перехода от присваивающего к производящему хозяйству сказались не сразу и позднепервобытные общины долгое время мало отличались от раннепервобытных.

При трехчленной периодизации первобытной истории в советской науке пользуются также и другими наименованиями основных этапов древнейшего прошлого, выразительно характеризующими их содержание. В последнее время их нередко называют эпохами антропосоциогенеза*, первобытной родовой общины и классообразования.

Наиболее спорная проблема общей периодизации первобытной истории — это проблема соотношения первобытной истории и истории первобытнообщинной формации. В то время как большинство советских ученых отождествляют эти понятия, некоторые подходят к вопросу иначе. Они считают, что эпоху праобщины, или антропосоциогенеза, когда наряду с социальным еще продолжалось биологическое развитие самого человека, следует рассматривать как особый этап всемирно-исторического процесса, предшествовавший этапу сформировавшегося человеческого общества. Тем самым эпоха праобщины выносится за рамки социально-экономических формаций вообще, первобытнообщинной формации в частности. Социобиологическая специфика этой эпохи и ее огромная временная протяженность делают

такую постановку вопроса теоретически правомерной, но все же едва ли правильной. Во-первых, праобщина была хотя и формирующимся, но уже человеческим обществом, а не дочеловеческим сообществом, и поэтому ее история не может быть отделена от истории первобытнообщинной социально-экономической формации. Во-вторых, рассматривая эпоху праобщины как некую доформацию, мы должны были бы допустить, что первобытнообщинная формация в отличие от всех других началась непосредственно со стадии своей зрелости, а это трудно принять теоретически.

Существует также мнение, что эпоху первобытной соседской общины, или классового образования, следует рассматривать не как заключительный, распадный этап первобытнообщинной формации, а как особый внеформационный переходный период, связывающий ее с первой классовой формацией, но не принадлежащий ни к одной из них. Эта точка зрения тоже вряд ли оправдана. Весь ход исторического процесса показывает, что элементы новой социально-экономической формации зарождаются в распаде предшествующей, а не в особые внеформационные периоды. Поэтому, видимо, правильнее считать, что превращение первобытного общества в классовое происходило в рамках не внеформационного, а такого межформационного переходного периода, в котором могут быть выделены самостоятельные этапы истории первобытнообщинной и сменившей ее классовой формации. На заключительном этапе первобытной истории, в эпоху первобытной соседской общины, шел процесс становления частной собственности, классов и государства. На начальном этапе классовой истории, в эпоху раннеклассовых обществ, уже возникшее государство стало мощным фактором изживания остатков первобытнообщинного строя и укрепления нового способа производства. Таким образом, конечный этап первобытной истории, хотя и составлял лишь отрезок переходного периода, совпадал с конечным этапом истории первобытнообщинной формации.

Общая периодизация первобытной истории разрабатывалась и разрабатывается также многими западными исследователями. Такие попытки делаются преимущественно некоторыми исторически ориентированными учеными США. Наиболее распространено различение эгалитарных * и стратифицированных *, или иерархических *, обществ. Эгалитарные общества со-

ответствуют обществам эпохи первобытной родовой общины, стратифицированные — обществам эпохи классового образования. Между эгалитарными и стратифицированными часто помещают также ранжированные * общества. При этом сторонники этих схем считают, что в ранжированных обществах существует только социальное неравенство, а в стратифицированных — также и имущественное неравенство. Наиболее существенная и привлекательная черта этих схем — признание в них эгалитарного характера первобытного общества, т. е. первобытного коллективизма.

Общая характеристика основных этапов первобытной истории. Первобытная история начинается с эпохи праобщины (первобытного человеческого стада, антропосоциогенеза). Эта эпоха открывается появлением целенаправленной орудийной деятельности и, следовательно, возникновением древнейших людей-архантропов, образующих первые, пока еще более или менее аморфные производственные коллективы. Основное содержание эпохи — преодоление в процессе трудовой деятельности остатков животного состояния, унаследованных от стад человекообразных обезьян и предлюдей, упрочение социальных связей, а вместе с тем и завершение биологического развития самого человека. Периодизационные и хронологические границы эпохи остаются спорными. Нижняя граница дискуссионна из-за расхождений во взглядах на различие между предчеловеком и настоящим человеком, верхняя — из-за неодинаковой трактовки социальной организации времени среднего палеолита и палеоантропов. Еще сравнительно недавно почти все советские ученые рассматривали это время как время праобщины, не находя в нем признаков родового строя. Но новые находки показали, что уже тогда возникли искусственные коллективные жилища, четкие признаки спайки человеческих коллективов и другие явления, которые раньше связывались только с наступлением верхнего (позднего) палеолита. Это сделало правомерным вывод, что верхняя граница эпохи праобщины должна быть опущена до времени среднего палеолита и палеоантропов. Правомерным, но необязательным. Ведь биологический облик палеоантропов продолжал меняться, а следовательно, биологическое развитие человека еще не было, пользуясь диалектической терминологией, «снято» социальным. Поэтому вопрос пока остается открытым.

Эпоха первобытной родовой общины открывается возникновением первых упорядоченных форм социальной организации — рода и родовой общины. Именно здесь получают полное выражение основные черты первобытнообщинного строя — более или менее последовательный коллективизм в производстве и потреблении, общая собственность и уравнильное распределение. Эти черты особенно ярко выражены на стадии раннепервобытной (раннеродовой) общины и сохраняются, хотя уже не господствуют, на стадии позднепервобытной (позднеродовой) общины. Нижняя граница эпохи — средний палеолит (время палеоантропов) или верхний палеолит (время неоантропов), верхняя — как правило, неолит.

Если эпоха праобщины — время становления, а эпоха первобытной родовой общины — время зрелости, то эпоха классообразования — время распада первобытнообщинного строя. Эта последняя эпоха повсюду знаменуется прогрессирующим развитием всех отраслей хозяйственной деятельности и ростом избыточного продукта. Общая собственность рода и общины начинает вытесняться обособленной собственностью отдельных домохозяйств, уравнильное распределение вытесняется трудовым, общинно-родовые связи рвутся и уступают место общинно-соседским в их ранней, первобытной форме. Появляются начальные формы эксплуатации, вместе с которыми избыточный продукт начинает превращаться в прибавочный, происходит зарождение частной собственности, общественных классов и государственности. Нижняя граница эпохи в более продвинутых обществах приходится на время позднего неолита, в менее продвинутых — по большей части на время металлов. Верхняя граница — появление классовых обществ и государств — наиболее продвинутыми обществами перейдена около 5 тыс. лет назад, наиболее отставшими в своем развитии не перейдена и до настоящего времени.

Итак, взгляды на характер основных эпох первобытной истории единообразнее взглядов на их соотношение с археологическими и палеоантропологическими эпохами. Только, если исходить из наиболее устоявшихся точек зрения, эпохи общей (исторической) периодизации могут быть составлены с важнейшими звеньями археологических и палеоантропологических схем следующим образом.

Исторические эпохи		Археологические эпохи	Палеоантропологические эпохи
Эпоха праобщины		Нижний и средний палеолит	Время архантропов и палеоантропов
Эпоха первобытной родовой общины	Стадия раннепервобытной (ранне-родовой) общины	Верхний палеолит и мезолит	Время неоантропов
	Стадия позднепервобытной (поздне-родовой) общины	Неолит	
Эпоха классовообразования		Поздний неолит, энеолит или век раннего металла	

Еще труднее указать абсолютный возраст этих эпох, причем не только из-за расхождений во взглядах на их соотношение с археологическими и палеоантропологическими эпохами. Ведь начиная со времени уже раннепервобытной общины человечество развивалось крайне неравномерно, что привело к отмеченному выше сосуществованию самых разных по своей стадийальной принадлежности обществ.

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА.

§ 1. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ

Понятие исторического источника. Как познается историческое прошлое? С помощью самых разнообразных средств информации, имеющих о нем какие-то сведения. Эти сведения содержат в себе объекты, которые вследствие соприкосновения или взаимодействия с другими объектами несут в себе те или иные следы этого соприкосновения или взаимодействия. Историческая информация, содержащаяся в подобных объектах, существует объективно, но она может быть извлечена из них только после соответствующей обработки субъектом-исследователем. Эта обработка включает в себя ряд исследовательских процедур, и чем эти процедуры полнее и тщательнее, тем объективнее и многостороннее получаемое с их помощью историческое знание.

В истории исторической науки шли длительные споры о том, каковы объекты, несущие информацию о прошлом и получившие наименование исторических источников, и каковы должны быть процедуры их обработки. Дискуссия эта продолжается и до сих пор. Основной ее вопрос состоит в том, являются ли историческими источниками только письменные документы и другие следы исторического прошлого или в их число входит и обширный круг свидетельств о географических и биологических явлениях, сопровождавших историю человеческого общества. Георетически совершенно очевидно, что человеческая история разыгрывалась на каждом из своих отрезков в определенных условиях географической среды и что биологическая динамика человеческого вида является таким же важным источником для реконструкции многих событий человеческой истории, как и другие собственно исторические источники. Поэтому дискуссия о том, есть ли естественноисторическая информация исторический источник или нет, в сущности говоря, бесплодна. Под историческим источником следует понимать любой объект изучения, из которого можно извлечь исторические сведения, и любые данные естественноисторического цикла — антро-

пологические, географические и палеогеографические, геологические, физические и химические, которые служат той же цели, являются полноправными историческими источниками.

Нужно возразить против имеющейся в первобытной и общей историографии тенденции некоторых исследователей подразделять собственно исторические источники в узком смысле слова и естественноисторические источники исторической информации. По методу их обработки и способам извлечения из них исторических сведений они, конечно, являются различными, но, наверное, не более чем отдельные виды исторических источников между собой, скажем, надписи написанные на древневосточных языках, и остатки материальной культуры разных эпох или данные об общественных институтах и летописные свидетельства. Кроме того, любая классификация явлений по характеру подхода к ним или, иными словами, по методу неизбежно является условной и носящей прикладной характер; явления должны быть классифицированы по их содержанию и характеру внутренних связей. С этой точки зрения целесообразнее располагать источники по наукам, их изучающим, и рассматривать их на равных правах — один вид за другим. Этот принцип и кладется в основу дальнейшего изложения.

Исторические источники для эпохи первобытности. Первобытное общество представляло собою, как уже было упомянуто во введении, исключительно сложное явление не только потому, что в его недрах возникали истоки всех последующих материальных и духовных достижений человечества, но и потому, что оно было теснейшим образом связано с природной средой, зависело от нее значительно больше, чем человечество зависело от нее во все последующие эпохи своей истории; во многих отношениях исторический процесс в первобытную эпоху был если и не частью природных процессов, то контрастировал с ними значительно слабее, чем потом, после развития достаточно высокого технического потенциала цивилизации. Поэтому и история первобытного общества с самого начала складывалась как комплексная научная дисциплина, являвшаяся полноправной частью исторического знания, но в то же время впитывавшая в себя постоянно крупнейшие результаты широкого круга наук, так или иначе связанных с изучением человека и его культуры. Поэтому же и историче-

ские источники, на базе которых история первобытного общества строит свои реконструкции, очень разнообразны и являются компетенцией разных наук как гуманитарного, так и естественного исторического циклов. Повторяем, в исследовании историко-первобытных процессов все они столь тесно пересекаются, что какая-либо группировка их, удовлетворительная с точки зрения теории познания и логики, выглядит пока невозможной. Науки эти следующие: археология, изучающая остатки материальной культуры людей разных эпох и пытающаяся на основании их топографии в пространстве восстановить общественные отношения и духовную жизнь внутри тех или иных конкретных обществ; этнография (ранее она оправданно называлась этнологией, но в последние десятилетия это обозначение не пользуется распространением в советской литературе), занимающаяся изучением всех сторон культуры современных отсталых обществ и проецирующая свои наблюдения и выводы на исторический процесс в первобытности; антропология — наука о морфологических и физиологических особенностях современных людей и людей прошлых эпох, а также их ископаемых обезьяноподобных предков, выделившая внутри себя специальный раздел исторической антропологии; четвертичная геология, восстанавливающая события геологической четвертичной истории нашей планеты, в хронологических рамках которой развивалось человечество, и палеогеография, использующая данные четвертичной геологии и ретроспекцию результатов физической географии для реконструкции четвертичных палеоландшафтов и динамики географической среды; археозоология, опирающаяся на зоологические методы исследования происходящих из археологических раскопок костных остатков и ставящая своей целью получение информации о доместикации * животных, составе стад домашних животных в разных человеческих коллективах, характере использования домашних животных, характере охоты и использовании диких животных человеком; археоботаника, имеющая своей целью реконструкцию культурной и использовавшейся человеком дикой флоры; физика и химия, которые дают возможность разрабатывать методы реставрации и консервации используемых в культуре материалов и специальные микрометоды исследования их физической структуры и химического состава, а также позволяют получать абсолютные даты для отдельных памятни-

ков; лингвистика, исследующая современные и древние языки, их родственные взаимоотношения и распространение в древности; разные методы исследования и интерпретации письменных источников, с помощью которых в некоторых случаях удается прочесть и истолковать этнонимы * и восстановить этническую ситуацию для поздних эпох истории первобытного общества; наконец, информатика — наука о формализованных способах представления и использования информации, с помощью которых, а конкретнее, с помощью машинного моделирования, можно разрабатывать и исследовать модели систем с информационным содержанием. К числу этих моделей относится и первобытное общество, хотя моделирование, к сожалению, пока мало используется при его изучении.

Невозможность свести перечисление этих дисциплин к какой-то метаклассификации в настоящее время можно проиллюстрировать и примерами их взаимных переходов одна в другую. Из этих примеров видно, как теряются четкие границы дисциплин и насколько условно их подразделение, как постепенно перетекает предмет научного познания из одной сферы науки в другую. Значительная часть этнографии занимается описанием и классификацией всех явлений материальной культуры, т. е., по существу, практически представляет собой археологию современных обществ. Разница состоит, пожалуй, лишь в том, что современная материальная культура может быть описана практически в полном виде, тогда как при археологических раскопках в наше распоряжение поступает лишь деформированный условиями захоронения и временем материал. Более или менее адекватно и объективно описываемый этнографией духовный потенциал современных отсталых обществ остается динамически мертвым, пока к его интерпретации не привлечены неполные, но все же во многих случаях достаточно информативные археологические реконструкции, придающие всему хронологическую ретроспективу. Интерпретация палеоантропологического, археозоологического и археоботанического материала вообще невозможна сколько-нибудь удовлетворительным образом без археологии, так как только она дает хронологическую и культурно-историческую основу этой интерпретации. Физические и химические методы, скажем, созданы, конечно, независимо от какой-либо помощи археологов, но на археологических материалах

проверяется их разрешающая сила, а само археологическое исследование уже нельзя сейчас представить без абсолютных дат, позволяющих твердо ограничить весь исторический процесс определенными хронологическими рамками. Лингвистика, особенно палеолингвистика, неотрывна от изучения памятников письменности, успехи в их интерпретации, в свою очередь, во многом зависят от уровня развития лингвистической теории и лингвистических методов. Сообщаемые в письменных памятниках сведения интерпретируются с помощью археологических и этнографических данных, которые также корректируются во многих случаях письменными сообщениями. В какой-то мере в стороне стоит информатика, но она, как уже говорилось, лишь сейчас входит в число наук, разрабатывающих проблемы истории первобытного общества. Весь этот достаточно монолитный комплекс разнообразных дисциплин и их методов и обеспечивает многостороннее изучение такого сложного механизма, которым являлось первобытное общество, и его динамики во времени и пространстве.

Археология. Археология вынесена на первый план, ибо именно она снабжает прямыми фактами историю первобытного общества, имеющими более или менее твердую хронологическую приуроченность, опирающуюся на методы абсолютного датирования или, при их отсутствии, на сравнительно-типологический метод. Хронологически она охватывает полностью временные границы существования первобытного общества. До недавнего времени верхней границей археологического исследования считалась эпоха средневековья, даже эпоха позднего средневековья, но раскопки очень поздних поселений, оставленных аборигенным населением на территории Сибири и особенно Северной Америки, продемонстрировали исключительную информативность археологического исследования и в этом случае. Американские исследователи называют такие исследования этноархеологией или даже этноисторией. Для подобного противопоставления обычному археологическому исследованию нет оснований, так как речь идет о стандартных археологических процедурах, относящихся к бесклассовым обществам, но непосредственно примыкающим к современности и этнически известным. Археология, таким образом, непосредственно смыкается с этнографией, хотя и продолжает оставаться археологией первобытного бесклассового общества. Нижняя хронологиче-

ская граница теряется в седой древности (далее будет сказано о материальной культуре далеких предков человека эпохи перехода от обезьян к ранним формам людей). Возможно, древнейшей каменной индустрии предшествовала эпоха использования дерева, есть данные об использовании в качестве материала для орудий кости, но доказать эти предположения пока не удастся. Так или иначе археологический материал появляется с самого начала человеческой истории, иными словами, с самого начала истории первобытного общества.

Какова информативность этого археологического материала и какими обстоятельствами она ограничивается? При ответе на последнюю часть вопроса нужно иметь в виду три таких обстоятельства — многозначность положения любого предмета материальной культуры в системе культуры общества в целом, принципиальную выборочность археологических остатков по отношению к системе живой нормально функционирующей культуры и разрушение в ходе времени. Наименее очевидно первое из них, поэтому оно и требует рассмотрения в первую очередь. Предмет материальной культуры прежде всего имеет определенное функциональное назначение, он создается, чтобы быть для чего-то использованным в человеческой деятельности — будь то орудия труда, керамика или что-то другое. Кроме его собственной формы и атрибуции, о которой мы можем судить по здравому смыслу и аналогии, единственное, что нам непосредственно дано, — его положение в пространстве, точнее говоря, его положение в пространстве раскопа. В ряде случаев первичное назначение предмета, например, стрелы или наконечника копья, найденных в позвонке или какой-нибудь другой кости животного, этим подтверждается или устанавливается. А если предмет имел кроме своего непосредственного утилитарного назначения еще символическое или сакральное? Если до того, как попасть в раскоп, он использовался неоднократно, скажем, был подобран людьми изучаемой культуры и поэтому относится к более раннему времени, примеры чего нам заведомо известны? Эти обстоятельства установить значительно труднее, а чаще всего и попросту невозможно. Этнографией зафиксированы случаи, когда тот или иной предмет материальной культуры, имевший определенное функциональное назначение, попадая случайно в систему иной культуры, где его атрибуция неизвестна, становится принадлежностью

или даже объектом культа. Все подобные случаи археологически невозможно фиксировать; их фиксация — результат скорее исключительной удачи, нежели планомерного и целенаправленного поиска. Разумеется, из всего этого проистекает существенная потеря информации.

Выборочность археологического материала при раскопках зависит от того, что земля сохраняет нам не весь комплекс культуры, а лишь то, что попадало, как говорят археологи, на горизонт обитания или закладывалось в могилы. При перемене местожительства все ценное забиралось с собой, в домах и на поселениях оставался хлам, он то и попадает в руки археологов. При пожаре или землетрясении, сильном паводке или чуме, одним словом, при любом стихийном бедствии многое разрушается вплоть до монументальной архитектуры, и опять в распоряжении археологии остается только часть, да еще порядком деформированная разрушением, живой культуры, цельную архитектуру которой можно реконструировать лишь по обломкам и руинам. В погребения заведомо попадает только часть бытового культурного инвентаря, объем которого предопределяется бытующими в обществе погребальными обычаями и обрядами, а также представлениями о загробном мире. О них чаще всего вообще нет никакой информации, и они сами реконструируются на основе раскопок погребальных памятников, т. е. получается замкнутый круг: не зная соответствующего мировоззрения, мы не в состоянии понять, какая часть культуры отражается в погребальном памятнике, а о мировоззрении вынуждены судить по результатам раскопок этого памятника. Когда характерная для XIX—начала XX в. наивная вера в то, что переход от живой культуры к фиксируемой археологией мертвой полностью однозначен и не имеет никаких потерь, прошла, наступила эпоха достаточно скептической оценки реконструктивных возможностей археологического материала, вера в абсолютную достоверность археологических реконструкций уступила место вере в принципиальную ограниченность археологических данных. Многие современные археологи полагают, что в процессе археологического исследования мы получаем не более 15% достоверной информации, но подобные расчеты крайне субъективны. В какой-то части археологических реконструкций они, возможно, соответствуют действительно-

сти, в других случаях процент достоверности больше, а что-то вообще не может быть адекватно восстановлено ни при каких обстоятельствах.

Разрушения в ходе времени можно без преувеличения назвать грандиозными по масштабам и трагически-ми по их культурно-историческим последствиям. Любая культура и любое общество безжалостно уничтожали все следы предшествующих обществ и культур, почти всегда делали это сознательно, в то же время бессознательно используя технические и духовные достижения предшественников. Сбивались с камней надписи и на их месте выбивались новые, разрушались постройки, и строительные материалы использовались вторично для возведения новых строений, разрушались или запускались оросительные сооружения, перетаскивались на новые места погребальные стелы, пещеры и другие естественные укрытия использовались неоднократно людьми разных эпох, более ранние культурные напластования в пещерах при этом естественным образом нарушались, наконец, грабители испортили большую часть погребальных сооружений самых разных эпох и практически повсеместно. Но разрушительная сторона человеческой деятельности дополнялась еще разрушительными силами природы, т. е. естественными причинами. Для самых ранних палеолитических пещерных стоянок это обвалы и геологические процессы погребения пещер. Обвалы нарушали пещерные культурные слои и в более позднее время. В процессе исследования неолитических поселений и поселений эпохи бронзы археологи столкнулись с фактами их почти полного или же полного разрушения паводковыми водами и ежегодными разливами рек. Более поздние городища разрушались на протяжении столетий и тысячелетий дождями, зарастали лесом, в пустынных и полупустынных местностях засыпались песками. Далеко не все изделия человеческих рук сохранялись в земле, что зависит и от характера почвы, и от материала: изделия из кости, дерева, кожи и металла вообще сохраняются плохо — дерево и кожа недолговечны, кость подвержена разложению, металл окисляется, керамика раздавливается землей. Наконец, сам культурный слой деформируется при позднейшем осадконакоплении, оползнях, заболачивании и т. д.

Все же при всех этих ограничениях археологический материал бесспорно позволяет осуществить ряд науч-

ных процедур и делать достаточно определенные выводы, в чем и состоит его историческое значение. Он дает возможность проследить динамику внешних форм культуры, на основе типологического сравнения и стратиграфического залегания отделяя ранние формы от поздних и устанавливая хронологическую последовательность их изменений. На этой базе создается картина прогресса человеческой культуры на протяжении истории первобытного общества и прослеживается в то же время преемственность развития культуры от ее простейших форм до более сложных. Археологические раскопки при их проведении на должном техническом уровне доставляют богатый палеоантропологический, археозоологический и археоботанический материал, а он, в свою очередь, является неоценимым источником сведений о физических особенностях древних людей, морфологии и породах domesticiрованных видов животных, сортах и видах культурных растений. Изучение петрографии горных пород, из которых изготовлялись орудия, приводит к возможности восстановить пути древних миграций и обмена, аналогичная процедура возможна при сравнительном исследовании состава древних металлов. В раскопках встречаются почти повсеместно предметы искусства, и по ним мы судим о художественной культуре тех или иных обществ, с известными ограничениями и об их духовной культуре. Наконец, локальные различия в культуре помогают ставить вопросы о времени и характере этнической дифференциации, хотя их решение требует привлечения данных смежных дисциплин и пока невозможно только с помощью археологического материала. Таким образом, можно сделать вывод, что археологический материал очень информативен и его роль в реконструкции исторических процессов первобытности огромна.

Этнография. Если говорить о методологических и методических основах этнографической науки, то вся их разработка была нацелена на то, чтобы с наибольшей полнотой и тщательностью, наиболее адекватно описать предмет исследования, а именно культуру и быт, социальные институты и общественную структуру того или иного народа. Традиционно при этом наибольшее внимание уделялось отсталым народам, и в этом пункте особенно этнография смыкается с историей первобытного общества, так как культура отсталых народов служит основным материалом для первобытно-исторических ре-

конструкций. Если бы не было этнографических данных, то многие стороны формирования общественных отношений и социальной структуры в первобытных человеческих коллективах просто не могли бы стать предметом внимания, они известны лишь по этнографическим описаниям, и главная задача состоит в том, чтобы хронологически соотнести их с теми или иными этапами первобытной истории. Однако, как ни полно описывает современная этнографическая наука предмет своего исследования, в ней есть один принципиальный пробел, заключающийся в том, что изучаемые этнографией общества описываются извне; делается это сторонним наблюдателем, действия которого оказывают определенное психологическое воздействие на людей изучаемого коллектива, благоприятное или неблагоприятное, все равно, наконец, сам наблюдатель вызывает ответную реакцию, т. е. непредсказуемым образом вмешивается в предмет наблюдения. Отдельные случаи многолетней жизни исследователей с выбранными ими для изучения народами, даже включения их в состав племен не меняют картины, так как и в этой ситуации невозможна полная натурализация, исследователь остается англичанином, французом, немцем, русским и не превращается в эскимоса, индейца, австралийца. Это означает, что полнота этнографического описания всегда относительна, особенно это касается интимных сторон жизни общества вроде сакральных действий, тайных союзов, религиозно-психологических представлений, самосознания. Подобная относительность, проецируясь на отмеченную выше немоту археологических материалов, должна отчетливо осознаваться как препятствие на пути к полностью объективному восстановлению институтов и явлений духовной жизни первобытного общества и ее временной динамики.

Другое ограничение, которое несут в себе сами этнографические материалы, связано с отсутствием у них хронологической ретроспективы. Этнографическое описание по природе своей синхронно, т. е. оно связано с одним определенным хронологическим уровнем, каким является современность. Этнографический материал собирается давно (в следующем параграфе будут описаны кратко основные вехи в его накоплении). Уже наука XVIII и тем более XIX в. дала нам примеры хороших и полных этнографических описаний разных народов, но все равно в них много пробелов, так как они составлены

по большей части не специалистами-этнографами, а путешественниками. Только в конце прошлого — начале нашего столетия появились строго научные и завидные по полноте и тщательности труды о культуре многих отсталых народов, но и они уязвимы с точки зрения современной этнографической методики. Что касается сообщений греческих и римских авторов о своих соседях, то они могут использоваться лишь как иллюстрация к существованию того или иного обычая в древности, сами сведения в целом и отрывочны, и неточны. При переводе синхронного среза в диахронный принципиально невозможно получить однозначное решение, и поэтому многие попытки реконструировать, например, динамику систем родства, для которой нет археологических аналогов, вызывают до сих пор много споров. В то же время при реконструкции динамического ряда тех явлений культуры, которые фиксируются археологически, этнографические данные последовательно переходят в археологические, и ретроспективная реконструкция приобретает объективный характер. В этом, кстати сказать, и лежит разгадка тесного взаимодействия этнографии и археологии на протяжении их исторического развития — обе науки не могут жить и развиваться одна без другой, взаимно не дополняя и не обогащая друг друга.

Наконец, нельзя не сказать и о том, что в распоряжении этнографии при изучении отсталых обществ всегда находились лишь современные отсталые общества, которые невозможно впрямую аналогизировать с первобытными коллективами. Введенный в советской науке очень плодотворный принцип подразделения всех отсталых обществ на АПО и СПО как раз и обобщает это коренное различие, указывая нам в то же время на еще одно ограничение возможностей реконструкции первобытнообщинных отношений. Правда, многие синполитейные общества на протяжении тысячелетий развивались без каких-либо контактов с европейской или иной культурой — австралийцы, папуасы, тасманийцы, бушмены, огнеземельцы, но и их нельзя считать носителями классической первобытности, так как за ними лежит длительный путь развития с эпохи верхнего палеолита, а это означает наличие процессов, которые, конечно, деформировали изначальные общественные структуры. В дополнение к этому нужно сказать, что на каком бы уровне отсталости ни находились отсталые народы современности, ни один из них не может представлять

культуру, которой обладали первобытные предшественники человека современного вида: вещный мир их культуры реконструируется археологически, духовный остается до сих пор на уровне более или менее правдоподобных философских разработок. Этнографический материал, конечно, привлекается в этих разработках, но его разрешающая способность сама стоит под вопросом, он играет скорее вспомогательную, иллюстративную роль.

Как и в случае с археологией, осознание ограниченности этнографических данных во многих отношениях ни в коей мере не должно приводить к негативному выводу о малом их значении как источника сведений об истории первобытного общества. Совершенно неправильно полагать, как делают некоторые специалисты, что история первобытного общества целиком есть сфера этнографии, но не менее неоправданно и отрицать ее реконструктивные возможности. Прежде всего этнография дает нам богатый материал для суждения о функциональном назначении отдельных предметов мира вещной материальной культуры — без нее назначение многих из них оставалось бы малопонятным. Но еще больше ее роль в реконструкции общественных отношений и духовной культуры первобытности — без огромного запаса этнографических наблюдений и разработок невозможно было бы судить о таких явлениях жизни первобытного общества, как формы брака и семьи, системы родства, формы общины, коллективные формы хозяйственной деятельности, экономические отношения, религиозно-магические ритуалы, народное творчество. На каркас хронологически организованных археологических фактов этнография накладывает плоть первобытной культуры, давая возможность с помощью своих результатов ощутить ее живое дыхание.

Историческая антропология. Традиционное, хотя и не во всех странах принятое деление антропологии на три раздела — морфологию, т. е. учение об общих закономерностях изменчивости человеческого организма, антропогенез, или изучение происхождения человека, и расоведение, т. е. науку о человеческих расах, — носит структурный характер, иными словами, дифференцирует антропологическую науку по предмету исследования. Наряду с этим возможны и параллельные классификации, т. е. подразделение науки по предмету назначения, например, как это принято многими советскими специа-

листами, выделение этнической антропологии, которая занимается изучением антропологических особенностей народов и реконструкцией этногенетических процессов. По предмету назначения исследования выделяется и историческая антропология, целью которой является извлечение исторической информации из всех форм антропологического исследования и истолкование этой информации для нужд истории. Именно это направление антропологических штудий наиболее тесно связано с историей первобытного общества и дает для нее максимальное основание.

Антропология есть наука о биологических особенностях человека и его предков, палеоантропология — та часть антропологии, которая изучает скелеты ископаемых людей самых разных эпох и, используя результаты изучения биологии современного человека, производит восстановление их биологических характеристик, именно на палеоантропологию историческая антропология опирается в наибольшей мере, когда она становится историческим источником для изучения первобытного общества. Но палеоантропологический материал, как и всякий другой, в том числе и рассмотренный нами археологический и этнографический, создает свои сложности для интерпретации, не понимая которых, нельзя использовать его в полной степени. Палеоантропология, как и антропология современного населения, работает с групповыми характеристиками, т. е. описывает не отдельных людей, а группы, связанные биологическим родством и получившие наименование популяций *. Человеческие расы, например, представляют собою группы популяций, каждая из которых очерчивается локально кругом брачных связей, от проницаемости которых зависит гомогенность — однородность или, напротив, гетерогенность — разнородность популяций. Морфологические и физиологические особенности отдельных людей отличаются исключительным разнообразием, которое нивелируется на групповом уровне и сводится к локально-типологическим комплексам, имеющим генетическое значение и дающим возможность перекидывать мост от современного населения к древнему, и наоборот.

Палеоантропологический материал получается, как уже упоминалось, в процессе археологических раскопок могильников. В настоящее время разработаны методы обработки трупосожжений — небольших остающихся при сожжении трупа костных фрагментов, но извлекае-

мая при этом информация очень мала. К счастью, обычаи трупосожжения были распространены не очень широко, чаще археолог и палеоантрополог имеют дело с труположением. Правда, и в этом случае сохранность костей скелета может быть плохой, но сейчас хорошо налажена реставрационная работа, где получение целой формы костей и черепов по их фрагментам. Важность скелета в организме как его механического каркаса и физиологически очень действенного компонента обеспечивает его биологическую информативность. При достаточном числе полученных при раскопках того или иного могильника скелетов биологическая характеристика ископаемой группы в некоторых отношениях оказывается полноценнее, чем изученная антропологом группа живых людей. Но, к сожалению, эта группа не соотносима с популяцией, и в этом состоит основной недостаток любого палеоантропологического исследования, а из него проистекает главная трудность любой историко-антропологической реконструкции. Недостаток этот объясняется тем, что практически любой могильник использовался длительное время и в нем похоронены люди нескольких поколений. Предпринятые попытки как-то отделить погребения людей одного поколения от остальных, найти критерий для этого в топографии могильников не увенчались заметным успехом. Поэтому любая палеоантропологическая популяция продолжена во времени, она, как правило, охватывает людей, относящихся к гораздо большему числу поколений, чем современная, поэтому же она многочисленнее современной. А вот насколько многочисленнее — это невозможно установить точно в каждом конкретном случае. Наконец, дополнительную сложность в использовании палеоантропологического материала в историко-антропологических реконструкциях, значимых для истории первобытного общества, образует факт сравнительно позднего возникновения достаточно многочисленных могильников — они возникают с неолитической эпохи. Мезолитические могильники чаще всего состоят из нескольких погребений, а погребения палеолитического времени всегда единичны.

Что позволяет все же реконструировать историческая антропология в истории первобытного общества? Громадные успехи сделало в последние два десятилетия приматоведение, причем для нас очень важно не изучение морфологии обезьян, а понимание их поведения

и открытие в нем каких-то черт, которые являются значимыми в объяснении поведения ранних предков человека, и характерных для него общественных отношений. Два факта представляются крайне важными применительно к истории первобытного общества: первый из них состоит в отмеченном практически у всех форм обезьян отсутствии полового общения между кровнородственными животными разных поколений — отца с дочерью, сына с матерью. Это наблюдение является существенным аргументом в пользу представления об иллюзорности существования в ранней истории человечества стадии беспорядочных половых общений. Второе, чем история первобытного общества обогатилась, опираясь на приматологию, — наблюдение, также подтвержденное исследованием поведения разных видов и заключающееся в избегании половых общений внутри стада и предпочтении их с особями соседних стад. Не есть ли это исток экзогамии * (о ней будет сказано позже), которая состоит в вынесении половых связей за пределы коллектива и типична для многих первобытных групп? Столь прямолинейная аналогия вряд ли оправдана, но приведенный пример показывает границы возможностей, которые содержатся в этологическом изучении приматов.

Многочисленные находки ранних предков человека исследуются в первую очередь морфологически, сопоставляются на основе наиболее характерных вариаций их строения, сходство вариаций позволило построить целый ряд правдоподобных гипотез об их генетическом родстве. Здесь не место обсуждать все эти гипотезы, но каждая из них дает нам возможность внести дополнительные аспекты в понимание культурных и генетических связей локальных групп предков современного человека. Однако морфология дала возможность высветить еще один аспект проникновения в прошлое — получение информации о самых ранних этапах развития ассоциативных связей, элементарных мыслительных структур, наконец, речевой деятельности. Описание и изучение эндокранов — слепков внутренней полости черепной коробки — создает базу для оценки динамики макроморфологии мозга в ходе времени, а ее функциональное истолкование снабжает нас информацией о перчисленных выше палеопсихологических явлениях и самом раннем этапе формирования речи.

Морфологические особенности популяций древних людей исключительно информативны для оценки их

взаимного родства, потому что они генетически обусловлены и допускают количественную оценку степени сходства и различий. Морфологический прогресс предков человека не тождествен их социологическому развитию, но и не безразличен для него; только с помощью историко-антропологических реконструкций мы можем судить о его общей интенсивности и темпах в разных районах ойкумены. На более поздних стадиях развития первобытного общества, когда усложняется общественная структура и локальная дифференциация первобытных коллективов, когда начинается формирование замкнутого самосознания, которое затем переходит в этническое, историко-антропологическая информация незаменима при реконструкции ранних этногенетических процессов. При возможности передачи любых культурных и даже языковых особенностей путем диффузии палеоантропологические данные являются применительно к ситуации первобытного общества, пожалуй, единственным источником сведений о реальных переселениях людей.

Важна также палеодемографическая сторона дела. Человек на всех этапах своей истории представлял собою мощную производительную силу; от количества людей и их половозрастных соотношений, от детской смертности, уровня рождаемости, темпов прироста населения, продолжительности жизни, удельного веса находящихся вне рамок рабочего цикла людей старшего поколения зависели многие производственные процессы. В обществах с развитой письменностью надгробные надписи дают кое-какие сведения в этом отношении, вернее говоря, их анализ позволяет делать палеодемографические выводы. Письменные свидетельства о бесписьменных обществах крайне скудны, если иметь в виду палеодемографическую информацию. Палеоантропологический материал и его историко-антропологическое истолкование являются единственным источником в этом отношении, незаменимость которого еще больше подчеркивает его историческую важность. Таким образом, историческая антропология наряду с археологией и этнографией предлагает нам путь в историю первобытного общества: археология и этнография — в историю культуры, историческая антропология — в историю самого человека.

Четвертичная геология и палеогеография. Здесь мы переходим к географическому фону, на котором ра-

зыгрывалась история первобытного общества Четвертичная геология снабжает историков первобытности сведениями об изменении земной поверхности на протяжении времени, в рамки которого вмещается история человечества, уровне океана на протяжении четвертичного периода и динамике этого уровня, интенсивности береговой тектоники, наконец, о местных особенностях серьезных изменений природной обстановки, которая была достаточно специфична в разных областях ойкумены. Кроме того, геологические наблюдения имеют для истории первобытного общества и узкоприкладное значение — напластование геологических слоев, стратиграфические колонки в пещерах, последовательность горизонтов залегания на открытых стоянках чрезвычайно важны для установления периодизации истории первобытного общества и особенно динамики технологического процесса в первобытности: по сути дела, вся археологическая периодизация, которая отражает этапы развития технической оснащённости и технических навыков человечества в эпоху первобытности, не могла бы быть создана только на базе технологического принципа, если бы этот принцип не был поддержан принципом стратиграфическим, а именно геологическими наблюдениями над последовательностью залегания поздних геологических слоев с содержащимися в них костными остатками. Особенно эффективны в этом отношении ленточные глины. Каждый из этих слоев соотносится в Европе и Северной Азии с этапами четвертичного оледенения, в субтропических и тропических районах — с периодами интенсивных дождей и осадконакопления. Все это позволяет разнести обнаруживаемые в слоях костные остатки и археологический инвентарь по разным этапам четвертичного оледенения или периодам межледниковья и получить полную картину последовательности развития технологии на протяжении ранней истории первобытного общества.

Не менее важна геологическая информация и для голоцена — современного периода в истории земли, начало которого отстоит от современности примерно на 10 тыс. лет. Интенсивность осадконакопления в голоценовое время была меньше, чем на протяжении четвертичного периода, но последовательность слоев и переход от более ранних отложений к более поздним фиксируются достаточно четко и сыграли большую роль в определении относительной стратиграфии культур неолити-

ческого времени и эпохи бронзы. Ограниченность геологических наблюдений состоит в том, что геологические напластования в разных областях ойкумены различны в связи с разным темпом осадконакопления, зависящего от местных климатических условий, а следовательно, получить строго синхронизированную шкалу для разных территорий не удастся до сих пор: отсюда и многочисленные и неутрачивающиеся споры об относительной хронологии, занимающие большое место в геологической и археологической литературе. В то же время эта хронология до появления методов абсолютного датирования была единственной шкалой, в соответствии с которой строилась вся периодизация истории первобытного общества и осуществлялось распределение динамических рядов развития явлений материальной и духовной культуры от более ранних форм к более поздним.

Громадным вспомогательным средством для первобытно-исторических исследований, конкретнее, для установления древних миграций и путей расселения человечества являются реконструкция и установление времени бытования мостов суши, когда-то соединявших материки. Невозможно было бы восстановить путь заселения Америки человеком через Берингов пролив и вообще представить себе движение древних человеческих групп в этом районе, если бы четвертичная геология не представила нам неопровержимые доказательства существования моста суши на месте пролива, который получил название древней Берингии и еще существовал 12—13 тыс. лет тому назад. До этого он менял свою ширину и очертания, был частично покрыт ледником, но все равно занимал огромное пространство и служил надежным коридором для движения людей и животных. Аналогичные пространства суши соединяли Большие Зондские острова вплоть до Новой Гвинеи, Австралии и Тасмании, соединяли с материком Японские острова и Британские острова. Они существовали в разное время, причина их образования не до конца ясна до сих пор — то ли понижение уровня Мирового океана, то ли более высокое положение суши могло дать такой эффект, но роль их в расселении человеческих популяций на окраинах ойкумены была очень велика, и без них невозможно воссоздать в этих областях конкретные события человеческой истории в ранние эпохи. Кстати сказать, наличие мостов суши меняло и природную среду жизни человека: перекрытие Берингова пролива,

например, препятствовало свободному проходу морских млекопитающих, сейчас служащих основным источником добычи пищи для эскимосов, но создавало предпосылки для внутриматериковой охоты на копытных.

Тут мы переходим к палеогеографии. Палеогеографические реконструкции в основном нацелены на восстановление древних ландшафтов, а эта задача требует широкого привлечения биогеографических данных. Поэтому рассмотрение динамики биогеоценозов * при изменении очертаний береговой линии, если речь идет о приокеанских зонах, или при изменениях климата, если имеются в виду внутриматериковые области, составляет значительную по объему часть палеогеографических исследований. Но помимо этого они важны и в стратиграфическом отношении: изучение четвертичных погребенных почв позволяет получать стратиграфические колонки для разных территорий и тем способствует решению проблемы синхронизации памятников, удаленных один от другого на значительное расстояние. Колебания климата, как длительные и направленные, так и кратковременные, имели место неоднократно на протяжении четвертичного периода, но и в эпоху голоцена судить о них можно только по палеогеографическим маркерам — составу флоры, преобладанию холодолюбивых или, наоборот, теплолюбивых форм в фауне и т. д. А это создает предпосылки для возможности реконструкции сезонных миграций охотников в палеолите или для понимания характера севооборотов и сортов возделываемых растений у неолитических земледельцев. Таким образом, и палеогеография во многих отношениях не менее важна в реконструкции отдельных событий первобытной истории, чем четвертичная геология.

Археозоология. Эта область знания называется еще палеозоологией, что неверно, так как палеозоология охватывает изучение всех ископаемых животных, или палеоостеологией, что неверно по той же причине и слишком узко, так как остеология существует не только сама по себе, но и как путь реконструкции по ней условий жизни животных. Используемый термин удачен и точен в том отношении, что он однозначно определяет предмет исследования — изучение костных остатков животных из раскопок, одинаково, будь то дикие или домашние формы. Костные остатки диких животных в широком смысле слова, включая птиц, рыб и даже беспозвоночных, чрезвычайно важны в реконструкции

характера охоты, рыболовства и собирательства, но их изучение имеет и более широкий интерес, выходящий за рамки истории первобытного общества: речь идет о восстановлении древних ареалов многих современных видов, так как их древнее распространение только находками в раскопках и зафиксировано. Что касается домашних форм, то их костные остатки являются единственным прямым источником для разработки проблемы доместикации животных и древнего животноводства. И в том, и в другом случае исследователь имеет дело с остатками, уже служившими в качестве пищи, поэтому они выборочны и фрагментарны, достаточно редко встречаются захоронения животных в ритуальных целях, в которых скелет сохраняется более или менее удовлетворительно. Подобная выборочность и фрагментарность костного материала очень затрудняет исследование, так как многие фрагменты с трудом поддаются идентификации. Сама выборочность может иметь искусственное происхождение, скажем, предпочтение в пище определенных животных, связанное с пищевой или ритуальной традицией: тогда процентное содержание костей животных того или иного вида или возраста не будет соответствовать их доле в стаде. В общем доставляемый археологией археозоологический материал, как и все другие виды исторических источников для реконструкции процессов в первобытном обществе, имеет свои ограничения и недостатки. Постоянное ограничение этого материала, связанное с его выборочностью, может быть преодолено только с помощью очень осторожной интерпретации; временные ограничения, обязанные своим происхождением фрагментарной сохранности, преодолеваются в ходе его накопления и усовершенствования методики исследования: уже сейчас достигнута большая специализация, и подготовленные исследователи работают отдельно над остатками животных, птиц, рыб, моллюсков и т. д.

Не менее сложна проблема доместикации. Не говоря о поведенческой стороне дела, которая может быть более или менее удовлетворительно понята только с помощью экстраполяции современных этологических данных на древность, что делать совсем не просто из-за изменений в поведении современных домашних видов вследствие доместикации, существует чисто морфологическая трудность — почти невозможно уловить начальные стадии доместикации, так как находившиеся в ста-

дии приручения животные практически еще не отличались, особенно в строении скелета, от диких форм. В настоящее время предложена, правда, методика отделения костей якобы домашних животных от диких, опирающаяся на микроструктуру кости, но ее применение не дало пока удовлетворительных результатов. Гораздо лучше обстоит дело с изучением уже полностью domesticiрованных форм — признаки одомашнивания выражены уже вполне отчетливо, обычная процедура зоологического исследования, состоящая в измерении костей, подсчете групповых характеристик и их сравнении, позволяет охарактеризовать локальные породные различия и выявлять генетическое родство пород в пределах разных районов. Существенно и определение породного состава стада, дающее возможность подойти к оценке уровня экономического развития, характера производственного процесса, даже составу пищи. Археозоология в этом контексте сливается с другими аспектами археологической работы, дополняя ее и значительно расширяя ее реконструктивные возможности.

Археоботаника. Это направление исследований часто называется в советской литературе этноботаникой, что ни в коей мере нельзя считать оправданным: речь идет о составе культурной флоры, далеко не всегда привязанной к определенным народам, скорее прирученной к территориям, истоки генезиса этой флоры могут быть восстановлены ретроспективно, т. е. на основе анализа сортности и географического распространения современных видов, но окончательное слово остается за растительными остатками, полученными при раскопках. В раскопках обнаруживаются семена и пыльца как диких, так и культурных растений, что снабжает нас информацией о введенных в агрикультуру растениях, а также о характере использования диких растений. Но и этот путь чреват подводными рифами — археоботанические данные имеют тот недостаток, что инородная пыльца может быть занесена в археологический слой не искусственным, а естественным путем и принята в этом случае за органическую характеристику именно данного исследуемого археологией памятника. В этих случаях неизбежна опасность путаницы между эндемическими (местными) и пришлыми формами. Однако, несмотря на это, археоботаника уже снабдила историю первобытного общества важными сведениями о составе культурной флоры многих районов мира

с первичным земледелием и много дала для понимания очагов возникновения вторичного земледелия — введения растений в культуру под влиянием импульсов извне, диффузии и миграции культурной флоры и т. д.

Археоботанический материал еще чрезвычайно и интересен, и эффективен в том отношении, что он снабжает археологию, а следовательно, и историю первобытного общества мощным средством абсолютного датирования, так как получаемая с его помощью дата имеет точность до одного года: метод опирается на годичный прирост колец на стволе дерева, рисунок которых каждый видел на поперечном спиле. Толщина этого прироста одинакова у деревьев одного вида в один и тот же год, что позволяет соединять хронологические колонки, разработанные для разных районов, в случае их хотя бы частичного наложения друг на друга. В настоящее время с помощью этого метода можно углубиться на несколько тысяч лет от современности, но ограничения в применении этого метода также велики: далеко не всегда древесина сохраняется в культурном слое достаточно удовлетворительно, самый факт ее обнаружения принципиально возможен лишь в районах со значительными лесными массивами, так как эпоха первобытности практически не знала привозного дерева и оно использовалось лишь в редчайших случаях. Поэтому наиболее эффективные и значимые результаты дендрохронологический * метод дал в северных районах северного полушария, в лесной и частично лесостепной зонах.

Физика и химия. Казалось бы далекие от истории первобытного общества науки существенно обогатили ее методическую сторону, значительно расширив ее технические возможности и тем обогатив фактическую базу ее реконструкций. В первую очередь это касается хронологии, в которую точные науки внесли принципиально новый момент, а именно предложили способы установления абсолютной хронологии. Сразу подчеркнем, что ни один из этих способов не дает безукоризненных результатов и очень зависит от чистоты используемых образцов, взятых для датировки, но даже при заметной величине ошибок всех методов абсолютные даты дают гораздо более точное ориентирование в установлении последовательности всех процессов в истории первобытного общества, чем относительная хронология. Разработано несколько способов абсолютного датирования, опирающихся на физические и хими-

ческие процессы, происходящие в остатках органического и неорганического происхождения после их захоронения, но в практической работе достаточно эффективны пока лишь четыре — два опираются на химические процессы и два — на физические. Из двух первых наиболее известен радиоуглеродный, или радиоуглеродный, метод абсолютного датирования, использующий период полураспада изотопа углерода C^{14} , равный, как теперь выяснилось, 5730 годам, с ошибкой в 40 лет. Ранее этот период считался равным 5570 годам, с ошибкой в 30 лет, и отказ от этой цифры, а также ряд других технических моментов потребовали создания поправочных шкал, сделавших метод достаточно точным. Смысл его состоит в том, что после перехода любых органических субстанций из жизненного состояния в мертвое углерод в них не возобновляется, и его остаточная масса поэтому пригодна для фиксации этого момента. Но, к сожалению, разрешающая способность метода практически редко выходит за пределы последних 40 тыс. лет, и поэтому он пригоден для абсолютного датирования событий лишь верхнепалеолитической эпохи. Более операционен в хронологическом отношении калий-аргоновый метод, принципиально такой же, как и радиоуглеродный, но опирающийся на период полураспада калия K^{40} и аргона A^{40} . Период их полураспада очень велик, и поэтому калий-аргоновый метод дает удовлетворительные результаты применительно ко времени до 2 млн. лет, но только при использовании костной ткани.

Хотя мы и назвали предыдущие два метода химическими, но, строго говоря, они являются одинаково и химическими, и физическими, их вернее было бы назвать физико-химическими, так как явление радиоактивности одинаково принадлежит сфере изучения обеих наук. Следующие два метода являются строго физическими — археомагнитный и термолюминесцентный. Оба они могут быть употреблены применительно к очень древнему, даже палеолитическому материалу, но недостаточно еще разработаны, чтобы избежать ошибок. Первый из этих методов учитывает остаточный магнетизм в неорганической субстанции, подвергшейся термическому воздействию, и соотносит его с динамикой перемещения магнитного поля земли. Второй тоже применим к неорганическим материалам, но непременно имеющим кристаллическую структуру: время их кристаллизации, другими словами, образования фикси-

руется по свечению, а оно отражает степень интенсивности радиоактивного облучения, полученного данным материалом на протяжении времени его существования. Все сказанное уже проиллюстрировало относительность показаний любого метода, и поэтому для получения более точных результатов исследователи всех стран стремятся к взаимной проверке дат, т. е. к использованию разных методов. Но так или иначе абсолютная хронология первобытно-исторических процессов стала неотъемлемым фактом современной истории первобытного общества, позволив удлинить ее минимум в 3—4 раза по сравнению с представлениями сорокалетней давности, когда был изобретен первый из этих методов — радиоуглеродный.

Вклад физики и химии в познание первобытного прошлого человечества не исчерпывается созданием перечисленных методов абсолютного датирования. Археологическое знание первобытно-исторического процесса не могло бы развиваться, если бы физика и химия не предложили ему действенных способов реставрации, а часто просто почти полного восстановления из плохо сохранившихся фрагментов предметов, находимых при археологических раскопках, будь то кость, дерево, металл, кожа, керамика, ткани или что-то другое. Примером тому служит закрепление кости, дерева и металла с помощью многих тонких физико-химических методов, восстановление подлинной окраски тканей, возвращение предметам, деформированным в культурном слое, их подлинной формы. После того как эта необходимая часть работы проделана, в действие вступает разрешающая сила других методов — рентгеновского просвечивания, электронной микроскопии, микрофотографического, флюоресцентного; с их помощью изучается микроструктура органических и неорганических субстанций, находимых в процессе раскопок, и определяется наличие в них посторонних естественных примесей и искусственных присадок. Последнее особенно важно при анализе металлов. Все вместе это образует мощный вспомогательный аппарат, нацеленный на гораздо более полное выявление исторического фона, на котором возник тот или иной предмет, чем это возможно с помощью только традиционной типологической методики. Наконец, не последнюю роль играет то обстоятельство, что методы физики и химии оказывают неоценимую помощь в экспозиционной демонстрации результатов изучения

первобытности. Это обстоятельство не имеет непосредственного отношения к исследовательскому процессу, но зато значимо в популяризации его результатов и доведении их до широкой публики. Крупномасштабное цветное фотографирование, телевидение, гальванопластика и голография — только важнейшие из научно-технических достижений последних десятилетий, которые должны быть упомянуты в этой связи. Представить себе без них современную археологическую науку, так же как и современную науку о первобытном обществе, решительно невозможно.

Лингвистика. Нет никаких прямых сведений о языках не только наших далеких предков, но и о языках верхнепалеолитического и неолитического человечества, только с возникновением письменности в эпоху бронзы мы получаем первые прямые, а не косвенные данные о языковой ситуации в разных районах Старого Света. Наблюдения приматологов над вокализацией обезьян, в том числе и высших, спекуляции антропологов по истолкованию морфологических структур мозга и голосового аппарата в плане восстановления генезиса речи слишком неопределенны, чтобы им можно было придавать серьезное значение. Лингвисты подходят к генезису языка и языковых явлений вообще сверху, реконструируя этаж за этажом вглубь истории языковые прасостояния, но их реконструкции только сейчас доходят до мезолитического или даже верхнепалеолитического времени и продолжают вызывать на этом уровне активные дискуссии. Таким образом, для ранней поры истории первобытного общества языковая информация практически отсутствует, и мы имеем здесь не более чем правдоподобные гипотезы. Начиная с появления письменности лингвистическая реконструкция исходных состояний отдельных языков и их семей контролируется письменными памятниками и приобретает доказательный характер. Это не исключает споров по отдельным вопросам, но они не более остры, чем споры по любым другим проблемам первобытной истории.

Итак, что предлагает лингвистика истории первобытного общества для времени начиная с эпохи бронзы? Опираясь на знание фонетических соответствий внутри каждой языковой семьи и внутренних законов развития языка, языковедение проделало колоссальную работу по восстановлению конкретной истории отдельных языков и их генетического ветвления, реконструкции праязыка

и праязыковых диалектов для многих языковых семей, наконец, установления внешних связей для каждой языковой семьи с другими семьями. Языковеды довольно четко при установлении таких внешних связей могут дифференцировать изначальную общность лексики от проникающей лексики, свидетельствующей о заимствовании. Исходная прародина той или иной семьи языков определяется не только с помощью собственно лингвистических, но и с помощью экстралингвистических данных, скорее, даже с помощью последних, но так или иначе и в этой области лингвистических исследований проделана большая работа: проблемы прародины индоевропейских или семитских языков, например, хотя и не могут считаться решенными, но для их решения накоплено сейчас огромное число фактов. От рассмотрения вопросов прародины отдельных языковых семей закономерен переход к восстановлению их древних ареалов, здесь тоже немало сделано. Не последнюю роль здесь играет топонимика, и во многих археологических трудах дискуссия о языковой принадлежности носителей тех или иных археологических культур занимает большое место. Этнографы, особенно в своих работах по этногенезу, напротив, уделяют наибольшее внимание внешним связям языковых семей и отдельных языков, с которыми они сталкиваются в процессе своих исследований, так как именно эти связи в первую очередь важны в установлении событий этнической истории.

В отличие от других рассмотренных выше наук, кроме археологии, лингвистика располагает методом абсолютного датирования, который, правда, никак нельзя считать достаточно строгим. Разработкой его мы обязаны американскому лингвисту Морису Сводешу, создавшему принципиальные основы и лексикостатистики, и глоттохронологии*. Он выделил около сотни лексем (по мнению многих других лингвистов, их около двухсот) базового словаря, который и кладется в краеугольный фундамент лексикостатистических расчетов. Замена слов этого базового словаря идет при расхождении языков с постоянной скоростью, что и позволяет перейти от лексикостатистики к глоттохронологии. Обе процедуры — и выбор лексем для базового словаря, используемого в сравнении, и принцип постоянства скорости языковых изменений — подверглись острому критическому обсуждению, которое пока не привело к однозначным результатам, но посеяло сомнение в коррек-

тность производимых манипуляций. Указывалось, например, на заведомо разный темп изменений в языках отсталых и высокоразвитых народов, очевидна зависимость даже базовой лексики от темпов социальных изменений. Скажем, предложенная Сводешем конкретная дата расхождения эскимосского и алеутского языков или, лучше сказать, эскимосских и алеутских диалектов — приблизительно 3 тыс. лет была оспорена из-за весьма неполного соответствия ее результатам историко-этнологических и археологических исследований. Но так или иначе глоттохронологический метод дает грубый ориентир при заглядывании в прошлое языковых явлений, а главное — он служит толчком при разработке других аналогичных более точных методов глоттохронологического анализа и проблемы датирования языковых изменений в целом. Важность такого датирования для реконструкции истории первобытного общества не заслуживает специальной аргументации.

Письменные источники. Количество письменных источников быстро растет в процессе археологических раскопок, и совершенно очевидно — будет также быстро расти в дальнейшем. Но нужно со всей определенностью подчеркнуть — они на долгие годы останутся второстепенным источником информации для истории первобытного общества по сравнению с данными рассмотренных выше дисциплин. Это объясняется характером письменных источников. На первых порах они образованы царскими надписями преимущественно о походах и завоеваниях и храмовыми, отражающими ведение храмового хозяйства, изредка встречаются юридические документы, обширна частная переписка, но она состоит, как правило, из отдельных очень коротких сообщений. Тексты научного содержания, исторические трактаты, географические описания, включающие описания народов, становятся нормой лишь в Древней Греции, проходят через римскую, византийскую и мусульманскую историю. Для востока Азиатского материка место греческих и римских источников занимают китайские хроники. Этим практически ограничивается круг письменных источников, которые могут быть использованы при восстановлении событий первобытной истории. Но ограничения идут еще дальше — в географических и историко-этнографических текстах содержится часто богатый запас сведений о культуре соседних с греками, римлянами и китайцами народов, их

быте и хозяйстве, однако по полноте и точности он далеко не соответствует требованиям, предъявляемым к ним современной наукой о первобытной истории. Часто эти сведения фантастичны и содержат очевидные недоразумения из-за непонимания увиденных обычаев или неосведомленности информаторов. Наконец, почти все без исключения древние тексты дошли до нас в неполном виде, содержат неясного происхождения вставки, позднейшие искажения, темные или совсем непонятные места, интерпретация которых не может быть проведена однозначно.

Все же и письменные источники снабжают нас уникальной информацией, не сводимой к показаниям других данных. Геродот, например, когда пишет о скифах, сообщает о бытующих в их обществе обычаях и легендах. Расшифровке их с помощью сравнительно-этнографических аналогий посвящена большая литература, не все еще понято достаточно однозначно. Но так или иначе, если бы не сведения Геродота, мы бы гораздо меньше знали о скифском обществе, ориентируясь лишь на археологические материалы. Велико значение сообщаемых письменными источниками топонимических * и ономастических * терминов — их лингвистический анализ часто является решающим аргументом в пользу определенной языковой принадлежности того или иного народа. Иногда, хотя и чрезвычайно редко, тексты содержат фразы или обрывки фраз из языка описываемого народа, чаще всего искаженные вследствие непонимания, но их лингвистический разбор служит той же цели, т. е. установлению языковой принадлежности. Немаловажна и историко-географическая привязка тех или иных событий, которая чаще всего и возможна только на основании письменных источников. А содержащиеся в них этнонимы — наименования народов при их языковой расшифровке не только дают дополнительные основания для суждения о той же языковой принадлежности, но и служат уникальным материалом для создания этнических карт древних эпох, в том числе и эпохи первобытности.

Информатика — молодая научная дисциплина. Она оказывает громадное воздействие на развитие самых разнообразных областей знания, в том числе и гуманитарных, но пока еще мало сказалась на направлении исследований в области первобытной истории. Влияние достижений информатики на историю первобытного об-

щества возможно в двух направлениях: первое из них — разработка формализованных классификаций для создания банков данных, их машинная обработка, вообще компьютеризация процесса исследования с целью принципиального понижения уровня его трудоемкости; второе, гораздо более фундаментальное — использование научного моделирования для познания процессов динамики первобытного общества. Если говорить о первом направлении, то его значение уже оценено. Созданы и продолжают создаваться банки этнографических и археологических данных, интенсивно разрабатывается методика статистического анализа применительно к этнографическим и археологическим материалам, этнографы в СССР работают в тесном содружестве с социологами, большое место в США и Канаде занимают так называемые кросскультурные исследования, цель которых — выявление изменчивости культурных явлений в пределах одних и тех же, смежных и далеких культур и ее количественная оценка.

Гораздо меньше внимания уделено второму направлению, хотя оно и наиболее перспективно. Предпринимаются попытки моделирования этнографических явлений и археологических процессов, относящиеся в первом случае к социокультурной, во втором — к экономической и хозяйственной сферам. Но они не охватывают первобытности в целом, оставаясь моделированием отдельных категорий материалов, используемых в качестве источников информации в реконструкции первобытного общества. Кстати, и в этом отношении использованные возможности составляют малую толику того, что можно еще сделать — не подвергались моделированию обширные собранные этнографией данные по системам родства, элементарные и не разлагаемые далее в компонентах свойственных тем или иным системам родства структур, и поэтому особенно пригодные для исследования с помощью моделирования. Но моделирование отдельных замкнутых систем знаний, которые используются историей первобытности, не есть еще моделирование первобытно-исторических процессов в целом. Разработкой методов моделирования в этой области еще предстоит заниматься, но они несомненно поднимут изучение истории первобытного общества на новый уровень.

Особенности синтетической реконструкции истории первобытного общества. Предшествующее изложение

не нуждается в дополнениях, чтобы показать комплексный характер истории первобытного общества, ее опору на очень разные по своему характеру исторические источники, добываемые разными науками, каждая из которых в ее отношении к первобытной истории была рассмотрена выше. Обобщение данных всех этих наук приводит само по себе к комплексной реконструкции, в рамках которой место соответствующих данных определено их реконструктивными возможностями, а общие заключения опираются на сводки разносторонних данных, вне зависимости от того, каким образом они получены. Поэтому всегда очень односторонними выглядят попытки построить историю первобытного общества с опорой на один какой-нибудь род фактов — археологический, этнографический или историко-антропологический, все равно какой, поэтому же совершенно лишены смысла, как уже было отмечено выше, попытки объявить историю первобытного общества монополией археологии или этнографии. Как синтетическая дисциплина история первобытного общества многолика, и каждое из ее лиц прорисовывается специальным карандашом, который держит в своих руках представители той или иной науки.

При комплексной реконструкции, которая лежит в основе первобытной истории, совершенно необходимо четкое обозначение границ реконструктивных возможностей каждой науки и времени, к которому относится реконструкция. Археология, например, значима на протяжении всего исторического процесса первобытности, но она дает нам наиболее полный материал для понимания динамики внешних форм культуры — мира вещей, охватывающего производственную и хозяйственную деятельность, частично быт, произведения изобразительного искусства, предметы культа, домостроительства, структуру поселений, в то время как от духовной жизни общества на стол археологического исследования падают крохи, которые без помощи этнографии часто бывает даже трудно заметить. А четвертичная геология с палеогеографией играют ту же роль в противоположном отношении — в отношении восстановления природного фона первобытной истории и его динамики. Этнография, напротив, снабжает нас обширной информацией не только о материальной, но и о духовной культуре современных или близких к современности отсталых обществ, но эту информацию лишь с трудом можно соотносить

с этапами развития первобытного общества, синхронные общества, как уже было сказано, не годятся для сопоставления, для соотнесения требуется хронологический масштаб, представляемый археологией.

Существенно и еще одно обстоятельство — репрезентативность этнографических материалов не уходит глубже древности человека современного вида, т. е. глубже рубежа среднего и верхнего палеолита — 40—45 тыс. лет от современности. Археологические раскопки предоставляют в наше распоряжение обильный палеоантропологический, археозоологический и археоботанический материал: первый из них является основным источником биологической реконструкции ископаемых популяций, второй — процесса приручения и начального разведения животных, третий — процесса окультуривания растений, но все эти материалы не могли бы быть использованы без хронологического каркаса, покоящегося на археологических наблюдениях. Наконец, сама археология, образующая этот каркас, не имела бы его, особенно в части абсолютной хронологии, если бы не существенная помощь со стороны физико-химических методов. В этот мощный монолитный информативный блок вливаются и письменные источники вместе с лингвистикой. Письменные источники невозможно удовлетворительным образом интерпретировать без этнографического материала; лингвистика, рисуя нам картину языковой динамики первобытного человечества, постоянно соотносит ее с показаниями письменных источников и всеми другими экстралингвистическими данными.

Что касается времени, в рамках которого действительна или иная реконструкция, то об этом уже говорилось по ходу изложения, хотя, может быть, имеет смысл здесь его подытожить. Археология, четвертичная геология и палеогеография, историческая антропология в виде палеоантропологии, археозоология и археоботаника, информатика одинаково пригодны в качестве источников исторической информации для всех периодов истории первобытного общества. Реконструктивные возможности этнографии начинаются с эпохи верхнего палеолита, письменных источников и лингвистики — с эпохи бронзы, хотя последняя расширила сейчас поле своих поисков до эпохи мезолита и даже верхнего (позднего) палеолита.

§ 2. ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ

Представления древних о своих соседях. Изложение предыстории любой науки начинается чаще всего с появления письменных памятников, в основном с античной традиции. Однако дело к этому не сводится. Для предыстории изучения первобытного общества, наверное, небезынтересен факт довольно верного и близкого к действительности, реалистического воплощения себя и своих соседей в костяной скульптуре в эпоху верхнего палеолита. В Дольне Вестонице — на верхнепалеолитической стоянке в Чехословакии — обнаружена женская головка, вырезанная из кости: европеоидные черты лица выражены вполне отчетливо. На стоянке Мальта в Южной Сибири (о ней дальше) найдены статуэтки из бивня мамонта, на одной из которых с хорошо моделированным лицом особенно ясно видны монголоидные черты и одежда, напоминающая традиционную меховую одежду народов Севера. Еще более богаты в этом отношении, разнообразны, демонстрируют больше вариантов неолитическая скульптура и скульптура эпохи бронзы. Осознание каких-то внешних физических особенностей самих себя и бытовых особенностей культуры, сравнение этих особенностей с аналогичными особенностями других народов должны были повести к пониманию различий с соседями и, в сущности, явились тем истоком, из которого выросли антропология и этнография, а за ними и история первобытного общества.

Все же намного информативнее письменная традиция. Письменная традиция с этнографическими наблюдениями над другими народами начинается с Древнего Египта. Нашествие гиксосов в эпоху Среднего царства столкнуло древних египтян в больших масштабах с чуждым народом. Тексты отметили в первую очередь то, что делало гиксосов ужасными и непобедимыми — владение лошадью. Использование лошади затем было воспринято египтянами, стало неотъемлемым элементом их собственной культуры и особенно широко использовалось в военном деле. Наряду с этим египетские тексты изобилуют еще малоиспользованными в науке сведениями о западных, восточных и южных соседях египтян, донесшими до нас их антропологические и этнографические черты. Очень информативны в этом отношении древнеегипетские скульптура и живопись, особенно живописные панно, запечатлевшие сцены принесения фа-

раону дани завоеванными соседними народами с яркими подробностями их костюма и антропологического облика. Словом, древние еще до греков и римлян знали, что существуют разные народы, что они отличаются один от другого, по-разному говорят, выглядят, одеваются, живут и ведут себя. Это еще даже не предыстория науки, а просто какой-то запас эмпирических наблюдений без попытки их первичной систематизации, но без этого необходимого запаса, верно, не было бы попыток какого-то обобщения, которое появляется в разных формах в эпоху античности.

Античный мир предлагает нам иную географию эмпирических наблюдений. Центр цивилизации перемещается в Средиземноморье, и в соответствии с этим цивилизованными считаются народы этой области, в первую очередь греки и римляне — народы Апеннинского и Балканского полуостровов. Все остальные — варвары, т. е. народы, находящиеся в диком состоянии, отставшие от греков и римлян, живущие по каким-то странным непонятным законам и исповедующие какие-то чудные обычаи. Все же интерес к ним велик и носит не только академический характер, но подогревается в ходе их завоевания или торговли с ними и мирной колонизации. Это не просто любопытство. Это осознанное практическое стремление пополнить эмпирическое знание о соседях и их ни на что разумное не похожих нравах и образе жизни. Взгляд сверху вниз, взгляд цивилизованного человека на дикаря присутствует практически во всех сочинениях античных авторов о соседях, но эти авторы, направляясь практическими целями, не теряют интереса к конкретным деталям быта, законов и нравов и стараются быть достаточно достоверными. Именно поэтому современное историческое знание так много почерпнуло из сочинений античных историков и политиков. Эти сочинения обросли многочисленными комментариями и представляют собою неоценимый исторический источник. Таковы сочинения Геродота (V в. до н. э.) о скифах, сарматах и народах Средней Азии, Ксенофонта (конец V — первая половина IV в. до н. э.) о малоазиатских народах, Страбона (рубеж н. э.) о народах южной Европы и Кавказа. Цезарь (I в. до н. э.) и Тацит (I в. н. э.) оставили прекрасное описание быта германцев. Однако взгляд сверху вниз сказался в другом — никому из этих писателей не пришло в голову, что многое из того, что они описывают, могло иметь

место у греков и римлян, что эти странные обычаи — то состояние, через которое когда-то прошли их собственные общества. География эмпирических наблюдений расширялась, а восприятие их оставалось экзотическим и утилитарным.

Тем не менее какое-то представление о первобытной истории все же оформлялось в сознании греческих и римских мыслителей, может быть, все же не без какого-то косвенного влияния перечисленных выше накопленных знаний о «варварах». Уже создатель атомистики Демокрит (V в. до н. э.) представлял себе прошлое современного человечества звероподобным, люди, в соответствии с его учением, в древности напоминали зверей, подобно зверям боролись друг с другом за средства к существованию, и только эта борьба за существование и вывела их из животного состояния. Многие современные теоретики эволюции, например замечательный русский биолог и эволюционист Лев Семенович Берг, считают Демокрита великим предтечей эволюционного подхода к явлениям природы и рассматривают его как первого предшественника эволюционного учения в биологии. Но особенно впечатляюще, хотя и без конкретной аргументации, поэтому натурфилософично и априорно, эволюционная идея выражена у Лукреция Кара (I в. до н. э.) в дошедшей до нас целиком поэме «О природе вещей». В свободных плавно текущих стихах нарисована грандиозная картина мироздания, в которой предвосхищено многое из того, что открыто современной наукой и что стало достоянием европейской мысли не раньше второй половины XIX в. В этой грандиозной картине нашла себе место и история первобытного общества. Если в дальнейшем наука накапливала факты для воссоздания динамики первобытного общества и объяснения механизмов, управляющих этой динамикой, то здесь зарисовка статична, она передает внешнее, но поразительно правдоподобно, воссоздает с помощью творческого воображения наше понимание первобытной истории даже в каких-то деталях. Сказано о жизни древнейших людей в пещерах и овладении ими огня, сказано и о том, что они жили стадами, что использовали палки и ветки деревьев в качестве первых орудий, параллельно овладев умением изготавливать их из камня. На смену каменным орудиям пришли медные, на смену медным — железные. В этой последовательности была верно угадана современная археологическая периодиза-

ция с одним лишь несущественным отличием эпоха меди заменена в современной науке эпохой бронзы. Кар правильно написал и о возникновении жилищ и одежды, и о происхождении речи — лишней пример того, как античная наука, не обладавшая большим запасом эмпирических фактов, преодолевала их недостаток путем глубокого теоретического их истолкования, а иногда при их отсутствии — и с помощью философского размышления.

Лукреций Кар — это потолок античной мысли в сфере истории первобытного общества, и с его умозрительным, но ярким синтезом она вступает в эпоху средневековья.

Этнографические наблюдения в эпоху средневековья. Эта эпоха неоднократно освещалась как эпоха религиозного мракобесия в истории человечества, мрачного фанатизма и застыя в области человеческой мысли. Все это верно лишь отчасти — вскрытые источники и проанализированные под современным углом зрения трактаты средневековых ученых показывают, что они достигли больших успехов во многих областях человеческого знания. Однако это не относится к истории первобытности: о достижениях Лукреция Кара нельзя было и говорить. Место его мрачноватой, пожалуй, перенасыщенной идеей жесточайшей борьбы друг с другом и с природой, но близкой к действительности картины заняла изложенная в Библии христианская доктрина о создании человека богом на седьмой день творенья. Вся динамика и вся диалектика первобытной истории этим изгонялись из нее абсолютно, место философских размышлений о прошлом человечества заняли схоластические споры вокруг отдельных формулировок священных текстов.

Но географический кругозор продолжал расширяться. Арабы, как показали работы замечательного исследователя их культуры Игнатия Юлиановича Крачковского, знали о Северном Ледовитом океане, в Европу проникали сообщения о народах Восточной Европы, Сибири и Китая, доносились какие-то смутные сведения о народах Черной Африки. Все эти сведения, перемешиваясь с религиозными предрассудками и сталкиваясь с отсутствием научной критики, превращались в фантастику вроде широко распространенных рассказов о людях с собачьими головами на Востоке. Но, разумеется, вместе с ними распространялась и позитивная информа-

ция, расширявшая круг известных народов и укреплявшая представления об их разнообразии.

В историю европейской науки — этнографии, географии, даже истории (потому что историкам нельзя обойтись без их записок) золотыми буквами вписаны имена путешественников, выезжавших за пределы известного тогда мира и приносивших изумленной Европе сведения о далеких и необычных странах. Западноевропейские путешественники XII в. — Плано Карпини, Виллем Рубруквис, Марко Поло привезли в Европу и некоторые фантастические сведения (особенно был повинен в этом последний), но параллельно с этим они обогатили западноевропейскую науку неоценимыми географическими сведениями о Средней, Центральной и Восточной Азии. Для нашей темы еще важнее, что они собрали данные об истории и обычаях многих народов посещенных ими стран, поведали миру об обычаях при дворе Чингисхана и Чингизидов, еще раз дали почувствовать Европе, как много разных по культуре народов живет за ее пределами и как интересно и необъяснимо с точки зрения европейских традиций многое в их культуре. В Восточной Европе было в эту эпоху не до путешествий — феодальная раздробленность и татарское иго вряд ли создавали какую-то возможность выхода за ее пределы, хотя, может быть, летописная традиция просто не сохранила нам сведений о таких выходах. Зато для XV в. письменная традиция сохранила нам драгоценное свидетельство о значительном географическом мероприятии — путешествии тверского купца Афанасия Никитина на Восток: его путешествие продолжалось шесть лет, из них три он провел в Индии, народный быт которой описан им правдиво и красочно. В совокупности с записками европейских путешественников все это создало в Европе достаточно полное представление о народах, быте, государственном устройстве стран Азии за исключением, может быть, ее самых глубинных районов. Границы известного мира расширились необъятно. Концепция истории первобытного человечества оставалась ортодоксально христианской, но постоянно расширявшийся диапазон географического, а с ним и этнографического видения сам по себе медленно и неотвратимо подготавливал почву для будущих обобщений.

Эпоха Великих географических открытий и расширение этнографических знаний о первобытных народах. Однако все это было какое-то малоэффективное в своем

внешнем выражении движение научной мысли, скорее количественное ее накопление, не находившее осязательного выражения в обществе, пока резкий перелом не наступил на рубеже XV—XVI вв., начавшем эру полного открытия ойкумены и в соответствии с этим и получившем приведенное историческое обозначение. На конец XV в. с интервалом в пять лет падают два замечательных путешествия, ознаменовавшиеся огромными географическими результатами — плавание испанца Христофора Колумба, открывшего Америку, и плавание португальца Васко да Гама через южную оконечность Африки в Индию, доказавшего возможность достижения Индии морским путем. К первой половине следующего столетия относится кругосветное плавание Магеллана, завершившее спор о форме нашей планеты. Все эти мероприятия были организованы как походы в поисках богатства вновь открытых стран, в первую очередь золота и пряностей, поэтому за первыми мореплавателями последовали военные экспедиции и походы наживы. Средневековая ойкумена после открытий Колумба, Васко да Гама и Магеллана сразу превратилась в арену крови, чудовищных зверств и тех надругательств над человеческой личностью, с которых начался в истории человечества расизм. С лица земли были стерты государственные образования Центральной Америки, разрушены и подчинены европейскому господству многие азиатские государства. Но утверждавшие свое господство над миром европейские державы, их культура и наука не могли в ходе этих завоеваний еще раз не столкнуться с огромным многообразием народов, не могли не задуматься над историческими причинами этого многообразия и его соотношения с динамикой исторического процесса.

Расширившаяся почти до современных пределов ойкумена ввела в рамки знаний европейской науки десятки, а то и сотни новых народов, ранее совсем неизвестных. После открытия Америки были освоены в той или иной степени внутренние районы и Северной и Южной Америки. Внутренние глубинные районы Африки оставались неизвестными, но прибрежные народы, постоянно входившие в контакт с европейскими мореплавателями, описывались неоднократно. То же произошло и на Азиатском материке — многие области во внутренней Азии были известны понаслышке, зато обширные сведения были накоплены о жителях прибрежных стран

и районов, имевших выход к морю. Нельзя забывать, что многие из шедших по пятам первопроходцев-мореплавателей колонизаторов, верно служивших интересам наживы своих европейских метрополий, были талантливыми и образованными людьми, наблюдения и записки которых оказались весьма ценными и сохранили для современной этнографической науки многие черты культуры и быта внеевропейских народов в момент первой встречи их с европейцами.

Не имея возможности перечислять все эти многочисленные записки и сочинения, отметим лишь главное из того, что поразило европейцев в открывшемся им мире несхожей с ними культуры. Разумеется, прежде всего не могло не поразить воображения европейцев все увиденное внешнее в чужой культуре — дома, одежда или отсутствие таковой, совсем отличные от европейских орудия труда и формы хозяйства, странный быт и не менее странная бытовая утварь. В высокой степени необычными казались и многие обычаи и обряды, особенно связанные с религиозными и магическими представлениями. Католические миссионеры шли в первом ряду вместе с воинами-завоевателями и торговцами-колонизаторами, им мы обязаны многими варварскими действиями вроде сожжения образцов «богопротивного» искусства и письменности, но им же мы обязаны грамотным описанием культуры и обычаев. Отсутствие христианской веры и вообще единобожия, богатый пантеон разных богов поражали воображение всех первых наблюдателей, в их числе и католических миссионеров. До признания христианства историческим явлением, возникшим в определенных условиях места и времени, было еще далеко, но все же оно перестало быть единственной формой религии, как учила до этого сама церковь. Среди прочего было обращено внимание также на устройство общества, отсутствие государственной власти и аппарата управления, какие-то иные формы организации общественной жизни, отсутствующие в Европе. Наконец, европейцы заметили и то, что, пожалуй, озадачило их больше всего: оказывается, существовали общества, в которых не было никаких следов частной собственности, те или иные формы собственности существовали, но они всегда носили коллективный характер. Все это не избавляло европейскую цивилизацию от взгляда на все другие народы, как на дикарей, но вместе с тем все яснее и яснее свидетельствовали о том, что ев-

ропейские формы культуры не составляют даже преобладания в ряду других форм культуры, представленных у внеевропейских народов.

Если же говорить о концептуальной стороне дела, особенно применительно к истории первобытного общества, то грандиозное расширение этнографического кругозора не ознаменовалось разработкой соответствующей теории и привело даже к известному регрессу по сравнению со схематичной, но ясной и реалистичной схемой Лукреция Кара. Понимание известной примитивности и своеобразия культуры многих внеевропейских народов сопровождалось идеей их близости к природе, проживания по простым нравственным законам, безмятежности их существования, свободы от разгула страстей и преступлений, окружавших людей эпохи средневековья и Возрождения. Создателем этой концепции был французский мыслитель Мишель Монтень (XVI в.), потративший много знания, красноречия и таланта, чтобы доказать существование «доброе дикаря». Успех его «Опытов» был всеобщим, а с ними распространилась и эта концепция, поставившая «доброе дикаря» в начало истории. Она оказалась очень живучей, рецидивы ее в модифицированной форме встречались до недавнего времени, но пожалуй, именно с нее начинается идеализация первобытной истории, отрыв от конкретных фактов и стремление выдать надуманные гипотезы за попытки их интерпретации, чему в изучении первобытного общества было немало примеров.

Первые обобщения. В принципе концепция Монтеня потому сыграла большую роль в человеческой цивилизации и истории европейской философской и исторической мысли, что она представляла собою чуть ли не первое обобщение, базирующееся на уже накопленных в эпоху средневековья и раннего Возрождения фактах, полученных при этнографическом наблюдении находящихся на разных ступенях общественного развития народов. Это обобщение, достаточно наивное само по себе, сыграло тем не менее пионерскую роль, так как оно в рамках европейской культуры и европейского взгляда на мир показало все накопленные сведения о первобытных народах не только как более или менее интересные археологические раритеты, но и как какую-то систему, отражающую историческое движение человечества к регрессу. С этой точки зрения многое из того, что безоговорочно приписывалось мыслителям XVIII в., как

их несомненное историческое достижение, нашло в концепции Монтеня достаточно полное выражение.

Следующим за ним этапом в превращении груды фактов и эмпирических наблюдений в какую-то, пусть довольно примитивную, схему динамики исторического процесса была книга французского монаха-иезуита Жозефа-Франсуа Лафито, долго занимавшегося миссионерской деятельностью среди американских индейцев. Его книга «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен», вышедшая в 1724 г., опиралась не только на его собственный богатый опыт общения с ирокезами, но и на наблюдения других миссионеров в Северной Америке. Строго говоря, если оставаться в рамках хронологической последовательности, нужно было бы назвать философа и публициста англичанина Джона Толанда, изложившего в 1704 г. в свойственной тому времени манере писем идею возникновения современной веры в бессмертие еще у древних египтян и использовавшего для ее доказательства многие этнографические сообщения. С помощью этих сообщений он пытался еще показать и сходство в воззрениях экономически и культурно неразвитых народов, современных европейских цивилизаций, с народами древности. Нужно, однако, сказать, что философско-умозрительный и публицистический характер изложения и беглость, с которой были переданы эти важные мысли, оставили незамеченной книгу Толанда, и он редко упоминается в этнографической и культурологической историографии. Возвращаясь к гораздо более известному Лафито, следует в то же время подчеркнуть, что он, в сущности говоря, не пошел дальше своего предшественника: то же сопоставление американских индейцев с исторически известными древними народами и объяснение их сходства изначальным родством. Но это представление о родстве привело Лафито по сравнению с Толандом к тому же еще к фантастической идее происхождения американских индейцев от древних греков, которая и в его время вызывала только насмешки.

Объяснение наличия сходных культурных элементов и институтов глобальным родством всех народов не могло не обнаружить сразу же свою слабость, так как оно входило в очевидное противоречие при столкновении с другим не менее демонстративным кругом явлений — культурным своеобразием отдельных народов и целых областей, заселенных действительно родственными на-

родами. Это почувствовали уже младшие современники Лафито — участник знаменитых плаваний Джесимса Кука немец Георг Форстер, автор описаний народов Южной Америки француз Р. Шарлевуа, историк религиозных верований француз Шарль де Бросс. Наиболее четко, пожалуй, все связанные с этим явления выразил Форстер при сравнении своих наблюдений над полинезийцами с исторически уже тогда довольно широко известным миром гомеровской Греции. Он подчеркивает сходство героев гомеровского эпоса и полинезийцев, особенно хорошо им изученных и описанных жителями острова Таити, в привычках, обычаях, общественных институтах, поведении, но вполне трезво отвергает идею об их возможном родстве. Наблюдаемое сходство последовательно объясняется им более или менее одинаковым уровнем развития культуры. В подобной трактовке сходного и различного в человеческой культуре нельзя не усмотреть проявление начал сравнительного метода и идеи стадиальности в истории человечества.

Параллельно с этой конкретной работой, в ходе которой для проникновения в далекое прошлое человечества использовались в основном этнографические факты, шло философское осмысление исторического процесса, отказ от средневековых церковных догм. Осмыслению этому мы обязаны выдающимся мыслителям века Просвещения во Франции, Италии, Англии и Германии. Во Франции это Жан Жак Руссо, Дени Дидро, Франсуа Мари Вольтер, Шарль Луи Монтескье, Жан Антуан Кондорсе, Анн Робер Тюрго, Жан Никола Демёнье, в Италии — Джамбаттисто Вико, в Англии — Адам Фергюссон и Джордж Миллар, в Германии — Иоганн Готфрид Гердер и Христоф Мейнерс. Все эти мыслители не были профессиональными сборщиками этнографических наблюдений, хотя и не пренебрегали ими, главным для них было понять и объяснить ход человеческой истории, проникнуть в его законы и попытаться нарисовать целостную картину движения человечества от первобытного состояния к государству и другим развитым учреждениям современного общества. Пожалуй, общим для них, может быть, вообще в связи с господством рационалистического мышления, столь характерного для века Просвещения, являлись попытки монофакторного истолкования истории, попытки разработать такую концепцию исторического объяснения, в рамках которой одна причина развития выдвигалась

бы на роль ведущей. Так, Монтескье указал на климат как на основной фактор, обусловивший различия между народами; Вольтер писал о накоплении культурных достижений, которое и предопределяет рост духовного богатства всех народов и переход их на более высокий уровень исторического развития; для Кондорсе главное состояло в обогащении человеческого разума и росте просвещения; для Гердера — географическая среда в целом. Разумеется, поиск всех этих отдельных причин и выпячивание их на первый план сейчас выглядит наивным, но нужно определенно признать, что каждая из них названа верно, сыграла свою роль в истории, и последующие многофакторные схемы интерпретации исторического процесса во многом опирались на достижения XVIII в.

Каков был взгляд на первобытное общество во всех этих системах? Наиболее интересными аспектами являются общая характеристика первобытности и попытка расчленения развития первобытного общества на составлявшие его этапы. С познавательной и исторической точек зрения интересно отметить, что в общей характеристике первобытности XVIII век принципиально не шагнул дальше идеи «добраго дикаря», несмотря на значительное увеличение объема известной информации. Огромный авторитет Руссо и Дидро как мыслителей и колоссальная популярность их сочинений в Европе обусловили живучесть идеи «счастливого детства» человечества, его жизни в райских условиях непоколебленной человеком природы, бесконфликтности первобытного человечества. В бытовом сознании подобный взгляд оказался необычайно устойчивым и перешел не только в XIX век, но и в современность. Факт отсутствия отношений собственности у многих первобытных народов также способствовал укреплению этих идиллических представлений, так как с появлением собственности многие авторы не без основания справедливо связывали возникновение войн, развитие конфликтных ситуаций и вообще, всего или почти всего того, что можно назвать общественным злом. Однако, как ни была распространена и популярна теория первобытной идиллии, исторически интереснее и значительнее были попытки вскрыть динамические явления в жизни первобытного общества, иными словами, поиск и аргументация первых схем, говоря современным языком, его периодизации. Фергюссон, Кондорсе и Тюрго, наверное, пришли к идее

трехчленной периодизации, хотя и вкладывали в понятие ступеней разное содержание: Фергюссон и Гюрго писали об охотниках-рыболовах, скотоводах и земледельцах, Кондорсе не противопоставлял земледельцев скотоводам, а в качестве третьей, наиболее высокой ступени развития, выделял дальнейшее развитие земледельческого хозяйства. Фергюссону же принадлежит сопоставление выделенных ступеней развития с формами собственности: охотники-рыболовы, как и отдельные группы собирателей, не имели частной собственности, зарождение ее падает на общество скотоводов и связано с пастушеским хозяйством, полного развития она достигает у земледельцев. Замечено, что именно у Фергюссона мы находим дошедшую через Моргана и Энгельса до современности терминологию — дикость (охотники и рыболовы), варварство (скотоводы), цивилизация (земледельцы).

Накопление конкретных знаний о первобытном обществе и их обобщения в XIX в. Это столетие сыграло во многих отношениях особую роль в мировой истории, ибо на него падает оформление ряда научных дисциплин в их современных формах. Наука о первобытном обществе как целостный свод знаний о первом очень длительном этапе человеческой истории, кстати говоря, до сих пор не нашедшем своего терминологического обозначения на русском языке (предлагавшиеся неоднократно термины «доистория», «предыстория», являющиеся кальками с западноевропейских языков, не получили распространения, исходя из скрыто содержащегося в них отрицания единства исторического процесса), не составила исключения, формируясь постепенно на стыке этнографических, археологических и даже биологических знаний. При этом нужно иметь в виду, что запас этнографических фактов уже достиг очень значительно объема к началу XIX в. и дальше развитие этнографии выражалось в основном в разработке все более адекватных этому материалу концепций, тогда как археология стала делать первые шаги и лишь к концу века вышла на уровень типологических сравнений и классификации с элементами первых обобщений. Что же касается биологии, то ее вклад в историю первобытного общества становился тем весомее, чем больше она включала в число объектов своих исследований первобытного человека. С формулировкой основ эволюционной теории Чарлзом Дарвином в 1859 г. биология

оказала немалое влияние и на характер мышления исследователей, работавших в области первобытной истории. Он выразился в осознанном теоретически и последовательном практически проведении принципа историзма. Достаточно хорошо известно, какую ожесточенную и идеологическую борьбу выдержала теория Дарвина, но все же лежавший в ее основе принцип историзма почти полностью возобладал как принцип интерпретации в последней четверти прошлого века и predetermined соответствующее развитие близкой к первобытной палеоантропологии археологии. В этнографии принцип историзма продолжал развиваться на основе иного более раннего источника — описанной выше и сформулированной мыслителями XVIII в. концепции динамизма исторического процесса и прогрессивного развития общественных институтов от древности до современности.

Начнем с накопления археологических знаний. Наверное, не случайно первые и еще очень несовершенные классификации найденных древних орудий (а их находили не только в ходе раскопок, в систематической форме производившихся позже, начиная примерно с середины XIX в., но и при случайных сборах) повторяли трехчленную классификацию истории первобытного общества, хотя в последующем эта привычка к трехчленному делению и стремление совместить трехчленные ряды динамики разных элементов материальной, да и духовной культуры принесли немало вреда истории первобытного общества.

Первой попыткой классификации орудий труда была классификация датского археолога Каунсиллора Томсена, создавшего экспозицию в Национальном музее древностей в Копенгагене и описавшего ее в 1836 г. Орудия были распределены по материалу — камень, медь или бронза, железо, что, однако, не несло в себе определенного представления о хронологии, о движении от примитивной технологии производства орудий к более совершенной. Последователи Томсена — его преемник по Национальному музею в Копенгагене датчанин Чемберлен Ворсо и швед Свен Нильсон — мгновенно увидели в предложенной им квалификации мощный инструмент археологического исследования, далеко вперед продвигающий археологическую методологию и позволяющий целиком отказаться от взгляда на древние орудия как на простые раритеты, удовлетворяющие

любопытство любителей древностей. Ворсо, сравнивая предметы из бронзы из разных погребений, заметил основы метода относительной хронологии, столь существенного и поныне. Нильсон, предлагая свою периодизацию истории первобытного общества, по существу мало отличавшуюся от трехчленных периодизаций XVIII в., впервые обосновал ее не только сравнительным сопоставлением культуры народов, находящихся на разных ступенях исторического развития, но и археологическим материалом. Метод сравнения этнографических и археологических явлений для реконструкции процессов первобытности также вполне актуален и в современной науке.

Казалось бы, от первых достижений археологии, ставшей наукой, закономерно перейти к описанию ее дальнейших открытий, особенно связанных с началом человеческой истории, но перед этим необходимо сказать о дальнейшем движении этнографической мысли. О разных обществах накопилось так много этнографических наблюдений и фактов, что они настоятельно требовали сведения их воедино и какого-то обобщения, совершенно необходимого в истории науки, когда ее фактическая база быстро растет и любой эмпирический факт скоро теряется в ряду других. Таким обобщением были громадные книги немецкого культуролога Густава Клемма, посвященные всеобщей культурной истории человечества (десять томов, опубликованные в Лейпциге с 1843 по 1852 г.) и общему культуроведению (вышла там же в двух томах в 1854 г.). Клемм не создал какой-либо оригинальной классификации, повторив классификацию Фергюссона, но предложил для его понятий варварства и цивилизации другие обозначения — укрощенность и свободу. Эти обозначения не привились. Книги Клемма, очень точные по отбору фактического материала и скрупулезные по его подаче, служили источником даже для исследователей конца прошлого века.

Параллельно с подведением итогов предшествующих исследований продолжались путешествия в экзотические области земного шара, в ходе которых не только уточнялась географическая карта земной поверхности, но и расширялся этнографический кругозор европейской науки, а собранные этнографические данные сразу же вводились в работу по реконструкции первобытных институтов. В Южной Америке это путешествия немца

Александра Гумбольдта и француза Альсида д'Орбиньи, в Северной Америке - Генри Скуларафта и Льюиса Генри Мортона, в Африке -- англичанина Давида Ливингстона, в Австралии Уильяма Бакли, в Центральной Азии - Николая Михайловича Пржевальского

В реконструкции первобытных институтов этнография именно в XIX в. достигла фундаментальных результатов, обсуждение и окончательная оценка которых перешли уже в наше столетие. Границы этих реконструкций охватывали в принципе все стороны жизни первобытного общества, но, пожалуй, наиболее важны были достижения этнографов или исследователей, опиравшихся на этнографический материал, в восстановлении ранних форм семьи и социальных отношений, для которых археология давала гораздо более ограниченный и бедный материал. Это направление исследований выдвинуло крупнейших ученых, деятельность которых может быть здесь охарактеризована лишь чрезвычайно кратко и только в их отношении к разработке проблем истории именно первобытного общества. Одной из прогрессивных общих идей, сыгравших огромную роль в изучении первобытности, хотя и кажущихся сейчас абсолютно тривиальными, была мысль о психологическом единстве человечества, а значит, и об одинаковом потенциальном предрасположении их к развитию своей собственной и усвоению чужой культуры. Пионерами и активными защитниками этой идеи были немецкие ученые Адольф Бастиан и Теодор Вайтц, посвятившие ее обоснованию крупные труды. Вайтц был кабинетным ученым, работавшим над сведением уже тогда громадной литературы, Бастиан всю жизнь путешествовал и имел огромный опыт наблюдений над отсталыми народами в разных уголках земного шара. Представление о единстве человечества защищалось им не только в общей форме, но и с помощью выдвинутой им концепции так называемых элементарных мыслей, якобы свойственных изначально людям и их группам и составляющих поэтому основу коллективного мыслительного и познавательного процесса. Элементарные мысли одинаковы у всех людей, и, следовательно, все человечество психологически едино, несмотря на то что отдельные народы отличаются друг от друга по своей культуре и стоят на разных ступенях общественного развития.

Большие усилия были потрачены на реконструкцию древних семейных, а с ними и социальных отношений, для чего сравнительный этнографический материал предоставляет много возможностей. Первыми в этой области были книги англичанина Генри Мейна и швейцарца Иоханна-Якоба Бахофена, вышедшие в 1861 г. По кругу привлекаемых источников они были похожи — опираясь на библейскую традицию, античные источники, авторы привлекали этнографию лишь как вспомогательный материал, но в своей концептуальной части обе книги прямо противоположны. Заслуга Мейна состояла в том, что он первым увидел значение семейно-брачных отношений и семьи в первобытном обществе, разглядел в ней не только способ регламентации половых связей, но и экономическую ячейку, подчеркнул корпоративный характер первобытных коллективов. Семья представлялась ему объединением, в котором основную роль играл мужчина, не только бывший основным производителем, но и выступавший в качестве главы семьи, причем при наличии нескольких мужчин главой должен был считаться старший из них. Бахофен был более или менее безразличен к экономической стороне дела и мало занимался социальными отношениями и связями в целом, но положил все свои силы на выяснение характера отношений внутри семьи и главенства мужчины или женщины в ней. Мейн, в сущности говоря, шел по проторенному пути, включив в свою концепцию без особого специального рассмотрения общепринятый и традиционный взгляд на первобытную семью, как на семью патриархальную. На этом историческом фоне Бахофен выглядел до какой-то степени пророком последующих воззрений, ибо он первым выдвинул концепцию материнской семьи и господства материнского права как первой ступени развития, смены этой ступени следующей, на которой уже произошел переход к патриархальной семье и отцовскому праву. В самом начале истории, еще до матриархальной семьи, стояли, по мнению Бахофена, беспорядочные кровнородственные половые отношения, которые он сам называл «гетеризмом». Наличие этой первой стадии беспорядочных половых отношений не нашло подтверждения в ходе дальнейших исследований, но этапы наличия матриархальной и патриархальной семей надолго определили понимание ранних форм развития социальной организации.

В современной историографической литературе часто пишут о том, что книга Бахофена осталась не замеченной современниками, так как он сложно писал, имел пионерские взгляды, оценка матриархальной семьи как первичной была непривычна, наконец, сам он мало пользовался этнографией и аргументировал свои мысли греческими и латинскими письменными источниками. Между тем это неверно: творчество крупнейших современников Бахофена — шотландца Джорджа Мак-Леннана, по профессии адвоката (что и подтолкнуло его к реконструкции форм семьи, предшествующих современной), и американца Льюиса Генри Моргана, профессионального этнографа и наблюдателя жизни североамериканских индейцев, обнаруживает явные следы воздействия его мыслей. Возможно, концепции Мак-Леннана и Моргана и возникли независимо от Бахофена, но в ряде своих кардинальных положений, особенно в признании первичности материнского начала, они, безусловно, перекликались с его гипотезой. Если говорить о концептуальной стороне схемы Мак-Леннана, то она не отличалась принципиально от схемы Бахофена: вначале — так называемый промискуитет, т. е. беспорядочные половые связи, преимущественно между кровными родственниками, затем матриархальная семья и лишь вслед за ней патриархальная семья. Но Мак-Леннан гораздо богаче Бахофена в объяснении динамики перехода от ранней ступени к поздней и привлекает к этому объяснению реальные социально-исторические и экономические причины, тогда как Бахофен ограничивался целиком причинами психологического порядка, и его объяснения оставались в идеалистических рамках. К числу достижений Мак-Леннана, кроме того, нужно отнести две дефиниции, которые остались в истории этнографии и важны для восстановления первобытных состояний: выделение категорий экзогамии * и эндогамии *, т. е. дифференциация внутригрупповых и межгрупповых браков, и подразделение патрилокальных * и матрилокальных * браков, которые он связывал с матриархальностью или патриархальностью. Что касается последнего заключения, то оно никогда не было строго доказано, но предложенные Мак-Леннаном фундаментальные понятия послужили сами по себе для разнообразных и эффективных исторических реконструкций.

Прежде чем перейти к характеристике творческих

достижений Моргана, следует сказать, что судьба его творческого наследия интересна и поучительна, потому что оно долгие годы было предметом и орудием острой идеологической борьбы. Некоторые его книги воспринимались как классические описания народной культуры североамериканских индейцев и не вызывали каких-либо возражений ни концептуально, ни в методическом отношении. Его «Древнее общество» как попытка сравнения социальных институтов и систем родства североамериканских индейцев, многих других современных ему отсталых народов, исторических греков, иными словами, как попытка солидного этнографического обобщения, должна была бы привлечь к себе внимание, но этого не произошло: в этом повинны, по-видимому, и достаточно тяжелый стиль книги, и внутреннее отношение Европы к США на рубеже третьей и четвертой четвертей прошлого века как к провинциальному захолустью. К. Маркс и Ф. Энгельс обратили внимание на эту книгу, о чем будет сказано дальше. Маркс составил ее подробнейший конспект, Энгельс широко использовал ее при своем изучении первобытности, но и это не сделало книгу более известной. Она получила широкий резонанс, когда идеи марксизма получили широчайшую мировую известность, стали идеологическим фундаментом в нашей стране, и внимание Маркса и Энгельса к Моргану стало вызывать раздражительную критику его теории в буржуазных странах и ее безоговорочное признание в нашей стране. Пожалуй, никто из теоретиков первобытной истории не удостоился такого внимания и не вызвал столь противоречивые оценки, что нашло отражение, скажем, в таком любопытном факте, как организация специально посвященных ему симпозиумов на Международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г. и в Чикаго в 1973 г.

Сколько в этом преувеличенном внимании подлинных интересов, отражающих реальную действительность, и что в нем есть дань моды или времени? Сразу же необходимо отметить, что вне зависимости от оценок Моргана специалистами разных идеологических лагерей вклад его в науку громаден, и это практически безоговорочно признается во всем мире. Достаточно абстрактную схему Бахофена он перевел на язык реальных фактов, увязав ее с материальными силами жизни общества. У него не было четкого представления о производительных силах общества, он писал об изобретении

ях и открытиях но подразумевал под ними хозяйственную деятельность первобытных человеческих коллективов и ее динамику во времени, а также влияние этой деятельности на все другие функциональные отправления общества. Поэтому Морган был материалистически мыслящим ученым, мыслил материалистически сознательно, а не стихийно, и лишь распространенной в советской историографии дурной традицией можно объяснить, что на него налепили ярлык стихийного материалиста. Естественно, не материализм Моргана предопределил его крупное место в истории изучения первобытного общества — в его эпоху было уже немало материалистически мыслящих ученых, но его конкретная работа, во многом по-новому заставившая взглянуть на общественную организацию первобытного общества. Хотя не только его современники, но и его предшественники писали о кланах * и племенах, все они рассматривали жизненные проявления этих кланов и племен сквозь призму семьи и именно семью трактовали как основной механизм в системе общественных отношений и в производстве. Морган собрал очень значительный материал о конкретных обществах, используя не только существовавшую литературу, но и письма работавших в этих обществах корреспондентов и миссионеров, и с помощью этого материала убедительно показал, что в центре общественных отношений у первобытных народов стоит не семья, а род, т. е. группа кровных родственников, осознающих свое родство и происхождение от общего предка. Род всегда экзогамен, т. е. представители рода берут жен в другом роде. Было отчетливо продемонстрировано, что во многих случаях имеет место не взаимное перекрестное брачевание родов, а система брачных отношений между родами, т. е. система родов. Сам род изначально матрилинеен, т. е. счет родства происходит по материнской линии вплоть до родоначальника.

Открытие и исследование родовой организации первобытного общества не исчерпали вклада Моргана в историю первобытности. Он первым обратил внимание на характер собственности и выявил ее общественную коллективную принадлежность, чем она отличалась от частной собственности в классовых обществах. Именно развитие отношений собственности привело, по его мнению (и ему удалось убедительно доказать эту мысль), к перестройке материнского рода в отцовский: при

изменении счета родства и переходе к патрилокальному браку родовое имущество начинает передаваться от отца к детям. Таким образом, и здесь Морган остался в рамках материалистического понимания истории, глубоко материальными причинами в отличие от своих предшественников объясняя динамику социальных институтов. Большое место в его трудах «Древнее общество» и «Системы родства и свойства человеческой семьи» уделено еще одной важной характеристике первобытных институтов — системе семейно-брачных отношений. Морган охарактеризовал несколько восстановленных им на основе этнографических данных брачных систем, в чем состоит еще один его вклад в науку о первобытном обществе, но построенная им схема динамики этих систем оказалась ошибочной и не получила в дальнейшем подтверждения.

Разбор творчества выдающегося представителя этнографической науки, построившего в результате анализа и группировки практически только этнографических данных целостную картину истории первобытного общества, симпатичен в том отношении, что он показал нам высокий уровень, достигнутый этнографической наукой на протяжении XIX в., и исключительные возможности этнографии в реконструкции прошлого. Но одно негативное обстоятельство в этнографических реконструкциях очевидно, и оно не может быть до сих пор преодолено средствами только самой этнографии — речь идет об отсутствии в этнографических данных точно фиксируемой хронологической глубины, той хронологической ретроспективы, с помощью которой любая процедура реконструкции могла бы быть ограничена определенными хронологическими рамками. Здесь мы опять должны перейти к развитию археологии, так как после упомянутых выше классификаций археологических материалов все усилия археологов были направлены на изучение древности человека, восстановление основных этапов изменений его хозяйственной жизни и материальной культуры, соотнесение этих этапов с этнографически реконструируемыми этапами в усложнении социальных отношений. Значительное место в середине XIX в. заняла дискуссия именно о древности человека и его орудий труда, имевшая не только принципиальный научный, но и большой идеологический смысл, так как она способствовала отказу от церковной догмы о сотворении человека примерно шесть тысяч лет тому

назад и укрепляла материалистический подход к историческому процессу.

Трем исследователям удалось сделать открытия каменных орудий и древних людей вместе с костями вымерших животных: Джорджу Мак-Инери на юге Англии и французам П. Шмерлингу и Жану Буше де Перту в Бельгии и Франции. При раскопках в Бельгии близ Льежа Шмерлинг обнаружил костные остатки самого человека. Все это сначала осталось незамеченным, но затем благодаря энергии Буше де Перта стало предметом страстных научных дебатов, на первых порах выражавших последовательно негативное отношение к самим открытиям. Однако геологическая непотревоженность слоев, в которых были обнаружены каменные орудия, подтвержденная многими авторитетными геологами того времени, сыграла решающую роль в постепенном утверждении позитивной точки зрения и признании древнего геологического возраста и каменных орудий, и костей человека. Книга Буше де Перта с описанием его находок вышла в 1860 г. почти одновременно с коренным переломом во взглядах на происхождение человека (о чем речь идет дальше) и заложила основы научного археологического подхода к изучению древнейших следов человеческой деятельности. Некоторые историографы считают даже, что Буше де Перту принадлежит первая формулировка целостного понимания предмета истории первобытного общества, естественно, умозрительная. Он писал, что изготовление орудий невозможно без общения, а последнее невозможно без языка, язык провоцирует организацию социальных связей, которые приводят к семье и возникновению общества. Уже в этой общей формулировке одного из пионеров археологических исследований видна глубокая вера в неразрывность археологического и этнографического знания, что в общем, за исключением отдельных отклонений, и нашло полное отражение в истории этих наук. Результаты Буше де Перта, как уже говорилось, были поддержаны многими авторитетными геологами его времени, но их официальная канонизация, если можно так выразиться, произошла в книге известного английского геолога Чарлза Лайелла «Геологические доказательства древности человека с замечаниями о происхождении видов на основе вариаций», вышедшей в 1863 г. Лайелл был действительно выдающимся геологом своего времени, собравшим массу

фактов, создавшим теорию геологических изменений на основе актуальных поныне действующих причин. В своей книге он проанализировал и обобщил всю тогда накопленную информацию о древнем человеке, включая и его костные остатки, доказал их совмещенность с древними геологическими слоями и вымершей фауной.

В рамках истории первобытности наиболее значимыми и эффективными всегда были исследования в области каменного века. Здесь в первую очередь нужно сказать о выделении двух этапов в технике обработки камня, связанных с двумя хронологическими этапами в истории ранней технологии, — палеолита и неолита. Оно было произведено английским археологом Джоном Леббоком в 60-е годы и сразу же получило широкое распространение ввиду своей очевидной продуктивности и легкой фиксации технологического своеобразия более ранних палеолитических и более поздних неолитических орудий труда. Еще более детальную схему хронологической динамики каменного века разработал в последней четверти прошлого века француз Габриель де Мортилье, предложивший для отдельных периодов в истории каменной индустрии наименования по наиболее известным местонахождениям, сохранившиеся до настоящего времени: шелль, ашель, мустье, солютре, мадлен — для палеолита; азиль и тарденуаз — для мезолита как промежуточного звена между палеолитом и неолитом. Первые три периода обозначались как нижний палеолит, четвертый и пятый — как верхний палеолит. На рубеже прошлого и нашего столетий другой французский археолог Анри Брейль предложил выделить еще один начальный период для верхнего палеолита — ориньяк. В таком виде периодизация перешла в наш век и широко использовалась в археологии до 30-х годов. Однако ее почти одинаковая форма у Мортилье и Брейля скрывала разное содержание. У Мортилье она носила традиционно эволюционистский характер, и отдельные периоды вырастали один из другого; Брейль ввел принцип миграции, и в его схеме отдельные периоды ставились в зависимость от появления новых групп людей. Вопрос о месте формирования этих групп людей и их культуры, казалось бы, естественный при таком взгляде на вещи, либо совсем не ставился, либо ставился лишь в самой общей форме: технологические традиции, характерные для каждого периода, приносились в Европу откуда-то извне.

Легко понять, что параллельно с разработкой общих вопросов археологической науки шло непрерывное накопление фактического материала: поиски следов каменного века шли во всех странах, раскапывались пещерные стоянки, раскапывались случайно обнаруженные открытые стоянки; после длительной дискуссии на рубеже веков было признано подлинным ранее открытое палеолитическое искусство и началось его интенсивное исследование; следы деятельности палеолитического человека были обнаружены в удаленных районах Старого Света; складывались национальные кадры археологов. Одним словом, первобытная археология стала самостоятельной научной дисциплиной, пытавшейся в соответствии с заветами Буше де Перта не только решать свои собственные профессиональные задачи классификации и типологии археологических материалов, но и реконструировать социальную среду и духовную жизнь древних коллективов, т. е. решать те же задачи, которые решала и этнография. Но если последней не хватало, как уже упоминалось, хронологической ретроспективы и глубины, то первая была очень не уверена в своих реконструкциях общества в целом и не могла обойтись без этнографии. Но обе эти науки, изучая человеческую деятельность и культуру, а также ее следы в прошлом и пытаясь реконструировать по ним целостное общество в эпоху первобытности, не включали в круг своих занятий самого человека, его биологию и изменения его биологического типа во времени. Между тем в этой области были сделаны многие открытия, чрезвычайно важные для первобытной истории, и самое главное — система мышления, впервые в достаточно полном виде созданная в сфере познания органического мира, оказала огромное влияние на другие области знания, в том числе и на ту область гуманитарного знания, какой является история первобытного общества.

Создатель эволюционной теории англичанин Чарлз Дарвин, изложивший ее в печати в 1859 г., в силу ряда исторических и личных причин не коснулся в своем основном труде «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь» проблемы происхождения человека, но основная направленность его книги была ясна любому непредубежденному читателю: человек должен был произойти в силу тех же естественных закономерностей,

в силу которых произошли и все другие живые организмы Швейцарец Карл Фогт в 1862 г и англичанин Томас Гексли, бывший большим другом и верным соратником Дарвина в борьбе за эволюционную теорию, в 1863 г. выступили с обоснованием эволюционной теории происхождения человека, показав его анатомическое сходство с человекообразными обезьянами и распространив на него эволюционный принцип формирования на основе более низкоорганизованных форм. К этому времени уже были сделаны две первые находки неандертальского человека, их примитивность по сравнению с черепами современных людей бросалась в глаза уже первым исследователям, они справедливо рассматривались как промежуточное звено, как доказательство того, что современному развитому человеку предшествовал человек, морфологически более примитивный. Сам Дарвин обратился к теме происхождения человека лишь в 1871 г. и посвятил ей книгу «Происхождение человека и половой отбор», в которой значительно расширил и обогатил аргументацию своих предшественников; но опубликованные уже в наше время его «Записные книжки» показывают, что проблему эту он начал разрабатывать еще в конце 30-х годов, и вся система его взглядов на происхождение человека сложилась в то время.

Большой резонанс в понимании начальных шагов превращения человека из обезьянообразных форм имела теоретическая деятельность немецкого зоолога и морфолога Эрнста Геккеля, предсказавшего, что в начале антропогенеза стояла какая-то промежуточная очень примитивная форма, и попытавшегося реконструировать ее основные морфологические особенности. Данное ей название «питекантроп — обезьяночеловек» привилось в науке и используется до сих пор. Однако само по себе теоретическое прозрение Геккеля осталось бы мало значащим эпизодом, если бы оно не нашло фактического подтверждения в самом конце XIX в., когда остатки такой формы были найдены на Яве голландским врачом Евгением Дюбуа. При всех дискуссиях, которые возникли вокруг этой находки, уже через несколько лет после ее открытия было осознано ее исключительное эволюционное значение как промежуточного звена, демонстрирующего наиболее ранний этап антропогенеза, предшествующий времени существования неандертальского человека. В полном соответствии с эволюционной теорией процесс антропогенеза также развивался в на-

правлении замещения морфологически примитивных форм более прогрессивными, т. е. в направлении утери обезьяньих признаков и накоплении человеческих.

Однако, пожалуй, наиболее сильное влияние эволюционное учение Дарвина оказало именно на стиль мышления и характер интерпретации материалов, истолкование общественных структур и характера протекания исторического процесса в первобытную эпоху. В истории ее изучения немалую роль сыграла так называемая эволюционная школа, созданная, по преимуществу, английским этнографом Эдуардом Тайлором и имевшая многочисленных последователей. Традиционно она считается эволюционной школой в этнографии, но на деле все или почти все исследования самого Тайлора были сконцентрированы в области историко-первобытных реконструкций. В известной мере эволюционистские представления явились синтезом всего того, что было достигнуто наукой XIX в. в рамках позитивистского материалистического мировоззрения, и, прежде чем закончить изложение истории изучения первобытного общества, необходимо на них остановиться.

Что было характерно для этих взглядов? Исключительная вера в прогресс, рассмотрение исторического процесса как процесса последовательного перехода от простого к сложному. При подобном взгляде на историю логично отказаться от взгляда на современные отсталые народы как на выродившихся «дикарей», вера в прогрессивное развитие человечества автоматически исключает такую точку зрения. Безусловно, в этом проявился гуманизм сторонников эволюционного подхода, хотя позже вульгарное истолкование теории Дарвина в социал-дарвинистском духе, т. е. перенесение естественнонаучных закономерностей на исторический процесс, принесло большой вред исторической науке. Но эволюционная школа, прежде всего сам Тайлор, навязывали истории хозяйственной деятельности человечества и динамике общественных форм прямолинейность, последовательный переход от простого к сложному в качестве единственной формы развития превращал реально существующую многолинейную эволюцию с тупиками развития и попятным движением в однолинейную и монотонную с движением лишь по восходящей линии. Здесь сказались мировоззренческая ограниченность и недостаточная методическая эффективность. В то же время было бы несправедливо забыть, что Тайлор ввел

в науку новый методический принцип — метод пережитков, т. е. изучение явлений в культуре, которые ретроспективно могут быть связаны с предшествующим историческим состоянием человечества, в интересующем нас случае — с первобытным обществом. На основе пережитков в современных обществах можно реконструировать социальные структуры и отношения в первобытном обществе, и Тайлор сам неоднократно показал удачные примеры таких реконструкций.

Как все это выглядело в практическом изложении, можно увидеть в двух крупнейших трудах Тайлора — книгах «Первобытная культура» (1871) и «Антропология» (1881). Материальная культура, общественные институты и народные верования подразделены в них на составляющие элементы (например, лук, плетение, керамика — в первом случае, жертвоприношения, мифы о явлениях природы — в последнем), и история каждого элемента рассмотрена независимо от всех остальных; в начале располагаются наиболее простые по форме и проявлению ряды этих элементов, в конце — наиболее сложные. Был использован колоссальный этнографический материал, представлявший народы всех континентов, но независимые ряды отдельных явлений и элементов культуры, которые построил Тайлор, выглядели все же достаточно безжизненными, так как, во-первых, они были очень геометричны, слишком стройны, чтобы в них можно было поверить, во-вторых, они даже многими современниками Тайлора воспринимались как малоисторичные или даже внеисторичные, не отражающие реальной динамики явлений. С точки зрения психологии научного творчества любопытно, что Тайлор, видимо, сам увидел ограниченность эволюционного подхода: после появления своих двух книг он практически ничего больше не напечатал, хотя и прожил еще почти 40 лет. Но эволюционная школа имела отдельных крупных последователей и позже и перешла в наше столетие. Однако все эти последователи вошли в историю изучения первобытного общества многими своими конкретными исследованиями, а не теоретическими разработками — их теоретические взгляды носили традиционный характер и, безусловно, пережили свое время.

Разработка марксистской концепции истории первобытного общества. Создание историко-материалистической трактовки процесса развития человеческого общества потребовало от Карла Маркса и Фридриха Энгель-

са освоения огромной исторической информации, которое сопровождало всю их научную работу на протяжении жизни. Параллельно с развитием их взглядов и накоплением исторических знаний о первобытном обществе шло и формирование концепции первобытности, которое у Маркса было связано преимущественно с проникновением в сущность экономических отношений в докапиталистических обществах, а у Энгельса — с изначальным интересом к первобытности и общим проблемам диалектического развития мироздания. Некоторые исследователи взглядов Маркса и Энгельса на первобытность выделяют три периода в истории формирования этих взглядов: 40-е годы — работа над «Немецкой идеологией», которую они создавали как первый опыт формулирования основных положений диалектического и исторического материализма и которая осталась неопубликованной; 50—60-е годы — исследование Марксом в связи с подготовкой «Капитала» ранних форм общины, которое опиралось не только на существующую тогда историческую традицию, но и на большой этнографический материал; 70—80-е годы — специальная разработка Энгельсом вопросов истории первобытного общества и происхождения человека, причем последнее было тесно связано с подготовкой «Диалектики природы». Однако в контексте общей историографии первобытности наибольшее значение приобретает не рассмотрение динамики взглядов Маркса и Энгельса по всем связанным с первобытным обществом вопросам, а характеристика их вклада в эмпирическое и теоретическое изучение антропогенеза и становления человеческого общества. Поэтому дальше эта характеристика будет проведена систематически и выделены три проблемы, в понимание которых внесены идеи и разработки, сохранившие свое значение до настоящего времени. Эти проблемы — факторы очеловечивания в процессе антропогенеза, периодизация истории первобытного общества, первобытное общество как особый начальный этап истории, образовавший зародыш будущего коммунистического общества.

Концепция, изложенная в подготовительной главе к «Диалектике природы», озаглавленной «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», представляет собою редкий пример небольшой по объему теоретической разработки, сохраняющей полную актуальность более чем через столетие. После своей публи-

кации она предопределила характер интерпретации в первобытной археологии и палеоантропологии и получила развитие в ряде фундаментальных исследований. Преимущественно они написаны советскими специалистами и учеными ГДР, но в последние десятилетия фактор, положенный Энгельсом в основу развития в антропогенезе,— фактор труда все более осознается как ведущий с самых первых шагов формирования древнейших людей в западноевропейской и особенно американской литературе. Принципиально новым в концепции Энгельса было то обстоятельство, что в противовес фигурировавшим ранее естественно-историческим факторам происхождения человека, эвристическая сила которых была явно недостаточна, так как многие крупные ученые и мыслители прошлого века интуитивно понимали своеобразие процессов антропогенеза и становления общества и их отличие от процессов в органическом мире, был открыт и убедительно аргументирован в своем действии социально-исторический фактор и этим продемонстрирован с самого начала социальный характер человеческой истории, а следовательно, и ее начала — первобытной истории. Интегрирующее влияние социально-исторического фактора, составляющего краеугольный камень человеческой деятельности вообще, предопределило все стороны развития как биологических особенностей древнейших и древних людей, так и их социальных отношений.

Разработка периодизации, предложенной в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изданной в 1884 г., неоднократно служила предметом рассмотрения и вызывала серьезные дискуссии. С одной стороны, было опубликовано немало сугубо апологетических работ, в которых эта периодизация объявлялась принципиально новым вкладом в науку, и с нее начался якобы подлинно марксистский период в первобытной историографии. С другой стороны, несправедливо по отношению к наследию выдающегося мыслителя приписывать ему сделанное другими и не видеть, что Энгельс, в сущности говоря, повторил периодизацию, предложенную еще Фергюссоном и обогащенную конкретными историческими и этнографическими материалами Морганом, т. е. принял их деление первобытной истории на эпохи дикости, варварства и цивилизации. Энгельс значительно полнее и глубже, чем Морган, охарактеризовал социально-экономи-

ческие и хозяйственные аспекты динамики первобытных коллективов, но принципиальная схема осталась без изменений. Принял он и введенную Морганом стадию военной демократии на рубеже эпох варварства и цивилизации, подразумевавшую политическое господство племенных вождей, хотя и высказал по поводу этой идеи несколько критических замечаний. Морган предложил эту стадию как всеобщую, экстраполируя на мировой исторический процесс в основном свои собственные наблюдения над североамериканскими индейцами, Энгельс признавал ее более ограниченное значение. Так или иначе периодизация Энгельса углубляла и фундировала схему Фергюссона — Морганову, но она продолжала, а не принципиально изменяла ее.

Гораздо более фундаментальной и новаторской была попытка увидеть место первобытного общества в общей панораме человеческой истории. Маркс, начиная с «Немецкой идеологии», неоднократно возвращался к этой теме, в соответствии со своим обычным методом подходя к ней с разных сторон. Первобытная, или архаическая, формация кардинально отличалась от всех других формаций в истории человечества отсутствием частной собственности и как следствие этого отсутствием предпосылок к эксплуатации человека человеком. В этом не только ее коренное отличие от других формаций, но и противопоставление им, она полярна всему остальному, происшедшему в ходе исторического процесса. Именно поэтому Маркс предложил называть ее первичной, а остальные формации вторичными. Этим подчеркивался ее изначально генетический характер, ее первичность по отношению к другим формациям и то обстоятельство, что она в зародыше содержала в себе предпосылки и истоки всего дальнейшего развития. С этой точки зрения использование терминов «доистория» или «предыстория» выглядит не только возможным, против чего неоднократно возражали многие советские историки, но и теоретически оправданным. Более того, в соответствии со всей логикой диалектического и исторического материализма явление в становлении — не то же самое, что уже сложившееся явление, и человеческая история не составляет в этом отношении исключения.

Наконец, теоретически чрезвычайно важным является сравнение первобытного общества с коммунистическим обществом будущего, в котором будут преодолены

противоречия уже осуществившегося исторического процесса — классовая борьба и эксплуатация одной личности другой и одного класса другим. В коммунистическом обществе будущего Маркс видел реализацию, естественно, на гораздо более высоком техническом уровне, многих институтов, типичных для первобытной, или первичной, историко-экономической формации — общественной собственности на средства производства, коллективных форм жизни, отсутствия эксплуатации, гармонизации общественных отношений, гармонизации отношений личности и коллектива. Коммунистическое общество поэтому представляет собою не продолжение развития антагонистических обществ, а отрицание этого развития, оно есть во многих отношениях высшая ступень того, что заложено в первичной неантагонистической формации.

Говоря о судьбе историко-материалистического понимания истории первобытного общества, нельзя не пожалеть, что многое в творческом наследии Маркса и Энгельса осталось не опубликованным при их жизни и поэтому не оказало того влияния на разработку первобытной проблематики, которое могло бы оказать. Таковы произведения «Немецкая идеология», «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и ряд других. Но дело не только в этом — марксизм с трудом пробивал себе дорогу, и резонанс и воздействие историко-материалистической идеологии гораздо острее ощущаются в близких к современности или современных исследованиях, чем в работах конца XIX — начала XX столетий. Нельзя не отметить, что в XIX в. идеи Маркса и Энгельса нашли наибольшее отражение в русской науке о первобытности, выдвинув двух выдающихся ее представителей, объединенных до некоторой степени общностью подхода к трактовке динамики первобытного общества. Он заключался в выдвигании на первый план сугубо материальных и производственных факторов этой динамики. Первый из них — Николай Иванович Зибер, автор замечательной для своего времени книги «Очерки первобытной экономической культуры», вышедшей в 1883 г. В ней сделана, пожалуй, первая в истории изучения первобытности попытка реконструкции производственных отношений в первобытном обществе. Отношения эти рассмотрены в динамике, на основе обобщения широкого по географии и хронологии этнографического материала продемонстрирован коллектив-

ный характер производственных отношений и хозяйственной деятельности в целом. Зибер писал о стадном характере отношений у древнейших людей, развитие общины подразделял на два этапа — родовой общины и территориальной, этим он во многом предвосхитил последующие попытки периодизации истории первобытного общества. Другим пропагандистом марксизма в области истории первобытного общества был Максим Максимович Ковалевский, который, правда, принадлежит не только русской науке, — он долго жил в Европе, и многие его работы были впервые изданы за рубежом. Если Зибер практически всю жизнь разрабатывал комплекс вопросов, нашедших отражение в его основном труде, то Ковалевский был исключительно плодовитым и разносторонним автором — ему принадлежат фундаментальные исследования родовых и семейных отношений на Кавказе, общинного землевладения, общественных институтов средневековой Европы, отношений собственности и многих других социально-экономических и общественно-политических явлений. В сфере первобытности его больше всего интересовала историческая смена общинных норм, в частности, он показал универсальное распространение семейной общины и много сделал для дальнейшего обоснования всеобщности материнской формы родовой организации. Ковалевский был знаком и с Марксом, и с Энгельсом, обсуждал с ними многие серьезные вопросы, и ряд его работ получил их высокую оценку.

Развитие первобытной археологии и палеоантропологии в XX в. Нетрудно заметить, что на протяжении предшествующего столетия было исключительно много сделано в области реконструкции социальных норм первобытного общества с помощью разнообразного сопоставления и анализа этнографических данных. Сравнительно-типологический метод продемонстрировал при этом все свои сильные стороны, но и показал свою органическую слабость — отсутствие хронологической ретроспективы. Эта слабость могла бы быть откорректирована с помощью сравнительно-исторического метода, но как раз для его применения и не было накоплено достаточных фактических оснований: таким основанием являются результаты археологических исследований, а они, как мы убедились, были более чем скромны на протяжении XIX в. От успехов археологии зависят и палеоантропологические открытия, также немногочисленные и

фрагментарные в то время. Кроме того, прогресс изучения, скажем, каменного века тесно связан с уточнением палеогеографической обстановки, в которой жили древнейшие люди, а это, в свою очередь, требует развития четвертичной геологии, палеонтологии и палеоботаники четвертичного периода, палеоклиматологии, одним словом, интенсификации исследовательской работы по всему комплексу естественнонаучных дисциплин, на основе которых производится палеогеографическая реконструкция. По сути дела, переход от XIX столетия к XX и состоял в полном осознании этого факта и вытекающем из него стремлении расширить базу фактов, опираясь на которые, можно было бы судить о первобытном прошлом не умозрительно, а конкретно-исторически.

После того как стало очевидным, что первобытные люди широко использовали пещеры как места обитания, начался интенсивный поиск пещерных стоянок палеолитических людей в Европе, и особенно во Франции, где они действительно были обнаружены в большом количестве и где в них были найдены не только погребения, но и огромный по разнообразию и количеству каменный материал, предметы из кости, образцы искусства. Все это значительно расширяло исследовательский кругозор и позволяло с помощью археологических материалов подойти к рассмотрению таких конкретных вопросов, о которых археологи и историки первобытного общества в прошлом веке не могли и мечтать. Симптоматичен в этом отношении труд испанского археолога Гуго Обермайера «Доисторический человек», вышедший в 1907 г. и переведенный затем на основные европейские языки, в том числе и на русский. Обермайер обобщил и критически проанализировал все находившиеся в распоряжении науки данные по археологии и палеоантропологии палеолитического и мезолитического времени, и из его книги видно, как уже много накопилось этих данных в итоге раскопок, проводившихся во многих европейских странах, как разнообразны формы культуры, оставленные древними людьми, и какого высокого технологического и культурного уровня достигло развитие человечества уже к концу палеолитической эпохи. Возможно, книга Обермайера и была переведена на разные языки не только потому, что она была полной сводкой информации для своего времени, но и демонстрировала внушительные успехи доисторической археологии. Вместе с Обермайером кроме ряда более мелких фигур работал

упомянутый выше Брейль, посвятивший основные свои усилия изучению наскальной живописи и мелкой костяной пластики эпохи палеолита и значительно расширивший наши знания в этой области.

Не отставали от накопления знаний о палеолите и исследования эпохи неолита и ее значения в истории человечества. В отличие от довольно монотонных памятников эпохи палеолита, которые говорили о более или менее однородной технике обработки камня палеолитическими людьми, неолитические памятники разных территорий демонстрировали с самого начала поражающее разнообразие культурных традиций, выражавшееся и в типе жилых строений, и в характере поселений, и в формах хозяйственного и бытового инвентаря. Стало очевидно, что неолитический человек изобрел керамику и мелкий рогатый скот, овладел навыками земледелия. Все это знаменовало большой прогресс в развитии производительных сил, и само разнообразие неолитических памятников позволяло истолковывать его как свидетельство того, что первобытное человечество поднялось на тот уровень технологического и духовного прогресса, на котором культурные изменения приобрели многолинейный характер. В описании общего прогресса археологического знания нет нужды останавливаться на первых очень несовершенных попытках интерпретировать те или иные выделенные неолитические культуры в этническом плане, желании увидеть в носителях этих культур, скажем, древних германцев или древних семитов; мы будем говорить лишь о крупных достижениях, оставшихся в истории науки. К их числу относится концепция неолитической революции, сформулированная в конце 30-х годов английским археологом Гордоном Чайлдом. Крупные его работы, посвященные описанию неолитических памятников разных районов, стали появляться еще с конца 20-х годов, но Чайлд опирался не только на них, он обобщил огромный материал, собранный его предшественниками и современниками. Неолитическая революция рассматривалась им как первый значительный скачок в развитии производительных сил общества, при котором произошло оснащение человечества многими технологическими достижениями и который повлиял на все стороны жизни неолитических популяций, включая рост их численности и духовный прогресс. Эта концепция получила практически повсеместное распространение, обсуждалась и развивалась

почти всеми крупными специалистами в области археологии неолита и до сих пор сохраняет значение действенной системы взглядов, тем более что она получила многостороннее подтверждение в предшествующих исследованиях.

В ходе археологических раскопок были открыты погребения не только неандертальского человека, но и верхнепалеолитических людей. Естественно, их костные остатки привлекли внимание палеоантропологов, опубликовавших большое число работ с описанием отдельных форм, а также ряд сравнительно-морфологических исследований. В итоге чисто фактическая информация возросла примерно в 3—4 раза по сравнению с концом XIX в. Но не менее важны, чем рост фактических знаний, были кардинальные события, перестраивавшие саму науку об ископаемом человеке, расширявшие ее границы и открывавшие перед ней новые горизонты в первой трети XX в. К числу таких событий следует отнести открытие первых остатков австралопитеков в Южной Африке в 1924 г., открытие костных остатков синантропов в Китае в 1927 г., морфологическую дефиницию человека неандертальского вида в первом десятилетии века и обоснование неандертальской фазы в эволюции современного человека в 1927 г. Первым хронологически из этих событий было обоснование морфологически четких отличий неандертальского человека от современного и выделение неандертальского вида в составе древних людей. Оно связано в первую очередь с серией исследований немецкого анатома и морфолога Густава Швальбе, который провел тщательное сравнение вариаций неандертальского черепа из Неандерталья близ Дюссельдорфа, найденного в 1856 г. и упомянутого выше, с аналогичными вариациями черепа современного человека, показал их типологический характер и предложил в 1907 г. в качестве видового наименования называть неандертальского человека человеком примитивным. Сначала оба эти видовые наименования фигурировали в литературе как более или менее равноправные, но затем первое из них победило и теперь может считаться общепринятым. Во вторую очередь обоснование морфологической специфики неандертальского вида обязано своим утверждением французскому палеонтологу и антропологу Марселену Булю, опубликовавшему в 1912 г. тщательное описание наиболее полно сохранившегося скелета из пещеры

Буффия близ местечка Шapelль-о-Сен во Франции. Таким образом, после этих работ морфологическое своеобразие неандертальского человека не только стало полностью доказанным научным фактом, но и получило таксономическое обозначение, неандерталец с полным правом вошел в число других палеонтологических видов вымерших млекопитающих.

Историческая судьба и генетические формы неандертальского человека оставались тем не менее предметом дискуссии. Морфологические отличия его от современного человека были несомненно значительны, и на этом основании складывалось впечатление, что неандерталец не мог быть предковым видом по отношению к современному человеку, неандертальские популяции составляли основное население Европы в эпоху среднего палеолита — в эпоху мустьерской культуры, а современный человек появился в Европе позже, в эпоху верхнего палеолита, откуда-то с востока, из Азии, и преемственно не связан с неандертальцем. Подобная концепция прошла через многие работы и оставалась живучей до конца 30-х годов, хотя в 1927 г. американский антрополог Алеш Хрдличка сформулировал иной подход, более точно отражающий реальное состояние дел. Этот подход им самим был назван гипотезой неандертальской фазы в эволюции современного человека и опирался на хронологические, географические и морфологические соображения. Хронологически все неандертальские находки древнее современных, распространены они очень широко (кстати сказать, последующие открытия распространили их по всем материкам Старого Света), морфологически между неандертальцем и современным человеком есть ряд переходных форм. Таким образом, Хрдличка утверждал непрерывную преемственность в эволюции современного человека, и его взгляды объективно смыкались с представлениями о непрерывном и прогрессивном развитии человеческой культуры. Однако, нужно сказать, что и противоположные взгляды, хотя и в модифицированной форме, оказались живучи и продолжают защищаться до сих пор в виде гипотезы пресапиенса *, в соответствии с которой современный человек ведет свое начало в самой Европе от каких-то синхронных с неандертальцами форм, морфологически более прогрессивных.

Упомянутые выше находки также сыграли принципиальную роль в истории изучения ископаемого челове-

ка, так как одна из них раздвинула хронологические границы антропогенеза, а другая показала широкое распространение морфологически более примитивных, чем неандертальцы, форм по ойкумене. Детский череп, найденный в Тонгсе в Южной Африке в 1924 г. и описанный англичанином Раймондом Дартом, показал, что до питекантропа существовали еще более примитивные переходные формы, уже более продвинутые в эволюционном отношении, чем человекообразные обезьяны, но еще не достигшие уровня развития питекантропов. В 30-е годы открытие костных остатков представителей этой группы было продолжено, они получили наименование австралопитеков и заняли место первой морфологической ступени в процессе перестройки морфологии обезьяньих предков человека в морфологию современных людей. Остатки синантропов, описанные сначала английским палеонтологом Давидсоном Блэком, а затем более полно немецким анатомом Францем Вайденрайхом, в силу своей многочисленности дали возможность гораздо более полно представить морфологию ископаемых людей стадии питекантропов (морфологически они несколько более прогрессивны, чем питекантропы Явы) и ставить многие вопросы эволюции древнейших людей: о продолжительности жизни, болезнях, нашедших отражение в изменениях скелета, соотношении полов, детской смертности и т. д.

Развитие археологического и палеоантропологического знаний не могло не вызвать к жизни стремления к их обобщению и формулировке каких-то общих гипотез, которые охватывали бы динамику человека и его культуры в целом в рамках первобытности. На разных языках вышли книги, в задачи которых входило систематическое изложение информации об ископаемых людях, археологии палеолита, о неолитических памятниках и памятниках эпохи бронзы в Европе (сколько-нибудь систематическое описание этих памятников на других материках и сейчас не может считаться достаточным). Но практически ни одна из них не могла претендовать на полный охват разнообразного материала и освещение всех узловых проблем истории первобытного общества на базе археологических и палеоантропологических данных. Исключение составляла вышедшая в 1938 г. книга Петра Петровича Ефименко «Первобытное общество» (к сожалению, не переведенная на европейские языки и оставшаяся поэтому неизвестной зарубежному читате-

лю), имевшая и достаточно внушительную фактическую оснащенность и теоретическую направленность на реконструкцию основных этапов развития первобытных человеческих коллективов. Ефименко довольно широко, хотя и выборочно, привлек этнографический материал, используя его под вполне определенным углом зрения — сопоставления этнографически описанных обществ с теми или иными этапами или стадиями в развитии первобытного общества.

Если говорить о концептуальной стороне дела, то в его книге нашла последовательное воплощение широко распространенная в те годы в советской литературе теория стадияльного развития первобытного общества, в соответствии с которой оно прошло ряд стадий, на каждой из которых происходило последовательное усложнение социальной организации, имели место технологический прогресс и эволюция физического типа, в пределах каждой стадии совпадали этапы развития орудий труда и физической эволюции самого человека. Разумеется, подобный подход впитал в себя многие конкретные достижения и теоретические разработки советских археологов и палеоантропологов, базировавшихся на марксистском мировоззрении и желавших использовать философию исторического материализма в своих исследованиях, но много в нем было и от традиционного эволюционизма, и особенно он отражался в жесткой привязке друг к другу культурных и биологических изменений в истории человечества. Стадии питекантропов соответствовала нижнепалеолитическая индустрия, шелль и ашель, стадии неандертальцев — среднепалеолитическая, поздний ашель и мустье, вместе с появлением человека современного типа появилась верхнепалеолитическая индустрия, возник родовой строй сначала в материнской, а затем в отцовской форме, возникло искусство. С переходом к неолиту возникло земледелие и скотоводство (собака, похоже, была приручена раньше, в конце верхнепалеолитического времени), была изобретена керамика. При этом не только молчаливо допускалось, но и специально подчеркивалось, что эта линия развития была единственной и всеобщей, через все эти этапы прошло без каких-либо исключений население разных районов земного шара.

Интересным теоретическим достижением тех лет была попытка философского осмысления процесса становления человеческого общества, в процессе которой

было предложено рассматривать выделение человека из животного мира как скачок, перерыв постепенности как образование нового качества на базе предшествующих количественных изменений. Другой скачок в соответствии с этой концепцией имел место при окончании процесса становления человека и общества, т. е. при появлении человека современного вида. Второй скачок был таким же перерывом постепенности в философском смысле слова, по своему масштабу значительно меньшим, чем предыдущий. Иными словами, в первом случае речь шла о становлении человеческой сущности в целом, в широком смысле слова, во втором — о становлении уже сложившейся человеческой сущности. Концепция эта была выдвинута советскими философами и доведена до уровня конкретизации советским антропологом Яковом Яковлевичем Рогинским, который неоднократно возвращался к ней, оттачивал формулировки и расширял базу ее фактической аргументации.

Общим для схемы Ефименко и ряда других стадийальных схем, предложенных и аргументированных преимущественно в советской литературе, было игнорирование исключительного локального многообразия исторического процесса, что имело право на существование еще даже и в первой трети нашего столетия из-за скудости фактических данных и неясности критериев, с помощью которых можно было отделить случайные вариации от локально-типологических. Но археологический материал постоянно накапливался, в орбиту внимания европейской науки входили памятники на Азиатском и Африканском материках, в процессе ознакомления с новыми данными все более становилось ясным, что локальное своеобразие в развитии человеческой культуры проявляло себя чуть ли не с самых ранних шагов ее становления. В качестве первой реакции на это, а также на первоначальные монотонные схемы стадийального развития можно назвать книгу американского археолога Халлама Мовиуса «Ранний человек и плейстоценовая стратиграфия в Южной и Восточной Азии», вышедшую в 1944 г. Он пытался показать различия в каменном инвентаре нижнепалеолитического времени на западе и на востоке Старого Света и полагал, что контакт этих двух относительно независимых ареалов имел место в Индии. Попытка Мовиуса не осталась без возражений, но вне зависимости от направленных против нее критических замечаний она на долгие годы предопределила

направление научных поисков, так как именно после появления книги Мовиуса специалисты стали обращать внимание больше на различия, чем на сходство. Встал вопрос о времени появления и характере локальных различий в материальной культуре, в разработку которого большой вклад внесли русские археологи Сергей Николаевич Замятнин и Александр Александрович Формозов. Первый в 1951 г. выступил с критикой концепции Мовиуса, указав на ее слабые места и на ее фактическую бездоказательность, хотя позже она и получила дополнительную фактическую поддержку. По мнению Замятнина, локальные различия в материальной культуре появляются лишь в верхнепалеолитическое время, и в это время можно выделить три громадные области в пределах первобытной ойкумены — приледниковую европейскую, средиземноморско-африканскую и сибирско-китайскую; эта схема также не встретила полной поддержки, но была несомненным шагом вперед в разработке проблемы. Формозов также аргументировал гипотезу, в соответствии с которой четкие локальные различия проявились лишь в эпоху верхнего палеолита, и разработал локальную типологию для территории европейской части СССР.

С проблемой времени и характера локальных различий в материальной культуре древнего человечества тесно связана проблема археологической культуры, которая стала осознаваться в 50-е годы и до сих пор разрабатывается особенно интенсивно в советской литературе. Ее разработка не связана с определенными именами, ее разрабатывал и продолжает разрабатывать большой круг исследователей, каждый из которых использует в подавляющей своей части собственные оригинальные материалы, но не раз делались попытки подведения итогов, которые пока оставляли неудовлетворенность и не привели к определенным результатам. Все же эти исследования подвинули вперед истолкование того феномена, который и лег в основу понятия археологической культуры — феномена локального сочетания тех или иных вариаций в технологии обработки орудий, форме глиняной и деревянной посуды, мотивах орнамента и т. д. Само понятие таких локальных вариантов культуры возникло еще в 20-е годы в западноевропейской, особенно немецкой, литературе, но тогда эти варианты выделялись по одному какому-нибудь ведущему признаку, скажем, характеру орнамента на керамике

или полировке камня в эпоху неолита, и выделение их поэтому не могло быть достаточно эффективным. Гораздо более операционным стало понятие сочетания культурных признаков приуроченных территориально, что и является основным в выделении археологических культур. Их рассматривали под самыми разнообразными углами зрения — социально-экономическим; культурно-историческим, подразумевая под этим реализацию традиций предшествующего развития; приспособительно-экологическим, имея в виду культурную адаптацию к определенным условиям географической среды; наконец, этническим, приписывая локальному сочетанию культурных особенностей принадлежность к какой-то родоплеменной или племенной группе, иногда даже союзу племен или зарождающейся народности. Все это теснейшим образом увязывает археологическое исследование с широким кругом смежных дисциплин, наталкивает на разработку многих теоретических и эмпирических проблем культурогенеза в целом и остается очень перспективным направлением исследовательской работы.

Рубеж 50—60-х годов обозначил начало того процесса, который во многом изменил наши представления о происхождении человека, а значит, и о начале становления первобытного общества. Речь идет о выдающихся открытиях ранних предков человека сначала в Африке, а затем и на других материках, хронологически отстоящих от современности на значительно больший отрезок времени, чем ранние австралопитеки, и обозначающих гораздо более ранние фазы человеческой эволюции. Наибольшее число новых находок, которые продолжают входить в науку до сих пор, происходит из Восточной Африки — Танзании, Кении, Эфиопии, где параллельно с обнаружением и описанием находок проводится колоссальная работа по изучению поздней геологии Африканского материка, условий, геологических и палеогеографических, разных местонахождений, динамики климата и других природных факторов. Вместе с обнаружением костных остатков новых форм, чему мы обязаны в основном англичанам Луису и Мэри Лики и их сыну Ричарду Лики, были найдены и древнейшие следы человеческой деятельности — остатки конструкций, которые интерпретируются сейчас многими археологами как первичные жилища, и, что еще более важно, каменная индустрия, получившая по месту основного

местонахождения наименование олдувейской и представляющая собою наиболее примитивный и первый этап обработки камня. Все эти новейшие достижения не только значительно удревели историю эволюции самого человека, но и удревели историю его производственной деятельности, показав, что становление человеческого общества уходит во много более глубокую древность, чем предполагалось до тех пор. А все это в целом раздвинуло хронологические границы человеческой истории на один-два миллиона лет. В то же время изучение морфологии древнейших ископаемых предков человека показало, как шла эволюция на самой ранней стадии человеческой истории и конкретизировало самый ранний этап перехода от обезьяньих предков человека к первым людям.

Примерно в то же время началось интенсивное археологическое обследование древнейших человеческих поселений в Передней Азии и долине Нила, которое пролило новый свет на проблему возникновения производящего хозяйства. Скотоводство традиционно рассматривалось как более ранняя стадия, чем земледелие, раскопки показали, что эта традиционная точка зрения не соответствует действительности и что на первых порах переход к производящей экономике осуществляется в форме перехода к земледелию со стойловым содержанием небольшого числа прирученных животных. Но еще более разительным оказался возраст производящей экономики: древнейшие находки окультуренных растений и одомашненных животных относятся к IX—X тысячелетиям до н. э., т. е. практически к самому концу верхнепалеолитического времени и началу мезолита. Очаги возникновения производящего хозяйства в Средиземноморье и Средней Азии развились, как это также выяснилось в процессе конкретных раскопок, под влиянием переднеазиатских импульсов, но в бассейне рек Хуанхэ и Янцзы, а также в Юго-Восточной Азии складывались самостоятельные центры перехода к производящей экономике. Исследование сортового богатства современных культурных растений и многообразия пород домашних животных, осуществленное во многих странах, а в СССР производившееся Николаем Ивановичем Вавиловым и коллективом его сотрудников и последователей, позволило вскрыть генетические корни культурной флоры и фауны и реконструировать, в пределах каких конкретно территорий те или иные растения

и животные были введены в культуру. А это, в свою очередь, привело к возможности восстановить, какой набор видов использовался в хозяйстве тех или иных коллективов, как и в какой последовательности осуществлялись севообороты, т. е. каковы были системы земледелия и землепользования, в какой мере использовалось искусственное орошение и каковы были его формы, наконец, как осуществлялся выпас скота. На основе этих данных все большее место в современной археологической литературе занимают разнообразные расчеты освоенных хозяйственных площадей, урожаев, доступных древним коллективам объемов пищевых продуктов, вообще моделирование хозяйственной деятельности. Некоторые археологи называют это направление исследований палеоэкономикой, но вне зависимости от названия речь, действительно, идет об очень глубоком проникновении в формы хозяйственной деятельности, чего мы были лишены еще два-три десятилетия тому назад.

В современной археологии в разных странах возникли различные научные течения — аналитическая археология, этноархеология и т. д., но они имеют малое отношение к реконструкции истории первобытного общества. Гораздо более важно сейчас упомянуть о тех конкретных исследованиях, которые помогают нам понять многообразие форм технического прогресса до образования классов и появления государства. В Передней Азии были открыты заведомо неолитические памятники, но без керамики, т. е. бескерамический неолит. Его примерная датировка — VIII—VII тысячелетия до н. э. В то же время на Японских островах керамика происходит из слоев, относящихся к X тысячелетию до н. э. Геологами-четвертичниками и палеогеографами было много сделано для восстановления очертаний материков и существовавших между ними сухопутных мостов, наличие которых во многом помогает восстановить картину расселения древнейшего человечества из Старого Света. Так были восстановлены основные события заселения Америки из Азии через древнюю Берингию, заселения Австралии, Новой Гвинеи и Тасмании из Юго-Восточной Азии по системе мостов, связывавших Большие Зондские острова. Наконец, громадной важности событием стало применение в 50-е годы геофизических методов в археологии, что в последующем дало возможность получить абсолютные даты для всех отрезков первобытной истории.

Историко-этнографическая реконструкция первобытного прошлого в XX в. Этнографическая наука развивалась в XX в. не менее интенсивно, чем первобытная археология и палеоантропология. В дополнение к тому, что уже знала наука XIX в., был собран и частично интерпретирован громадный запас новых фактов об обществах, которые в силу своей изолированности не подвергались ранее изучению. В процессе сбора этих фактов значительному усовершенствованию подверглась методика полевого этнографического исследования: была осознана роль наблюдателя и его влияние на информатора, с помощью разработки адекватных вопросов сделана успешная попытка преодоления этого влияния, собираемые данные стали много точнее, что позволило отказаться от многих скороспелых суждений предшествующей эпохи: подобные суждения отражали часто недопонимание исследователей и информаторов, проистекавшее, в частности, и за счет незнания аборигенных языков. В то же время в XX в. знание местных языков было осознано как необходимый элемент любой научной полевой этнографической работы. Таким образом, реконструкция даже тех явлений, которые были описаны раньше, базировалась на гораздо более полном фактическом фундаменте и поэтому была более точна и объективна.

Преодолевая эволюционизм этнографов прошлого и начала нашего столетия, этнографическая наука создала значительное число новых подходов и теоретических концепций. сторонники которых группировались в так называемые школы, которых было несколько в истории этнографии: диффузионистская (англичане Уильям Риверс и Графтон Эллиот-Смит, немец Фридрих Ратцель), школа культурных кругов (Фриц Гребнер, Вильгельм Шмидт), функциональная (англичанин Альфред Радклифф-Браун, работавший в Англии поляк Бронислав Малиновский), культурно-историческая (работавший в США немецкий ученый Франц Боас и его многочисленные ученики), социологическая (французские ученые Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Люсьен Леви-Брюль) и ряд других. Нет нужды здесь на них останавливаться, так как они принадлежат истории этнографии, а не истории первобытного общества, хотя в трудах представителей этих школ разбросаны ценные соображения и замечания, касающиеся динамики и происхождения многих общественных институтов. Гораздо

интереснее рассмотреть те достижения этнографической науки, которых она добилась при изучении отдельных конкретных проблем истории первобытного общества

Первой из таких проблем являлась проблема начальных форм половых отношений, установленных еще исследователями XIX в. На основании истолкования одной из систем родства можно было предположить, что ими были беспорядочные половые общения, получившие наименование промискуитета *. Бахофен постулировал эту форму половых общений, даже не касаясь вопроса о системах родства, а исходя из общих соображений, и назвал ее гетеризмом * — термином, который, однако, не привился в литературе в противовес промискуиту. Этнографическая литература при реконструкции самых ранних ступеней развития брачных отношений на протяжении многих десятилетий исходила из гипотезы промискуитета. Обстоятельной критике этой гипотезы с доказательным разбором всех случаев ее несоответствия конкретным этнографическим данным мы обязаны Александру Михайловичу Золотареву, выступившему в 30-е годы. Как полевой этнограф он работал среди народов Амура, но параллельно с полевой работой много занимался теоретическими проблемами, привлекая этнографические данные о самых разнообразных народах. Именно это широкое сопоставление систем родства у разных народов и позволило ему обосновать негативный вывод в отношении существования промискуитета как отправной точки в развитии семейно-брачных отношений. В связи с этологическим изучением приматов, особенно высших, начавшимся с применением новой техники и новых методических подходов в 60-е годы, этот вывод получил подтверждение с неожиданной стороны. Речь идет о достаточно четко выраженном у обезьян избегании половых связей между ближайшими кровными родственниками. Если отсутствие или редкие случаи полового общения между сыном и матерью можно объяснить их принадлежностью к разным поколениям, то аналогично редкие связи разных братьев и сестер не поддаются подобному объяснению, нужно думать в данном случае о каком-то другом поведенческом механизме. Так или иначе эти приматологические наблюдения укрепляют нас в правоте отрицания существования промискуитета на заре человеческой истории.

Несомненной демонстрацией интерпретационной эффективности этнографического и сравнительно-культу-

рологического подхода стало объяснение археологически установленного феномена, характерного для верхнего палеолита. Сначала в европейских, а затем в азиатских верхнепалеолитических памятниках были обнаружены реалистически выполненные женские статуэтки из камня и кости, различающиеся одна от другой многими особенностями, но имеющие в большинстве своем одну общую черту — гипертрофированное выражение вторичных половых признаков. Для объяснения этого интересного, но странного явления были предложены разные гипотезы, вплоть до предположения о том, что верхнепалеолитические люди фиксировали в этих статуэтках изредка встречавшиеся конституциональные отклонения, обязанные своим происхождением эндокринным нарушениям. Подобному объяснению противоречит, однако, то обстоятельство, что в скульптуре представлены поголовно женские изображения, тогда как эндокринные нарушения, во всяком случае подавляющая их часть, встречаются с более или менее одинаковой частотой у мужчин и женщин. Гораздо более рационально опирающееся на этнографические аналогии представление, согласно которому в статуэтках воплощены в условиях материнского родового строя образы матерей — прародительниц и хранительниц очага, что имело первостепенное значение для родовой общины и в какой-то мере цементировало ее вокруг мифологических символов, а может быть, даже и вокруг каких-то божеств конкретного пантеона. Разработка этой концепции связана с именами археологов — упоминавшегося выше Ефименко и Павла Иосифовича Борисковского, этнографа Сергея Александровича Токарева, она пользуется широким распространением в СССР и разделяется также многими зарубежными специалистами.

Пожалуй, в своих идейных истоках в какой-то мере совпадает с этой концепцией теория производственного происхождения экзогамии и дуальной организации, разработанная Сергеем Павловичем Толстовым: появление статуэток объяснялось конкретными социально-общественными мотивами, Толстов исходил из производственных отношений, производственной необходимости исключения внутригрупповых половых связей из жизни первобытных коллективов, так как они мешали производственным процессам. До сих пор не вполне ясно, в каком хронологическом соотношении находятся друг

с другом экзогамия и дуальная организация предшествовало ли возникновение экзогамии образованию дуальной организации, но Золотарев продемонстрировал широчайшее распространение дуальной организации в разных обществах и на разных этапах истории первобытного общества. Книга Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология» была написана в конце 30-х годов, хотя появилась в свет лишь в 1964 г., поэтому его можно считать не только крупной фигурой в монографическом изучении дуально-родовых отношений, в которых он выявил сложные структуры, например подразделение дуальных половин в свою очередь на дуальные части, но и пионером исследования бинарных оппозиций в знаковых системах первобытности, описание и интерпретация которых занимает столь значительное место в современной литературе о первобытном обществе.

Немалый отзвук в первобытной истории имели этнографические разработки, связанные с материальным субстратом современных этнических коллективов и его типологизацией, т. е. с типологией тех общностей, которые могут быть выделены по этнографическим данным. Ученик Боаса Кларк Уисслер в начале 20-х годов аргументировал представление о культурных ареалах, внутри которых концентрировались, по его мнению, комбинации культурных особенностей, сравнимые по своему внутреннему смыслу с теми культурными комплексами, на основании которых позже выделялись археологические культуры. Сравнивая культурные ареалы в древности с современными, Уисслер показал их несовпадение и впервые поставил этим вопрос о границах этнической интерпретации древних культурных ареалов, а также их динамики во времени. Следующим этапом было выделение культурных ареалов двух типов — соответствующих так называемым хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям. Это выделение было произведено советскими антропологами и этнографами Максимом Григорьевичем Левиным и Николаем Николаевичем Чебоксаровым в 1946 г., хотя в выделении хозяйственно-культурных типов они шли по стопам Толстова, предложившего это понятие на 17 лет раньше. Под понятием хозяйственно-культурного типа было предложено подразумевать такое сходство явлений материальной и частично духовной культуры в пределах культурного ареала, которое обязано своим происхож-

дением влиянию сходных географических условий и имеет общее происхождение, историко-этнографические области — это области, внутри которых сходство является результатом общности исторической судьбы. Несмотря на малую доказательность влияния природных условий на формирование даже материальной культуры, не говоря уже о духовной, и неопределенность понятия общности исторической судьбы, деление на хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области привилось в советской этнографической литературе, обросло дополнительными разработками, в которых немалое место заняли ретроспективные исследования о динамике хозяйственно-культурных типов во времени. Именно это направление исследовательской работы в наибольшей мере повлияло на первобытную историю, так как оно было связано с изучением ранних форм хозяйственно-культурных типов, например, охотников-собирателей и рыболовов или мотыжных земледельцев.

Этнография в своем развитии выделила две субдисциплины — экономическую и потестарно-политическую этнографию, в Западной Европе и США называемые экономической антропологией и политической антропологией. Началом экономической антропологии считается традиционно 1925 г., когда появился «Этюд о даре» Мосса, в котором сделана попытка рассмотреть экономические отношения в первобытном обществе в рамках обмена, например, обычая потлача у северо-западных индейцев Канады и частично США. Позже реконструкция экономических отношений привлекла многих исследователей, в том числе и советских, но здесь еще остается много неясного и требующего дальнейшей работы. Рождение политической антропологии многие историографы связывают с деятельностью Редклифф-Брауна, но это вряд ли справедливо: и он, и Малиновский уделяли большое внимание изучению политических структур и отношений власти, но для них все же оно не было основным. Описание политической системы и отношений власти составляет основное содержание книги англичанина Эдуарда Эванс-Притчарда о нуэрах, вышедшей в 1940 г. Собственно с этой книги и началась серия исследований об институтах власти, в том числе и политической, опубликованных на протяжении последних десятилетий. В них показано многообразие этих институтов и выявлено отношение к ним возрастных классов.

Монография Льва Евгеньевича Куббеля «Очерки постарно-политической этнографии» обобщает накопленную в этой области информацию и выдвигает ряд новых точек зрения.

Остается сказать о последней сфере этнографии, разработка которой сыграла важную роль в реконструкции истории первобытного общества — сфере изучения общественного сознания. Нужно сразу же подчеркнуть, что этой сферой не занимались специально только этнографы, она являлась всегда также областью приложения исследовательских усилий социологов, философов и искусствоведов. После работ Леви-Брюля о первобытном мышлении, которые выходили в 20—40-е годы и в которых была предпринята попытка показать алогический характер первобытного мышления и господство в нем коллективных представлений, организованных не по принципу логических переходов, а по системе так называемого сопричастия, наибольшую известность приобрели в этой теме многочисленные работы Клода Леви-Стросса, одного из наиболее последовательных французских сторонников структурализма. На заре своей научной карьеры Леви-Стросс работал в Океании, собирая полевые этнографические материалы, но дальнейшая его работа носила в основном кабинетный характер. Им предложена общая структурная схема первобытного мышления, различные комплексы культурных особенностей возникают как инварианты в этой схеме, большое место занимают в ней бинарные оппозиции. Сама схема достаточно далеко оторвана от материальной базы общества, но все же с ее помощью Леви-Строссу удалось довольно удачно изучить возникновение ряда надстроечных явлений, чем и объясняется успех его работ. Говоря об общественном сознании эпохи первобытности, нельзя обойти молчанием и то направление исследований, целью которого является выяснение уровня развития положительных знаний в разных первобытных коллективах. Очень много исследований посвящено описанию производственных навыков земледельческих и скотоводческих, соответствующей терминологии и ее социальным функциям, земледельческому календарю, системам счета. Ретроспективное проецирование этих данных осуществляется с помощью археологии, которая сама приносит большую информацию: речь идет о счете в палеолите, для восстановления его служат замкнутые совокупности повторя-

ющихся элементов орнамента. В изучении этого материала и открытии его счетных свойств особенно значительна роль американского ученого Александра Маршака и советского исследователя Бориса Алексеевича Фролова.

В заключение нельзя не сказать о той совокупности данных, которые доставляются не этнографией, а палеолингвистикой, но которые, как и палеоэтнография, способствуют реконструкции первобытной ситуации, в данном случае языковой. Палеолингвистика в лице компаративистики, т. е. восстановления древних праязыковых состояний на основании сравнения, структурного, лексического и фонетического, языков разных систем, сделала громадные успехи на протяжении XX в. Сначала индоевропейская компаративистика была разработана до такого уровня, что он позволил получить систему индоевропейского праязыка и его диалектов, а также заглянуть в картину их прежнего расселения и предложить правдоподобные гипотезы прародины индоевропейцев — громадная научная задача, подступ к которой обозначился в конце 20-х годов, но которая продолжает обогащаться побочными результатами до сих пор. Сама проблема ареального распространения системы диалектов индоевропейского праязыка была сформулирована французским лингвистом Антуаном Мейе, и его можно считать предтечей и даже родоначальником современного этапа в развитии индоевропейской лингвистической теории. Уже эта область языкознания, реконструктивная работа внутри которой уходит хронологически до IV тысячелетия до н. э., ярко продемонстрировала этногенетические возможности лингвистических данных, исключительно важных при всех историко-этнологических сопоставлениях. Несколько прежде, чем индоевропейское языкознание, развивалось сравнительно-историческое изучение других языковых семей, также достигшее впечатляющих успехов. В итоге на базе палеолингвистических реконструкций, корректируемых лингвистическим исследованием древних письменных памятников, мы получили к настоящему времени достаточно правдоподобную картину распространения языков разных языковых семей в пределах Старого Света в III—IV тысячелетиях до н. э. К сожалению, африканское языкознание, как и сравнительно-лингвистическое изучение языков коренного населения Африки, развито гораздо менее значительно, многие возможности, свя-

занные с языками американских индейцев, безвозвратно потеряны, и в этих сферах сравнительно-исторического языкознания трудно ожидать безоговорочных успехов.

Совершенно естественно, что исследовательская мысль не могла ограничиться хронологическим рубежом на 6 тыс. лет от современности и стремилась постоянно проникнуть в более глубокое языковое прошлое. Такую попытку, малообоснованную фактически, но смелую по замыслу и идейно целеустремленную, предпринял русский востоковед, лингвист и филолог Николай Яковлевич Марр в конце 20-х — начале 30-х годов. В соответствии с гипотезой Марра, все языки мира развились из четырех звуковых элементов, на основе которых позже в ходе исторического развития образовалось все лексическое и фонетическое многообразие современного этапа языкотворчества. Эта гипотеза развивалась его учениками и последователями до начала 50-х годов. Гипотеза Марра производит странное впечатление, многие современные лингвисты называют ее даже, очевидно, не без оснований, фантастической, но она представляла собою стремление прорыва в неизвестность, фантазия, действительно, восполняла в ней недостаток фактов. Гипотеза призывала к дальнейшему поиску и отказу от привычных представлений. Сродни Марру по своим установкам был американский лингвист Морис Сводеш, также исходивший из единства глоттогонического процесса и на этом основании постулировавший родство далеких структурно и географически языков, например атапаскского на западе Северной Америки и уральских в Западной и Южной Сибири. Ему же принадлежит и система первой языковой хронологии, опирающаяся на лексикостатистику, т. е. на подсчет сходных слов базового словаря. После 60-х годов, на которые приходятся основные достижения Сводеша, его работы были подвергнуты критике и лишь частично принимаются современной лингвистикой, но они, безусловно, были пионерскими и открыли новые горизонты в палеолингвистических реконструкциях.

Остается упомянуть о современном состоянии этих реконструкций. Оно во многом обязано работам советского лингвиста Владислава Марковича Иллича-Свитыча конца 60-х — начала 70-х годов, продолженным его последователями. Он вскрыл общие и хронологически очень глубокие корни индоевропейских, семитских, картвельских, алтайских и уральских языков

и постулировал на этом основании существование в древности огромной по объему макросемьи, которую он назвал ностратической *, используя для этого термин, предложенный еще в начале 20-х годов. Его последователи, опираясь на реалии, отраженные в ностратической лексике, относят существование самой макросемьи к эпохе мезолита и даже верхнего палеолита. Хотя работы этого направления подвергаются критике, они успешно развиваются и, в частности, делаются попытки обосновать параллельно с существованием ностратической макросемьи других макросемей не менее широкого территориального охвата, например макросемьи, охватывающей северокавказские языки, кетский в Сибири и сино-тибетские языки и диалекты в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. В какой мере оправданы эти попытки, должно показать будущее.

ГЛАВА 2

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА: ЭПОХА ПРАОБЩИНЫ

§ 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Критерии человека. Вопрос о сущности человека, о том, что отличает его от всего живого и что противопоставляет его остальному мирозданию, т. е. в конечном счете о критериях, с помощью которых могут быть обозначены наиболее фундаментальные особенности человека, волновал мыслителей прошлого начиная с самых истоков возникновения философии и науки. Разные школы античной философии подчеркивали мыслительные функции человеческой личности, мысль и дух как основные свойства, отличающие человека от других существ. Человек представляет собою венец творения — в этом состоял смысл христианской доктрины, не уточнявшей далее, в чем же это проявляется: человек был создан богом последним в ряду других существ и после того, как было создано все сущее,— сама последовательность его возникновения говорит о его высшей сущности.

Христианское учение о человеке как о венце творения во многом предопределило отношение европейской науки к проблеме человека на долгие столетия. Философы касались этой проблемы, пытаясь на уровне умозрительного подхода вскрыть особенности человеческого мышления и процесса познания человеком природных и общественных явлений, в идеалистической философии самый примат духа над материей автоматически приводил к возвеличению человека над всей остальной природой, но и в диалектической материалистической философии особое надприродное место человека, чаще всего в угоду господствующей христианской доктрине, не подвергалось сомнению. Что же касается научного рассмотрения этой проблемы, то его начало датируется не ранее чем серединой XIX столетия.

К этому времени в истории европейской науки произошли два существенных события, каждое из которых сыграло огромную роль в перестройке научного мышле-

ния и переходе его к изучению места человека в природе на основе эмпирического анализа, а не только философских подходов. В первую очередь это создание замечательным естествоиспытателем Александром Гумбольдтом монументального произведения «Космос». В нем Гумбольдт подвел итоги предшествующему развитию естествознания и нарисовал грандиозную картину природных процессов, охватив их в едином синтезе. И хотя сам автор почти не касался проблемы человека, но чтение его книги закономерно подводило к вопросу о роли человека и человеческого общества в природных процессах и, следовательно, к проблеме определения места человека в природе. Второе событие — появление труда Чарлза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», содержащего стройную концепцию эволюционных преобразований живой природы, опирающуюся на единый принцип естественного отбора. Дарвин также ничего не писал о человеке, в его книге говорится о нем лишь в одной фразе («Будет пролит свет и на происхождение человека»), и только позже он посвятит происхождению человека специальную книгу (см. далее). Но логика его труда о происхождении видов была такова, что она неотвратимо наталкивала на вопрос, в какой мере закономерности, открытые в живой природе, — эволюционные прогрессивные преобразования, управляемые естественным отбором, могут быть распространены на человека, подчиняется он им или нет.

В связи со всем сказанным проблема места человека в мире живого и в мироздании в целом разрабатывалась в дальнейшем в двух аспектах. Первый из них состоял в попытке представить природную роль человечества, оценить последствия его деятельности в механизме нашей планеты и даже всего мироздания в целом. Французский антрополог и зоолог Аммон де Катрфаж выделял четыре царства природы — минералов, растений, животных и человека; американский палеонтолог Д. Дана писал о психозойской эре; известный русский геолог Александр Петрович Павлов предложил для четвертичного периода название «антропоген», в котором главным фактором мировых природных изменений является деятельность людей. Особенно глубоко эта тема была разработана выдающимся советским натуралистом Владимиром Ивановичем Вернадским, показавшим огромные масштабы человеческой деятельности в изменении лица нашей планеты, ее поверхностной оболочки,

фауны и флоры, даже гидрологического режима и климата многих районов мира. Вернадский прозорливо писал и о космической роли человечества, что нашло полное подтверждение в идущем сейчас завоевании космического пространства. Им же для обозначения планетного масштаба деятельности человечества было предложено понятие ноосферы * — сферы разума, охватывающей все аспекты человеческой деятельности и ее результатов в масштабе планеты.

Параллельно с разнообразными попытками оценить деятельность человечества в масштабе планеты после появления упомянутой книги Дарвина шла разработка сравнительно-анатомической проблемы места человека и его предков в животном мире в целом и внутри отряда приматов, в частности уровня морфологического своеобразия человека и его предков и оценки этого уровня в масштабе зоологической классификации. При этом речь идет не о трудовой деятельности предков человека и коллективов древних и современных людей, а лишь о строении тела и его функциях. Подобный подход много уже, чем предыдущий, опирающийся на учет деятельности людей и того громадного преобразующего влияния, которое оказывала и продолжает оказывать все в больших масштабах человеческая культура на лик Земли. Каждый из подходов имеет полное право на существование, так как они служат своим вполне определенным целям и отражают две стороны сущности человека, неразрывно связанные в каких-то своих проявлениях на ранних этапах развития человека и общества, но в то же время выступающие и самостоятельно — его биологическую природу, трансформированное в процессе антропогенеза наследие предков, и его социальную природу, новоприобретение в ходе антропогенеза. Неразличение этих подходов ведет к смешению биологической и социальной природы человека, а вслед за этим и к биологизации процесса человеческой истории в целом.

Поэтому совершенно неприемлемы с методологической точки зрения любые попытки внесения элементов человеческой деятельности в оценку места человека в животном мире, внесения социальных моментов в зоологическую систематику. Между тем подобные попытки имели место. Ряд исследователей выдвигали в качестве критерия отделения древнейших форм человека от его ближайших животных предков способность первых к изготовлению орудий. В этом случае элемент

человеческой культуры — умение изготавливать орудия — рассматривался как основной маркер сугубо зоологической процедуры — определения таксономического положения предковых форм человека.

На этом основании и было предложено четко подразделять оба вышеописанных подхода к оценке человеческой сущности и выделять их в качестве двух самостоятельных критериев человека — теоретического философского и научно-конкретного антропологического. Исходя из первого критерия совокупность людей — человечество в ходе своей истории и в соответствии со своими социальными задачами осуществляет всепланетную и космическую функции и уже сейчас перешло к управлению многими природными процессами. Исходя из другого критерия отдельный человек или вся совокупность людей, все равно, так же как и весь ряд человекообразных предков человека, представляют собою не более чем определенные единицы зоологической систематики, к рассмотрению которых мы и переходим.

На заре истории физический тип «становящихся», по выражению Ленина, людей во многом еще определял их возможности и поэтому выступал в качестве могущественного фактора исторического развития. Поэтому же история древнейших этапов развития трудовой деятельности и формирования социальной организации неотделима от биологической истории самого человека.

Вопрос о месте человека в живой природе был впервые поставлен на научную почву в середине XVIII в., когда Карл Линней включил человека в систему животного царства и, объединив человека вместе с известными тогда обезьянами, выделил в составе млекопитающих отряд приматов. Обширные исследования по систематике и сравнительной анатомии обезьян, а также работы по анатомии человека, произведенные во второй половине XVIII — первой половине XIX в., позволили английскому зоологу Томасу Гексли и швейцарскому анатому Карлу Фогту сделать следующий шаг в определении систематического положения человека и указать на его ближайшее родство с человекообразными обезьянами. После появления в 1871 г. знаменитой книги Чарлза Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», в которой был суммирован весь запас знаний в области антропогенеза и сделана попытка применить к человеку основные положения эволюционной теории, в частности разработанное

Ч. Дарвином учение о естественном и половом отборе, животное происхождение человека было доказано с полной определенностью и стало краеугольным камнем современной антропологии и материалистической философии. Многочисленные исследования конца XIX—XX в. принесли неисчислимы новые доказательства правильности учения о животном происхождении человека, наполнили его конкретным содержанием и позволили перейти к восстановлению конкретных путей эволюции человека. Особое значение в этом отношении имели находки ископаемых остатков древнейших предков человека, которые в настоящее время известны со всех материков Старого Света.

Общепринятой классификации приматов нет до сих пор. Разные схемы различаются не только по числу выделенных видов, но и по их группировке. Нет полной договоренности и по вопросу о более крупных подразделениях отряда. Но общим моментом для всех классификаций является выделение в качестве самостоятельного семейства человекообразных, или антропоморфных, обезьян. Еще Дарвин, видя в них ближайших родственников человека, подчеркивал в то же время, что ввиду крайней специализации ни один ныне живущий представитель семейства не может рассматриваться в качестве предковой формы для человека. Современные взгляды базируются на его точке зрения. Любопытно отметить, что он оказался прав и в оценке сходства той или иной антропоморфной обезьяны с человеком: изучение тонких генетических механизмов с помощью новейших методов показало наибольшее сходство с человеком шимпанзе.

Наряду с семейством антропоморфных во всех классификациях отряда приматов выделяется семейство гоминид *, объединяющее современного человека и его ближайших предков. Для всех представителей этого семейства характерны большой мозг, по сложности своего строения превышающий мозг других приматов, выпрямленное положение тела и походка на двух конечностях, подвижная и способная к тонкому манипулированию кисть с развитым большим пальцем, резко противопоставляющимся всем остальным. Таким образом, даже с анатомической точки зрения современный человек и его непосредственные предки характеризуются значительным своеобразием, отделяющим их от других приматов, даже человекообразных, и оправдывающим их выделение в качестве семейства.

Состав семейства гоминид по-разному понимается различными исследователями. Во многих работах советских и западноевропейских специалистов выделяется в составе семейства один род — собственно человека, род *Homo*, включающий все ископаемые формы и современного человека. Эта точка зрения является, однако, далеко не общепринятой. В пределах рода *Homo* обычно выделяют два вида — человек современного вида, или человек разумный, *Homo sapiens* и ископаемые находки, объединяемые в один вид ископаемого, или примитивного, человека, *Homo primigenius*, или *erectus*.

Из этого подразделения видно, что морфологические различия между современным человеком, с одной стороны, и его непосредственными предками — с другой, больше, чем между последними. Именно из этого факта исходили советские исследователи, выдвинувшие в 30-х годах положение о двух скачках в процессе антропогенеза: одном — при формировании семейства гоминид, другом — при формировании человека современного вида. Их значение в процессе антропогенеза, разумеется, неодинаково. Первый скачок совпадает с появлением отличительных человеческих особенностей в сфере морфологии и ознаменован появлением мышления и языка, формированием зачатков социальной организации и т. д., одним словом, появлением самого человека. Второй скачок отражает лишь образование «гбтовых» людей из людей «формирующихся» и связан со значительными, но все же гораздо меньшими по масштабу преобразованиями в области морфологии и культуры. Эту точку зрения разделяет большинство советских антропологов. Некоторые ученые считают, однако, что морфологические различия между древнейшими и древними гоминидами — питекантропами и синантропами, с одной стороны, и неандертальцами — с другой, не меньше, чем между неандертальцами и современными людьми. Соответственно количество скачков увеличивается до трех.

Суммируем сказанное. Современный человек образует собой вид *sapiens* рода *Homo*, относящегося к семейству гоминид отряда приматов. Хотя морфологические различия между расами современного человечества и заметны простым глазом, но они проявляются во второстепенных признаках, не имеющих жизненного значения. Поэтому вопреки расистским концепциям, имеющим хождение и в настоящее время, все ныне

существующие расы с полным основанием могут быть отнесены к одному виду.

Движущие силы процесса антропогенеза. Распространяя на процесс происхождения человека действие биологических закономерностей, Дарвин придавал наибольшее значение половому отбору. Согласно его теории, своеобразие физической организации человека по сравнению с приматами заключается в наличии морфологических особенностей, которые образовались в результате отбора женщинами индивидуумов, выделявшихся определенными преимуществами. Поэтому в процессе размножения такие мужчины оставляли наиболее многочисленное потомство, оказывая решающее влияние на развитие человеческого рода. Дарвин объяснял этим резкий половой диморфизм * у современного человека, почти полное отсутствие волосяного покрова на теле и т. д. Однако, не говоря уже о неясности того, почему именно те, а не иные признаки подвергались действию полового отбора, с помощью теории полового отбора трудно было объяснить изменения в таких особенностях, как объем мозга, подвижность кисти руки, пропорции тела, т. е. те признаки, которые с трудом фиксируются визуально. А ведь они то как раз и придают человеку анатомическое своеобразие. С трудом поддается объяснению, с точки зрения теории Дарвина, возникновение и усовершенствование членораздельной речи. Это отчасти понимал сам Дарвин, считавший свою теорию лишь первым приближением к истине, одной из вероятных гипотез.

В последующие годы не было недостатка в теориях, пытавшихся объяснить своеобразие и выявить движущие силы человеческой эволюции. Многие ученые указывали на прямохождение как на решающий шаг при переходе от обезьяны к человеку, оказавший значительное воздействие на преобразование человеческой морфологии и непроходимой пропастью отделивший человека от животного мира. Другие приписывали решающую роль руке, справедливо считая, что обладание последней открывает перед человеком огромные перспективы в переделке окружающей природы. Наконец, третья группа гипотез придавала основное значение развитию мозга. Помимо выдвижения на первый план в процессе антропогенеза различных морфологических структур делались попытки распространить на человека некоторые результаты сравнительно-морфологических исследова-

ний над животными. Так возникли такие гипотезы антропогенеза, как, например, гипотеза «помолодения», согласно которой своеобразие физического типа современного человека является следствием ускорения роста, а современный взрослый человек напоминает детеныша человекообразной обезьяны. Все эти гипотезы не учитывают полностью всех фактов, страдают односторонностью в освещении проблемы антропогенеза в целом и, что самое главное, основываются только на морфологических данных, и оставляют без внимания общественную природу человека.

Социальному фактору в происхождении человека придается решающее значение в трудовой теории антропогенеза, сформулированной Фридрихом Энгельсом в 1873 — 1876 гг. в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», написанной в качестве одной из глав его незаконченного труда «Диалектика природы». Тщательное изучение этой работы, дальнейшее развитие трудовой теории антропогенеза и конкретное выявление того значения, которое имеет эта теория для решения кардинальных проблем происхождения человека, являются значительной заслугой советской антропологии.

Сущность трудовой теории антропогенеза можно сформулировать одной фразой самого Энгельса: труд создал самого человека. Действительно, труд, трудовая деятельность людей, направленная на удовлетворение их потребностей, в первую очередь в пище и в защите от врагов, явились тем могущественным стимулом, который преобразовывал облик человека на протяжении четвертичного периода и создал общество. Непосредственные предки человека — антропоморфные обезьяны конца третичного периода были наподобие большинства современных приматов общественными животными. Они совместно собирали пищу и оборонялись от хищников. Но воздействие их на окружающую природу принципиально не отличалось от воздействия других млекопитающих. Весьма вероятно, что для охоты на мелких животных, выкапывания съедобных корней, сбивания с деревьев фруктов и плодов и защиты от насекомых они пользовались случайно подобранными камнями, палками и ветвями деревьев подобно тому, как это делают современные шимпанзе. Но это явление еще нельзя назвать настоящей трудовой деятельностью. Последняя началась тогда, когда возникла целеполагающая дея-

тельность по изготовлению орудий из камня, кости и дерева, вероятно, чаще всего с помощью того же камня. Карл Маркс различал употребление и создание средств труда, свойственное в зародышевой форме некоторым видам животных, и сознательное, заранее намеченное, целеполагающее изменение предмета труда. Возможно, сознательной трудовой деятельности древнейших людей предшествовала условнорефлекторная, животноеобразная орудийная деятельность их непосредственных предков. Но эта точка зрения не общепринята. Часть ученых считает, что уже с первыми искусственными орудиями труда на Земле появился человек.

Постоянное употребление орудий открыло перед первобытным человеком возможность значительно более активного использования природных ресурсов для удовлетворения своих потребностей, в частности, в огромной степени расширило его пищевую базу, а также значительно увеличило силу первобытных коллективов в борьбе с хищниками. При этом постоянные совместные поиски пищи, коллективная охота и коллективная защита от врагов, совместное производство и потребление, иными словами, совместная трудовая деятельность, сплачивали первобытный коллектив, вызвали образование связей отдельных его членов в процессе производства. В конце концов усложнение общественной жизни и производственных навыков привело к необходимости обмена производственным опытом и передачи его следующему поколению. Появилась, как писал Энгельс, потребность что-то сказать друг другу. Таким образом, возникновение языка произошло в процессе труда и есть следствие трудовой деятельности.

Теория Энгельса единственная из всех существующих теорий антропогенеза, которая подчеркивает решающую роль общественного, социального в становлении человека, показывает, что без общества не было бы человека, объясняет происхождение мышления и речи. Ее можно назвать всеобъемлющей, потому что она удачно сводит к одному фактору все многообразие эволюционных изменений в развитии семейства гоминид, не ограничивается только демонстрацией революционизирующего воздействия труда на преобразование человеческой морфологии, но связывает с развитием труда и производства происхождение и историю человеческого сознания. Однако, уделяя огромное внимание социальному фактору антропогенеза, Энгельс не остав-

ляет без внимания и биологическую сторону явления. Он показывает значение выработки прямохождения, прогрессивного развития руки и мозга в эволюции семейства гоминид, роль мясной пищи в изменении биохимии человеческого организма и т. д. Его теория, следовательно, является синтезом социальных и биологических закономерностей в происхождении человека

Следует специально подчеркнуть последнее обстоятельство. Не нужно думать, что с появлением человеческого общества биологические закономерности перестали иметь какое-либо значение. Наоборот, есть основания думать, что владение орудиями труда могло даже привести к некоторому усилению действия естественного отбора на ранних этапах антропогенеза. Во всяком случае, снятие естественного отбора в качестве формирующего фактора происходило очень медленно и постепенно закончилось, по-видимому, лишь с появлением человека современного вида. Об этом свидетельствуют, в частности, значительное изменение физического типа человека на протяжении нижнего палеолита при малом прогрессе в технике и культуре и постоянство типа современного человека, несмотря на грандиозные изменения в производстве и технике. По-видимому, начиная с эпохи позднего палеолита прекратилась физическая реакция человека на изменения в производстве, сменившись более сложной зависимостью, опосредованной в процессе производства. Иными словами, только в эпоху позднего палеолита произошла замена естественного отбора социальными закономерностями, и с этой эпохи прогресс в области производства не зависит от каких-то морфологических преобразований, а определяется только развитием производительных сил.

Итак, период раннего палеолита, охватывающий первую часть истории первобытного общества, — период действия и естественного отбора, и социально-исторических закономерностей. Роль естественного отбора на протяжении этого периода постепенно уменьшалась, роль социального момента постепенно увеличивалась, пока в конце концов он не завоевал ведущее положение.

Ближайшие предки человека, время и место очеловечивания. В настоящее время известно большое количество сделанных в различных областях Старого Света находок ископаемых человекообразных обезьян конца третичного периода. К сожалению, большинство их плохо сохранилось, и поэтому суждение о многих на-

ходках основывается лишь на исследовании отдельных частей скелета. Все же методы исследования, разработанные палеонтологией * и сравнительной морфологией, часто дают возможность по фрагментам скелета составить представление о морфологии животного в целом и даже о его образе жизни.

Наиболее близкой к человеку оказывается группа так называемых дриопитековых **) обезьян. Остатки дриопитеков обнаружены в поздне третичных слоях различных областей Западной Европы, Африки и Азии. Среди них выделяется несколько видов, обнаруживающих, однако, отчетливое морфологическое своеобразие, позволяющее объединять их в систематическую категорию более высокого порядка — подсемейство или семейство. Дриопитеки представляли собой приматов, по размерам в среднем напоминавших современных павианов и шимпанзе. Из характерных морфологических признаков всей группы, важных для определения ее систематического положения, следует отметить некоторое уменьшение клыков и диастемы * — промежутка между резцом и клыком. Диастема, как и сильное развитие клыков, — неотъемлемая особенность строения приматов. В то же время и диастема, и сильно развитые клыки отсутствуют у человека. Таким образом, в морфологии дриопитеков можно отметить заметный сдвиг в сторону приближения к человекообразному типу. Сходные формы антропоморфных приматов найдены также в поздне третичных слоях богатых палеонтологических местонахождений Западной Индии и Грузии. В последнем случае речь идет о единственной находке таких форм на территории СССР. Так же как и для дриопитеков, для них характерны некоторые черты, указывающие на прогрессивное развитие по пути выработки человеческих особенностей.

Наибольшее значение для создания отчетливого представления о непосредственных предках семейства гоминид имеют многочисленные и хорошо сохранившиеся находки в Южной Африке (первая была сделана Раймондом Дартом в 1924 г., число их продолжает увеличиваться). Сейчас в Южной и Восточной Африке открыто несколько ископаемых видов антропоморфных обезьян, которые объединяются в три рода — австралопитеков *, парантропов * и плезантропов *. — выделяются в подсемейство или семейство австралопитековых. Часть исследователей включает эти формы в семейство гоминид. По-видимому, они не отличались по росту от

дриопитековых обезьян, но характеризовались относительно крупным мозгом (550 — 600 см³) и двуногой локомоцией*, т. е. передвижением на задних конечностях. Последняя особенность, как полагают многие приматологи и антропологи, являлась приспособлением к жизни в открытой местности. Исследования фауны, найденной вместе с австралопитековыми обезьянами, показывают, что они вели хищнический образ жизни и охотились на мелких животных. Таким образом, изучение австралопитековых подтверждает мысль Энгельса о большой роли мясной пищи в становлении человека и указывает на то, что охота на мелких животных занимала преобладающее место у предков гоминид.

Вместе с австралопитековыми найдено большое количество черепов, рогов и расколотых трубчатых костей травоядных животных, а также расколотые черепа павианов. Предполагается, что австралопитеки охотились на павианов и черепа их раскалывали с помощью острых камней. Вместе с камнями в качестве орудий могли использоваться деревянные палки и палицы, а также рога и трубчатые кости крупных травоядных животных. Спорным является вопрос о знакомстве австралопитековых с огнем, на чем настаивают некоторые южноафриканские и английские специалисты.

Произведенные за последнее время определения геологического возраста австралопитековых позволили датировать их эпохой нижнего плейстоцена. Возможно, что некоторые находки относятся к началу среднего плейстоцена. Это обстоятельство вместе с некоторыми морфологическими особенностями позволило ряду исследователей высказать предположение, что австралопитековые не были прямыми предками семейства гоминид, а представляли собой специализированную ветвь антропоморфного ствола, законсервировавшуюся в условиях относительной изоляции Африканского материка и дожившую до эпохи появления гоминид. Однако как бы ни решался вопрос о генеалогической связи австралопитеков с гоминидами, которого мы еще коснемся, ясно, что их изучение проливает свет на строение и образ жизни непосредственных предков человека.

Чрезвычайно важная находка была сделана в 1959 г. в раннечетвертичных слоях Олдувейских гор (Танзания). Обнаруженный там череп примата, получившего название зинджантропа, сохранился сравнительно хорошо, что позволило составить о зинджантро-

пе довольно полное представление. Он отличался некоторыми своеобразными признаками, находящими аналогии в строении гориллы, но передвигался на двух конечностях, имел большой мозг и человеческие особенности в морфологии зубной системы. Возраст зинджантропа определялся приблизительно в полтора миллиона лет. Таким образом, очевидно, что основные морфологические особенности гоминоидного ствола имеют глубокую древность. Однако эта находка не разрешила проблему древности использования орудий. Найденная вместе с зинджантропом каменная индустрия состоит из грубо обработанных орудий неопределенной формы, но принадлежность их зинджантропу остается весьма спорной.

Проблема наиболее ранних орудий труда и морфологического типа создавшей их формы получила разрешение благодаря находке в тех же Олдувейских горах в 1960 г. костных остатков так называемого человека умелого — *Homo habilis*, но в слоях несколько более ранних, чем находка зинджантропа. Поэтому новая форма была названа презинджантропом. Ее выделение в качестве особого рода не находит поддержки в морфологических особенностях найденных фрагментов скелета, но наличие многих человеческих черт в строении черепа и мозга несомненно. Эти прогрессивные особенности подтверждают и обнаруженные в том же слое, непосредственно вместе с костными остатками, грубые рубящие орудия, которые в данном случае, очевидно, могут быть определенно увязаны с соответствующей морфологической формой. Хронологический возраст презинджантропа — 1 850 000 лет.

Однако и эта находка не древнейшая. С 1967 г. начала работать большая международная экспедиция в долине р. Омо в Эфиопии. За 30 лет ею открыты костные остатки более чем десяти индивидуумов. Правда, они еще не описаны настолько, чтобы о них можно было судить подробно, но авторы предварительных отчетов — авторитетные палеоантропологи безоговорочно относят новые находки к австралопитековым. Их хронологический возраст, установленный с помощью калий-аргонового метода, — от 4 до 2 млн. лет, что вдвое превышает древность презинджантропов. Исключительно важен факт обнаружения галечных орудий в тех же слоях, что и находки костей австралопитеков. Древнейшие из них происходят из слоя, датированного 2,1 млн. лет, т. е. не-

много древнее, чем орудия, обнаруженные с презинджантропом.

Еще более сенсационные открытия были сделаны Луисом, а затем его сыном Робертом Лики (начиная с 1965 г.) в районе оз. Рудольфа на севере Кении. Среди многочисленных остатков австралопитековых имеется фрагмент нижней челюсти, возраст которой 5 — 5,5 млн. лет. В тех же отложениях найдены галечные орудия, более древние (древнее на 500 000 лет), чем в долине р. Омо, — им 2,6 млн. лет. Все эти находки значительно удревняют родословную древнейшего человечества.

Не вызывающие сомнений случаи обнаружения орудий труда вместе с костными остатками австралопитеков значительно дополняют тот список морфологических особенностей, в первую очередь прямохождение, которые говорят о прогрессивном строении австралопитеков и их сходстве с людьми. Поэтому наиболее близкой к действительности представляется точка зрения тех исследователей, которые на основании морфологии относят австралопитеков к семейству гоминид (подразумевая, конечно, что речь идет о представителях всех трех родов — австралопитеках, парантропах и плезиантропах), выделяя их в качестве подсемейства австралопитековых. Остальные более поздние и прогрессивные формы объединяются при этом во второе составляющее семейство гоминид — подсемейство гоминин, или собственно людей. Включая австралопитеков в семейство гоминид, мы избавляемся от тех сложностей, с которыми столкнулись бы в противоположном случае, игнорируя прогрессивные особенности их морфологии и несомненный факт постоянного изготовления ими орудий.

Какие формы приобрела орудийная деятельность австралопитеков, какой материал они использовали для изготовления орудий, каковы были сами орудия? Как ни ограничена до сих пор наша информация, мы можем сейчас с той или иной степенью подробности ответить на все эти вопросы. Выше уже упоминалось, что в Южной Африке вместе с костями австралопитеков были обнаружены крупные кости и рога копытных, сохранившие следы специальной подправки и ударов. Южноафриканский анатом и антрополог Раймонд Дарт, открывший первого австралопитека, исследовал эти кости и выделил древнейший этап орудийной деятельности, назвав его остеодонтокератической *, или костной, индустрией. Вывод Дарта о существовании такого этапа на заре

человеческой деятельности встретил критику со стороны многих ученых, но эта критика не смогла поколебать основы его наблюдений — реальности самих следов подправки на костях и использование их в качестве ударных орудий — и касалась лишь существа интерпретации этих следов. В общем, после этой работы Дарта трудно отрицать, что удобная для держания в руке кость могла использоваться в качестве орудия. Использовалось, очевидно, и дерево, служившее для изготовления дубин и других ударных орудий.

Но главным материалом были, конечно, каменные породы. Древнейшие каменные орудия, найденные вместе с австралопитеками и синхронные костной индустрии Дарта, получили наименование олдувейской культуры. Именно эта культура выделяется теперь в качестве древнейшего этапа палеолитической индустрии всеми археологами. Она состоит из валунов и галек, подвергнутых простейшей обработке, т. е. имеющих грубые сколы искусственного происхождения. Характерная особенность этого древнейшего этапа обработки камня состоит в том, что сколы не обнаруживают какой-либо регулярности, поэтому за орудия могут быть приняты и камни со сколами естественного происхождения. Но в целом все же олдувейская индустрия — результат несомненно целенаправленной деятельности, то, с чего началось дальнейшее развитие палеолита.

Имеются сведения и о других сторонах жизнедеятельности австралопитеков, свидетельствующих о высоком уровне их развития. Речь идет о каком-то правильном расположении крупных валунов в слое с остатками презинджантропа: многие исследователи интерпретируют их как основание какого-то надземного жилища. Если это действительно так, то австралопитеки и в этом отношении сделали какой-то шаг на пути к человеческим формам общежития.

Переходя к времени очеловечивания, мы целиком и полностью зависим от тех датировок древнейших палеоантропологических находок, которые опираются на геологические обстоятельства их местонахождений и на постоянно совершенствуемые, но пока еще недостаточно точные способы абсолютного датирования. До выдающихся палеоантропологических открытий в Африке древность человеческой родословной не уводилась больше чем на миллион лет от современности. Сохраняя осторожность, наверное, не следует ориентироваться на

самые древние находки с неясной морфологией, целесообразнее начинать исчисление с находок, прогрессивные особенности которых могут быть более или менее ясно доказаны либо непосредственным морфологическим наблюдением, либо с помощью объективной морфологической реконструкции. С этой точки зрения дата начала антропогенеза в 2,5 — 3 млн. лет является наиболее реалистичной. Именно в эту эпоху, по-видимому, оформилось прямохождение, освободившее переднюю конечность для труда, возможно, переход к прямохождению сопровождался и какими-то прогрессивными изменениями в структуре мозга.

Сделанный выше беглый перечень палеонтологических находок антропоморфных приматов поздне третичного и раннечетвертичного периодов, а также австралопитеков, наглядно иллюстрирует сложность проблемы прародины человечества. Остатки ископаемых приматов, которые могут быть сближены с гоминидами, обнаружены на разных материках Старого Света. Все они приблизительно синхронны между собой в пределах геологического времени, и поэтому палеонтологические данные не дают возможности сделать выбор территории, на которой произошло выделение человека из животного мира. Геологические, палеозоологические, палеоботанические и палеоклиматологические данные рисуют картину достаточно благоприятного для высших приматов местобитания на широких пространствах Центральной и Южной Африки и Центральной Азии. Выбор между Евразийским и Африканским материками затрудняется еще и отсутствием выработанных предпосылок для определения области прародины человечества. Одни ученые считают, что выделение человека из животного мира произошло в условиях скалистого ландшафта каких-то предгорий, другие — что непосредственные предки семейства гоминид были жителями степей.

Исключив несостоятельные с фактической точки зрения гипотезы о возникновении человечества в Австралии и Америке, которые вообще не входили в зону расселения высших приматов, будучи отрезаны от Старого Света непроходимыми для них водными барьерами, мы в настоящее время не имеем возможности решить проблему прародины человечества с должной определенностью. Ч. Дарвин, исходя из большего морфологического сходства человека с африканскими антропоидами по сравнению с азиатскими, считал более вероятным,

что прародиной человечества был Африканский материк. Находки ископаемых высших приматов в Индии, сделанные в начале нашего столетия, поколебали чашу весов и склонили ее в пользу Азиатского материка. Однако обнаружение ископаемых остатков австралопитековых обезьян, зинджантропа, презинджантропа и других форм опять обращает взгляды исследователей на Африканский материк как на колыбель человечества. Во всяком случае в настоящее время эта точка зрения преобладает.

Древнейшие гоминины и их трудовая деятельность. После рассмотрения подсемейства австралопитековых закономерен переход к рассмотрению представителей подсемейства гоминин, или собственно людей. После обоснования теории о животном происхождении человека многие ученые высказывали предположение о существовании переходных форм — первобытных обезьянолюдей и даже пытались представить себе их морфологический облик.

Эти предположения получили конкретное подтверждение в 1890—1891 гг., когда ископаемые остатки такого существа действительно были открыты в раннеплейстоценовых отложениях р. Соло на о-ве Ява. Были найдены черепная крышка и длинные кости нижних конечностей, на основании изучения которых было сделано заключение о том, что существо передвигалось в выпрямленном положении, почему и получило наименование *Pithecanthropus erectus*, или «обезьяночеловек прямоходящий» *. Сразу же после открытия остатков питекантропа вокруг него возникла оживленная полемика. Высказывались взгляды о том, что черепная коробка принадлежала огромному гиббону, современному микроцефалу *, просто современному человеку, и приобрела свои характерные особенности под влиянием посмертной деформации и т. д. Но все эти предположения не получили подтверждения при тщательном сравнительно-морфологическом исследовании. Наоборот, оно неопровержимо доказало, что своеобразие находки не может быть объяснено за счет патологии. Кроме того, начиная с 30-х годов XX столетия на о-ве Ява были найдены остатки еще почти 20 подобных же особей. Таким образом, в реальном существовании питекантропов не приходится сомневаться.

Будучи существом прямоходящим, питекантроп, по видимому, отличался от современного человека больше

всего строением черепной коробки. Можно сказать, что выработка прямохождения и приспособление передних конечностей к трудовой деятельности уже закончились на этой стадии, тогда как развитие мозга еще запаздывало по сравнению с ними. Это и понятно — на первых этапах развития трудовой деятельности, когда она состояла из примитивных трудовых актов, выработанное прямохождение и свободная рука, способная производить простейшие трудовые операции, были более важными и нужными приобретениями, чем развитый мозг. Мозг питекантропа имел объем в 900 см³, а череп характеризовался примитивной структурой и сохранением многих обезьяньих признаков, в частности малой высотой черепной коробки и сильно развитым надбровным валиком. В то же время по сравнению с австралопитеками объем мозга возрос в полтора раза, а череп отличается гораздо более прогрессивным строением.

Ученые спорят о том, изготовлял ли питекантроп орудия. Прямых доказательств того, что он умел это делать, нет, так как с ним не найдено никаких остатков каменной индустрии. Однако костные остатки всех особей обнаружены в переотложенном состоянии, исключающем нахождение орудий. С другой стороны, на о-ве Ява в тех же слоях и с той же фауной, что и находки питекантропа, сделаны находки архаичных каменных орудий. Есть все основания думать, что эти орудия оставлены питекантропами.

Другая замечательная находка остатков человека раннеплейстоценовой эпохи была сделана в 1954 — 1955 гг. в Северной Африке. К сожалению, она еще более фрагментарна, чем находки на о-ве Ява. Были обнаружены лишь нижние челюсти неполной сохранности, принадлежащие трем индивидуумам, получившим наименование *Atlantropus mauritanicus*. Однако они залегали в непереотложенном состоянии и вместе с орудиями, что значительно повышает ценность находки.

Ясно, что мы лишены возможности составить суждение о локомоции атлантропа. Косвенные данные, такие, как обнаруженные с ним орудия труда, говорят о том, что он был существом прямоходящим. Найденные челюсти характеризуются примитивным строением — массивностью, полным отсутствием подборочного выступа, крупными зубами. По аналогии с фрагментами челюстей и зубами питекантропа можно сказать, что атлантроп стоял приблизительно на том же уровне морфологиче-

ского развития, что и яванская находка. К той же геологической эпохе относится нижняя челюсть, обнаруженная в 1949 г. в Южной Африке в слоях вместе с австралопитековыми обезьянами. Морфологические особенности челюсти и зубов позволяют включить ее в семейство гоминид. Она получила таксономическое обозначение *Telanthropus capensis*. Подробное сравнение ее с питекантропом и атлантропом и выявление различий между ними невозможны из-за фрагментарности находки. Найденные с атлантропом каменные орудия характеризуются крупными размерами, грубостью обработки и неустойчивостью форм.

Важнейшие для понимания эволюции морфологического типа древнейших гоминин открытия были сделаны начиная с 1927 г. в северном Китае, недалеко от Пекина в пещере Чжоукоудянь. Раскопки обнаруженного там лагеря древнейших охотников доставили огромный археологический материал и костные остатки более чем 40 индивидуумов — мужчин, женщин и детей. Как по развитию культуры, так и по своему морфологическому облику эти люди оказались несколько более продвинувшимися на пути приближения к современному человеку, чем питекантропы. Они относятся к более поздней эпохе, чем питекантропы, и были выделены в самостоятельный род и вид *Sinanthropus pekinensis* — пекинский обезьяночеловек. Сохранность костного материала дала возможность почти полностью исследовать строение скелета синантропа и тем восполнить пробелы в наших знаниях, обусловленные фрагментарностью находок питекантропа и других древнейших гоминин.

Синантроп, как и питекантроп, был существом среднего роста и плотного телосложения. Объем мозга превышал объем мозга питекантропа и колебался у разных индивидуумов от 900 до 1200 см³, составляя в среднем 1050 см³. Тем не менее в строении черепа еще наблюдалось много примитивных признаков, сближающих синантропа с человекообразными обезьянами: малая высота черепной коробки, резко выраженный надбровный валик, отсутствие подбородочного выступа, величина и строение зубов. На внутренней полости черепной коробки синантропа отмечено вздутие в задней части височной доли и в пограничной височно-теменнозатылочной области. Разрастание этих областей дает возможность судить о развитии соответствующих мозговых структур и может быть истолковано как свидетель-

ство в пользу наличия у синатропа членораздельной речи.

Косвенным аргументом в защиту этого заключения может служить сравнительно высокий уровень трудовой деятельности синантропов. Орудия разнообразны, хотя и не имеют полностью устойчивой формы. Двусторонне обработанных орудий, так называемых ручных рубил, мало, и они также не отличаются типологическим единообразием. Синантроп уже убивал таких крупных животных, как олени, газели, дикие лошади и даже носороги. Он имел постоянные места обитания в пещерах. Раскопки доставили бесспорное доказательство широкого использования синантропом огня — слой золы в пещере достигает нескольких метров.

Огонь сыграл огромную роль в жизни первобытного человека. Использование его означало овладение чрезвычайно мощной силой природы, во много раз расширившей человеческие возможности. Огонь давал тепло, использовался для приготовления пищи, многие виды которой после такой обработки значительно лучше усваивались организмом, широко применялся при загонной охоте, для отпугивания хищников, для обжигания рабочих частей деревянных орудий и т. п. Разумеется, первобытный человек научился добывать огонь не сразу. Скорее всего его сначала подбирали на лесных пожарищах, приносили в пещеру и там постоянно поддерживали. Во время длительных перекочевок тлеющие головни переносили с места на место, подобно тому, как это и сейчас делают некоторые отставшие в своем развитии племена. Искусственное добывание огня, вероятно, было связано с простейшими операциями по выделке орудий. При оббивании одного камня другим, например кремня и пирита, летели искры, от которых могли воспламениться сухой мох, трава и листья. При изготовлении деревянных орудий дерево могло самовозгораться от трения. Именно эти способы добывания огня — высекание и трение — широко распространены в наиболее отсталых известных этнографии обществах.

Со всеми перечисленными находками, по-видимому, может быть более или менее синхронизирована нижняя челюсть, найденная в 1907 г. в Германии близ Гейдельберга. Большие размеры и массивность челюсти говорят о том, что она принадлежала очень сильному субъекту. Зубы очень крупные, но имеют много человеческих признаков. Сочетание прогрессивных и примитивных

признаков позволяет говорить о том, что по уровню своего морфологического развития гейдельбергский человек по-видимому, занимал место где-то поблизости с синантропом. Каких-либо археологических находок, которые могли бы восполнить фрагментарность костных остатков и помочь в решении вопроса об уровне сопровождающей их культуры, сделано не было.

Очень древнюю датировку имеют, вероятно, еще две европейские находки. Одна из них была сделана в 1965 г. на стоянке Вертешселеш в Венгрии. Это затылочная кость взрослого индивидуума. Некоторые исследователи оценивают морфологические особенности кости как очень примитивные и предполагают, что она оставлена питекантропом. При незначительности сохранившегося фрагмента трудно решить вопрос определенно, но восстановленный по затылочной кости объем мозга превышает 1400 см³, что ближе к неандертальским величинам. Возможно, кость принадлежала очень древнему неандертальцу или какой-то переходной европейской форме от питекантропов и синантропов к неандертальцам. Правда, не исключено и предположение, что определенный по столь малым фрагментам объем мозга может быть ошибочным.

Вторая находка сделана в 1972 — 1975 гг. на стоянке Бильцингслебен в Тюрингии. Найденные с ней орудия и фауна также свидетельствуют о ее раннем возрасте. Обнаружены были фрагменты лобной и затылочной костей. Надглазничный рельеф характеризуется исключительной мощностью, и поэтому можно думать, что мы имеем в данном случае дело с очень ранним типом гоминид, возможно, с европейским питекантропом.

Наконец, остатки существ, морфологически похожих на питекантропов, найдены в древних раннеплейстоценовых и среднеплейстоценовых слоях во многих местонахождениях Африки. По строению своему они достаточно своеобразны, но по уровню развития и объему мозга не отличаются от яванских обезьянолюдей.

Обезьяноподобные люди - питекантроп, синантроп, атлантроп, гейдельбергский человек и другие — жили в теплых климатических условиях в окружении теплолюбивых животных и не расселялись далеко за пределы области своего первоначального появления; судя по ископаемым находкам, заселены были большая часть Африки, юг Европы и юг Азии.

Перечисленными факторами исчерпываются наши знания о морфологическом типе древнейших представителей человечества. Темп их развития не был равномерным, а нарастание прогрессивных качеств, приближавших их к уровню современных людей, не происходило в строгой последовательности. В ходе эволюции семейства гоминид наблюдались отклонения от этого пути и даже движение вспять. Это обстоятельство следует постоянно учитывать при изучении истории первобытного общества.

В первую очередь встает вопрос о систематическом положении всех этих форм ископаемых людей и о генетических взаимоотношениях их между собой. В палеонтологии очень распространена тенденция при открытии новых ископаемых форм присваивать им высокий таксономический ранг, тенденция психологически вполне извинительная: открыть род почетнее, чем открыть вид, а семейство — почетнее, чем открыть род. Не избежали подобных увлечений и палеоантропологи. С этой точки зрения перечисленные родовые обозначения для отдельных локальных форм древнейших людей — не более чем дань подобной тенденции, в настоящее время имеющие лишь исторический интерес. Подавляющее большинство серьезных современных исследователей рассматривают все без исключения известные нам формы древнейших людей в качестве представителей одного-единственного рода. В зоологии имеется правило таксономического обозначения, так называемое правило приоритета — за любой формой сохраняется то родовое и видовое обозначение, которое было использовано впервые, даже если оно было не очень удачным. Родовое наименование Pithecanthropus было употреблено впервые, и оно сохранено в качестве названия всех групп ископаемых людей. Есть и иная точка зрения, получившая наиболее широкое распространение в американской литературе — считать всех без исключения ископаемых людей принадлежащими роду Номо и объединять древнейших из них в единый вид, названный по тому же правилу приоритета Номо erectus. Но подобная точка зрения вступает в слишком сильное противоречие с наличием значительных морфологических расхождений между отдельными ископаемыми находками и не может быть принята.

В то же время ясно, что при широком расселении от Восточной Африки до Большого Зондского архипелага,

связанного на заре истории гоминин мостом суши с материком, отдельные группы питекантропов не могли встречаться между собой, жили в условиях относительной изоляции и были разделены генетическими барьерами. Очень вероятно поэтому, что род питекантропов состоял из нескольких видов, каждый из которых отличался и морфологическим, и поведенческим, и культурным своеобразием. Группировка отдельных форм на видовом уровне по-разному осуществляется различными исследователями, но это вопрос второстепенный, целиком зависящий от прогресса в накоплении фактических знаний. Среди прочего в пользу локальной дифференциации древнейших людей свидетельствуют и многочисленные археологические данные о местных формах палеолита на разных материках и о различиях каменного инвентаря на древнейших стоянках даже в пределах одного и того же материка.

После овладения техникой обработки камня он не мог не занять преобладающего места среди других материалов, пригодных для изготовления орудий — кости и дерева; к тому же сохранность дерева и кости лишь в исключительных случаях обеспечивает возможность нашего знакомства с древнейшими сделанными из них орудиями. Поэтому на заре культурного развития человечества выделяется период каменного века, по длительности в несколько сотен раз превышающий всю последующую историю человечества, а периодизация внутри этого периода осуществляется в соответствии с изменением и усложнением форм каменного инвентаря. Внутри палеолита, как уже говорилось, обычно выделяются эпохи нижнего, среднего и верхнего палеолита, характерный для австралопитеков олдувейский этап, упоминавшийся выше, как раз и представляет собою начало нижнепалеолитической эпохи. Именно эта эпоха соотносится в широких хронологических рамках со временем питекантропов, длительность ее громадна, и она сама по себе обнаруживает значительную динамику в формах поселений древнейших коллективов людей и типах изготавливаемых ими каменных орудий.

Выше уже говорилось, что существование рода питекантропов охватывало громадный промежуток времени и относилось как к нижнему, так и к среднему плейстоцену. Но более точные датировки с использованием так называемых методов абсолютного датирования по соотношению радиоактивных изотопов, например

калий-аргонового метода, не дают пока достаточно устойчивых и стабильных цифр. Так, фигурирующие выше для Африки абсолютные даты обнаруживают в настоящее время в связи с новыми определениями не очень отчетливо выраженную, но все же ощутимую тенденцию к уменьшению. В качестве еще одного красноречивого примера неустойчивости абсолютных дат и зависимости их от уровня соответствующих методик можно сослаться на изменения в оценке возраста яванских питекантропов. Сначала их возраст оценивался примерно в 500 тыс. лет от современности, но затем индонезийские геологи во главе с известным специалистом по изучению четвертичных отложений Явы Т. Якобом, опираясь на результаты своих новых исследований, резко завысили эту дату, отнеся ряд находок к гораздо более раннему времени и датировав их временем около 2 млн. лет. Черепная крышка в Олдувее, отнесенная к местной форме питекантропа, получила дату в 300 тыс лет от современности. На основании этих дат можно было думать, что род *Pithecanthropus* существовал на земной поверхности более 1,5 млн. лет. Между тем критическое рассмотрение дат индонезийских геологов и приводимых в их пользу аргументов заставит многих специалистов весьма скептически отнестись к этой аргументации и считать дату в 2 млн. лет резко завышенной. Проблема абсолютного времени существования яванских форм остается не совсем ясной и теперь, и мы остановились на ней, чтобы проиллюстрировать существующие трудности и лишний раз подчеркнуть необходимость трезвой и непредвзятой оценки доступной информации в сфере антропогенеза и истории первобытного общества.

Так или иначе нижний палеолит охватывает наибольшую часть палеолитического времени, продолжаясь до эпохи мустье, т. е. эпохи, отстоящей от современности примерно на 200 тыс. лет. Первоначально до палеолитических открытий в Африке и Азии, показавших крайнее своеобразие развития каменной индустрии на этих материках, представления о культурной динамике на протяжении нижнего палеолита строились в основном на базе изучения европейских местонахождений, в первую очередь Средиземноморского бассейна, и особенно Франции. Начиная с конца прошлого века на высоких террасах рек находили каменные орудия явно искусственного происхождения, которые и получили наимено-

вание ручных рубил. Это камни удлиненной яйцевидной формы, обработанные с двух сторон крупными сколами так, чтобы обе стороны сходились к острому концу. Иногда режущие края с обеих сторон подправлялись еще мелкими сколами, чтобы режущий край был более острым. Назначение ручного рубила до сих пор остается недостаточно ясным, но весьма вероятно, что оно представляло собою функционально универсальную форму, использовалось для выкапывания съедобных корней, перерубания ветвей, разделки туш животных, выскабливания шкур, в качестве ударного орудия. Эпоха преимущественного изготовления и использования ручных рубил получила в археологической литературе наименование шелльской или аббевильской (последнее наименование фигурирует редко) по названию наиболее известных местонахождений у одноименных городков в горных районах Франции. Эта эпоха была постулирована в качестве всеобщего этапа для нижнего палеолита, маркирующего начало развития нижнепалеолитической техники.

Представление о шелльской эпохе с ручными рубилами, означающей всеобщую стадию развития палеолитического человечества, на несколько десятилетий удержалось в археологической литературе. Но в последнее время от этого представления отказывается все большее число исследователей, и, в частности, отказались практически все советские специалисты по палеолиту. Основанием для этого послужили несколько обстоятельств как геологического, так и археологического порядка. В качестве геологических и палеогеографических обстоятельств иужно назвать переотложенность всех местонахождений ручных рубил, их нахождение не в естественном залегании *in situ* *, а в условиях, являющихся следствием действия геологических сил — земной тектоники, течения водных потоков и т. д. В этих обстоятельствах хотя и ясно, что речь идет об очень древних находках, но точное определение их подлинной древности невозможно. Не менее важна археологическая сторона дела. Сами по себе ручные рубила — орудия достаточно стабильной формы, но подавляющая их часть была собрана тогда, когда археология находилась еще в зачаточном состоянии и методика полевой работы совсем не была разработана. В процессе последующих раскопок не было открыто ни одной стоянки, в культурном слое которой преобладали бы ручные рубила.

Более или менее очевидно, что археологи начала века собирали преимущественно ручные рубила, так как их форма обращала на себя внимание, тогда как все другие орудия менее броской формы оставались без внимания. Что действительно представляла собою каменная индустрия, в состав которой входили грубейшие ручные рубила, остается недостаточно ясным.

Но отказавшись от шелльской эпохи в истории нижнего палеолита, археологи сохранили следующую за ней ашельскую, придав ей расширенное содержание: теперь ашельская эпоха почти целиком соотносится с нижним палеолитом. Как и шелльская, она получила наименование по названию одноименного города во Франции. Эта эпоха уже может быть наполнена конкретным археологическим содержанием, так как ее изучение опирается на богатейшие результаты раскопок нижнепалеолитических памятников на разных материках. Она непосредственно следует за олдувейской и составляет второй, более развитый этап нижнепалеолитической культуры. Хронологический этап между олдувейской и ашельской эпохами или культурами не очень ясен, если говорить об абсолютных датах, но можно думать, что речь идет о какой-то минимальной дате, близкой к миллиону лет.

Каково было, если можно так выразиться, технологическое содержание ашельской эпохи, в чем люди этой эпохи превзошли людей предшествующего хронологического этапа, по какому пути шел дальнейший технологический прогресс? Ручные рубила, действительно, типичны для этой эпохи, но они составляют лишь определенный процент от каменных орудий других типов. Эти другие типы — отщепы, какие-то грубые рубящие орудия, гальки с явными следами искусственной обработки, но неопределенной формы. При заведомой исключительности находок деревянных орудий знаменательно обнаружение в разных стоянках следов деревянных копий, которые делались, по-видимому, для прочности из обожженного дерева. Как уже говорилось выше, дерево, несомненно, использовалось очень широко, хотя конкретные доказательства этого очевидного утверждения невелики. Обжигалось дерево целенаправленно и сознательно, так как человек ашельской эпохи, несомненно, владел огнем. Об этом свидетельствует не только слой золы в упомянутой выше пещере Чжоукоудянь в Китае, но и европейская раннеашельская стоянка Терра-Амата

близ Ниццы во Франции, где были обнаружены выложенные камнем очаги.

На заре изучения нижнего палеолита считалось, что единственным жилищем нижнепалеолитического человека были пещеры. Между тем, как ни богаты пещерами области Старого Света, заселенные нижнепалеолитическими людьми, на огромных пространствах их попросту нет, как нет и скального ландшафта. Раскопки той же Терры-Аматы доставили нам несомненные свидетельства изобретения человеком в равнинных местностях надземных жилищ: там при раскопках были открыты следы жилищ, сложенных из ветвей деревьев, опиравшихся на центральные столбы и, по всей вероятности, покрытых шкурами животных. Размеры таких жилищ достигали внушительных размеров — до 15 м в длину и до 6 м в ширину. Кстати говоря, выложенные каменными очаги, о которых только что говорилось, находились именно внутри этих жилищ.

Все сказанное свидетельствует об известной оседлости первобытных человеческих коллективов, что, в свою очередь, означает наличие вокруг мест поселения так называемых охотничьих территорий, т. е. района, в пределах которого осуществлялась охота и приобреталась охотничья добыча. Остатки фауны на стойбищах говорят о том, что в сферу добычи попадали и крупные млекопитающие. Разумеется, охота на них была невозможна в одиночку с помощью тех очень слабых средств, которые находились в распоряжении ашельского человека. Эта охота была, несомненно, загонной, но о ее характере можно пока только гадать.

Археологические свидетельства сообщают нам, что в ашельское время человеческая культура достигла такого уровня развития, при котором отчетливо обозначились локальные различия, сконцентрированные в пределах отдельных материков. Очень своеобразны каменные орудия из Африки, но они распадаются на огромное число вариантов, которым пока нет однозначного истолкования. Дискуссия вокруг проблемы локального своеобразия отдельных территорий имеет место и по отношению к памятникам Евразии, но здесь она носит более однозначный характер, сводясь к рассмотрению вопроса о количественном соотношении ручных рубил и орудий других форм, в частности, грубо обработанных с одной стороны галек рубящего типа, которые получили наименование в соответствии с английским

термином чопперов Американский исследователь Халлам Мовиус выступил около полувека тому назад с идеей преимущественной концентрации ручных рубил на западе Евразии, тогда как на востоке была область изготовления чопперов. Граница между ними проходила где-то в области Деканского плоскогорья в Южной Азии, где действительно встречаются памятники и с ручными рубилами, и с чопперами. Эта идея подразделения ашельской ойкумены на западную и восточную области активно обсуждалась в археологической литературе, приводились многочисленные доводы и «за», и «против» этой идеи, в конечном итоге было показано, что столь прямолинейное подразделение первобытной ойкумены слишком схематично и что далеко на востоке, скажем, на Яве, есть богатое местонахождение ручных рубил, тогда как в Европе открыты стоянки без рубил, с орудиями, подобными чопперам. Но основная тенденция развития, видимо, была намечена Мовиусом правильно: известное преобладание двусторонне обработанных орудий на западе Евразии как будто все же имеет место. Во всяком случае начало появления каких-то местных различий в технике обработки камня в ашельское время несомненно, и изучение этой проблемы, еще далекой пока от своего решения, уже поставлено сейчас на научную почву.

Древние гоминины и их трудовая деятельность. К концу среднего и к верхнему плейстоцену, исключая его последний этап, относятся формы, занимающие промежуточное положение между только что описанными и человеком современного вида. Они характеризуются большим морфологическим разнообразием и потому неоднократно описывались даже в качестве разных видов. Но более тщательное их изучение показало, что все они относятся к одному виду *Homo primigenius*, называемому иначе неандертальским человеком — по имени места первой находки в Германии близ Дюссельдорфа.

Эта находка была сделана в 1856 г. и, как и находка питекантропа, вызвала много сомнений. Опять высказывались соображения о том, что череп принадлежал патологическому индивидууму. Но появившееся в 1865 г. описание открытого в 1848 г. и аналогичного по типу черепа в районе Гибралтара заглушило голоса скептиков, показав, что в руках ученых находятся костные остатки не патологических, а нормальных инди-

видуумов, поскольку трудно было ожидать двукратного случайного повторения патологии. Позднее скелетные остатки взрослых неандертальцев и неандертальских детей были обнаружены в Англии, Бельгии, Германии, Франции, Испании, Италии, Швейцарии, Югославии, Чехословакии, Венгрии, в Крыму, в разных областях Африканского материка, в Средней Азии, Палестине, Иране, Ираке, Китае. Открытия в этой области продолжаютя до сих пор, и каждый год приносит новые находки. Большею частью это скелеты, обнаруженные в культурном слое пещерных и редко открытых стоянок, но в ряде случаев они найдены случайно, без сопровождающего археологического инвентаря при геологических и иных земляных работах.

Морфологический тип неандертальцев известен много лучше, чем физические особенности древнейших гоминин. Изучение костяка показывает, что неандертальцы были людьми среднего роста и чрезвычайно сильного сложения, при котором все широтные размеры, по-видимому, превышали аналогичные размеры современного человека. Значительный рельеф на костях в местах прикрепления мышц говорит о сильном развитии мускулатуры. Судя по тому, что неандерталец охотился на очень ловких и быстрых животных, сила у него соединялась с подвижностью. Но последнее качество, видимо, не распространялось на все органы. Так, пропорции кисти отличались от современных, сама кисть была грубее и массивнее, подвижность ее и способность к тонким движениям были, вероятно, более ограничены, чем у современного человека. Развитие мозга приближало неандертальцев к современным людям. Его объем колебался у разных форм от 1200 до 1600 см³. Таким образом, у некоторых неандертальских форм объем мозга был больше, чем в среднем у современного человека. Но структура мозга еще продолжала оставаться относительно примитивной. В частности, слабо были развиты лобные доли, в которых сосредоточены ассоциативные центры, важные для функции мышления, а также центры торможения. Иными словами, способность к логическому мышлению была у неандертальца ограничена по сравнению с современным человеком, а поведение его, можно полагать, характеризовалось резкой возбудимостью, часто приводившей, по-видимому, к столкновениям в коллективах неандертальцев. В строении черепа у неандертальских форм также было много

обезьяньих признаков. Черепная коробка отличалась слабым развитием в высоту, надбровный валик достигал в некоторых случаях огромных размеров, превосходя аналогичное образование даже на черепах древнейших гоминин, подбородочный выступ отсутствовал или был выражен очень слабо.

Представление о локальных вариациях неандертальского типа опирается на изучение многих находок и, по-видимому, отражает реальную действительность. Прежде всего следует сказать о своеобразии европейских форм, с одной стороны, и африканских и азиатских — с другой. Африканские формы отличаются некоторыми специфическими морфологическими признаками, а также меньшим объемом мозга и большей примитивностью строения черепной коробки. Можно было бы думать, что здесь мы сталкиваемся не с локальными, а со стадиальными различиями, и что примитивность африканских неандертальцев объясняется их большей древностью по сравнению с европейскими. На самом деле их геологический возраст, по-видимому, даже моложе, чем европейских находок. Таким образом, речь, очевидно, должна идти о каких-то специфических путях развития южных форм неандертальского типа по сравнению с северными.

Азиатские неандертальцы морфологически крайне разнородны, среди них есть и достаточно примитивные, и крайне продвинутые в морфологическом отношении формы. Но примитивные формы не дают единого комплекса только примитивных признаков, примитивные признаки объединяются у них с прогрессивными. Так, хорошо сохранившиеся скелеты из культурных слоев пещер в Шанидаре (Ирак) и Амуде (Палестина). Крупный мозг, а также некоторые детали строения лицевого скелета сближают их с европейскими находками, но в то же время они демонстрируют и явные черты какой-то локальной специализации.

Особое место занимают некоторые палестинские находки. В пещере Мугарэт эс-Схул, что по-арабски означает «козья пещера», в 1931—1932 гг. было обнаружено несколько скелетов своеобразного морфологического типа. Они были найдены с характерным и для других неандертальских находок археологическим инвентарем. Геологические данные также свидетельствовали о геологической одновременности палестинских находок с находками европейских неандертальцев. Однако от последних они отличались более развитыми

лобными долями мозга, более высоким черепом, меньшей выраженностью надбровного валика, приближающегося по своему строению к надбровным дугам современного человека. более развитым подбородочным выступом, одним словом — заметным приближением к типу современного человека по всему комплексу признаков. Было высказано даже предположение, что такая комбинация признаков образовалась в результате смешения неандертальского человека с современным. Однако этому противоречат и морфологические, и археологические данные. С большей вероятностью можно утверждать, что в данном случае мы сталкиваемся с началом процесса внутренней перестройки характерного для неандертальца морфологического типа в тип человека современного вида. Еще более выразительны в этом отношении находки в пещере Кафзех в Палестине, отличающиеся от морфологического типа современного человека только наличием надбровного валика.

Неандертальский тип не оставался постоянным и претерпевал значительную эволюцию. Так, по мнению многих антропологов, среди европейских находок выделяются две группы — более раннего и более позднего времени. Ранняя группа характеризовалась более прогрессивным строением мозга и связанным с этим более высоким сводом, менее развитым надбровным валиком и вообще прогрессивностью морфологического типа, в какой-то мере приближавшегося к типу современного человека. По степени концентрации типично человеческих признаков она сближалась с палестинскими неандертальцами, хотя и уступала им в этом отношении. Поздняя группа, наоборот, выделяется примитивностью строения и по многим признакам напоминает гоминин раннего и среднего плейстоцена. В антропологической литературе эти группы чаще всего фигурируют под именем неандертальцев группы Эрингсдорф и группы Шапелль (по названию мест наиболее типичных находок). Различия между ними, по-видимому, отражают разные пути их эволюционного развития. По мнению некоторых антропологов, группа Эрингсдорф являлась, очевидно, прогрессивно развивающейся ветвью, либо давшей начало человеку современного типа, либо принявшей активное участие в его формировании. Группа Шапелль задержалась в своем развитии в условиях сурового ледникового климата Западной Европы в конце среднего и начале верхнего плейстоцена, а может

быть, даже испытала регрессивное развитие, приспособляясь к ним. Иными словами, она эволюционировала в направлении выработки физически очень сильного и выносливого, но примитивного типа, законсервировавшегося в условиях изоляции и оказавшего незначительное влияние на формирование современного человека. Однако такая точка зрения встречает серьезные возражения как с морфологической, так и с археологической стороны. Об их более позднем хронологическом возрасте уже говорилось. Археологически мустьерские стоянки, в пределах которых найдены скелеты неандертальцев группы Шапелль, характеризуются высокоразвитой каменной индустрией и наличием многих прототипов верхнепалеолитической техники. Морфологически неандертальцы группы Шапелль и группы Эрингсдорф не противопоставляются резко друг другу и связаны цепочкой переходных форм. Таким образом, участие неандертальцев группы Шапелль в формировании современного человека было, по-видимому, не меньшим, чем более ранних и морфологически более прогрессивных неандертальцев.

Следует, однако, сказать, что само представление о наличии двух групп в составе европейской популяции неандертальского вида опирается на очень неполные палеоантропологические материалы и вызывает большие сомнения. И хронологически, и культурно (имеется в виду обнаруженный вместе с палеоантропологическими находками археологический инвентарь), как и морфологически, обе группы имеют ряд переходных форм. Но самым важным является даже не это обстоятельство, а то, что обе группы представлены формами, которые трудно сравнивать: поздние неандертальцы представлены в основном мужскими черепами, ранние — женскими. Многие примитивные особенности, в частности сильное развитие рельефа на черепе, выражены на женских черепах значительно слабее, чем на мужских. Поэтому, хотя гипотеза наличия двух морфологических и хронологических групп в составе европейских неандертальцев заняла большое место в палеоантропологической литературе, к ней следует относиться критически, как и к взглядам о двух различных эволюционных тенденциях в динамике неандертальского вида.

Каково место неандертальского типа в истории подсемейства гоминин? Ясно, что он сложился на базе морфологического типа древнейших гоминин раннего

и среднего плейстоцена, от которых отличается рядом прогрессивных признаков. Но представление об участии этого типа в формировании антропологических особенностей современного человечества на протяжении многих лет вызывало ожесточенные возражения. Неандертальский тип рассматривался как тупик в развитии, не оставивший следа в последующей эволюции рода *Homo*. Однако такая точка зрения не учитывала морфологической преемственности между *Homo primigenius* и *Homo sapiens*, а также полностью игнорировала, как мы убедимся ниже, археологические данные, свидетельствующие о сложении верхнепалеолитической культуры на основе культуры неандертальского человека. Исходя из этих фактов, советские и многие зарубежные антропологи защищают теорию неандертальской фазы в развитии человека современного вида, впервые сформулированную известным чешским антропологом, работавшим в США, Алешом Хрдличкой. Согласно этой теории, неандертальский человек является предком современного, а морфологический тип последнего сформировался в результате перестройки неандертальского типа. Кстати сказать, большую роль в обосновании неандертальской стадии сыграла находка в 1939 г. А. П. Окладниковым неандертальца в Узбекистане, в пещере Тешик-Таш. До этой находки территория Средней и Центральной Азии, плохо изученная археологически, часто фигурировала в качестве прародины современного человека в работах сторонников его независимого от неандертальца происхождения.

Известным пережитком представления о глубокой древности антропологического типа современного человека и его независимого от неандертальского типа происхождения является защищаемая некоторыми западноевропейскими специалистами теория пресапиенса, или, дословно, «предчеловека разумного». По этой теории, во второй половине среднего и в начале позднего плейстоцена одновременно с неандертальцами существовали люди иного морфологического облика, у которых отсутствовали или были слабо выражены типичные неандертальские черты. Эти люди и послужили предковой формой для современного человека. Теория пресапиенса основывается на результатах изучения морфологических особенностей черепов из Сванскомба в Англии и Фонтешевада во Франции, имеющих, по-видимому, среднеплейстоценовый возраст и в то же время, на

первый взгляд, обнаруживающих отсутствие неандертальских признаков. Однако обе эти находки чрезвычайно фрагментарны, и поэтому вопрос о степени выраженности у них примитивных и прогрессивных особенностей не может быть решен с достаточной определенностью. Что же касается теоретических соображений «за» и «против» этой точки зрения, то представление об изменчивости морфологического типа во времени и, следовательно, возможности внутренней перестройки неандертальского типа в тип современного человека больше соответствует морфологическим и общебиологическим данным, чем гипотеза постоянства антропологического облика *Homo sapiens* на протяжении значительного отрезка четвертичного периода, лежащая в основе теории пресапиенса. Поэтому эта теория не может быть принята.

В истории палеолитического человечества нет полного совпадения между этапами формирования физического типа древнейших и древних людей и кардинальными прогрессивными сдвигами в их культуре, это совпадение носит частичный характер. Неандертальский тип человека сформировался еще в ашельскую эпоху, и начало его формирования отстоит от современности, по-видимому, на 200, может быть, даже на 250 тыс. лет. Поэтому находки ранних неандертальских форм, происходящих из погребений на древних стоянках, сопровождаются достаточно типичной ашельской индустрией. Однако длительное существование неандертальского вида (наиболее поздние из неандертальских находок в Европе отстоят от современности в соответствии с радиоуглеродными датами не более чем на 40 тыс. лет, т. е. практически синхронны наиболее хронологически ранним находкам людей современного типа) не могло не сопровождаться значительным прогрессом в технике обработки камня. Этот прогресс нашел отражение в переходе к следующему длительному этапу в истории палеолитического человечества — эпохе мустье (по имени местечка Ле Мустье во Франции, где был раскопан в гроте один из наиболее типичных памятников этой эпохи). Многие исследователи выделяют эту эпоху в качестве самостоятельного среднепалеолитического этапа, или периода, в истории палеолитического человечества.

Мустьерская эпоха в Европе характеризовалась прежде всего усложнением форм орудий, появлением таких форм, которые мы не застаем в предшествующее

время. Рубила значительно уменьшились в величине (от 15—20 до 5—8 см в длину, в археологической литературе их поэтому даже называют рубильцами), и их удельный вес в инвентаре мустьерских памятников в целом уменьшился. Появились новые формы, из которых наиболее устойчивыми являются скребла и остроко-нечники Режущий, или рабочий, край орудия был только с одной стороны — это скребло, употреблявшееся, видимо, для выскабливания шкур и бывшее в этом смысле более удобным орудием, чем ручное рубило. Остроко-нечник, как показывает само его название, имел приостренный конец и использовался, надо полагать, для разрезания, прокалывания шкур и т. д. Но помимо остроко-нечников в инвентаре мустьерских стоянок встречены проколки и шилья из кости, также свидетельствующие о разнообразной и интенсивной обработке шкур животных, шедших как на покрытие наземных жилищ, так использовавшихся, возможно, в качестве одежды. Столь интенсивное использование кости уже не как материала для изготовления ударных орудий, а для изготовления более тонких поделок является принципиально новым прогрессивным достижением мустьерской эпохи в области технологии орудий труда. Другим таким достижением неандертальского человека было изобретение ретуши, получившей название контрударной — частичка камня скалывалась с него не за счет ударов другим камнем, а благодаря давлению или удару подставки (наковальни), на которой он лежал. Эта техника позволяла более тонко обрабатывать режущий край орудия. К этому же времени относится и изобретение составных орудий — речь идет о пластинках кремня, помещавшихся в прорези на кости, за счет чего получалось орудие, которое можно было использовать в качестве ножа; эта техника получила полное развитие в верхнем палеолите.

Усложнение форм орудий и их большое функциональное разнообразие сопровождалось усложнением и других компонентов материальной культуры. Там, где имелись пещеры, они по-прежнему служили удобными жилищами, причем неандертальцы, как и люди предшествующих эпох, предпочитали пользоваться неглубокими навесами или гротами в противовес уходящим на несколько десятков метров вглубь и разветвленным пещерам. Но в открытых местах строились и наземные жилища, конструктивно довольно сложные. Такие жи-

лица открыты теперь уже на нескольких стоянках: на стоянке Молдова I в Молдавии каркас жилища, например, был сложен из костей мамонта (неандертальцы пережили смену сухого и теплого климата в Европе суровым и холодным, и последние десятки тысяч лет своего существования были окружены такими холодолюбивыми формами млекопитающих, как шерстистый носорог и мамонт). Ясно, что охота на этих животных с таким слабым вооружением, какое было у неандертальцев, требовала чрезвычайного мужества, мастерства и терпения, знания привычек зверя, была чрезвычайно опасна и невозможна в одиночку. Невозможно ее представить себе иначе, чем загонной, наверное, рылись ловчие ямы, можно полагать, что по аналогии с орудийной деятельностью характер и способы загонной охоты также усложнились и усовершенствовались, но обо всем этом мы можем только гадать, так как никаких конкретных данных нет в нашем распоряжении. Пожалуй, можно лишь догадываться, что туши и части туш убитых животных переносились к местам стоянок на значительные расстояния — иначе трудно понять причину очень массивного строения скелета неандертальцев и мощного развития у них мускулатуры: такие особенности могли развиться именно в процессе естественного отбора как адаптивное приспособление, необходимое для переноски тяжестей.

Все сказанное почти целиком отражает состояние наших современных знаний о мустьерской эпохе в Европе. Переходя к характеристике ее на других материалах, мы сталкиваемся с рядом очень сложных и до сих пор не решенных проблем. В первую очередь это проблема плохой изученности: в географических рамках Старого Света немало территорий протяженностью в тысячи километров, с которых неизвестно ни одного мустьерского памятника. В этих обстоятельствах любая попытка дать картину локального разнообразия культуры неандертальского человека в мустьерскую эпоху выглядит преждевременной, и следует ограничиться лишь некоторыми более или менее бесспорными замечаниями о характере мустье в отдельных областях. Прежде всего следует сказать, что в Европе это локальное своеобразие отдельных памятников видно совершенно отчетливо, но оно не группируется ясным образом в какие-то общности более высокого порядка. Иными словами, между соседними памятниками выявляются ощутимые разли-

чия, а сходство, наоборот, фиксируется часто в тех случаях, когда между отдельными местонахождениями расстояние достигает нескольких сотен километров. Поэтому, когда археологи выделяют так называемые археологические культуры, т. е. типологически сходные комплексы каменного инвентаря, эти культуры оказываются узлокально приуроченными, их ареал в каждом отдельном случае чрезвычайно ограничен. Может быть, ближе к истине те специалисты, которые вообще отрицают в мустьерскую эпоху наличие закономерных различий в технике каменной индустрии, считая, что каждый коллектив неандертальцев развивал свои собственные случайно сложившиеся навыки в обработке камня. Как быть, правда, при подобном подходе с различиями западных и восточных провинций Евразии в ашельское время, различия между которыми, по всей вероятности, реальны? Как уже говорилось, проблема в общей форме далека от своего разрешения.

Выходя за пределы Европы, нужно сразу же указать на Африку, где совершенно своеобразные и непохожие на европейские формы орудия, характерные для мустьерской эпохи, продолжают существовать и в верхнем палеолите. Мустьерские стоянки Передней и Средней Азии, а также Кавказа дают каменный инвентарь, не уступающий по уровню техники обработки камня европейскому, но менее стабильный по своим формам. Люди мустьерской эпохи, проживавшие в Сибири, изготавливали орудия, среди которых довольно часто встречаются крупные экземпляры достаточно архаических форм. То же можно повторить и про Центральную Азию, во всяком случае, те ее части, которые более или менее изучены, например Монголию. Новейшие открытия среднего палеолита на севере Восточной Азии как будто свидетельствуют о возникновении верхнепалеолитических приемов обработки камня еще в мустьерское время. Совершенно очевидно, что в эпоху среднего палеолита, т. е. в мустьерскую эпоху, человечество, представленное неандертальцами, благодаря достигнутому уже достаточно высокому уровню культуры, стало развиваться в отдельных областях, разделенных географическими рубежами, оригинальными путями, что составило предпосылку дальнейшей локальной дифференциации в последующие эпохи.

§ 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Праобщина (первобытное человеческое стадо). Историческая реконструкция первоначального человеческого общества представляет собой, пожалуй, самую сложную проблему первобытной истории. За отсутствием каких-либо прямых параллелей судить о нем можно только на основе косвенных данных. Это, с одной стороны, наши сведения о стадных взаимоотношениях у обезьян, с другой стороны, некоторые факты археологии и антропологии, а также те факты этнографии, которые с большей или меньшей долей вероятности могут рассматриваться как пережитки древнейшего, досапиентного состояния человечества. Сопоставление и анализ всех этих данных позволяют составить общее, хотя во многом и гипотетическое, представление об общественной жизни того времени, но, конечно, и оставляют место многочисленным неясностям, чисто логическим догадкам, спорным предположениям.

Как уже говорилось, начальную форму организации общества в советской науке часто называют «первобытным человеческим стадом». В то же время некоторые ученые считают, что употребление этого термина неправомерно, так как в нем объединены несовместимые понятия — стадный характер взаимоотношений приписывается первобытным человеческим коллективам, следовательно, допускается вульгаризация, биологизация процессов общественного развития. Но это возражение вряд ли основательно. Термин «первобытное человеческое стадо» как раз хорошо передает диалектическое своеобразие организации древнейших и древних людей, ее переходное состояние от предчеловеческого стада животных к «готовому», сформировавшемуся обществу. Поэтому, пользуясь здесь, подобно многим другим специалистам, термином «праобщина», мы руководствуемся только тем, что он короче и удобнее.

Какими хронологическими границами датируется эпоха праобщины? Ее начало, очевидно, совпадает с выделением человека из животного мира и образованием общества. Не вызывает никаких сомнений, что с возникновением целеполагающей трудовой деятельности было связано не только изменение отношения человека к природе, но и изменение отношений между членами первоначального человеческого коллектива. Таким об-

разом, начало эпохи праобщины совпадает с появлением вполне осознанно изготовленных и применяемых орудий труда. Конечным рубежом эпохи праобщины было появление на смену ему «готового» человеческого общества — общинно-родового строя. Еще в начале 1930-х годов советские археологи П. П. Ефименко и П. И. Борисковский предположили, что переход к родовому строю произошел на рубеже позднего палеолита; новые археологические находки не опровергают этого предположения, но позволяют допустить, что переход от праобщины к родовой общине мог произойти и раньше. Следовательно, конец эпохи праобщины совпадает с переходом от раннего к среднему или позднему палеолиту. Новые данные еще требуют осмысления, и здесь мы будем придерживаться прежней синхронизации эпохи праобщины.

Прогрессивное развитие каменных орудий, изменение физического типа самого человека, наконец, то обстоятельство, что общинно-родовой строй не мог возникнуть сразу, в готовом виде, — все это показывает, что праобщина не была застывшей во времени единой формой. Поэтому часто различают раннюю праобщину древнейших людей и более развитую праобщину неандертальцев. Некоторые ученые даже называют эту более позднюю праобщину неандертальцев особыми терминами («первобытная община» и др.). Однако ни сколько-нибудь общепринятого мнения, ни сколько-нибудь установившейся терминологии в данном случае не существует.

Праобщина представляла собой, по-видимому, небольшую группу людей. Маловероятно, чтобы большая группа могла прокормить себя при слабой технической вооруженности раннепалеолитического человека и трудности добывания пищи. Собирательство требует большой затраты времени, а дает относительно мало пищи, притом чаще всего низкокалорийной; что же касается охоты на крупных животных, уже известной первобытному человеку, то она была сопряжена с большими трудностями, сопровождалась множеством жертв и не всегда была удачной. Таким образом, трудно представить себе, что праобщина состояла больше чем из нескольких десятков, скорее всего из 20-30 взрослых членов. Возможно, такие праобщины иногда объединялись в более крупные, но это объединение могло быть только случайным.

Жизнь праобщины скорее всего не была жизнью беспорядочно передвигавшихся с места на место собирателей и охотников. Раскопки в Чжоукоудяне рисуют картину оседлой жизни на протяжении многих поколений. Об относительной оседлости говорят и многие пещерные стойбища раннепалеолитического времени, раскопанные в разных частях Евразии на протяжении последних 60 лет. Это тем более вероятно, что богатство четвертичной фауны давало возможность длительного пользования кормовой территорией и, следовательно, позволяло занимать удачно расположенные и удобные навесы и пещеры под постоянное жилище. Вероятно, эти естественные жилища в одних случаях использовались на протяжении нескольких лет, в других — на протяжении жизни нескольких или даже многих поколений. В установлении такого образа жизни важную роль, несомненно, сыграло развитие охоты

Роль охоты в развитии праобщины. Трудно сказать, какая из двух отраслей хозяйства древних и древнейших людей — собирательство или охота — была основой их жизни. Вероятно, соотношение их было неодинаково в разные исторические эпохи, в разные сезоны, в разных географических условиях. Однако несомненно, что именно охота была более прогрессивной отраслью хозяйства, во многом определившей развитие первобытных человеческих коллективов.

Объектами охоты в зависимости от фауны той или другой области были различные животные. В тропической зоне это были гиппопотамы, тапиры, антилопы, дикие быки и т. д. Иногда среди костей животных, обнаруженных на ашельских стоянках, попадаются кости даже таких крупных животных, как слоны. В более северных районах охотились на лошадей, оленей, кабанов, зубров, иногда убивали и хищников — пещерных медведей и львов, мясо которых также шло в пищу. В высокогорной зоне преимущественную роль в охоте, например у неандертальцев, играла добыча горных козлов, что видно из находок в пещере Тешик-Таш. О размерах охоты в какой-то степени можно судить на основе подсчета костей, найденных на стоянках. Культурный слой многих из них содержит остатки сотен, а иногда даже тысяч животных. Помимо местонахождения в Чжоукоудяне такие большие стойбища ашельского времени были открыты на стоянке Торральба в Испании и в гроте Обсерватории в Италии. В первом из них,

например, обнаружены костные остатки более 30 слонов, не считая других животных. Правда, эти стоянки были обитаемы на протяжении длительного времени, но тем не менее очевидно, что охота имела немалое значение в жизни их обитателей.

Охоту на крупных животных, особенно на тех из них, которые держатся стадами, трудно представить себе, как уже говорилось, без загонного способа. Вооружение ашельского охотника было слишком слабым, чтобы он мог убить крупное животное непосредственно. Конечно, такие случаи бывали, но их нельзя не рассматривать как исключение, да и то преимущественно при охоте на отставших от стада больных и слабых животных. Как правило же, древнейшие люди могли отважиться на убийство крупных млекопитающих только при загонной охоте. Вероятно, животных пугали шумом, огнем, камнями и, как показывает местоположение многих стоянок, гнали к глубокому ущелью или большому обрыву. Животные падали и разбивались, и человеку оставалось только добить их. Вот почему именно охота, и прежде всего охота на крупных животных, была той формой трудовой деятельности, которая больше всего стимулировала организованность праобщины, заставляла ее членов все теснее спланиваться в трудовом процессе и демонстрировала им силу коллективизма.

Вместе с тем охота была наиболее эффективным источником получения мясной пищи. Разумеется, животную пищу первобытные люди получали не только от охоты на млекопитающих: так же, как это практиковалось позднее в значительно более развитых человеческих обществах, они ловили насекомых, убивали земноводных, пресмыкающихся, мелких грызунов. Но добыча крупных животных давала в этом отношении значительно большие возможности. Между тем, мясо, содержащее важнейшие для человеческого организма вещества — белки, жиры и углеводы, не только было сытной пищей, особенно после обработки его на огне, но и ускорило рост и повышало жизнедеятельность первобытного человека. Это обстоятельство было подчеркнуто уже Энгельсом, видевшим в мясной пище важнейший стимул биологического прогресса на ранних ступенях человеческой эволюции.

Развитие первобытного коллективизма. Выделение человека из животного мира стало возможным только благодаря труду, который сам по себе представлял

коллективную форму воздействия человека на природу. Переход даже к простейшим трудовым операциям мог произойти только в коллективе, в условиях общественных форм поведения. Это обстоятельство позволяет утверждать, что уже на самых ранних этапах антропогенеза и истории первобытного общества имело место регулирование в добывании и распределении пищи, в половой жизни и т. д. Этот процесс усиливался действием естественного отбора, который способствовал сохранению именно тех коллективов, в которых сильнее были выражены социальная связь и взаимопомощь и которые противостояли врагам и стихийным бедствиям как монолитные объединения.

Уже отмеченное развитие загонной охоты, совместная защита от хищных животных, поддержание огня — все это способствовало консолидации праобщины, развитию сначала инстинктивных, а затем и осознанных форм взаимопомощи. В этом же направлении сплочения коллектива действовало и усовершенствование языка, речь о котором будет ниже. Но особенно большой прогресс приходится на заключительный этап существования праобщины — мустьерское время. Именно к этому времени относятся первые яркие свидетельства заботы о членах коллектива — неандертальские погребения.

Половые отношения в праобщине. Одной из основных линий борьбы биологических и социальных начал в праобщине были отношения по детопроизводству, или половые отношения. Здесь животные инстинкты должны были сказаться с особенной силой, а следовательно, и претерпеть сильнейшее давление со стороны развивавшегося общества.

Прежде всего возникает вопрос: как были организованы половые отношения в предшествующем праобщине зоологическом объединении предков человека? Известную, хотя, конечно, далеко не полную аналогию им можно видеть во взаимоотношениях приматов, изучению которых в последние десятилетия было уделено значительное внимание. Одни виды современных обезьян, такие, как шимпанзе и горилла, живут парными семьями, другие — так называемыми гаремными семьями, состоящими из десятка-другого особей во главе с крупным сильным самцом. Кроме вожака в гаремную семью входят молодые самцы, но обычно они не участвуют в размножении из-за невозможности выдержать

соперничество с вожаком. Когда несколько семей объединяется в стадо, каждая из них сохраняет известную обособленность, не исключаящую, однако, драк из-за самок.

Можно предполагать, что более или менее сходные порядки существовали и в стадах предков человека. Во всяком случае, и здесь гаремная или любая другая зоологическая семья была антагонистична стадному обществу. Поэтому часть советских ученых считает, что праобщина как начальная форма общественной организации могла возникнуть лишь в результате растворения в ней зоологических семей и взаимной терпимости взрослых самцов, т. е. установления нерегламентированных, неупорядоченных половых отношений, или промискуитета *. Сторонники этой гипотезы исходят не только из логических соображений, но и из некоторых этнографических данных, а именно из известных многим отсталым племенам промискуитетных оргиастических праздников, в которых видят пережиток первоначальной свободы общения полов. Однако существует и приобретает все больше сторонников и другая точка зрения, по которой праобщина унаследовала от предшествовавших ей животных объединений гаремную семью со свойственной ей регламентацией половой жизни. Если это так, то праобщина должна была состоять из нескольких гаремных объединений, время от времени перегруппировывавшихся вследствие смерти их глав, драк из-за женщин и т. п. и вообще менее устойчивых, чем сама праобщина.

Пока еще нет достаточных данных для того, чтобы с уверенностью судить о взаимоотношениях полов в праобщине. Но уж во всяком случае несомненно, что и половой промискуитет, и тем более гаремная или подобная ей организация не могли не быть постоянным источником внутренних конфликтов, осложнявших производственную жизнь и консолидацию формировавшегося общества. Потребности развития праобщины чем дальше, тем больше требовали усовершенствования регламентации половой сферы, однако вопрос о том, в каких формах протекал этот процесс, составляет еще одну из загадок древнейшей истории человечества.

§ 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ

Среди многих проблем истории первобытного общества эта проблема является едва ли не самой сложной. До нас не дошли никакие документальные свидетель-

ства того, каковы были средства коммуникации в стадах австралопитеков, питекантропов и неандертальцев, тем более нет никаких прямых данных о формировании и первых этапах развития подлинно человеческого мышления. Практически вся информация, находящаяся в нашем распоряжении, носит косвенный характер, и с ее помощью мы можем получить лишь более или менее правдоподобную реконструкцию и должны постоянно помнить о ее условности.

Во многих работах К. Маркса и Ф. Энгельса, особенно в их раннем совместном произведении «Немецкая идеология», содержится глубокая трактовка проблемы начала мышления и речи и их совместного дальнейшего развития. Классики марксизма подчеркнули неразрывность подлинно человеческого мышления и его внешнего проявления с помощью языка: без языковой стихии нет мысли, как и не может быть самого языка без мыслительного процесса, который этот мыслительный процесс обслуживает. Это было крупное научное достижение, так как лингвисты пришли к осознанию и аргументации этого положения на несколько десятилетий позже. Но, разумеется, постулирование единства языка и мышления, исключительно важное само по себе с философской точки зрения, и принятие этого положения не проясняют вопроса о конкретных формах речи, которые она имела у древнейших гоминид и принимала на протяжении истории первобытного общества вплоть до появления человека современного вида.

Примерно 60 лет тому назад Николай Яковлевич Марр, замечательный советский лингвист, филолог, историк культуры, даже этнограф и археолог, выдвинул и пытался обосновать идею кинетической речи — языка жестов, который был якобы присущ древнейшему первобытному человечеству и предшествовал звуковому языку. Среди критики, которой подверглись многие теоретические положения Марра в более поздней науке, досталось и его теории кинетической речи: она была признана ненаучной выдумкой и похоронена в архиве истории. Между тем Марр и ряд солидаризировавшихся с ним ученых не были голословны — они ссылались на обширную серию этнографических наблюдений, согласно которым многие используемые в близких к современности и даже современных первобытных коллективах языки имеют кинетическую жестовую природу. Небезосновательно указывалось им и на то, что звуковой материал

языка требовал времени для своего развития, а нарождающиеся общественные отношения нужно было обслуживать, в этих условиях жест приобретал смысл, нес какое-то сообщение, сообщение и жест канонизировались, сообщение прикреплялось к жесту, возникла постепенно совокупность жестов с определенными привязанными к ним смыслами, образовавшая дозвуковой этап в развитии речи. Развивая дальше эту гипотезу, можно легко представить себе, как в этих условиях формировались разные жестовые языки в отдельных стадах: разные сообщения в силу случайности или в силу каких-то еще не вскрытых современным знанием глубинных свойств человеческой психики прикреплялись к разным жестам, и, следовательно, системы жестовой коммуникации, будучи однотипными по существу, разнились по форме вплоть до взаимного непонимания.

Гипотеза Марра, находясь в забвении многие годы, неожиданно приобрела поддержку в недавних опытах обучения шимпанзе языку глухонемых. Опыты были проведены на нескольких животных и оказались на редкость впечатляющими. Все многочисленные попытки научить шимпанзе звуковой речи окончились неудачей в самом начале из-за непригодности их голосового аппарата к произношению человеческих звуков. Но когда эта анатомическая трудность была снята, шимпанзе оказались очень способными учениками: на протяжении года-полтора они овладели словарным запасом, превышающим сотню слов и абсолютно адекватно употребляли их даже в неожиданных для себя не предусмотренных экспериментом обстоятельствах. Любопытно, что овладение языком жестов перестроило поведение антропоидов: при объединении их с «неговорящими» особями они чувствовали свое отчуждение от них и тянулись к экспериментаторам — людям. И еще одно — матери обучали этому языку детенышей.

И все же, как ни блестящи оказались все результаты этих экспериментов, гипотеза кинетической речи имеет один крупный органический недостаток — речь жестов не дистанционна и не пригодна в темноте, этим ее функциональные возможности сразу же резко ограничиваются. Выше говорилось, что древнейшие гоминиды не могли не пугать животных при загонной охоте каким-то шумом, в том числе и голосом. Все обезьяны, включая и человекообразных, — вокализованные животные, произнесение тех или иных звуков для них естественно. Хотя

все это и косвенные, но все же достаточно полновесные доказательства вокализации древнейших гоминид и наличия у них очень слабых начальных, но все же вполне ощутимых начатков звуковой коммуникации. Весьма вероятно, что на первых порах она сопровождалась жестовой, но гораздо более богатые потенциальные возможности звуковой коммуникации не могли не оказаться решающими и вытеснить жестовые способы общения, как гораздо более бедные, а главное, функционально ограниченные. Если говорить о непосредственной основе звуковой речи у древнейших гоминид, то она образована вокализацией, типичной для высших приматов и, видимо, очень похожей на нее по своему характеру, но, конечно, не по форме звучания, которая могла быть совсем иной. В этой вокализации выделяются два типа или две основные группы звуков — обычные звуки, выражающие угрозу, ярость, страх и т. д. (их насчитывается от 20 до 30 у разных видов), и так называемые ²жизненные шумы, которые обезьяны издают постоянно, но которые связаны больше с их эмоциональным состоянием, удовлетворением от еды, например, и не несут информативной нагрузки кроме той, может быть, что все члены стада, пока издаются поочередно эти звуки одним за другими членами стада, чувствуют себя в безопасности. Крупнейший советский антрополог В. В. Бунак, посвятивший два специальных исследования происхождению речи, считал, что жизненные шумы — тот именно материал, на основе которого формируется звуковая речь, но последующее изучение вопроса не принесло подтверждения его правоты: по-видимому, все же звуки, имеющие реальную смысловую нагрузку, у приматов — предков человека послужили истоком для оформления простейшей звуковой человеческой коммуникации.

Выше было бегло сказано, что зарождавшаяся система речи должна была обслуживать формирующиеся общественные отношения. В принципе это верная, но недостаточная формулировка. Речь должна была обслуживать и все функции развившегося мышления, служила для него внешним выражением. Здесь мы пока блуждаем в области догадок. Многие лингвисты полагают, что первым было осознание действия, и, следовательно, в языке раньше всего возникла глагольная номинация *. В то же время совершенно очевидно, что не менее, чем обозначение действия, важно обозначение объекта. Таким образом, именная номинация, хотя бы

в каких-то ограниченных пределах, должна была сосуществовать с глагольной. Состав лексики трудно восстановить — наверное, это были наименования съедобных растений, объектов охотничьей добычи, частей туши, орудий труда, обозначение ближайших родственных отношений, небольшой набор необходимых глаголов. Пользование этой лексикой могло быть эффективным лишь при осознании местоименных отношений и изобретении служебных слов, прежде всего обозначающих направление действия. Так можем мы сейчас восстановить начальные формы звуковой речи, хотя, конечно, они восстанавливаются гипотетично, и пока мало надежды указать для них конкретные звуковые реалии.

Опубликовано довольно много работ с пространственными рассуждениями об этапах развития мышления и речи. Но все они малоубедительны из-за отсутствия конкретных данных, и научное значение их больше в том, что они указывают на какие-то возможности исследования темы, чем в том, что они дают конкретные результаты. Бесспорно можно утверждать, что постепенно росла лексика языка и совершенствовалась его операционная сфера, т. е. та рабочая часть языка, с помощью которой все более тонко выражаются отношения между обозначаемыми языковыми средствами понятиями. Дальше мы узнаем, что в мустьерское время появляются определенные зачатки идеологии, что не могло не повести к дальнейшему обогащению языка. Наконец, в соответствии с общепринятым мнением, с появлением человека современного типа язык достиг того уровня развития, что он по структуре своей стал уже вполне современным, отлился в те формы, которые свойственны с теми или иными модификациями всем изученным языкам мира.

§ 4. ИСТОКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

До недавнего времени существовали два резко различных и практически мало соприкасавшихся друг с другом подхода к трактовке морфологических особенностей мозга неандертальского человека. Антропологи и анатомы тщательно фиксировали все анатомические детали на эндокранах — слепках мозга ископаемых людей, получаемых с помощью отливок пространства внутренней полости черепной коробки. Накоплено достаточно много объективных наблюдений над вариациями различных мозговых структур и их динамикой во

времени, получено значительное число полных и всесторонних описаний особенностей эндокранов различных неандертальских находок. Все это неоценимый научный материал, но интерпретировать его нужно крайне осторожно, так как макроморфология мозга, т. е. его внешняя структура, значительно менее важна для его функционирования, чем его внутреннее строение. А внутреннее строение мозга, прекрасно описанное нейростологами у современного человека, остается полностью неизвестным у людей ископаемых из-за вполне очевидного несохранения мозгового вещества в ископаемом состоянии.

Поэтому антропологи стараются быть крайне осторожными в оценке разных функциональных сторон в деятельности мозга у древних людей, и если и позволяют себе высказать некоторые гипотезы вроде, например, гипотезы о более слабой, чем у современного человека социальности поведения неандертальцев, то стараются делать это в очень сдержанной форме.

Противоположный подход больше выражен в трудах археологов и этнографов, пишущих о проблемах первобытного общества. Достаточно вольно используя сведения о строении мозга неандертальцев и опираясь в основном на макрорельеф мозга — как уже говорилось, признак второстепенный, авторы пишут о какой-то особой примитивности мозговой структуры неандертальцев и их поведения, о их огромной неистребимой агрессивности и кровавых столкновениях внутри неандертальского стада. Искусственные повреждения на черепках некоторых форм непременно трактуются в этом случае как следствие внутрискладных конфликтов и, по мысли авторов, укрепляют вывод о господстве звериных инстинктов и столкновениях, доходящих до убийства. Теперь уже бесспорно доказанный каннибализм неандертальцев, проживавших в пещере Крапина в Югославии (он доказан наблюдениями над характером раздробления костей отдельных особей и многочисленными следами обгладывания этих костей), также служит доказательством их полужвериного поведения. Без внимания при этом остается то бесспорное обстоятельство, что в сообществах животных нет никаких примеров подобного бестиального поведения, все конфликты разрешаются мирным путем. Да и как могло бы неандертальское стадо существовать длительное время, на протяжении огромного числа поколений, если бы его изнутри посто-

янно разрушали чреватые смертельными исходами жестокие конфликты!

Но в противовес этой есть и другая тенденция, игнорирующая бесспорный факт морфологической примитивности неандертальского человека в сравнении с современным, — тенденция видеть в неандертальском человеке практически почти неотличимую от современного человека форму: коллективы неандертальцев имели сложную социальную организацию, справляли сложные культы, у них были представления о душе, единобожие, развитый культ предков и т. д. И тут мы отрываемся от реальной действительности, приписываем неандертальским коллективам то, что никак нельзя реально доказать.

Итак, изучение слепков мозга неандертальских людей дает чрезвычайно ограниченные возможности для восстановления особенностей их поведения и образа жизни. Оно, пожалуй, пригодно в этом смысле для очень осторожных заключений о развитии ассоциативного мышления, реконструкции этапов развития отдельных органов чувств и оценки общего уровня развития нервной системы и мозговой деятельности.

Более основательные сведения дают в этом отношении археологические данные, но при неприменимости условия объективности в их интерпретации. В этом случае мы не отрываемся от следов конкретной жизни неандертальских людей, наоборот, мы в своих реконструкциях опираемся на них в первую очередь и не привносим в них никаких не вытекающих из самого материала умозаключений. Данные же археологические богаты и разнообразны. Они получены при раскопках сотен ашельских и мустьерских стоянок и десятков неандертальских погребений. Наверное, именно здесь следует объяснить, почему все время в этом разделе говорилось о неандертальцах — для более ранних гомиин нет никаких наблюдений, которые свидетельствовали бы о какой-то деятельности или каких-то представлениях идеологического порядка. Исключение составляет упомянутая выше стоянка Бильценгелебен в Восточной Германии, оставленная питекантропами и давшая очень богатый археологический и фаунистический материал. На извлеченной из культурного слоя кости животного в одном случае обнаружены насечки явно искусственного происхождения, образующие какой-то порядок. Но тщательного исследования этих насечек пока не произведено, а сам факт остается единичным, поэтому

и говорить о каких-либо истоках идеологических представлений пока преждевременно.

Если попытаться классифицировать археологические свидетельства того, что мы сейчас рассматриваем, то они естественно распадаются на две группы — информация, относящаяся к погребениям, и информация, свидетельствующая о выработке каких-то форм эстетического отношения к действительности и начале искусства. Нужно сразу же подчеркнуть, что данные о погребениях являются и наиболее полными, и наиболее информативными, хотя сам факт наличия погребений у неандертальцев не был принят наукой сразу, и прошло несколько десятилетий, прежде чем он стал восприниматься как бесспорный и доказанный. Часть сомнений в реальном существовании неандертальских погребений была обязана своим появлением тому обстоятельству, что погребения неандертальцев раскапывались на ранних этапах развития археологической науки, часто не профессиональными археологами, а любителями, не имевшими достаточной подготовки для археологической фиксации погребального ритуала. Немалое негативное значение имело и соображение о покрытии покойника землей только в санитарно-гигиенических целях. Но накопленные теперь точные наблюдения над тщательно раскопанными погребениями, а также фиксация их ориентировки и сопровождающего покойника инвентаря позволяют перейти от скепсиса к утверждению о определенном характере действий с покойником, т. е. о реальном существовании погребений.

В первую очередь, об этом свидетельствует положение тела погребенных, его отношение к странам света. Подавляющее большинство погребений открыты в Европе, Передней и Средней Азии, и все они ориентированы с небольшими отклонениями по линии восток — запад, а отклонения легко объясняются удобством рытья могильной ямы, топографией пещер и т. д., т. е. чисто внешними по отношению к самому погребению обстоятельствами. Такой характер трупоположения безусловно говорит об осознании движения солнца по своей оси и какого-то представления о связи движения светила с покойником. Погребение в пещере Тешик-Гаш часто использовалось и используется для доказательства наличия у неандертальца солнечного культа — вокруг погребения в определенном порядке более или менее кругообразно были положены рога горного козла, на

которого неандертальцы охотились в этой местности. Строго говоря, с археологической точки зрения доказательство этому выглядит довольно слабо, но, логически рассуждая, можно высказать предположение, что связь положения покойника с движением солнца является неслучайной и отражает формирование каких-то представлений о связи мира светил с миром мертвых, о центральном положении солнца среди светил и т. д. Каковы же были конкретные формы этих представлений, сейчас трудно сказать.

Но дело, как уже указывалось, не только в положении покойника. Как правило, он лежит в неглубокой яме, вырытой в почве или выдолбленной в каменном полу пещеры, служившей жильем. Вокруг него часто положены каменные орудия. Некоторые археологи полагают, что никогда не удастся доказать преднамеренность положения этих орудий покойнику, что это всегда останется в области предположений. Однако подобный скепсис вряд ли оправдан — топографическая связь орудий со скелетом налицо, повторяется много раз, а значит, исключает случайность. Погребальные ямы, в которые покойники положены чаще всего в позе спящих на боку, присыпаны землей и камнями, располагаются на периферии пещер, но все же в их пределах. Таким образом, покойник был отодвинут у неандертальцев от мира живых, но не исключен из него, между двумя этими мирами была какая-то связь, о покойнике заботились, а не бросали его, покойнику подкладывали какие-то вещи, возможно, те, которыми он пользовался при жизни, одним словом, существовала какая-то сумма представлений и действий, из которой как из истока развился культ предков, столь характерный для многих обществ первобытности.

Но зачатки какие-то, видимо, весьма аморфные, культа мертвых и небесных светил не составляли изолированного явления в духовной жизни неандертальцев. Весьма вероятно, что они владели начатками магии*, как об этом свидетельствуют отдельные наблюдения, сделанные во французских пещерах, представлявших собою убежища неандертальцев: в них обнаружены какие-то напоминающие животных лепные фигуры, в которые, похоже, бросались камни. Не следы ли это магических действий, направленных на овладение зверем во время охоты? В свете всего сказанного выше о погребениях неандертальцев такое предположение не

кажется невероятным. В какой-то мере в связи с этим кругом наблюдений и предположений стоят археологические открытия в пещере Регурду на юго-западе Франции и в пещерах Драхенлох и Петерсхёле в швейцарских Альпах. В альпийских пещерах обнаружены захоронения черепов и костей конечностей медведей — и в том, и в другом случае это не ценные части туши, и поэтому их скопление нельзя рассматривать как мясные запасы. В Регурду кости медведя погребены в каких-то искусственных склепах, сооруженных из камней. За всем этим скрывается какой-то непонятный нам смысл, возможно, отражение одного из магических обрядов.

Но последние два десятилетия принесли нам и иную трактовку этих захоронений, касающуюся больше не магических действий, а истоков возникновения изобразительного искусства. Некоторые ученые не без основания считают, что воплощению форм внешнего мира в камне и глине (богатые образцы этого мы застаем в верхнем палеолите) предшествовала падающая на мустьерскую эпоху стадия так называемого натурального макета, т. е. трупа или чучела животного, укрепленного глиной или палками. Над этим чучелом совершались магические обряды. Такой макет — прообраз изобразительного творчества и одновременно предмет магии, он представляет собою каждую перечисленную структуру, с которой начинается то и другое. Но сейчас уже появились и непосредственные следы формы деятельности неандертальцев, выходящей за рамки только производственных действий. Очень многие археологи рассматривают в качестве следа такой деятельности каменную плитку, найденную в гроте Ля Ферасси во Франции. Вся она покрыта чашеобразными углублениями, похоже, искусственного происхождения, а также пятнами и полосами, нанесенными охрой. Но во всем этом трудно уловить какой-то порядок, кроме довольно бессистемного чередования сходных элементов; может быть, с этого начинается в истории человечества простейший орнамент. Сенсационная находка была сделана в мустьерском культурном слое стоянки близ Тернополя на Украине — кусок кости с отчетливо выполненным на нем силуэтом какого-то животного. Однако многие археологи расценивают эту находку скептически, относя ее к более позднему времени.

ГЛАВА 3

ЗРЕЛОСТЬ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА: ЭПОХА ПЕРВОБЫТНОЙ ОБЩИНЫ

§ 1. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА АНТРОПОГЕНЕЗА

Завершение процесса антропогенеза и возникновение человека современного вида. Эволюция семейства гоминид на протяжении раннего и среднего плейстоцена создала благоприятные предпосылки для достижения последней ступени этой эволюции — возникновения человека современного вида. Действительно, уже древний представитель рода *Ното* — неандертальский человек имел все необходимые для интенсивной трудовой деятельности органы — большой мозг, подвижную руку, не говоря уже об устойчивой походке и выпрямленном положении. Но, как уже было отмечено, строение его мозга характеризовалось наличием ряда примитивных признаков, а подвижность руки могла быть ограничена, что суживало его возможности в развитии мышления и речи и в усовершенствовании техники обработки камня. Поэтому коллектив неандертальцев имел малые потенциальные возможности в развитии общественных форм жизни.

Наиболее вероятная теория факторов появления человека современного вида исходит из преимуществ современного человека перед неандертальским как существа социального. При клинических наблюдениях над больными было замечено, что хирургические операции, затрагивающие лобные доли, и вообще любые поражения лобных долей приводят к тяжелым нарушениям нервной системы, проявляющимися чаще всего в разрушении тормозящих реакций. Субъект, у которого поражены лобные доли, становится злобным, буйным и непригодным к нормальным условиям человеческого общежития. По мнению Я. Я. Рогинского, интенсивное развитие передних отделов мозга у современного человека в сравнении с неандертальцем как раз и происходит вследствие того, что обусловленные им социальные качества приобрели огромную роль в эпоху резкого подъема производства и складывания начальных форм родовой организации, какой была эпоха позднего палеолита. Поэтому эта морфологическая особенность выявлялась и сохранялась при переходе от поколения

к поколению под влиянием естественного отбора. Увеличение высоты черепной коробки и выпрямление лобной кости вследствие изменения строения переднего отдела мозга привели в конце концов к уменьшению рельефа лобной кости, т. е. к исчезновению надбровного валика. Возможно, что перестройка черепной коробки оказала какое-то влияние и на перестройку лицевого скелета. Наконец, с дальнейшим усовершенствованием речи и перестройкой речевого аппарата, протекавшими опять-таки параллельно с развитием производства и социальной организации, связано, по-видимому, образование подбородочного выступа.

Время появления человека современного вида падает на вторую половину позднего плейстоцена и совпадает с началом позднего палеолита. Во всяком случае до сих пор неизвестны позднепалеолитические стоянки, в которых были бы обнаружены костные остатки неандертальского человека. Что же касается находок современного человека с мустьерской индустрией, что более вероятно и теоретически, то они имеются. В частности, такая находка была сделана в 1953 г. в Крыму А. А. Формозовым, где скелет мальчика современного типа, характеризовавшийся наличием лишь двух-трех, да и то слабовыраженных примитивных признаков, был обнаружен в позднемустьерском слое. В археологической и геологической литературе в связи с господствовавшей концепцией глубокой древности *Homo sapiens* неоднократно описывались многочисленные случаи находок костных остатков современного человека в геологических слоях среднего и даже раннего плейстоцена. Однако все эти описания основываются на наблюдениях, не выдерживающих строгих требований геологической датировки.

Острая дискуссия развернулась и по вопросу о месте формирования человека современного вида. С одной стороны, предполагается, что различные расы современного человека произошли от разных рас неандертальцев, и таким образом весь Старый Свет можно назвать прародиной *Homo sapiens*. Согласно этой гипотезе, получившей в антропологической литературе название гипотезы полицентризма и сформулированной в 1939 г. работавшим в Китае немецким антропологом Францом Вайденрайхом, европеоидная раса сформировалась на базе европейских неандертальцев, негроидная — на базе южных, преимущественно африкан-

ских, форм неандертальского типа, монголоидная происходит от потомков синантропа. В пользу этой гипотезы могут быть приведены археологические данные, свидетельствующие о непрерывном переходе нижнепалеолитической культуры в верхнепалеолитическую везде, где этот переход был изучен сколько-нибудь обстоятельно. Другая гипотеза, получившая название моноцентрической и сформулированная в 1947 г. Я. Я. Рогинским, исходит из отсутствия ощутимых морфологических аналогий между современными расами и расами неандертальцев. Тип современного человека сложился в центре ойкумены, по-видимому, в Передней Азии и Средиземноморье, вследствие интенсивного смешения различных представителей неандертальского типа, проходившего в центре ойкумены сильнее, чем в ее окрестностях. В качестве аргументов в пользу этой гипотезы можно указать на прогрессивных палестинских неандертальцев, найденных как раз в области предполагаемой прародины *Homo sapiens*, и на их типологическую неоднородность, свидетельствующую о резкой смешанности морфологического типа.

В общем, следует сказать, что проблема далека от своего решения. Все же археологически фиксируемый непрерывный переход от раннего палеолита к позднему на всех материках Старого Света и наличие параллелизма в географическом распределении современных рас и различных морфологических форм неандертальского типа склоняют чашу весов скорее в пользу полицентрической гипотезы.

Специфические морфологические особенности ранних позднепалеолитических форм *Homo sapiens* получают убедительное объяснение с точки зрения обеих гипотез и не помогают сделать выбор между ними. Так, сильное выступание носа сближает верхнепалеолитических людей Западной и Восточной Европы с современными представителями европеоидной расы; широкий нос, выступание лица вперед в одинаковой степени характерны как для древних, так и для современных представителей негроидной расы; наконец, уплощенность лица, столь характерная для современных монголоидов, может быть отмечена и на позднепалеолитических черепках с территории Китая. Этот факт, казалось бы, может рассматриваться в качестве доказательства полицентрического происхождения современного человека и его рас. С другой стороны, для всех верхнепалео-

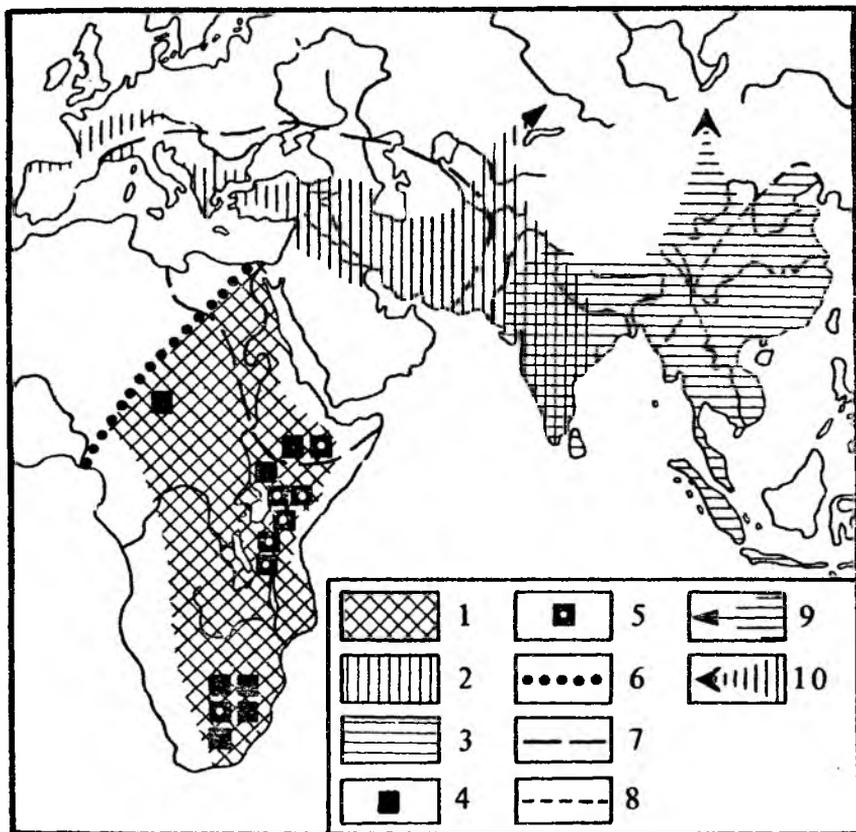
литических черепов, на каком бы из материков Старого Света они не были обнаружены, характерен комплекс признаков, сближающих их между собой и позволяющих утверждать, что типологическая неоднородность позднепалеолитического человечества была меньше, чем современного, — явный аргумент в пользу моноцентрической гипотезы. К числу этих признаков относятся широкое низкое лицо, низкие орбиты, удлинённая форма черепной коробки. Все они придают позднепалеолитическим черепам своеобразный морфологический облик, отмечаемый обычно в антропологической литературе как пример «дисгармонического» соотношения между размерами лицевого скелета и черепной коробки. Возможно, оно отражает неполную завершенность процесса формирования морфологического типа современного человека на ранних этапах его истории.

Расогенез. Расширение первоначальной ойкумены способствовало расовой дифференциации человека. Находки черепов позднепалеолитических людей говорят о том, что основные особенности главных расовых делений человечества, существующих в настоящее время, уже были выражены в эпоху позднего палеолита достаточно отчетливо, хотя, по-видимому, все же меньше, чем в настоящее время. Они более или менее точно совпадали с границами материков. Европеоидная раса сформировалась преимущественно в Европе, монголоидная — в Азии, представители негроидной расы населяли Африку и Австралию. Исключение составляли пограничные зоны — Средиземноморье, где на европейском побережье встречались представители негроидной расы, а на африканском — европеоидные группы; Кавказ и Средняя Азия, заселенные преимущественно представителями европеоидной расы; Южная и Юго-Восточная Азия, где негроиды смешивались с монголоидами и европеоидами. Таким образом, в образовании морфологических различий между тремя большими расами человечества, или, как принято говорить в антропологии, расовых различий первого порядка, основная роль принадлежала, по всей вероятности, двум факторам — приспособлению к среде, несомненно различавшейся на разных материках, и изоляции на обширных пространствах целых материков в результате достаточно резких естественных рубежей между материками.

Приведем некоторые соображения о приспособительном значении расовых признаков.

Классические представители негроидной расы имеют очень темную кожу, курчавые волосы, очень широкий нос, толстые, как бы вывернутые, губы. Этот комплекс признаков представляет собой пример удачного физиологического приспособления к тем условиям среды, в которых живут негроиды и которые в первую очередь характеризуются очень высокой температурой и большой влажностью. Европейцы в условиях тропического климата, как правило, чувствуют себя плохо и быстро заболевают вследствие изнурительного воздействия жары и влажности воздуха, коренные же жители Африки чувствуют себя в этом климате превосходно. Объяснение этого обстоятельства заключается в том, что последним, так же как и австралийцам, помогают сохранять хорошее самочувствие перечисленные особенности их морфологии. Темный цвет кожи образуется у них благодаря наличию в покровных слоях кожи меланина — особого пигмента, предохраняющего кожу от ожогов. Он есть и в коже представителей других рас, но в значительно меньшем количестве. Курчавые волосы создают вокруг головы особую воздухоносную прослойку, предохраняющую ее от перегрева. По-видимому, этому же способствует и характерная для большинства представителей негроидной расы большая высота и удлиненная форма черепной коробки, создающие из нее геометрическое тело, в наименьшей степени, как было показано специальными опытами, подверженное перегреву. Широкий нос с крупными ноздрями и толстые губы с обширной поверхностью слизистой оболочки усиливают теплоотдачу, так же как и большое количество потовых желез на единицу поверхности тела, характерное для негроидов.

Монголоидная раса сложилась в областях с жарким, но сухим континентальным климатом, в условиях полупустынного и степного ландшафта, где сухой и холодный ветер поднимает и гонит громадные тучи мельчайшего песка. Это обстоятельство также не могло не вызвать образования каких-то защитных приспособлений. И действительно, лицо у представителей монголоидной расы покрыто слоем жира, значительно превосходящим по толщине слой жира на лице европеоидов и негроидов, а глаза характеризуются узким разрезом и наличием особой складки во внутреннем углу глаза — эпикантуса. О том, что эти отличительные признаки монголоидной расы сформировались под влиянием приспособления

Прародина человечества, западный и восточный очаги расообразования. Карта составлена В. П. Алексеевым

Примерное распространение: 1 — древнейшей олдувейской индустрии, 2 — нижнепалеолитических памятников преимущественно с колунами и рубилами, 3 — нижнепалеолитических памятников преимущественно с чопперами. Находки австралопитеков в Африке: 4 — костных остатков, 5 — костных остатков вместе с древнейшими галечными орудиями. Предполагаемые границы: 6 — прародины человечества, 7 — западного очага расообразования, 8 — восточного очага расообразования. Спорадическое распространение на север отдельных групп людей: 9 — с традицией изготовления колунов и рубил, 10 — с традицией изготовления чопперов.

к среде, свидетельствует факт образования аналогичных особенностей у бушменов и готтентотов Южной Африки, живущих в условиях степного и полупустынного ландшафта, приближающегося к ландшафту Центральной Азии.

Наконец, наиболее характерная морфологическая особенность европеоидной расы — сильно выступающий нос — также может быть объяснена как результат воздействия климата на процесс расообразования. Сравнительно суровый климат Европы в конце четвертичного периода обуславливал необходимость образо-

вания таких приспособлений, которые предохраняли бы организм человека от переохлаждения. Сильное выступание носовой полости удлиняло путь воздуха до дыхательных путей и способствовало его согреванию.

Наряду с явно полезными признаками, несомненно имеющими адаптивное значение и образовавшимися, по всей вероятности, вследствие приспособления к условиям существования еще на той стадии, когда действовала естественный отбор, все ныне существующие расы характеризуются комплексом более или менее нейтральных признаков, которым трудно приписать какую-либо пользу для их обладателей. Это многие мелкие детали строения носа, рта, ушей, те или иные соотношения лицевых и черепных размеров и т. д. По-видимому, в сложении всех этих особенностей велика роль случайной изменчивости и изоляции; иными словами, формирование нейтральных комплексов признаков — результат случайной концентрации этих признаков в замкнутых ареалах первоначального распространения основных расовых делений человечества. Известный вес имела, видимо, и корреляционная изменчивость, т. е. изменение одного из двух признаков в том случае, если изменился другой. При этом признак, изменившийся вслед за другим признаком, сам по себе может и не быть полезным организму. В качестве примера можно указать на изменение ширины лица при изменении ширины черепа, на связь между интенсивностью окраски волос и глаз и т. д.

Итак, совокупное действие приспособления к среде, случайной изменчивости и изоляции привело к сложению на трех больших материках Старого Света трех больших рас человечества, различия между которыми уже к концу позднепалеолитической эпохи стали достаточно отчетливыми. Однако на этом процесс расообразования не закончился. Если действие естественного отбора, а с ним и прямое приспособление к среде уменьшились, то неизмеримо возросло влияние смешения представителей разных рас на процесс расообразования. Кроме того, вступило в действие еще одно явление — эпохальная изменчивость, под которой в антропологии подразумевается изменение признаков во времени в определенном направлении. Особенно четко действие этого явления проявилось в изменении по эпохам формы черепной коробки в сторону уменьшения ее длины и увеличения ширины и признаков, отражающих степень

массивности черепа, в сторону замены массивных вариантов более грацильными. Эти изменения являются следствием, по-видимому, многих причин, в частности удлинения периода роста и ускорения полового созревания под влиянием усложнения социальной среды, введения в культуру земледелия, что, очевидно, сказывается на изменении пищи и вообще всего режима хозяйственной жизни, наследственных перекombинаций при смешении.

Судя по палеоантропологическим и археологическим данным, выделение крупных ветвей в пределах больших рас относится к эпохе мезолита. Внутри европеоидной расы выделяются северная и южная ветви, внутри монголоидной — азиатская и американская ветви, негроидный ствол разбивается на две группы типов — африканскую и австралийскую. К этому же времени относится, по-видимому, формирование метисных типов в контактных зонах. Многие из локальных рас образовались под влиянием изоляции. Это справедливо в первую очередь по отношению к австралийскому и американскому стволам. Северная и южная ветви европеоидной расы, представители которых обнаруживают все гаммы переходов от самых светлоглазых и светловолосых на земном шаре людей к негроидам, также, по-видимому, испытали влияние климатического фактора. Таким образом, разные факторы расообразования различно действовали на разных территориях и по отношению к разным расовым типам.

Дальнейшее подразделение расовых вариантов внутри перечисленных локальных рас различно в разных расовых классификациях, которые отличаются одна от другой количеством выделенных типов, принципами, положенными в основу их выделения, взглядами на генезис и взаимоотношения этих типов. Все эти варианты сложились под влиянием различных факторов. В общем, чем меньшей древностью отличается тот или иной расовый тип, тем большую роль в его образовании сыграли смешение и направленные изменения признаков. Однако подавляющая часть этих поздних расовых типов сформировалась на протяжении последних двух-трех тысячелетий, и формирование их заметно выходит за хронологические рамки истории первобытного общества.

§ 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩИННО-РОДОВОГО СТРОЯ

Наступление верхнего палеолита ознаменовано крупными сдвигами в развитии производительных сил, о которых будет подробно сказано дальше. Эти сдвиги повлекли за собой не менее крупные изменения в организации общества. Возросшая техническая вооруженность человека в его борьбе с природой сделала возможным существование относительно постоянных хозяйственных коллективов. Но в то же время она требовала эффективного использования, преемственности и дальнейшего совершенствования усложнившихся орудий и навыков труда. Праобщине с ее сравнительно аморфной неустойчивой структурой эта задача была не под силу. Поэтому праобщина неизбежно должна была уступить место более прочной форме общественной организации.

Характер новой общественной организации определялся несколькими основными обстоятельствами. Во-первых, при очень низком уровне развития того общества, в условиях которого начала складываться новая организация, едва ли не единственной основой для упрочения социальных связей было осознание общности интересов в форме родства. Во-вторых, наиболее стабильной частью тогдашних коллективов были женщины, игравшие исключительную роль в заботе о потомстве и ведении домашнего хозяйства. В-третьих, как при нестабильности гаремных семей, так и при неупорядоченности полового общения, а следовательно, неопределенности отцовства отношения родства, по-видимому, должны были начать осознаваться как родство между потомками одной матери, т. е. строиться по материнской, женской, линии. В силу всего этого той упорядоченной формой организации общества, которая в конце концов сменила праобщину, вероятно, был коллектив сородичей, связанный общим происхождением по материнской линии, т. е. материнский род.

Многие зарубежные и некоторые советские исследователи считают, что первоначально счет родства (филиация *) велся по отцовской линии, или же допускают параллельное зарождение материнского и отцовского счета родства. При этом они ссылаются на существование последнего у многих из наиболее отсталых племен и на представления о так называемом социальном отцовстве, т. е. о признании отцовства определенного

круга мужчин. Однако такой точке зрения противостоят многие фактические данные. Это прежде всего то подмеченное уже Э. Дайдером обстоятельство, что этнографии известно множество фактов перехода от материнского счета родства к отцовскому и почти ни одного обратного перехода. Соответственно этому в подавляющем большинстве отцовско-родовых обществ засвидетельствованы пережитки материнского рода, обратная же картина никогда не наблюдалась. Это также постепенное обнаружение во все новых и новых отцовско-родовых обществах остатков материнско-родового строя, позволяющее полагать, что в дальнейшем такие остатки будут найдены и у многих из тех племен, у которых они в настоящее время не зафиксированы. Это, наконец, новейшие свидетельства приматологии о матрифокальности * уже в стадах высших обезьян, из чего следует, что представления о материнском родстве должны были намного опережать представления о родстве отцовском. Другое дело, что у ряда наиболее отсталых племен материнский счет родства вследствие тех или иных конкретных причин очень рано сменился отцовским; это особый сложный вопрос, который не следует смешивать с вопросом о первоначальной форме рода.

Возникновение на стадии перехода к верхнему палеолиту (а может быть, еще раньше) родового строя косвенно подтверждается некоторыми археологическими данными. На ориньякских стоянках СССР вскрыты остатки огромных, в несколько десятков, а иногда даже и сотен квадратных метров, коллективных жилищ, строительство и использование которых могло быть связано только с деятельностью прочно спаянных производственных коллективов. Некоторые из этих жилищ (Костенки-I, Костенки-IV) в деталях напоминают известные этнографии обиталища материнских родовых коллективов, в частности так называемые длинные дома ирокезов. К этому же времени относятся многочисленные находки, дающие известные основания говорить о зарождении материнского счета родства. Это ориньякские и солютрейские женские статуэтки с подчеркнутыми признаками вола, так называемые верхнепалеолитические Венеры. Многие археологи вслед за П. П. Ефименко рассматривают их как свидетельство появления культа матерей-прародительниц. Другую трактовку дал им С. А. Токарев, видящий в них не прародительниц, а хозяйек и охранительниц домашнего очага, олицетворя-

ющих в себе это средоточие жизни родовой группы. Вторая точка зрения подкреплена многочисленными этнографическими параллелями и, вероятно, ближе к истине. Но кто бы ни был прав, позднепалеолитические фигурки говорят об особом месте женщины в жизни и мировоззрении общества и, возможно, действительно указывают на зарождение материнско-родового культа.

Наряду с однолинейным счетом родства другим важнейшим признаком рода был обычай экзогамии *, т. е. запрещение брачного общения внутри рода и предписание этого общения за его пределами. Происхождение этого обычая, а тем самым и конкретный механизм превращения праобщины в родовую общину, все еще остается неясным.

По вопросу о происхождении экзогамии существует множество различных теорий, ни одна из которых не является общепринятой. Первая из них была предложена в 60-х годах XIX в. Мак-Леннаном, введшим в науку понятие экзогамии, хотя и запутавшим его разделением всех первобытных племен на экзогамные и эндогамные. По мнению Мак-Леннана, истоки экзогамии лежали в обычаях «воинственных дикарей», убивавших бесполезных на войне девочек, а поэтому вынужденных искать себе жен на стороне.

Дарвин, обратив внимание на то, что самцы оленогонных собак предпочитают чужих самок самкам своей стаи, объяснял происхождение экзогамии взаимным отвращением к половому общению, которое должно было возникнуть у близких, повседневно общавшихся между собой родственников. В пользу этого предположения, возможно, в какой-то степени говорят данные современной демографической статистики по некоторым странам Юго-Восточной Азии, свидетельствующие о более высокой детности в семьях, основанных на неродственных браках. К теории Дарвина близка довольно распространенная теория «инстинктивного» отвращения к кровосмесительным половым связям. Еще один взгляд на происхождение института экзогамии (Бриф-фолт, а среди советских ученых Б. Ф. Поршнев) представлен выведением ее из такого якобы свойственного праобщине порядка, при котором более подвижные охотники-мужчины постоянно отрывались от женщин и встречались с женщинами других праобщин, в свою очередь отстававшими от своих мужчин. Отметим также гипотезу Э. Дюркгейма, искавшего истоки экзогамии

в боязни перед человеческой кровью вообще и дефлорационной * и менструальной кровью женщины из своего рода в особенности.

Заметный след в истории вопроса оставил Морган, связывавший возникновение экзогамных запретов со стремлением избежать биологически вредных последствий кровосмешения. Это объяснение было воспроизведено Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» с той, однако, оговоркой, что подобное стремление могло проявляться лишь стихийно, без ясного сознания цели. Однако позднейшие данные науки показали, что теория Моргана не бесспорна. Во-первых, выяснилось, что вредность родственных браков при достаточно значительных размерах популяции * проблематична. Во-вторых, если даже такие браки и были вредоносны, это не могло быть принято во внимание формирующимся родовым обществом хотя бы потому, что мустьерский человек, вероятно, еще не вполне понимал связь между половым актом и деторождением, о чем свидетельствуют остатки некоторых верований австралийцев. В-третьих, в большинстве случаев родовое общество не только допускало, но и считало обязательными браки между определенными категориями близких родственников. Учитывая все это, большинство современных ученых считают «биологическую» теорию возникновения экзогамных запретов недостаточно обоснованной.

Разрабатывая сложную проблему происхождения экзогамии, советские ученые стремятся найти внутреннюю взаимосвязь между этой формой регулирования половых отношений и всем ходом развития производственной деятельности первобытных человеческих коллективов. Идя этим путем, некоторые исследователи (А. М. Золотарев, С. А. Токарев) связали возникновение экзогамии со стремлением мустьерских праобщин преодолеть свою первоначальную замкнутость и установить хозяйственные контакты с соседними праобщинами. Однако одного этого объяснения, по-видимому, недостаточно. Тенденция к расширению хозяйственных связей в своем развитии должна была бы привести к появлению большого количества взаимосвязанных групп; между тем, как мы увидим дальше, первоначальной структуре родового общества было присуще наличие только двух экзогамных взаимобрачных коллективов. Другие советские исследователи (из современ-

ных особенно Ю. И. Семенов) объясняют возникновение экзогамии необходимостью упорядочения хозяйственной жизни внутри первобытных коллективов. Они исходят из того, что нерегулируемые половые отношения должны были сопровождаться непрерывными столкновениями на почве ревности и тем самым расшатывали праобщину как хозяйственную и общественную ячейку. Борясь с этим, общество постепенно вводило половые запреты, все более ограничивавшие и в конце концов сделавшие невозможным половое общение внутри данной группы.

Однако вынесение половой жизни за рамки коллектива, укрепляя его, должно было повести к учащению конфликтов с другими коллективами, причем понятно, что чем больше было бы таких взаимобрачных групп, тем шире была бы арена конфликтов. Поэтому простейший естественный путь устранения создавшихся противоречий вел к постепенному возникновению дуальной * организации — сочетания только двух экзогамных групп в одно постоянное взаимобрачное объединение, зародыш эндогамного * племени.

Ко времени первых этнографических описаний общественного строя наиболее отставших в своем развитии племен ни одно из них уже не сохраняло дуальной организации в ее первоначальном виде, т. е. не состояло только из двух родов. С ростом народонаселения последние поделались на несколько новообразований. Однако дочерние роды не порвали связи между собой и продолжали составлять две особые половины племени, названные Морганом фратриями *. Остатки дуальной организации в виде деления племени на две экзогамные взаимобрачные фратрии широко прослежены в историческом прошлом многих племен и народов. Так, у австралийцев Западной Виктории существовали фратрии Черного и Белого какаду, у меланезийцев Новой Ирландии — Орла-рыболова и Сокола, у бразильских индейцев — Востока и Запада, у ирокезов-сенека — Медведя и Оленя, у селькупов — Кедровки и Орла и т. д. В некоторых случаях, как, например, у ирокезов-сенека, сохранились предания о происхождении всех дочерних родов от двух первоначальных, названия которых совпадают с названиями фратрий. У ряда народов (меланезийцы, индейцы, обские угры и др.) удалось обнаружить остатки былого хозяйственного, общественного и идеологического единства фратрий.

Еще шире прослеживаются явления, которые многие ученые считают отголосками дуальной организации, у племен и народностей, утративших древнее фратриальное деление, но, возможно, удержавших воспоминание о нем в «четности» своей родоплеменной или сменившей ее политической структуры, в генеалогических традициях, мифах и поверьях. Таковы, например, сведения о 4 филах древних афинян, 6 племенах мидийцев, 12 коленах древнего Израиля, 24 племенах огузов, 24 старейшинах гуннов, сведения о 2 «странах» и древних Египте и Перу, 2 правителях в Спарте, Риме и Карфагене и т. п. Таковы же многочисленные легенды о двух прародителях, или «культурных героях», — Ромуле и Реме у римлян, Санасаре и Багдасаре у армян, Эхирите и Булагате у бурят, Гету-Шабане и Баца-Какове у лезгин и пр. Однако следует иметь в виду, что пережиточная связь таких явлений с древней дуальной организацией все же проблематична. В ряде случаев «четность» социальной или иной структуры могла вызываться и различными другими причинами, в частности тем, что все, что делится, поначалу обычно делится на две части.

Широкое распространение дуального деления, находимого у народов, совершенно различных по своей этнической принадлежности и уровню развития, свидетельствует о глубокой древности и универсальности дуальной организации. Оно показывает несостоятельность взглядов значительного ряда ученых, которые, пытаясь опровергнуть концепцию универсальности родового строя, рассматривали дуальную организацию как один из частных первобытных институтов, связанных с существованием «двухклассового культурного круга» (В. Шмидт, В. Копперс), со случайным соединением двух племен (У. Риверс) или же со стремлением иметь двух слабых вождей взамен одного сильного (некоторые этнографы-функционалисты).

Таким образом, казалось бы, что гипотеза о связи экзогамии с упорядочением внутренней жизни праобщины более всего соответствует общим логическим соображениям и фактам этнографии. Однако и она уязвима для критики. В последнее время установлено, что даже в животных сообществах существует известная система доминирования, иерархия особей, оставляющая немного места внутренним столкновениям. Проблема возникновения экзогамии и родового строя остается откры-

той. Одна из причин этого состоит в том, что при ее решении за отсутствием прямых этнографических сведений приходится обращаться к косвенным данным, к анализу пережитков, а подчас даже ограничиваться чисто логическими доводами. Но возможно, что здесь есть и другая причина: стремление найти одно-единственное достаточное объяснение, в то время как во многих из существующих гипотез содержатся свои рациональные зерна. Так, допустимо предположить, что недостаточно многочисленные популяции пришли к экзогамии из-за отрицательных последствий близкородственных браков, тесно соседствующие между собой группы — для упрочения контактов, а группы с недостаточно эффективной системой доминирования — из-за внутригрупповых конфликтов. Во всех этих случаях установление экзогамии было, разумеется, не сознательным актом, а длительным стихийным процессом, в ходе которого пришедшие к экзогамии группы оказывались более жизнеспособными и вытесняли своих соседей. В то же время известную роль мог сыграть и лежащий на поверхности осознанный стимул к экзогамии — действительно широко распространенная табуация крови сородичей.

В отличие от праобщины родовая община была уже сформировавшимся, «готовым», по выражению Энгельса, человеческим обществом. В нем достигли наивысшего развития начала первобытного коллективизма, тесное сотрудничество и спайка сородичей, причем, как об этом можно судить по этнографическим аналогиям, отношения родства осознавались как экономические отношения, а экономические отношения — как отношения родства. Тем самым признание родовых связей получило общественное значение, стало как бы основным конституирующим признаком пришедшего на смену праобщине нового производственного коллектива — родовой общины.

§ 3. СТАДИЯ РАННЕПЕРВОБЫТНОЙ (РАННЕРОДОВОЙ) ОБЩИНЫ

Общие сведения. Стадия раннепервобытной (раннеродовой) общины характеризуется простым присваивающим хозяйством так называемых низших охотников, рыболовов и собирателей и соответствующими ему примитивными формами общественных отношений. Но ни во временном, ни в пространственном отношении эта

стадия не была единообразной. За 25 — 30 тыс. лет ее существования человечество прошло значительный путь развития и на теперь уже очень обширной области своего расселения создало разнообразные формы производственной деятельности.

Прежде всего на протяжении этой стадии наблюдался заметный рост производительных сил. Не менее чем в 3 — 4 раза расширился ассортимент орудий труда, в том числе особенно эффективных составных орудий. Очень большое значение имело изобретение лука со стрелами, появление которого часто считают гранью между двумя этапами присваивающей деятельности: архаическим и более развитым охотничье-собираТЕЛЬСКИМ хозяйством, в ряде районов сочетавшимся также и с рыболовством. Правда, грань эта не универсальна. В Южной Америке, Океании и Юго-Восточной Азии известны охотничьи общества, пользовавшиеся не луком со стрелами, а другим эффективным оружием дальнего действия — духовой стрелометательной трубкой. Все же, как показывают археологические и этнографические материалы, шире всего как усовершенствованное охотничье оружие распространился лук со стрелами, и поэтому в нем со сделанной оговоркой можно видеть важный рубеж между двумя этапами развития присваивающей экономики. Археологически эти два этапа соответствуют эпохам верхнего палеолита и мезолита. Немалое значение имели и другие сдвиги в вещественных производительных силах на этой стадии, в частности, приручение собаки, усовершенствование водных транспортных средств, орудий рыболовства (сети и простейшие крючки) и морского зверобойного промысла (гарпуны).

Прогрессировали субъективные производительные силы — производственные навыки человека. Расширились знания о природной среде, накопился производственный опыт, улучшилась организация коллективного труда. Труд был простой кооперацией, т. е. сотрудничеством, не знавшим продвинутых форм общественного разделения труда. Он заключался в совместных трудовых затратах для выполнения более или менее однородных работ и мог принимать различные конкретные формы. Так, при загонной охоте объединялись трудовые усилия отдельных индивидов по отношению к одному и тому же предмету труда, а при охоте на мелкую дичь и собирательстве эти усилия параллельно применялись

к различным, но однородным объектам. Конечно, даже такую простую кооперацию не следует понимать упрощенно. Полной однообразности трудовых операций никогда не было. При той же загонной охоте выделялись опытные организаторы, загонщики, новички, помогавшие разделять и нести добычу, и т. д. Постепенное усложнение производственных навыков чем дальше, тем больше требовало хозяйственной специализации. Поэтому существовавшее уже в праобщине естественное разделение труда по полу и возрасту получило теперь дальнейшее развитие. Мужчина стал преимущественно охотником, а позднее обычно и рыболовом, женщина сосредоточилась на собирательстве, на домашнем хозяйстве, стала хранительницей очага. Дети и старики помогали трудоспособным членам общины. Старики, кроме того, обычно являлись хранителями коллективного опыта и активно участвовали в изготовлении орудий труда. Подобное разделение функций вело к росту производительности труда всего коллектива.

Значительной стала также пространственная вариативность в производственной деятельности. Ведь в первобытности человек в несравненно большей степени, чем позднее, зависел от природных условий. Отметим только наиболее разительные различия, связанные с особенностями природной среды. У общин, живших в умеренных, а тем более в северных широтах, собирательство, видимо, играло меньшую роль, чем у общин субтропических и тропических широт. У первых ассортимент каменных орудий обычно был шире, у вторых — ограниченнее, так как наряду с камнем широко применялись дерево и бамбук. Первые создали долговременные искусственные коллективные жилища, вторые чаще обходились без них. И т. д., и т. п.

Стадия раннепервобытной общины — время существования человека современного вида, и для ее исторической реконструкции широко применяют наряду с археологическими материалами этнографические аналоги. Это — корейное население Тасмании и Австралии, аэты Филиппин, семанги и часть сеноев Малакки, лесные андаманцы и ведды Шри-Ланки, бушмены пустыни Калахари, часть эскимосов, огнеземельцы и некоторые другие племена Южной Америки. Правда, все это, как правило, — племена мезолитического облика, но в культуре многих из них сохранились и верхнепалеолитические традиции. Это в ряде случаев позволяет использо-

вать сведения по ним для исторической реконструкции стадии в целом.

Подъем производительных сил и расширение первоначальной ойкумены. С появлением человека современного вида мы вступаем в эпоху заключительного этапа развития палеолитической каменной техники — эпоху верхнего палеолита. Эта эпоха по сравнению с эпохой среднего палеолита, или эпохой мустьерской культуры, характеризуется значительным подъемом производительных сил, выразившимся не только в росте численности человеческих коллективов и расширении возможностей овладения природой, но и в значительном усовершенствовании технологии, т. е. в улучшении самой техники обработки камня и разнообразии и специализации изготавливаемых орудий труда.

В распоряжении современной науки отсутствуют пока сколько-нибудь надежные данные для определения численности древнейшего человечества в разные эпохи его развития. Поэтому основанием для утверждения о численности человечества более являются общие соображения и число и размеры верхнепалеолитических поселений, чем конкретные данные. В целом верхнепалеолитическая ойкумена гораздо больше насыщена памятниками, исчисляемыми тысячами, чем среднепалеолитическая и тем более нижнепалеолитическая. Разумеется, и памятники эти сохранились лучше, но увеличение их числа на порядок не может не отражать увеличение численности и плотности населения в эпоху верхнего палеолита, хотя конкретные цифры для характеристики этих параметров остаются неизвестными.

Повышение уровня орудийной оснащенности человечества в это время имеет своей причиной изобретение новой техники обработки камня. С типичного для мустьерской культуры дисковидного нуклеуса пластины скалывались под углом, они были бесформенны и грубы, и толщина и особенно ширина их были неодинаковы. Для получения пластин в эпоху верхнего палеолита использовался так называемый призматический нуклеус, т. е. каменная заготовка достаточной высоты и правильной формы, с которой пластины скалывались по всей ее длине. В результате эти пластины имели строго правильную форму и достаточно равномерную толщину и ширину по всей своей длине. Эти пластины служили заготовками, которые с помощью разнообразных типов боковой и концевой ретуши превращались в подлинные

орудия — проколки, шилья, концевые скребки, ножевидные пластинки и т. д. Широкое использование дерева и кости, материалов мягких и податливых, позволяло в большом количестве получать составные орудия, вставляя специально подготовленные ножевидные пластинки в прорезанные в дереве и кости пазухи или привязывая высушенными жилами или веревками растительного происхождения каменные наконечники копий или колуны к деревянным и костяным рукояткам.

Все это резко усилило убойную силу орудий и добычливость охоты. Для верхнепалеолитического времени типичны долговременные стойбища, использовавшиеся, по-видимому, по нескольку десятилетий: такие стойбища открыты во Франции, Чехо-Словакии, на территории европейской части СССР. Только их использованием на протяжении нескольких десятилетий и можно объяснить огромные скопления в их культурном слое остатков сотен и тысяч крупных животных — лошадей, бизонов и даже мамонтов. Ясно, что охота была облавной, в противном случае невозможно было бы объяснить ее эффективность, но по отношению к ее конкретным формам, к сожалению, приходится повторить то же, что было сказано выше о загонной охоте ранне- и среднепалеолитического времени: мы ничего не знаем об этих конкретных формах, можем предполагать только, что при загоне использовался огонь, возможно, какие-то шумовые эффекты, чтобы напугать животных, которые жались к каким-то обрывам или оврагам, может быть, специально вырытым ловчим ямам или открытым пространствам с вырытыми в них заостренными кольями. Так или иначе продуктивность охоты и обилие добычи снабжали верхнепалеолитического человека всем необходимым для поддержания жизни в условиях перехода от мягкого и теплого климата последней межледниковой эпохи к суровым условиям эпохи последнего оледенения, на которую падает завершение верхнего палеолита: пищей, шкурами для покрытия жилищ и изготовления одежды.

В горных местностях с развитым карстом верхнепалеолитические люди продолжали использовать под жилища пещеры, теперь уже не только навесы, но и достаточно глубокие пещеры с разветвленными внутренними ходами. В Испании, Франции, Швейцарии, Австрии, на Балканском полуострове, в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии открыты многочисленные стоянки пещерного

типа. Но в открытых местностях создавались жилища, иногда достаточно обширные и поэтому явно коллективные, с несколькими очагами и достигавшие длины в 35 и ширины в 15 м. Каркасом им служили кости крупных животных, покрытием — ветви и шкуры. Вырывались и неглубокие землянки, иногда достигавшие больших размеров — до 200 м². Вполне очевидно, что потолок в таких крупных землянках должен был укрепляться во избежание обвала длинными жердями, изготовление которых свидетельствует еще об одной стороне производственной деятельности верхнепалеолитических людей. Очевидно и другое — подобное жилище должно было иметь отверстие в крыше для свободной циркуляции воздуха и выхода дыма. В общем, человек эпохи верхнего палеолита научился хорошо защищать себя от непогоды и перешел к определенной оседлости, так как конструирование жилища не могло не требовать больших затрат труда и поэтому использовалось долговременно. Но, и покидая жилище, человек был, по-видимому, уже защищен от дождя и холода. Обилие в каменном инвентаре верхнепалеолитических стоянок шильев и иголок, в том числе и иголок с ушками, говорит об изобретении шитья. Шитье это было, конечно, грубым, в качестве ниток использовались специально приготовленные сухожилия или растительные волокна, но так или иначе все это дает возможность предполагать наличие у верхнепалеолитического человека простейшей одежды из шкур животных.

Однако все сказанное опирается в основном на изучение европейских верхнепалеолитических памятников. При условии менее богатой охотничьей добычи или отсутствии достаточно четко выраженной традиции оседлости, возможно, из-за отсутствия удобных мест поселений мы натываемся на временные лагеря, т. е. такие места поселений, которые возникали вокруг крупной охотничьей добычи и существовали до тех пор, пока эта добыча поедалась. Два таких временных лагеря бродячих или полубродячих групп охотников открыты и описаны в южных районах Западной Сибири. Практически здесь мы подступаем к новой проблеме — проблеме локальных различий в культуре верхнепалеолитического времени, но, прежде чем осветить эту проблему в полном объеме, нужно сказать несколько слов о хронологических рамках верхнего палеолита и динамике верхнепалеолитического развития.

Начало верхнего палеолита, как уже говорилось, отстоит от современности примерно на 40 — 45 тыс. лет. При этом речь идет не о появлении того или иного типичного элемента верхнепалеолитической индустрии, так как какие-то верхнепалеолитические черты в обработке камня появлялись и раньше, а обо всем комплексе основных технологических достижений палеолита, который только и обусловил наступление верхнепалеолитического времени. Окончание верхнепалеолитической эпохи по-разному датируется различными авторами. Некоторые видят в изобретении лука ту черту, которая обозначает рубеж между верхним палеолитом и следующим за ним мезолитом. Другие настаивают на решающем значении появления микролитической * техники, т. е. изготовления чрезвычайно малогабаритных орудий. Наконец, третьи указывают на вымирание крупных представителей четвертичной фауны, изменение способов охоты, ставшей менее продуктивной, возрастание роли рыболовства, переход от относительно прочной оседлости к созданию сравнительно кратковременных лагерей, о жизни в которых мы знаем лишь по очень маломощному оставшемуся от них культурному слою. По сути дела все перечисленные признаки отражают разные стороны единого процесса, ознаменовавшего переход от четвертичного периода к современной геологической эпохе и соответствующий перелом в истории общества, перешедшего от верхнепалеолитической эпохи к мезолиту и неолиту. Исчезновение крупных животных заставило перейти к микролитической технике, более пригодной в условиях охоты на мелких животных и птиц, а также при рыболовстве. Последнее было вынужденным из-за недостатка в белковой пище. Охота за мелкими животными потребовала от человеческих коллективов большей подвижности, а это, в свою очередь, заставляло их менее обстоятельно обживать тот или иной удобный участок земли и чаще менять местоположение, что и обусловило бедность мезолитических стоянок по сравнению с верхнепалеолитическими. Возможно, и изобретение лука было инспирировано потребностями охоты на мелких животных. Весь комплекс этих взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений падает примерно на 10 — 12 тысячелетия до н. э., т. е. на 12 — 14 тысячелетия от современности. Этим временем и следует датировать окончание верхнепалеолитического периода.

До сравнительно недавнего времени в европейской археологии главенствовала периодизация, возникшая на заре археологической науки. Эта периодизация до сих пор иногда находит место на страницах популярных книг по археологии. Верхнепалеолитическая эпоха делилась в соответствии с этой периодизацией на три периода — ориньяк, или ориньякский, солютре, или солютрейский, и мадлен, или мадленский. Все они получили наименования по названию местечек во Франции, где были исследованы соответствующие памятники. Археологически наиболее выразительно была охарактеризована эпоха солютре, для которой типичными считались прекрасно выделанные двусторонне обработанные орудия — наконечники копий, ретушь на которых действительно обращала на себя внимание красотой и правильностью. Для ориньякской эпохи были характерны более или менее все верхнепалеолитические формы, для мадленской — значительное богатство бытовавшей наряду с каменным инвентарем костяной индустрии. Однако открытие и изучение верхнепалеолитических памятников в последние два-три десятилетия показали, что эти якобы эпохи — не более чем узколокальные археологические культуры, свойственные им признаки сосредоточены в памятниках поименованных районов и они не могут претендовать ни на какое общее значение. Кроме них описаны еще более десятка таких локальных культур в верхнем палеолите Европы; для каждой из них также описан тот или иной набор технологических признаков; они все относятся к разным этапам верхнепалеолитического времени, иногда существовали на протяжении значительного отрезка времени, более или менее сравнимого с длительностью верхнепалеолитической эпохи в целом. Поэтому сейчас развитие верхнепалеолитического населения Европы рисуется в виде совокупности местных культурных тенденций, замкнутых в пределах отдельных районов, но реестр этих тенденций далек от полноты из-за наличия неизученных территорий, а генетические взаимоотношения между ними неясны. Поэтому общепринятой периодизации нет, никому пока еще не удалось свести выявленное локальное многообразие и богатство памятников к каким-то стадийным закономерностям.

Опыт интерпретации памятников верхнего палеолита Европы, которые исследованы несравненно лучше, чем памятники всей остальной ойкумены, демонстрирует

необходимость большой осторожности в выделении каких-то обширных по ареалу культур или этапов развития. Поэтому и последующая характеристика носит весьма общий характер, скорее показывая уровень нашего незнания, нежели предполагая действительно объективные и бесспорные результаты. Что касается Кавказа, Передней и Средней Азии, частично Южной Азии, то в тех пределах, в каких мы располагаем какой-то информацией, характер локальной дифференциации и динамика развития повторяют то, что более или менее известно в Европе. Иными словами, какая-то локально приуроченная группа памятников обнаруживает какие-то специфические приемы обработки камня и наборы орудий, которые повторяются в хронологически разновременных стоянках, демонстрируя определенную свойственную лишь данному району тенденцию развития. Советский археолог Г. П. Григорьев называет их линиями развития. Термин этот довольно широко употребляется в литературе, есть и другие обозначения, но в основе того явления, которое обозначается, лежит изначально одно и то же — территориальное обособление технологических приемов, возникшее в результате то ли географической, то ли социальной изоляции. Конкретно выявить факторы этой изоляции в каждом отдельном случае мы пока не в состоянии.

В Северной Азии известных верхнепалеолитических памятников немного, ряд новейших памятников пока еще не описан, все они более или менее однородны за одним исключением. Речь идет о двух стоянках — Мальте и Бурети на Ангаре и ее притоке Белой, открытых и исследованных М. М. Герасимовым и А. П. Окладниковым и находящихся по прямой на расстоянии меньше 20 км одна от другой. Наземные жилища, исключительное богатство костяного инвентаря, скульптура из кости, костяные женские статуэтки, до какой-то степени каменный инвентарь — все это, безусловно, западные аналогии, достаточно явственно напоминающие Европу. На этом основании А. П. Окладников выдвинул даже гипотезу о переселении каких-то европейских групп в Прибайкалье. До сих пор трудно сказать, в какой мере справедлива эта смелая гипотеза — в нашем распоряжении слишком мало данных для оценки гипотез подобного рода. Можно только отметить, что на одной из мальтинских женских статуэток отчетливо моделировано лицо, и оно больше похоже на монголоидное, а не на

европеоидное. Резцы младенца из погребения на стоянке Мальта обнаруживают так называемую лопатообразность, правда, довольно слабо выраженную,— скорее монголоидный, чем европеоидный признак. Но вне зависимости от генетической интерпретации своеобразия стоянок Мальта и Буреть ясно, что они образуют какой-то локальный тип памятников, не повторяющийся пока нигде в Северной Азии. Что же касается других групп памятников, то они не имеют богатого костяного инвентаря, на них не найдена костяная скульптура и женские статуэтки. Типологически каменный инвентарь отличается известной архаичностью форм, и эта особенность, по-видимому, может считаться наиболее типичной чертой североазиатского верхнего палеолита.

Примерно то же можно повторить и про Центральную Азию, подразумевая под ней в первую очередь территорию Монголии: из Синьцзяна до сих пор ничего неизвестно, с Тибетского нагорья происходят случайные и маловыразительные находки. Но монгольские памятники обнаружены преимущественно на поверхности, и предстоит еще большая работа по поиску стратифицированных местонахождений, которые позволят поместить верхнепалеолитические памятники Монголии в стратиграфическую колонку верхнепалеолитических памятников других территорий. Переходя к Восточной Азии, особенно ее северной части, следует напомнить, что верхнепалеолитические черты и даже какая-то тенденция к микролитической технике появились здесь приблизительно на 20 тыс. лет раньше Европы. Эта тенденция продолжает реализовывать себя, насколько можно судить по известным памятникам, и на протяжении всего верхнего палеолита. В системе гротов Чжоукудянь открыто местонахождение, получившее наименование Верхней пещеры и относящееся, насколько можно об этом судить, опираясь на стратиграфические и археологические данные, к самому концу верхнепалеолитической эпохи. Оно дает нам богатую серию орудий из кости, хотя образцов изобразительного искусства там нет. В то же время в Юго-Восточной Азии не обнаружены богатые наборы костяных изделий, каменные орудия достаточно грубы и невыразительны, среди них много крупных форм. В общем, каждая из рассмотренных нами территорий показывает нам что-то своеобразное, но для оценки этого своеобразия нам недостает пока ни

достаточной информации, ни сколько-нибудь полного теоретического осмысления локального многообразия культуры в эпоху верхнего палеолита.

Из предшествующего локального обзора выпала Африка, но, прежде чем перейти к ней, логичнее остановиться на проблеме расширения первоначальной ойкумены и заселения Америки и Австралии. Проблема эта до сих пор дискутируется в современной науке. В принципе проблема заселения Америки человеком на каком-то отрезке четвертичной истории была осознана только в начале XX в., в XIX столетии неоднократно аргументировалась мысль об автохтонном происхождении человека в Америке и в поддержку ее приводились многочисленные ископаемые находки якобы предков человека глубокой древности. Позже было убедительно доказано, что все эти находки представляют собою артефакты *, не имеющие к проблеме происхождения американского человека никакого отношения. Тщательное изучение животного мира обеих Америк позволило твердо установить важный для нашей темы факт — отсутствие среди американских приматов высших форм, от которых могли бы произойти люди, и в живом, и в ископаемом состоянии. Все это инспирировало в начале века оформление гипотезы заселения Американского материка человеком из Старого Света, но конкретные формы этой гипотезы были многообразны, и прошло несколько десятков лет, прежде чем она приняла свою современную форму.

Сначала казалось естественным, что Америка была заселена через Тихий океан из Юго-Восточной Азии. Многочисленные адепты этой гипотезы, среди которых широтой эрудиции и остроумием догадок особо следует выделить крупнейшего французского этнолога — американиста и океаниста Поля Риве, собрали достаточно большое число совпадений в языке и материальной культуре между американскими индейцами, особенно индейцами Южной Америки и народами островного мира Юго-Восточной Азии. Однако критическая ревизия всех этих наблюдений показала, что часть этих совпадений могла возникнуть конвергентно, а другая часть есть плод недостаточно тщательной фиксации первичных данных. Поэтому от океанического пути заселения Америки с запада пришлось отказаться, и сейчас у этой идеи нет сторонников среди серьезных ученых

Но океанический путь заселения Америки, теоретически говоря, возможен и с востока, т. е. через Атлантический океан. Здесь опять не раз указывалось на культурные аналогии между цивилизациями Центральной Америки и древними цивилизациями Африканского континента, но и эти аналогии не нашли подтверждения при более серьезном сравнении. Поэтому как бы ни решался вопрос о наличии сухопутных мостов в Атлантическом океане, по которым человек мог перебраться в Америку, как бы ни решался вопрос о реальном существовании легендарной Атлантиды, антропологические особенности коренного населения Америки и характерные черты их культуры таковы, что они не дают никакого основания говорить об их родстве с антропологическим и культурным миром Африки. В 1960-х годах на страницах издаваемого и сейчас чрезвычайно авторитетного международного журнала «Современная антропология» была проведена дискуссия о возможности заселения Америки человеком из Европы через Исландию и Гренландию. Почти все участники этой дискуссии высказались против такой возможности.

Остается, следовательно, только один-единственный путь, он и принят современной наукой — путь через Берингов пролив из Азии. Заселение Америки человеком этим путем имело место примерно 20 — 25 тыс. лет тому назад, а в это время на месте Берингова пролива существовал обширный сухопутный мост, получивший у геологов и палеогеографов название древней Берингии. Древнейшие жители Американского континента оставили много стоянок, и поэтому палеолит в Америке известен достаточно хорошо. Но мы уже знаем, что каменные орудия меняются очень быстро, что и затрудняет определение генетических связей с помощью их формы и способов обработки. Для палеолита Америки типичны несколько форм орудий, не находящих никаких аналогий в Старом Свете, и, хотя преемственная связь американского палеолита с азиатским совершенно несомненна, поиски этих аналогий остаются пока безуспешными.

Рассмотренный путь заселения Америки человеком в целом похож на аналогичный путь заселения человеком Австралии. Геологические исследования также вскрыли здесь, на подступах к Австралии, в районе нынешнего Большого Зондского архипелага, целую систему сухопутных мостов, по которым человек и пере-

брался из Азии в Австралию. Произошло это, видимо, еще раньше, чем переход человека в Америку: дата наиболее древних остатков человека и его культуры в Австралии отстоит от современности почти на 40 тыс. лет, на Новой Гвинее — примерно на 25 тыс. лет.

Возвращаясь теперь к Африканскому матерiku, следует сказать, что в эпоху верхнего палеолита Африка сохранила свое своеобразие, присущее ей в среднепалеолитическое время. На севере с какими-то модификациями сохраняется та форма индустрии, которая была здесь представлена и в эпоху среднего палеолита. Может быть, типы орудий в верхнем палеолите более совершенны, но прогресс в общем несуществен. Что же касается остальной территории, то отдельные находки верхнепалеолитических индустрий сделаны более или менее повсеместно, но сами индустрии плохо укладываются в какие-то типологические схемы и отличаются крайним местным своеобразием. Очевидно, систематизация памятников верхнепалеолитического времени на территории Африки еще представляет собою проблему будущего.

В мезолите хозяйство и материальная культура испытывали заметные изменения, которые в той или иной степени сказались во многих областях ойкумены.

К началу мезолита плейстоцен сменяется голоценом: ледниковый период закончился. Это непосредственно отразилось на климате, флоре и фауне значительной части Евразии и Северной Америки. Позднее сходные изменения произошли и в некоторых областях, на знавших оледенения — в Австралии и местами в Африке, где возросла аридность. Повсеместно здесь исчезли такие наиболее крупные животные, как мамонты и шерстистые носороги или австралийские гигантские сумчатые. В других областях ойкумены также исчезли многие виды или резко сократилось поголовье крупных млекопитающих. Поэтому многие ученые, видимо, не без оснований связывают изменение фауны не только с климатическими изменениями, но и с деятельностью верхнепалеолитических общин — хищнической охотой или нарушением экологического равновесия.

Из-за природно-хозяйственных особенностей различных областей ойкумены фаунистический кризис рубежа верхнего палеолита и мезолита неодинаково сказывается на хозяйстве и материальной культуре мезолитических общин. Но прямо или косвенно — через куль-

турные влияния — он коснулся большей части первобытного человечества.

Переход к охоте на менее крупных животных потребовал расширения охотничьего промысла и большего разнообразия его приемов. Распространилась добыча не только средних, но и мелких млекопитающих и птиц. Появилась потребность в усовершенствованном дальнобойном охотничьем оружии. Им стал прежде всего лук со стрелами, а также такие его аналоги, как духовая стрелометательная трубка и более эффективная — упругая и утяжеленная грузом — копьеметалка. Наряду с загонной охотой получила развитие индивидуальная с засадами или скрадыванием, т. е. незаметным приближением к добыче. В мезолите (а местами, возможно, уже в конце верхнего палеолита) была приручена собака. Она стала хорошим помощником на охоте, хотя этот первый шаг в становлении скотоводства, вероятно, не преследовал прямо охотничьих целей. Намного шире стало практиковаться известное уже на предыдущей стадии рыболовство, а местами возник и морской зверобойный промысел. Усовершенствовались приемы рыболовства, в котором помимо запруд применялись острога, лук со стрелами, верши. Повсеместно интенсифицировалось собирательство с такими его орудиями, как, например, утяжеленная специальным грузом землекопалка или скребки для вскрытия раковин с моллюсками.

Для мезолита характерно дальнейшее облегчение веса каменных орудий, достигнутое широким использованием микролитов. Микролиты — маленькие, в 1 — 2 см длиной, заостренные изделия из кремня, агата, обсидиана, роговика и т. д. в форме треугольников, сегментов, ромбов, трапеций. Употреблялись они как наконечники стрел или в качестве вкладышей в пазы костяной либо деревянной оправы, закрепляемых с помощью смолы. Такие вкладышевые орудия появились уже в верхнем палеолите, но широко распространились только в мезолите. Они обладали более высокими рабочими качествами и еще более уменьшили зависимость населения от природных запасов камня. Но микролитическая техника не была универсальной. Наряду с вкладышевыми орудиями во многих областях существовали, а местами и преобладали макролиты — грубооббитые топоры и кирки.

Образ жизни мезолитических общин, как правило, определялся тем, что в условиях оскудевшей сухопутной

фауны они стремились использовать все охотничьи, рыболовецкие и собирательские ресурсы. Это вело к усилению подвижности, принимавшей в одних случаях сезонно-оседлый, в других бродячий характер. Вместе с тем было уже немало относительно оседлых общин, которые обосновались на побережье рек и морей и занимались преимущественно рыболовством, собиранием моллюсков и даже морским зверобойным промыслом. Значительной оседлости достигли также общины с комплексным рыболовческо-охотничье-собирательским хозяйством, получившим заметное распространение к концу мезолита. Различия в хозяйственной деятельности, естественно, приводили к различиям в материальной культуре населения отдельных областей и районов.

Мезолитические общины с разносторонним хозяйством широко представлены археологическими культурами всех континентов, хотя их техника не всюду была микролитической. Так, в Западной Европе это культуры азиль, тарденуа и лингби, в Восточной Европе — свидерская, на Ближнем Востоке — кебара, в Юго-Восточной Азии — хоабиньская и т. д. В качестве примера рассмотрим культуры аборигенов Австралии так называемого среднего периода, так как на этом материке может быть относительно легко сопоставлено археологическое прошлое с этнографическим настоящим.

В австралийских культурах среднего периода — тартанга, пирри и бонди — представлены небольшие ретушированные каменные орудия, которые определяют как топоры или долота, ножи, узкие листовидные острия, использовавшиеся в качестве наконечников копий, скребки, шилья и в возраставшем количестве вкладыши — микролиты. Найдены также орудия из кости и раковин, в частности заостренные с обеих сторон палочки, которые могли применяться и как наконечники копий, и как рыболовные крючки, и как приспособления для извлечения из раковин моллюсков. Часть этих орудий дожила до нового времени, почему даже известны их аборигенные названия: топоры или долота — «тула», заостренные палочки — «мудук» и т. д. Из-за изоляции Австралии в технике ее населения наблюдались два встречных процесса — эволюция и регресс. Австраловеды даже не исключают того, что некогда здесь был известен лук со стрелами, затем по каким-то причинам утраченный.

Этнографические данные позволяют получить более цельное представление о хозяйстве и материальной культуре австралийского мезолита. Аборигены охотились на кенгуру и других сумчатых, страусов, а на побережье также на тюленей и морских черепах. Охота велась как коллективно — загоном, так и индивидуально — скрадыванием. По некоторым данным, на охоте использовалась собака динго. Важнейшим охотничьим и одновременно боевым оружием были копье и палица. Имелось несколько видов простых и составных копий. Большинству общин была известна деревянная копье-металка, к которой часто прикреплялась каменная тула. Она утяжеляла копье-металку и к тому же делала ее орудием полифункционального назначения. Палицы, к которым также часто прикрепляли тулу, были как ударными, так и метательными. Особым видом последних были изогнутые плоские палицы — бумеранги, которые издавала и с большой силой поражали цель. Знаменитая, хотя и менее эффективная, разновидность этого оружия — винтообразно изогнутый «возвращающийся бумеранг», применявшийся для охоты на птиц. Там, где предоставлялась возможность, ловили рыбу и били морского зверя, пользуясь острогой, крючками, вершами или другими ловушками. Повсеместно большую роль играло собирательство съедобных корней, злаков, плодов, ягод, водорослей, моллюсков, яиц, насекомых, личинок, ракообразных и т. д. С ним граничила охота на мелких животных — грызунов, ящериц, змей. Главным орудием этого промысла была заостренная палка-копалка.

Передвигаясь в поисках средств существования большую часть времени по своей промысловой территории, австралийцы строили лишь небольшие временные жилища, шалаши, ветровые заслоны. Но местами возникали и сезонно-оседлые поселки с вместительными (иногда до 120 кв. м) каркасными постройками. В Австралии ночная температура подчас опускается ниже нулевой отметки, и приходится защищаться от холода. Тем не менее согревающей одеждой (из шкурок опоссума или молодых кенгуру) пользовались далеко не всюду — чаще натирались жиром или смесью жира с охрой. Главной защитой от холода был огонь, который добывали трением. На огне же жарили, пекли или тушили в нагретых кострах земляных ямах животную пищу. Варки еще не знали.

По-другому жили мезолитические общины, ориентированные преимущественно на прибрежные ресурсы. Они представлены, например, археологическими культурами маглемозе в Западной Европе и сходными с ней в Восточной Прибалтике, дземон в Японии, капси на побережье Северной Африки, рядом культур Северо-Восточной Сибири, северной и южной оконечностей Американского материка. Одна из них — культура яганов и алакалуфов Огненной Земли — в силу изоляции этого архипелага может быть в общих чертах охарактеризована по этнографическим данным нового времени.

Яганы и алакалуфы ловили рыбу, собирали моллюсков и крабов, охотились на морского зверя и птиц, часть яганов — также на гуанако. На суше собирали коренья, ягоды, грибы. Главным охотничьим оружием были копья и гарпуны с зазубренными костяными наконечниками. Были известны и лук со стрелами, снабженными каменными или костяными наконечниками, а также праща и бола. Применялись охотничьи собаки. Для ловли рыбы пользовались леской со скользящей петлей или плетеной ловушкой, для собирания даров моря — дровками с расщепленным наконечником. Многие орудия труда — ножи, скребки, шилья и т. п. — были сделаны из раковин и кости, реже из камня, так как его залежами располагали только алакалуфы. Лодки, иногда достигавшие в длину 6 м, сшивали из коры, и, хотя это требовало большого труда, они были недолговечными. Жилища сооружали из стволов деревьев или ветвей, покрывая их зимой тюленьими шкурами, а летом — корой, листьями, водорослями. Жилища были невелики, но имеются сообщения и о крупных общественных сооружениях. Посреди хижины (а также и посреди лодки — на земляном возвышении) почти всегда поддерживался огонь. Одеждой служили короткие распашные плащи из тюленьих или выдровых шкур и небольшие передники. Пищу жарили или пекли, но уже умели и подогревать воду, бросая в раковинные сосуды раскаленные камни. Это было так называемое камневарение — наиболее примитивный способ варки. В окружающих поселения свалках кухонных отходов было много раковинных куч, что вообще типично для ориентированных на прибрежные ресурсы мезолитических культур. За такими кучами в археологии закрепился датский термин «кьеккенмьеддинги»*.

Социально-экономические отношения. Историческая реконструкция социально-экономических отношений в раннепервобытной общине, как, впрочем, и всех других аспектов характерных для нее общественных отношений, представляет большие трудности. Сколько-нибудь уверенно судить об общественных отношениях можно только по данным этнографии. Этнография же, как уже говорилось, располагает сведениями главным образом лишь о раннепервобытных общинах мезолитического облика. Между тем на значительной части ойкумены к эпохе мезолита изменилась природная среда, население стало более подвижным, и это не могло не отразиться на самых различных сторонах его жизни. К тому же ко времени, когда этнография впервые занялась изучением раннепервобытной общины, последняя повсеместно претерпела изменения, связанные с развитием в условиях изоляции или же, напротив, с влиянием соседних обществ, с европейской колонизацией и т. п. Из-за всего этого для исторической реконструкции стадии в целом приходится прибегать к проекции данных мезолитического времени на верхнепалеолитическое время и пользоваться методом не только аналогов, но и пережитков. Получаемая картина во многом предположительна и неодинакова у разных ученых. Однако имеющиеся разногласия — это, как правило, разногласия по относительно частным вопросам. Они не затрагивают главного: понимания общественных и прежде всего производственных отношений в раннепервобытной общине как отношений коллективистических.

На протяжении всей стадии раннепервобытной общины уровень производительных сил был таков, что, во-первых, выжить можно было только при условии тесной кооперации трудовых усилий и, во-вторых, даже при этих условиях общественного продукта добывалось не больше или немногим больше, чем было необходимо для физического существования людей.

Добыча таких крупных животных, как мамонт или шерстистый носорог, в позднем палеолите приледниковых областей Евразии, загонная охота на лошадей, быков, оленей и других стадных животных, повсеместно практиковавшаяся в верхнем палеолите и не утратившая своего значения в мезолите, ловля рыбы с помощью различных ловушек, сооружение жилищ и лодок — все это всегда или достаточно часто требовало совместных усилий общины. Но дело не сводилось к необходимости

коллективных действий. Результаты присваивающего хозяйства далеко не всегда предсказуемы: в любом из его промыслов может повезти и не повезти. Поэтому даже при индивидуальной охоте, рыболовстве, собирательстве неудачу одних приходилось возмещать удачей других.

Это было тем более необходимо, что совокупной добычи общины во всех областях ее присваивающей деятельности и на протяжении года в целом обычно едва хватало для обеспечения жизненных потребностей. Конечно, были сезоны, когда создавался избыток пищи, и имелись районы, где такой избыток образовывался относительно чаще. Но в целом простое присваивающее хозяйство низших охотников, рыболовов и собирателей позволяло получать, как правило, лишь жизнеобеспечивающий и только как исключение избыточный продукт. И тем самым для раннепервобытной общины становились необходимы коллективная собственность и уравнительное, или равнообеспечивающее, распределение.

В коллективной собственности, по-видимому, находилось прежде всего главное средство производства — земля, в данном случае промысловая территория со всеми имевшимися в ее пределах объектами охоты, рыболовства и собирательства, сырьем для производства орудий, утвари и т. п. Такой порядок засвидетельствован, в частности, у аборигенов Австралии, яганов и большинства других, сходных с ними по уровню развития этнографических групп. В то же время у некоторых таких групп (алакалуфы, часть эскимосов, хадза Восточной Африки) собственности на промысловую территорию вообще не было, и на этом основании часть ученых считает, что на стадии раннепервобытной общины собственность на угодья не фиксировалась. Это едва ли верно: отношение к земле как к «ничейной» встречалось преимущественно лишь там, где экстремальные природные условия вынуждали соседние группы взаимно пользоваться важнейшими угодьями.

Широко засвидетельствована также коллективная собственность на охотничьи загоны и рыболовные запруды, лодки, жилища и огонь. Сложнее вопрос о том, как понимать принадлежность отдельным лицам индивидуальных и притом часто изготовленных ими самими орудий труда — топоров, копий, луков со стрелами и т. п., равно как и различной бытовой утвари, одежды и украшений. В этнографических описаниях они обычно

характеризуются как личная собственность, и косвенно это подтверждается тем, что со смертью владельца они либо погребались вместе с ним, либо наследовались близкими. Такие погребения известны и на археологическом материале, например, на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь в Сибири. Наконец, в пользу этого понимания принадлежности индивидуальных орудий и бытовых предметов говорят некоторые общие соображения: ясно, что их наиболее эффективное использование было возможно лишь в том случае, если они соответствовали индивидуальным особенностям владельца. Но, с другой стороны, у аборигенов Австралии, алакалуфов, яганов, бушменов и ряда других групп существовали обычаи, разрешавшие брать без спроса принадлежавшие члену той же группы предметы либо даже обязывавшие ими делиться. Исходя из этого, некоторые ученые полагают, что в данном случае имело место только личное пользование вещами, находящимися в коллективной собственности. Видимо, все же правильнее говорить о нестрогой личной собственности, как бы подчиненной общему принципу коллективной собственности.

Коллективной была и собственность на пищу или другую добычу. Независимо от того, как — коллективно или индивидуально — она была добыта, распределение ее было уравнивательным, или равнообеспечивающим. По-видимому, древнейшим принципом дележа добычи, отмеченным у ряда низших охотников, рыболовов и собирателей, а в пережитках — и у более развитых групп первобытного человечества, был ее раздел между присутствовавшими либо всеми вообще членами общины. При этом даже самый удачливый добытчик получал не больше других. Во многих общинах аборигенов Австралии человек, убивший кенгуру, не имел на него никаких особых прав, и при разделе ему доставалась едва ли не худшая часть мяса. У бушменов, по сообщению очевидца XVIII в., все члены группы имели право на долю в охотничьей добыче каждого. У одной из групп канадских эскимосов, по свидетельству известного полярного исследователя К. Расмуссена, люди жили в состоянии настолько выраженного коммунизма, что даже не было охотничьих долей и все трапезы были совместными. Ч. Дарвин во время своего путешествия на корабле «Бигл» был свидетелем случая, когда группа огнеземельцев, получив в подарок кусок холста, разодрала его

на равные части, чтобы каждый мог получить свою долю.

Такой коллективизм в распределении был не просто автоматическим следствием коллективного производства, а необходимым условием выживания в условиях примитивного присваивающего хозяйства с его низкой производительностью труда и частой нехваткой пищи. Коллектив, получавший лишь жизнеобеспечивающий продукт, должен был регулировать потребление в интересах всех своих членов и не допускать положения, при котором одни благоденствовали, а другие голодали. Но вместе с тем распределение было не просто уравнительным, а учитывающим различия в потребностях по полу и возрасту, и поэтому некоторые специалисты считают, что его точнее называть равнообеспечивающим. В определенных случаях учитывались и высшие интересы коллектива в целом. В тяжелой борьбе с природой, которую постоянно вели раннепервобытные общины, их судьба нередко зависела от запаса сил у трудоспособных охотников и рыболовов. Вот почему в случаях необходимости, при чрезвычайных обстоятельствах последние могли получать последние куски пищи, а их иждивенцы оставаться голодными. Больше того, бывало, как, например, у некоторых групп аборигенов Австралии или эскимосов, что в экстремальных ситуациях практиковались инфантицид *, в особенности по отношению к девочкам, и геронтицид *.

Иное положение складывалось там, где уже на стадии раннепервобытной общины коллектив начинал получать не только жизнеобеспечивающий, но и избыточный продукт. В этих случаях наряду с уравнительным, или равнообеспечивающим, распределением возникало также и трудовое распределение, т. е. получение продукта в соответствии с затраченным трудом. Вместе с избыточным продуктом и трудовым распределением зародился обмен.

Обмен возник в межобщинной форме, при которой различные коллективы снабжали друг друга специфическими богатствами их природной среды, например, ценными сортами камня и дерева, раковинами и охрой, янтарем и т. п. «Различные общины,— считал К. Маркс,— находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы... Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаим-

ный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары»¹. О межобщинном обмене уже в позднем палеолите свидетельствуют археологические находки кавказского обсидиана в Сибири, прибалтийского янтаря на Русской равнине, морских раковин во внутренних районах Восточной и Западной Европы. По крайней мере с мезолита возник и обмен изделиями, о чем можно судить на основании существовавшей у аборигенов Австралии специализации общин на выделке различных видов орудий труда, оружия, утвари, украшений. Каких-либо обменных эквивалентов еще не было: происходил обмен дарами, или, как его чаще называют в этнографии, дарообмен. Обмениваться сырьем или продуктами труда могли как целые общины, так и отдельные лица. И в том, и в другом случае расширялись и упрочивались социальные связи, что закреплялось также и ритуализацией обменных операций: сопровождавшимися их празднествами и пирами. Однако обмен, в особенности первоначальный или между удаленными друг от друга общинами, мог быть и так называемым немым. Одна сторона оставляла определенное количество предметов, другая забирала и оставляла то, что могла дать взамен. Если первая сторона считала себя не удовлетворенной, то не брала оставленное, и тогда вторая сторона добавляла еще.

Народонаселение и его воспроизводство. Простое присваивающее хозяйство и свойственные ему примитивные общественные отношения, тяжелый повседневный труд и полная опасностей жизнь резко ограничивали численность населения на стадии раннепервобытной общины.

Чтобы низшие охотники, рыболовы и собиратели могли прокормиться на своей промысловой территории, размеры общин должны были соответствовать ее ресурсам, не превышая определенной плотности населения. Но наряду с этим действовали и другие факторы, определявшие нижний и верхний пределы численности групп. В частности, в общине должно было быть достаточно много взрослых мужчин — охотников и защитников коллектива и в то же время не слишком много, так как в этом случае примитивная общественная организация не смогла бы обеспечить его нормальное функционирование. Преобладает мнение, что средняя численность

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 364.

раннепервобытной общины составляла 25 — 30 человек.

По данным, наиболее полно обобщенным В. А. Шнирельманом, малые размеры общин поддерживались как путем стихийного действия природных факторов, так и при посредстве определенных социально-культурных механизмов. В первом случае длительные голодовки увеличивали смертность, особенно среди женщин, детей и стариков, и снижали рождаемость. Во втором случае действовала целая группа обстоятельств. Это ранние браки девочек, нередко приводившие к физическим травмам и бесплодию, тяжелый труд женщин, сокращавший их репродуктивный период, диспропорция полов из-за умерщвления части новорожденных девочек и высокой смертности рожениц, безбрачие части молодых мужчин из-за многоженства стариков. Снижению рождаемости способствовали и различные религиозные представления, в особенности широко распространенный запрет на половые отношения во время различных крупных хозяйственных предприятий, некоторых обрядов и в послеродовой период, нередко довольно длительный. Считалось, что нарушение этого запрета принесет неудачу охотникам, повредит ребенку и т. п.

По-видимому, было известно и сознательное ограничение рождаемости с помощью простейших контрацептивных средств, аборт и других способов. Распространенность контрацепции, впрочем, остается спорной, так как данные этнографии австралийцев оставляют открытым вопрос, осознавал ли человек того времени связь между половым актом и зачатием. Однако при всех обстоятельствах несомненно, что люди раннепервобытной общины в своем стремлении регулировать рождаемость преследовали не экономико-демографические, как мы назвали бы их теперь, цели. Их заботили непосредственные бытовые нужды. Женщина, имевшая двух или более маленьких детей, становилась неполноценным работником, не могла нести их на себе при очередных передвижениях группы, не имела возможности вскормить их своим молоком. Поэтому все низшие охотники, рыболовы и собиратели, как это известно по этнографическим данным, старались, чтобы интервал между рождениями составлял не менее трех лет. Если дети рождались чаще, их нередко убивали. Особенно часто умерщвляли одного из близнецов: это был обычай, сложившийся в раннепервобытной общине на чисто практической основе, но во многих обществах удержав-

шийся и позднее уже по религиозным мотивам. Судьбу таких детей решала группа в целом, так как вся группа была заинтересована в устранении хозяйственных и бытовых помех.

Половозрастная организация. Естественное разделение труда по полу и возрасту и связанная с ним хозяйственная специализация наложили глубокий отпечаток на всю общественную жизнь раннепервобытной общины. На их основе складывались особые половозрастные группы (классы, категории, ступени и т. п.), принадлежность к которым порождала связи, переплетавшиеся с общинными и родовыми. В одних случаях, как, например, у аборигенов Австралии, такие группы были более или менее формализованы, в других, как, скажем, у эскимосов, имели неформальный характер. Однако повсеместно выделялись группы детей, взрослых мужчин и взрослых женщин, различавшиеся предписанными им обязанностями и правами, общественным положением и т. п.

В обществах с более или менее формализованными половозрастными группами большое значение придавалось рубежу перехода из категории подростков в категорию взрослых людей. Этот переход сопровождался определенными испытаниями и торжественными тайными обрядами, известными под названием инициаций *. В разных обществах инициации проходили неодинаково, но, по существу, они всегда заключались в приобщении подростков — обычно каждого пола в отдельности — к хозяйственной, общественной и идеологической жизни полноправных членов общины. Так, у аборигенов Австралии юношу учили владеть охотничьим и боевым оружием, воспитывали в нем храбрость, выносливость, выдержку и дисциплину, посвящали его в тайные обычаи, обряды и верования племени. Его испытывали посредством ряда мучительных процедур — голодовки, нанесения ран, прижигания огнем, выбивания зубов, вырывания волос и т. п. У яганов, алакалуфов, бушменов подростки в течение одного-двух лет должны были выполнять тяжелые работы, отказываться от некоторых видов пищи, воспитывать в себе терпение, покорность и прилежание. Не выдержавшего инициаций ждали позор и в лучшем случае повторные испытания. По случаю успешного завершения инициаций устраивалось празднество с различными церемониями, песнями и плясками. Девушку, как правило, не подвергали слож-

ным испытаниям Ее лишь заставляли соблюдать некоторые пищевые запреты, объясняли ей, как она должна вести себя по вступлении в брак, учили песням и мифам, совершали над ней различные религиозные церемонии. Вообще, женские инициации получали намного меньшее развитие, чем мужские. Существует мнение, что этнография просто уже не застала настоящих женских инициаций, но скорее дело в другом. Независимо от общественного положения полов от мужчины всегда требовалось больше смелости и выдержки, и поэтому именно мужским инициациям придавалось первостепенное значение. Иначе говоря, кульминационный пункт социализации детей и подростков — инициации — у мужчин был более сложным и ответственным, чем у женщин.

Одной из составных частей инициаций была подготовка к брачной жизни. Для этого посвящаемым не только сообщали связанные с этим обычаи, но и производили над их половыми органами различные операции — обрезание и подрезание юношей, обрезание и искусственную дефлорацию * девушек. Особенно большое распространение имело мужское обрезание, воспоминание о котором удержалось до нашего времени в предписаниях иудаизма и ислама. Причины, вызвавшие к жизни этот обычай, неясны. Существует предположение, что таким способом иницируемых заставляли временно воздерживаться от половой жизни. Совершались и другие операции или манипуляции: например, практиковавшееся у аборигенов Австралии натирание девичьей груди жиром и охрой. Считалось, что это должно было способствовать росту груди.

Более или менее четким было также разделение на группы взрослых мужчин и женщин, подчас приводившее к их своеобразному обособлению. В некоторых раннепервобытных общинах те и другие располагались на стоянках порознь, готовили разную пищу, имели свои тайные праздники, обряды и верования, а иногда даже свои тайные «языки». Существовали специфически мужские и женские обязанности и привилегии. Мужские орудия труда считались собственностью мужчин, женские — собственностью женщин, и бывало, что как тем, так и другим не разрешалось дотрагиваться до чужих орудий. В других общинах, как, например, у аборигенов Австралии, семангов или бушменов, обособленно жили лишь холостяки и девушки, но в мифах сохранилось

воспоминание о времени, когда все мужчины и женщины жили раздельно. В отдельных общинах (например, у алакалуфов) уже на этой стадии стали появляться особые мужские дома, служившие местом собраний и совершения различных обрядов, в первую очередь инициаций. По-видимому, подобные дома фиксируются и археологически — в таких общественных сооружениях, как обнаруженное в сибирском поселке Мальта. Но сколько-нибудь широкое распространение мужских (значительно реже женских) домов отосится только к следующей стадии развития первобытной родовой общины.

Существовавшая в раннепервобытной общине половозрастная организация не создавала в ней отношений неравенства между взрослыми мужчинами и женщинами. Те и другие специализировались в разных, но в равной степени общественно полезных сферах трудовой деятельности. Поэтому не могло быть отношений господства и подчинения в положении полов. Несхожие социально-бытовые статусы мужчин и женщин, возникшие на основе их своеобразного обособления, также не вели к какой-либо иерархии. Правда, в ряде обществ низших охотников, рыболовов и собирателей обнаружены отдельные черты главенства мужчин, как будто бы свидетельствующие об извечности патриархальных порядков. Но здесь следует учитывать, что все это, как правило, общества, в которых общинно-родовая организация в силу различных экологических и исторических причин в значительной мере уступила свою роль возглавленной мужчиной индивидуальной семье. Притом и в этих случаях положение женщин не стало по-настоящему приниженым. Так, аборигенки Австралии даже в послеколонизационных условиях разрушения традиционного образа жизни долгое время удерживали многочисленные остатки былого полноправия. Они обладали имущественными и наследственными правами, участвовали в обсуждении общественных вопросов и совершении общественных церемоний и вместе с мужчинами были хранителями древних обычаев. По словам исследователей конца XIX в. Л. Файсона и А. Хауитта, они оказывали значительное влияние на общественное мнение. Об алакалуфах, меньше затронутых процессами социальной атомизации, известно, что их женщины занимали почетное положение в семье и общине, пользовались свободой и независимостью.

Более сложен вопрос о наличии среди взрослых членов раннепервобытной общины главенствующей возрастной категории. Данные по аборигенам Австралии, у которых отчетливо выделялась влиятельная прослойка стариков — руководителей общины, и некоторым сходным обществам позволяют полагать, что уже на этой стадии существовала так называемая геронтократия *. Но можно спорить, приложимы ли такие факты к подлинной первобытности. Многие раннепервобытные общины жили в иной, несравненно более суровой природной среде, и, как показывают данные палеодемографии *, их члены нечасто доживали до сорока — пятидесяти лет. К тому же несомненно, что уже тогда действовали сохранившиеся впоследствии у самых различных племен обычаи геронтицида («добровольной смерти»). От утративших трудоспособность стариков избавлялись так же, как нередко избавлялись от больных, ослабевших от голода, от маленьких детей, которых нельзя было прокормить. Раннепервобытная община была общиной равных, но в условиях жестокой борьбы за существование этими равными были лишь полноценные члены производственного коллектива.

Брак и семья. С возникновением родовой организации и свойственной ей дуальной экзогамии в первобытном обществе возник брак, т. е. особый институт, регулирующий отношения между полами. Одновременно, а по другой точке зрения несколько позже, возник институт семьи, регулирующий отношения как между супругами, так и между родителями и детьми. Вопрос о начальной форме брака пока еще не может быть решен вполне однозначно. Исторические реконструкции по данным этнографии и отчасти археологии допускают две его основные трактовки. Первая: исходной формой был групповой брак, лишь позднее сменившийся различными формами индивидуального брака и индивидуальной семьи. И вторая: с самого начала существовали индивидуальный брак и индивидуальная семья, которые в своем развитии принимали разные формы.

Начало первому решению было положено Л. Г. Морганом. Он наметил пять последовательно сменявшихся друг друга форм семьи: кровнородственная (брачная общность между всеми лицами одного поколения), пуналуальная * (такая же общность с исключением из нее сиблингов *), парная (непрочное и лишенное экономической основы соединение двух супругов), промежу-

точная патриархальная (семья с выраженной властью мужа) и моногамная * (прочное соединение супругов с властью мужа как частного собственника). Две первые формы были основаны на групповом браке, остальные — на индивидуальном. Эта схема была принята Ф. Энгельсом, однако лишь с серьезными оговорками. В четвертом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства», после появления новых этнографических работ, он допустил неуниверсальность кровнородственной семьи и решительно высказался против универсальности семьи пуналуа. Вскоре были получены несомненные свидетельства против существования как кровнородственной, так и пуналуальной семьи.

Но одно дело частные реконструкции, другое — общая концепция группового брака. Часть ученых продолжает придерживаться этой концепции, основываясь на анализе, во-первых, наиболее архаичных систем родства и, во-вторых, ряда сохранившихся брачно-семейных порядков.

Существует два типа систем родства: классификационные, или классификаторские, и описательные, хотя ни те, ни другие не выражены в чистом виде. В описательных системах, характерных для классовых обществ, имеются термины для отдельных родственников — «отец», «мать», «сын», «дочь» и т. д. В противоположность этому, в классификационных системах, характерных для первобытных обществ, одними и теми же терминами обозначаются все мужчины и женщины определенных возрастных и брачных классов, или категорий. В древнейших из таких систем «Эго» * не делает терминологических различий между мужчинами той группы, к которой принадлежит его отец, женщинами группы своей матери или группы своей жены. Перед нами групповое родство, которое сторонники концепции исторического приоритета группового брака рассматривают как важнейшее доказательство в пользу своих взглядов.

Второе доказательство группового брака усматривается в некоторых чертах брачной общности, этнографически фиксируемым на стадии раннепервобытной общины. В частности, они обнаружены у аборигенов Австралии с их системой так называемых брачных классов. Так, у австралийцев Западной Виктории племя разделено на две половины — Белого и Черного какаду. Мужчины каждой из этих половин с самого рождения считаются

мужьями женщин другой половины, так же обстоит дело и с женщинами. Аналогичная или же, чаще, более сложная система четырех или восьми брачных классов имеется и у других австралийцев. Система брачных классов не означает, что мужчины и женщины соответствующих классов состоят в фактическом групповом браке. Но они берут из предназначенного им класса мужа или жену и в определенных случаях (например, на некоторые праздники или находясь вдали от дома) вправе вступать в половую связь со своими потенциальными женами или мужьями. У аборигенов Австралии имеются и другие черты брачной общности, в частности, обычай «пирауру», или «пираунгару», дающий как мужчинам, так и женщинам право на нескольких «дополнительных» жен или мужей. Это не просто внебрачные связи, которые также широко практикуются, а именно браки, вступление в которые оформляется соответствующим обрядом. Сходные брачные обычаи известны и у других племен на этой стадии развития, например у семангов. Они описаны Н. Н. Миклухо-Маклаем. «Девушка, прожив несколько дней или несколько недель с одним мужчиной, переходит добровольно и с согласия мужа к другому, с которым опять-таки живет лишь некоторое, короткое или более продолжительное время. Таким образом она обходит всех мужчин группы, после чего возвращается к своему первому супругу, но не остается у него, а продолжает вступать в новые временные браки, которые зависят от случая и желания». Так же спорадически, в зависимости от случая и желания, общался со своими женами и мужчина.

Другая часть ученых считает концепцию первичности группового брака несостоятельной. Они исходят из того, что даже у наиболее отставших в своем развитии низших охотников, рыболовов и собирателей обнаружены парный брак и семья. Археологически на этой стадии также достаточно широко фиксируются небольшие одноочажные жилища. В них так же, как и в многоочажности крупных общинных жилищ, можно видеть косвенное доказательство в пользу исконности парного брака и семьи. Что касается доводов сторонников концепции первичности группового брака, то они не рассматриваются как вполне убедительные. Обращают внимание на то, что для появления группового родства достаточно было одной только групповой солидарности, коллективистической природы первобытной родовой общины. То

же относится и к отдельным чертам брачной общности которые могут истолковываться не как остатки группового, а как дополнение к парному браку, укреплявшее социальные связи в общине.

Казалось бы, при современном состоянии знаний эти две точки существенно расходятся. Но по сути имеющиеся расхождения во взглядах не так уж велики. Уже один из учеников Л. Г. Моргана Л. Файсон понимал групповой брак не как сочетание всеобщего многоженства и многомужества в двух взаимобрачных группах, а как право-обязанность этих групп поставлять друг другу фактических супругов, совместная жизнь которых могла быть более или менее длительной. Сходной с файсоновской точки зрения придерживаются и те, кто продолжает отстаивать идею первичности группового брака. Таким образом, спор идет не столько о фактической, сколько о понятийно-терминологической стороне дела. Что следует называть браком применительно к его древнейшей форме: регуляцию отношений между фактическими супругами или между их взаимобрачными группами? Но одно неотделимо от другого, и поэтому первоначальный брак скорее всего был как бы парно-групповым.

Предметом споров остается также вопрос о локализации первоначального брака. Современные сторонники идеи первичности группового брака считают, что он был дислокальным*, т. е. супруги не селились совместно, а оставались жить в своих группах, эпизодически встречаясь где-нибудь, например в лесу. Действительно, такая форма брачных встреч этнографии хорошо известна, хотя, как правило, уже на стадии позднепервобытной общины. Еще шире распространены различные обычаи, рассматриваемые как остатки дислокальности, и прежде всего уже известные нам обычаи обособления мужчин и женщин, а также всевозможные легенды о таком обособлении вплоть до легенд об отдельно живущих женщинах-амазонках. Напротив, сторонники идеи первичности парного брака рассматривают его как унилокальный*, ведущий к совместному поселению супругов и образованию ими семьи. Они не без оснований указывают, что всем низшим охотникам, рыбакам и собирателям свойствен не дислокальный, а унилокальный брак, что встречающаяся на более высоких ступенях развития дислокальность имела другие причины (например, отражала переходное состояние от поселе-

ния в общине мужа к поселению в общине жены) и что обособление полов независимо от возможностей их взаимобрачия было связано с межполовым разделением труда. Гипотезе начальной дислокальности не достаёт доказательности, и скорее можно полагать, что брак с самого начала был унилокальным. Если это так, то брак и семья возникли одновременно.

У низших охотников, рыболовов и собирателей наряду с матрилокальным * или уксорилокальным * и даже чаще его мы встречаем патрилокальный * или вирилокальный * брак. Нередко отсюда делают неверный вывод, что матрилокальность и патрилокальность возникли параллельно. На самом деле перед нами ранний переход к патрилокальности в условиях бродячего мезолитического хозяйства, увеличивавшего роль охотника-мужчины. Ю. И. Семеновым показано, что при исходной матрилокальности с началом трудового распределения имели место два основных варианта развития зачаточных семейных ячеек, состоявших из женщины с ее детьми и охотника-мужчины. В одних случаях таким мужчиной оказывался брат женщины, и возникала ячейка, называемая большой материнской семьей. В других случаях им оказывался муж женщины, и возникала парная семья. Зависело это от того, насколько отдалялись друг от друга взаимобрачные группы при бродячем образе жизни. Живя по соседству, супруги имели возможность встречаться, оставаясь в своих группах. Оказываясь разобщенными большими расстояниями, они должны были поселиться вместе. Бывало, что при этом матрилокальность переплеталась с патрилокальностью, приводя к амбилокальности * или к дулокальности *. У сохранявшихся до недавнего времени низших охотников, рыболовов и собирателей, тысячелетия ведших бродячий образ жизни, материнских семей уже не было, но они известны в более поздних обществах, что позволило исторически реконструировать их первоначальную форму.

Какие же правила регулировали заключение брака? Одним из них была уже известная нам родовая экзогамия, поначалу дуально-родовая, но, по-видимому, сравнительно быстро ставшая дуально-фратриальной. Для обществ низших охотников, рыболовов и собирателей наиболее характерна дуально-фратриальная экзогамия в форме так называемого обязательного двустороннего перекрестно-двоюродного, или кросскузенного *, брака.

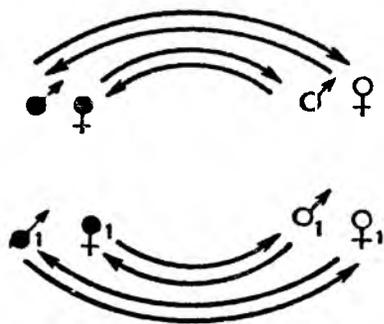

Схема кросскузенного брака.

Мужчины женились на дочерях братьев своих матерей или, что в данном случае то же самое, на дочерях сестер своих отцов, т. е. на своих двоюродных сестрах. Из приведенной схемы видно, что, если обозначить в соответствии с международной этнографической символической мужчин из какого-либо одного рода темными кружками со стрелкой наверху (копье), их сестер — такими же кружками с крестовиной внизу (ручка зеркала), детей тех и других — аналогичными знаками с цифрой «1», всех их партнеров из взаимобрачного рода — светлыми кружками с теми же символами, а брачные связи — двусторонними стрелками, то мужчины из первого рода женятся на женщинах из второго рода, которые приходятся им одновременно дочерьми братьев матери и дочерьми сестер отца. Эти обозначения родства, разумеется, групповые, так что фактически в брак вступали не только двоюродные, но и троюродные, четверюродные и т. д. братья и сестры. Экзогамия при этом не нарушалась. Ведь при унилинейном * счете родства мужчины и женщины этих двух взаимобрачных групп вообще не считались сородичами. Такие браки были очень удобны, так как позволяли взаимобрачным группам сбалансированно обмениваться своими членами — братьями или сестрами. Их практиковали, в частности, аборигены Австралии, но в очень своеобразной форме, при которой брачнорегулирующую роль наряду с фратриями играли не роды, а брачные классы.

В некоторых обществах возникли иные разновидности кросскузенных браков — односторонние, при которых несколько родов как бы по кольцу поставляли брачных партнеров друг другу. Это расширяло социальные связи каждого из родов. Такие браки бытовали в ряде обществ Юго-Восточной Азии, Южной Америки и др.

В то же время существовали механизмы для предотвращения половых, а тем более брачных связей между людьми, не принадлежавшими к кругу потенциальных мужей и жен. Важнейшим из них был обычай избегания * между такими лицами: запрещение разговари-

вать, приближаться друг к другу и т. п. У аборигенов Австралии наблюдалось некоторое избегание между братом и сестрой и очень ярко выраженное — между зятем и тещей.

Особенностью парно-группового брака была его известная аморфность и недолговечность соединения в нем супругов, а основанной на нем парной семьи — крайняя слабость в ней внутренних экономических связей. Прежде всего сама парность этого брака была относительной, так как широко совмещалась с «дополнительными браками» типа австралийского пирауру и близкими к этому обычаями. Практиковалась полигиния *, в том числе в форме сорората * — брака с несколькими сестрами, а в дальнейшем развитии — с сестрой умершей жены, и левирата * — сожителства с женой старшего или младшего брата, а в дальнейшем развитии — с его вдовой. Наряду с этим или как альтернатива бытовала полиандрия *. Часто мужчина на протяжении своей жизни менял несколько даже «основных» жен, женщина — нескольких мужей. Допускались, а подчас и поощрялись добрачные и внебрачные половые связи, как ритуальные, так и бытовые. Примером первых может служить так называемый искупительный гетеризм *, т. е. порядок, по которому девушка перед вступлением в брак должна была поочередно отдаваться многим мужчинам. Пример вторых — гостеприимный гетеризм, т. е. право мужчин на своих потенциальных жен при посещении им другой группы, а в дальнейшем развитии право гостя на жену или дочь хозяина. Вступление в брак не закреплялось каким-либо или по крайней мере сколько-нибудь сложным обрядом.

Основанная на таком браке семья, как и всякая семья, была не лишена определенной общности интересов. В процессе межполового разделения труда супруги в той или иной мере обменивались хозяйственной деятельностью. В частности, у аборигенов Австралии мужья широко пользовались продуктами собирательства своих жен, а жены — в известной степени охотничьей добычей мужей. Могло существовать даже некоторое общесемейное имущество, скажем, тюленьи шкуры, служившие для покрытия жилищ у огнеземельцев. Семья, кроме того, выполняла свои функции в социализации детей: заботу о них проявляла не только мать, но и отец. Но все эти функции в парной семье были еще зародышевыми, так как семья не составляла самостоя-

тельной, противостоящей общинно-родовой организации ячейки. Как уже отмечалось, мужчины и женщины по большей части трудились раздельно и раздельно же пользовались продуктами своего труда; при этом они чаще кооперировались и делились со своими сородичами, нежели с родственниками по браку. Имуущество, если оно уже начинало наследоваться, тоже переходило к ближайшим сородичам. Общесемейная собственность существовала скорее как исключение. Таким образом, семья была в основном дисэкономичной *. Дети, как только они немного подрастали, воспитывались не только и даже не столько родителями, сколько всей близкой родней. Вообще, каждый из супругов и их дети продолжали оставаться членами в первую очередь не своей семьи, а родовой группы.

Общинно-родовая организация. Важнейшими ячейками рассматриваемой эпохи были община и род. Какую роль играла каждая из этих ячеек и как они между собой соотносились? Социальная организация племен низших охотников, рыболовов и собирателей, по которой обычно восстанавливается жизнь раннего первобытного общества, создает впечатление ведущей роли общины. Но вспомним еще раз, что это племена мезолитического облика, и возможно, что в позднем палеолите, по крайней мере в приледниковых областях Евразии, род имел относительно большее значение. Поэтому и в данном случае в науке высказываются различные взгляды, что в значительной мере связано с расхождениями во взглядах на начальные формы брачно-семейных отношений.

Раннепервобытная община, которую называют также локальной группой *, состояла из группы или групп родственных семей, к которым могли примкнуть семьи свойственников, друзей и т. д. Если такая группа была одна, общину называют однородовой, или компактно-родовой, если их было несколько — многогородовой, или дисперсно-родовой. Среди этнографически изученных общин преобладали многогородовые, но первоначально, при господстве дуально-родовой организации они должны были быть однородовыми. Община вела хозяйство в пределах определенной территории, осваивая ее в зависимости от сезонных условий то в полном составе, то небольшими группами вплоть до отдельных семей. Соответственно варьировали кооперация труда и порядки распределения добычи. Но независимо от этого ранне-

первобытная община (или временами ее части) была реальным производственным коллективом. Именно такие общины, или локальные группы, обнаружены у аборигенов Австралии, огнеземельцев, лесных веддов, бушменов и в других обществах этой стадии развития. Со своей стороны, археологические данные по Евразии свидетельствуют об уменьшении с конца позднего палеолита размеров раннепервобытных общин, усилении их подвижности и общей атомизации.

Ранний род, как и всякий род, был коллективом людей, осознававших свое родство по одной линии и связанных обычаем экзогамии. Родство в нем было не предковым, или вертикальным (возведение себя к общему родоначальнику), а горизонтальным. Предполагается, что первоначально горизонтальное родство осознавалось только в форме связи с общеродовым покровителем — тотемом * (см. о нем дальше). Люди рождались в определенном коллективе, имевшем общий тотем, и поэтому были сродни друг другу. Родство было явлением не столько биологическим, сколько социальным: не естественная, кровная близость определяла общность интересов, а наоборот. Однако уже вскоре стала осознаваться связь с этим коллективом через одного из родителей, и горизонтальное родство приняло форму филиации *.

Даже самые ранние из известных этнографии родов не были единственными производственными коллективами: ведь значительная часть сородичей в силу обычая экзогамии уходила из своей общины в другие. Но это не лишало род большого экономического значения. Установлено, что, как правило, род, а не раннепервобытная община, считался собственником промысловой территории. Связи между сородичами, жившими вместе, были теснее, чем их связи с другими членами раннепервобытной общины. В частности, об одной из групп аборигенов Австралии в конце XIX в. сообщалось, что сородичи в ней вместе живут и едят, ссужают друг другу своих женщин и держатся солидарно. О социальном значении рода говорить не приходится: именно он был носителем экзогамного начала, сплачивавшего коллектив и поддерживавшего его связи с другими коллективами.

Сопоставляя эти данные, одни ученые пришли к выводу, что в общинно-родовой организации преимущественное значение имели родовые связи, другие — общинные. Первые полагают, что, поскольку собственность на земельную территорию была, как правило,

родовой, основной ячейкой на раннем этапе первобытности был род, в своем полном составе образовавший социально-экономический коллектив — общину, и таким образом на данном этапе производственные связи совпадали с родовыми. Но как же род с его экзогамией мог оставаться целиком локализованным экономическим коллективом? Сторонники этой точки зрения видят ответ в реконструируемой ими первоначальной дислокальности брака, при которой раннепервобытная община и род совпадали. Вторые указывают, что поскольку гипотеза первоначальной дислокальности брака не более чем гипотеза, основной ячейкой на любом этапе первобытности была община, род же лишь регулировал брачно-семейные отношения. Но если род не был экономическим коллективом, почему же он обычно являлся собственником основного условия производства — промышленной территории? На это сторонники второй точки зрения малоубедительно отвечают, что род был только номинальным собственником, фактическим же собственником была раннепервобытная община.

Казалось бы, перед нами неразрешимое противоречие. С одной стороны, род с присущей ему экзогамией не мог быть единым экономическим коллективом. С другой стороны, основа экономических отношений — отношения собственности — по большей части связана именно с родом. Однако это противоречие неразрешимо только тогда, когда род и раннепервобытная община искусственно разрываются и жестко противопоставляются друг другу.

Положение о том, что ранний род был не только брачно-регулирующей, но и экономической организацией, совсем не требует обязательного допущения дислокальности брачного поселения. Даже и при унилокальном дуально-родовом браке приблизительно три четверти всей раннепервобытной общины составляли сородичи — взрослые, не ушедшие по браку в другую общину, и их дети. Это была локализованная часть рода, составлявшая вместе с тем и основное ядро, костяк древнейшей раннепервобытной общины. Но важно и другое: насколько органичным было включение в ее состав чужеродцев, пришедших сюда по браку? Выше мы уже видели, что, хотя парная семья имела некоторые хозяйственные функции, экономические связи в ней были слабыми и непрочными. Следовательно, интеграция одного из супругов в общину другого была далеко

не полной. Все это позволяет считать, что поначалу род и раннепервобытная община, родовые и производственные отношения были не тождественны, но в основном совпадали друг с другом. При этом ни род в целом, ни раннепервобытная община в целом не были основной экономической ячейкой эпохи. Часть сородичей, вступая в брак в других общинах, в определенной степени утрачивала связь с родом, а часть общинников, приходя по браку со стороны, лишь отчасти включалась в свою новую общину. Строго говоря, такой ячейкой была только локализованная часть рода, являвшаяся в то же время костяком, ядром раннепервобытной общины. Именно поэтому термины «первобытная община» и «родовая община» могут употребляться и очень часто употребляются в одном значении.

Организация власти. В раннепервобытной общине действовал принцип народовластия, при котором определяющее значение имела коллективная воля сородичей или общинников. При этом, естественно, особый авторитет имели зрелые, умудренные опытом люди, очень часто — старшее поколение группы. Из их среды обычно выходили главари, руководившие повседневной хозяйственной, общественной и идеологической жизнью коллектива, однако конкретный характер потестарной * организации мог принимать различные черты. В частности, главари могли быть молчаливо признанными или выборными, а их деятельность — относительно самостоятельной или направляемой другими органами власти.

Простейшая организация власти отмечена у яганов и алакалуфов, у которых старшие по возрасту члены общины руководили другими общинниками. К этому близка организация, описанная у части канадских эскимосов. Их общины возглавлял старший из трудоспособных мужчин, который принимал решения, лишь посоветовавшись со всеми взрослыми охотниками. В то время как он руководил охотниками, его жена ведала распределением охотничьей добычи. Несколько более сложной была организация власти у аборигенов Австралии, у которых существовали советы старших мужчин, выдвигавшие из своей среды «больших мужчин» — старейших. Главарем обычно был самый старший, но если он не обладал нужными качествами или дряхлел, то создавалось нечто вроде двоевластия номинального и фактического главаря. Наряду с «большими мужчинами» имелись «большие женщины», руководившие жен-

ской частью общины. Бывало, что в раннепервобытной общине имелось несколько главарей, например, глав сезонных хозяйственных групп, на которые периодически распадалась община, или отдельных родов в много-родовой общине. В этих случаях кто-нибудь из них мог выделяться своими личными качествами и авторитетом, но формального соподчинения, как правило, не было.

Власть главара или совета старейших основывалась на их опыте, примере образцовых действий, интеллектуальном и эмоциональном превосходстве, умении убеждать, иначе говоря, на их индивидуальном или групповом авторитете. Формально она не имела обязательной силы, но редко случалось, чтобы к советам или распоряжениям главара не прислушались. Важнейшей заповедью, внушавшейся молодежи во время инициаций, являлось послушание старшим. Еще важнее другое: власть главара служила интересам всей группы и, по существу, была конкретным повседневным воплощением ее воли. Поэтому она могла быть поддержана реальными действиями группы. В отношении аборигенов Австралии хорошо известно, что ослушника, если он не успевал скрыться, ждала расправа. У андаманцев, как сообщал о них их исследователь А. Р. Рэдклифф-Браун, непокорному пришлось бы иметь дело с большинством туземцев, в том числе со многими из своих собственных друзей. Такой порядок, равно как и продолжавшееся участие главарей в трудовой жизни общины, позволяет говорить об организации управления на данной стадии как о примитивном народовластии, а не как об отделенной от народа власти профессиональных правителей.

В раннепервобытной общине еще не было разделения власти, скажем, на хозяйственную, военную и судебную. Во время мелких военных столкновений предводительствовали те же главари. Они же были хранителями и блюстителями обычаев группы. В некоторых обществах (аборигены Австралии, огнеземельцы, семанги) существовали лишь особые знахари и колдуны, также имевшие большое влияние на общинников и сородичей. Там, где власть обычного главара и колдуна совмещалась в одном лице, она была особенно заметной и крепкой.

Как правило, главари не только продолжали участвовать в производстве, но и не имели никаких льгот в потреблении. Однако, как показывают данные по

низшим охотникам, рыболовам и собирателям, для всей главенствовавшей прослойки старших мужчин все же имелись определенные бытовые льготы. Там, где практиковалась полигиния, полигинны были преимущественно старшие мужчины, у которых иногда насчитывалось более десяти жен. Они же подчас претендовали на самые лакомые куски добычи. Но такие льготы определялись не столько обычаем, сколько естественным ходом вещей. Это в особенности относится к многоженству: тот, кто больше прожил, имел возможность вступить в большее количество браков.

Община и род управлялись на основе не только свободного, менявшегося от случая к случаю волеизъявления их взрослых членов, совета старших, главарей. Существовали социальные нормы, т. е. обязательные, общественно-охраняемые правила поведения. Эти нормы — правила разделения труда, сотрудничества, распределения, взаимозащиты, экзогамии и т. п. — отвечали жизненно важным интересам коллектива и, как правило, неукоснительно соблюдались. Кроме того, применяясь из поколения в поколение, они приобрели силу привычки, т. е. стали обычаями. Наконец, они были закреплены идеологически — религиозными предписаниями и мифами. Все же, как всегда, находились нарушители общепринятых норм. Это требовало применения мер общественного воздействия — не только убеждения, но и принуждения. Практиковались самые различные способы принуждения — от порицания, осмеяния или ругани до физической расправы. Крупные проступки влекли за собой серьезные наказания: побои, увечье, а в особо тяжких случаях даже умерщвление или, что по существу было тем же самым, изгнание из коллектива. Так, у аборигенов Австралии, веддов, сеноев человек, нарушивший правила экзогамии, должен был уйти или умереть. Та же суровая кара ждала юношу, разгласившего тайны инициаций. Наказание в этих случаях определялось старейшими и ими же приводилось в исполнение; нередко бывало, что исполнителями становились ближайшие сородичи виновного. Напротив, в случае проступков, не имевших большого общественного значения, например, нарушения прав личной собственности или прелюбодеяния, разбирались между собой сами заинтересованные стороны. Важнейшей особенностью общинно-родовых норм был примат в них группового начала. Они регулировали отношения не

столько между личностями, сколько между группами — соплеменниками и чужеплеменниками, сородичами и свойственниками, мужчинами и женщинами, старшими и младшими и в целом подчиняли интересы личности интересам коллектива.

К какой категории норм социальной регуляции относились эти нормы? В западной литературе их называют правовыми, что неверно, так как без государства нет и возникающего вместе с ним права. Многие советские ученые считают их нормами морали (нравственности, этики). Но они едва ли были обычными моральными нормами, так как общество принуждало к соблюдению многих из них не менее жестко, чем позднее государство к соблюдению норм права. Поэтому предложено еще одно их понимание: как пока малодифференцированных, синкретных, включающих в себя и мораль, и этикет, и древнейшие зачатки права мононорм *.

Духовная культура. Уже довольно развитым производственной деятельности и социальной жизни людей раннепервобытной общины соответствовала их не менее развитая духовная культура. Это сказывалось в их мышлении и тесно связанном с ним языке, начатках рациональных знаний и искусства, мифологии и религии.

Отличалось ли качественно мышление дикаря от мышления позднейшего человека? Разобраться в этом вопросе не просто, и ученые отвечают на него по-разному. В частности, значительное распространение получил взгляд, по которому первобытным людям наряду с вполне рациональным, логичным мышлением, основанным на практическом опыте, было свойственно иррациональное «пралогическое» мышление, связанное с «коллективными представлениями» социальной среды. Например, дикарь, разумеется, хорошо понимал разницу между кровью и охрой, но, так как было принято отождествлять кровь и охру, он, не задумываясь, их отождествлял. Существует и противоположное понимание мышления первобытного человека как целиком тождественного современному. По-видимому, оба взгляда представляют собой крайности. Ведь тогда люди в несравненно большей степени, чем теперь, были подвержены воздействию внушенных им средой взглядов, не поддающихся опытной проверке. В то же время «индивидуальные» и «коллективные» представления не были наглухо разгорожены и питали друг друга.

Первобытное мышление было еще недостаточно систематичным, не способным к широким обобщениям и выработке понятий высокого уровня. Это находило отражение в языке, тяготевшем к конкретным, единичным, детализированным определениям, которые только начинали классифицироваться. Так, у аборигенов Австралии имелись обозначения для различных пород деревьев и для деревьев вообще, для различных видов рыб или змей и для рыб или змей вообще. Однако видовых обозначений было мало, они употреблялись нечасто и, что особенно показательно, не шли дальше классификации среднего уровня. Были собирательные обозначения для деревьев, кустарника, травы, но не было для растений; были обозначения для рыб или змей, но не было для животных. Может быть, именно с этим связано то обстоятельство, что лексикон низших охотников, рыболовов и собирателей, когда-то представлявший крайне ограниченным, при последующем изучении оказался очень обширным (у тех же аборигенов Австралии — свыше 10 тыс. слов, т. е. больше, чем в карманном словаре любого европейского языка). То же относится к грамматике, подчас чрезвычайно сложной за счет детализации отдельных форм. Известны факты, когда число форм одного глагола, включающего в себя местоименный объект, а также субъект, доходит до нескольких сотен. Еще одна особенность наиболее примитивных языков — неразвитость их синтаксиса. Однако трудно сказать, является ли это показателем низкого культурного уровня. Ведь в устной речи народов даже самых развитых стран в отличие от их письменного языка фразы также обычно очень коротки.

В процессе трудовой деятельности накапливались полезные знания, в первую очередь знания об окружающей природной среде. Естественно, что в условиях охотничье-рыболовческо-собирательского хозяйства особенно важно было доскональное знание своей промысловой территории, ее особенностей и богатства. На примере аборигенов Австралии, огнеземельцев, бушменов и т. д. видно, что люди раннепервобытной общины обладали солидным запасом сведений в прикладной географии, метеорологии, астрономии, зоологии, ботанике, минералогии и других областях природоведения. Чтобы поддерживать свое существование, они должны были хорошо изучить топографию промысловых угодий, пути передвижения и повадки животных, полезные и

вредные свойства растений, особенности различных минералов, видов древесины и других материалов для поделок, уметь предугадывать погоду, ориентироваться на местности, определять направление ветра и читать следы. По словам исследователя бушменов В. Элленбергера, охотники великолепно приспособлялись к местности и искусно использовали все особенности рельефа. Они наперечет знали все тропы, все ущелья и проходы, по которым передвигались стада диких животных, и держали их под неослабным контролем. Об австралийцах их исследователи Б. Спенсер и Ф. Гиллен сообщали, что охотник не только различает следы, оставляемые животными и птицами, но и, осматривая нору, может, посмотрев на направление последних следов или понюхав землю у входа, сразу сказать, есть там животное или нет. У них же собирательницы знали несколько сотен видов съедобных растений, в том числе ядовитых, требующих специальной тепловой обработки. О том, как совершенно необходимо было знание звездного неба, чтобы и ночью находить дорогу, свидетельствует рассказ одного из современных этнографов. Впервые о запуске искусственного спутника Земли ему стало известно от бушмена, обратившего внимание на появление новой «звезды».

Эмпирически накапливались зачатки физических и химических знаний. Физическое воздействие на природу началось уже с применения первых орудий, но теперь оно перешло на новый уровень. Освоив составные орудия, человек изобрел рычаг, придумав копьеметалку и лук, в 2—3 раза увеличил дальность полета разящего оружия. В последнем отношении дальше всех пошли лесные ведды: натягивая лук ногами, они бросали стрелу на треть километра, а на расстоянии 35 м навывлет пробивали оленя. Племена, пошедшие по пути применения духовой стрелометательной трубки, возместили эту мощь точностью прицела. Химическое воздействие на природные продукты, также начавшееся уже в предыдущую эпоху с применения огня, теперь расширилось, например, за счет обработки шкур.

Большое развитие получили такие практические отрасли знания, как медицина, фармакология, токсикология. Человек овладел простейшими приемами залечивания переломов, вывихов и ран, удаления больных зубов и других несложных хирургических операций, лечения простуды, нарывов, ядовитых укусов и т. п. На-

чиная с мезолита, как свидетельствуют палеоантропологические материалы, стали известны трепанация черепа и ампутация поврежденных конечностей. Как показывает сравнительно хорошо изученная народная медицина аборигенов Австралии, люди раннеродовой общины широко применяли как физические (кровопускание, массаж, холодные и горячие компрессы, компрессы с использованием речного ила и т. д.), так и лекарственные средства растительного, животного и минерального происхождения. Они умели пользоваться шинами при переломах костей, останавливать кровотечение с помощью паутины, золы, жира, игуаны, высасывать кровь и прижигать ранку при змеином укусе, лечить простуду паровой баней, болезни желудка — касторовым маслом, эвкалиптовой смолой, луковицей орхидеи, кожные заболевания — прикладыванием глины, промыванием мочой и пр. При неправильном положении плода у роженицы знахарь массажем придавал ему нужный поворот. Примечательно, что уже на заре медицины было осознано значение психотерапии: лечение часто завершалось приказанием встать и приняться за работу. Знание ядовитых свойств растений и животных широко применялось на охоте и в рыболовстве. Известны были и противоядия.

В силу особенностей первобытного мышления медленнее развивались знания, требовавшие обобщенных, абстрактных представлений. В некоторых обществах аборигенов Австралии имелось только три, у бушменов — четыре, у огнеземельцев — пять обозначений численных понятий. Чтобы сказать «пять», австралийцы таких групп говорили «три» и «два»; всякое число свыше десяти выражалось словом «много». В большинстве обществ, счет которых известен, в основе счисления лежали числа 5 и 10 — по количеству пальцев на одной или обеих руках; эти же числа шире всего представлены археологически в палеолитической графике — зарубках, насечках, красочных пятнах и линиях. Вообще же, абстрактность численных представлений была относительной: существовали не столько числа вообще, сколько числа определенных предметов. Иными словами, каждый раз фигурировали не «два», «три», «пять» и т. д., а две руки или ноги, три луковицы или куска мяса, пять пальцев или копий и т. д. Даже позднее у высших охотников и рыболовов, как, например, индейцев северо-западного побережья Северной Америки или

нивхов, в одном и том же племени отмечались разные числительные для счета разных предметов — людей, животных, лодок, сетей и пр. Подобный счет был тесно связан с непосредственными жизненными потребностями. Существует мнение, что счет был порожден нуждами распределения и что древнейшими арифметическими действиями были не сложение и вычитание, а деление, без которого был бы невозможен раздел добычи.

Измерение расстояния и исчисление времени, по-видимому, находились в еще более зачаточном состоянии, чем счет. О яганах сообщалось, что они вообще не знали мер длины, но это едва ли верно. Большие расстояния обычно приблизительно измерялись количеством переходов, меньшие — полетом копья или стрелы, еще меньшие — чаще всего длиной таких предметов, как локоть, ступня, палец, ноготь. Отсюда пережиточно сохранившиеся во многих языках названия древнейших мер длины — русские локоть и пядь, английские фут и дюйм, немецкое элле и т. п. Время могло исчисляться лишь сравнительно большими отрезками, связанными с положением небесных тел (день, месяц), что также, возможно, отражено в палеолитической графике семиречными изображениями. Но гораздо чаще оно измерялось хозяйственными сезонами — своими в каждом племени или группе племен. Например, яганы делили год на восемь сезонов («обвисания кожи», т. е. голодовки, «появления птичьих яиц» и т. п.), а соседние с ними охотники на гуанако и собиратели — она — на пять летних и шесть зимних сезонов («случки гуанако», «кладки» птичьих яиц, «выведения птенцов» и т. д.). В этой связи многие ученые придерживаются мнения, что восприятие пространства и времени было не подобным современному, а экологическим, т. е. определяемым окружающей средой. Скажем, близко — это в пределах безопасности, долго — это за много времени до благоприятного сезона, и наоборот.

Даже у наименее развитых из известных этнографии племен уже существовала система передачи на расстояние зрительных или звуковых сигналов. Так, яганы передавали сообщения клубами дыма, разжигая и быстро гася огонь. Один клуб дыма означал болезнь или несчастный случай, два — важную неожиданность, три — смерть, четыре — находку выброшенного на берег кита и приглашение соседних общин на празднество. Письменности еще, разумеется, не было, хотя уже у абор-

ригенов Австралии появились зачатки своеобразной «дописьменности». Это была пиктография *, или рисуночное письмо, — использование специально сделанных изображений для запоминания или передачи мысли. Однако понять значение таких «записей» обычно можно было только с помощью того, кто сам их сделал.

В пиктографии область полезных знаний смыкается с другой областью духовной культуры — искусством в его изобразительной форме. Различные виды искусства широко известны уже в самом начале стадии раннепервобытной общины. Однако вопрос о причинах их появления — один из самых спорных в истории первобытного общества. В литературе широко представлены теории, возводящие искусство к художественному инстинкту, привлечению половых партнеров, потребности в развлечении, побочным результатам религиозной практики и т. д. Однако несравненно более обоснованным представляется то мнение, что искусство с самого начала отражало и закрепляло общественный опыт, но не в прямой, а в эстетически опосредованной эмоциональной форме. Отсюда большая конкретность и реалистичность большинства ранних образцов первобытной графики, скульптуры, устного, музыкального и танцевального фольклора.

Вместе с тем в науке давно ведутся споры о том, когда и как именно появилось искусство, прежде всего археологически засвидетельствованное изобразительное. Так, уже приводилось мнение, что верхнепалеолитические изображения появились как результат длительного поэтапного процесса, начало которому было положено чашевидными углублениями и охряными пятнами и полосами на каменных плитках из мустьерского грота Ля Ферраси. По другому мнению, эти находки говорят лишь о зачатках отвлеченного мышления и изобразительной деятельности, а собственно искусство возникло только в сформировавшемся человеческом обществе на рубеже верхнего палеолита. Одни ученые связывают рождение изобразительного искусства с использованием случайно предоставленных природой возможностей, например, с подправкой резцом или краской напоминающих животных камней, напылов, пятен на стенах пещер; другие — с постепенным замещением макетом-скульптурой, барельефом, рисунком натуральных останков зверя, которые использовались для имитации охотничьей схватки.

К числу археологически представленных памятников изобразительного искусства раннепервобытной общины принадлежат пластика, графика и живопись. Таковы прежде всего уже упоминавшиеся ориньяко-солютрейские женские фигурки и мадленские головы животных. К ориньяку же восходят рисунки животных, реже растений и людей, поначалу выполненные примитивными одиночными контурами, но в мадлене и средиземноморском мезолите (культура капси) принимающие вид выразительных пещерных фресок и многофигурных композиций охотничьего и бытового характера. С мадленскими и капсийскими сходны наскальные рисунки бушменов, с большой реалистичностью и экспрессией изображающие животных, людей, охотничьи и военные сцены, пляски и религиозные церемонии. Но в целом этнографически известное изобразительное искусство наименее развитых племен отражает начавшийся в мезолите поворот от реализма к условности. Скажем, в австралийском племени аранда человек изображался символом \subset , два человека у костра или дерева — символом $\subset \circ \supset$ и т. д.

Археологически прослеживается и возникновение таких видов искусства, как музыка (верхнепалеолитические трубчатые кости с боковыми отверстиями, просверленные рога) и танец (мадленский рисунок). В музыке ее инструментальной форме, несомненно, предшествовала вокальная, что могло сохраняться относительно долго. По крайней мере огнеземельцам и лесным веддам, имевшим различные песни, не было известно ни одного музыкального инструмента. Но в большинстве случаев этнографические параллели показывают не только наличие, но и значительное разнообразие таких инструментов. Это дощечки для отбивания такта, ударные приспособления из двух кусков дерева или натянутого куска кожи и колотушки, простейшие щипковые инструменты, прототипом которых, вероятно, была тети-ва лука, различные дудки, гуделки, свистелки, трубы, флейты. Танцы были бытовыми и ритуальными, охотничьими и военными, мужскими и женскими и т. п. Как правило, они коллективны и изобразительны: это имитация, часто с помощью масок, сцен хозяйственной деятельности, половых отношений и др. О самом общедоступном и, вероятно, древнейшем виде фольклора — устном народном творчестве — судить можно только по этнографическим данным. Они свидетельствуют о боль-

шой популярности песен — трудовых, любовных, военных, ритуальных и пр., назидательных рассказов, бытовых и фантастических сказок, священных мифов. Устный, музыкальный и танцевальный фольклор мог соединяться с изобразительным творчеством и служить основой для примитивных театрализованных представлений, наиболее полно выразивших эмоционально-познавательную и воспитательную сущность уже самого раннего искусства.

Особое место в духовном творчестве занимали священные мифы, объяснявшие происхождение явлений природы и человеческих установлений. О природе мифологии * высказываются самые различные мнения: ее толкуют не только как жанр фольклора, но и как первобытную «науку» или «философию». Этиологическая * функция мифов дает для этого основания. Но мифы (например, широко распространенные мифы о появлении первых людей из разверзшейся земли или из яйца) внешне похожи на фантастические сказки. По-видимому, главное различие состоит в том, что в сказки не верят, а в мифы верят. Как правило, мифы содержат указания на ход вещей в далекие времена, на поступки культурных героев и отдаленных предков. Мифология предполагает представления о в принципе отличном от реального так называемом мифологическом времени. Это время, когда жили предки, культурные герои и другие мифические существа, события не имели определенной последовательности, а факты могли быть самыми фантастическими. При этом мифологическое время не отделено от настоящего: оно отражено в обычаях и воспроизводится в священных обрядах, в чем состоит социализирующая и освящающая предписанное поведение функция мифов. От всего этого уже недалеко до религии.

Накапливавшиеся в духовной культуре людей раннепервобытной общины элементы рационального и эмоционального миропонимания были все же еще только островками знания в море незнания. Между тем люди уже достигли такой ступени развития интеллекта, когда появилась потребность объяснить и подчинить себе все то, с чем им приходилось сталкиваться и что нередко заставляло чувствовать свое бессилие. Поэтому рядом с другими формами общественного сознания возникла религия, т. е. превратное миропонимание, порожденное, как считал В. И. Ленин, «...бессилием дикаря в борьбе

с природой...»¹. Это, конечно, было не абсолютное бессилие, так как тогда не было бы и самого выделившегося из животного мира и постепенно развивавшегося человеческого общества, а еще относительно очень низкий уровень познания и подчинения природы.

Главной особенностью религиозного миропонимания людей раннепервобытной общины было то, что они пока не выделяли себя из окружающей естественной среды. Промысловая территория, ее животные, растительные и минеральные богатства, действующие на ней стихийные силы и живущая здесь человеческая группа — все это мыслилось как единое целое, в котором люди были тождественны с природой. Природе приписывались человеческие свойства вплоть до дуальной организации и родового устройства, людям — свойства природы вплоть до возможности воспроизвести ее стихийные явления. Это сказалось на всех ранних видах религиозных представлений: тотемизме*, анимизме*, фетишизме*, магии*.

Тотемизм, особенно полно сохранившийся у аборигенов Австралии,— это вера в существование тесной связи между сородичами и их тотемом, которым мог быть определенный вид животных, реже растений, еще реже других предметов или явлений природы. Род носил имя своего тотема, например, кенгуру или луковицы, и верил, что находится с ним в кровном родстве. Тотему не поклонялись, но считали его «отцом», «старшим братом» и т. п., помогающим сородичам. Последние, со своей стороны, не должны были убивать тотем, причинять ему вред, употреблять его в пищу. У каждого рода был свой священный центр, с которым связывались предания о тотемических предках и оставленных ими «детских зародышах», дающих начало новым жизням. Здесь хранились тотемические реликвии и совершались связанные с ними обряды. В целом тотемизм был идеологическим отражением связи рода с природной средой, что в то время могло осознаваться в единственно понятной форме родства. Тотемизм мог принимать и другие конкретные формы и быть не только родовым: известен половой тотемизм, связанный с естественным разделением труда, существовали личные тотемы.

Анимизм — вера в сверхъестественные существа, заключенные в какие-либо тела (души) или действующи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 142.

щие самостоятельно (духи). Анимистические верования вязаны с одушевлением природы. Зачатки их имелись уже на стадии раннепервобытной общины: у тасманийцев, австралийцев, огнеземельцев и других низших охотников, рыболовов и собирателей существовали смутные представления о душах умерших людей, злых и добрых духах, обычно мыслившихся в виде физических, осязаемых существ. Возможно, что с этими представлениями было как-то связано и почитание охранительниц домашнего очага, засвидетельствованное в позднепалеолитических женских статуэтках.

Фетишизм — вера в сверхъестественные свойства некоторых неодушевленных предметов, например, пещер, камней, деревьев, определенных орудий труда или предметов обихода, а позднее и специально изготовленных культовых предметов. Фетишистские представления также являются одушевлением неодушевленного, однако с определенным выбором. Так, фетишем становились, скажем, спасающая людей пещера, насытившее их после голодовки дерево, добычливое копье и т. д.

Наконец, магия — вера в способность человека особым образом воздействовать на других людей, животных, растения, даже явления природы, а также и сами эти действия. Не понимая настоящей взаимосвязи наблюдаемых фактов и превратно истолковывая случайные совпадения, человек полагал, что с помощью определенных действий и слов он может помогать или вредить людям, обеспечивать успех или неуспех в промысле, вызывать или прекращать бурю. Различают «белую» (охранительную) и «черную» (вредоносную) магию. Другая ее систематика связана с объектом воздействия: производственная, или промысловая, любовная, лечебная и т. п. магия. Примером промысловой магии может служить «пляска кенгуру» у аборигенов Австралии, во время которой одни изображали этих животных, а другие якобы поражали их копьями. Возможно, сходные магические приемы археологически засвидетельствованы частыми знаками ран на позднепалеолитических рисунках и скульптурах животных. Распространено мнение, что магия — это еще не религия, так как она ориентирована не на сверхъестественное, а на представляющиеся естественными возможности человека. Но в тотемизме, анимизме и фетишизме сверхъестественное также не отделено от естественного. В то же время все эти представления

отражают превратное, ложное, фантастическое понимание мира.

Тотемизм и магия, несомненно, являются древнейшими видами религии. Высказывался взгляд, что исходным видом был анимизм, но это вряд ли так, потому что представления о нематериальном (или раздвоении материального) предполагают известное развитие абстрактного мышления. Иногда таким видом считают фетишизм, однако фетишистские верования всегда переплетаются с тотемическими, анимистическими и магическими.

Уже самые ранние виды религии заключали в себе начатки не только фантастических представлений — веры, но и священнодействий — культовой практики. Последняя долгое время составляла тайну только от непосвященных, неиницированных членов группы, а в среде инициированных была доступна всем и каждому. Но с развитием верований и усложнением культа его отправление потребовало определенных знаний, умения, опытности. В религиозных ритуалах еще участвовал весь коллектив, но важнейшие из них уже стали совершаться старейшинами или особыми специалистами. При этом мужские культы управлялись мужчинами, женские — женщинами. Если дело касалось коллектива в целом, то в этнографически фиксируемое время выступали мужчины, однако в мифах аборигенов Австралии сохранилось воспоминание об аналогичной роли женщин. В литературе специалисты по белой магии часто условно именуются знахарями, специалисты по черной магии — колдунами.

Духовной культуре раннепервобытной общины было присуще тесное переплетение познавательной, художественной и культовой деятельности. Так, леча рану, человек обычно обращался и к полезным травам, и к магии; протыкая копьем изображение животного, он одновременно практиковался в приемах охоты или показывал их молодежи и магически обеспечивал успех предстоящего дела. Чем объяснялось такое переплетение? Сторонники религиозной идеологии нередко объясняют его определяющей ролью религии, из которой они выводят многие другие явления духовной культуры. Однако подавляющее большинство современных ученых видит в нем одно из проявлений первобытной нерасчлененности, синкретизма. Общественное сознание, как и общественное бытие, было еще слишком неразвитым, чтобы

дифференцироваться в различные, четко разграниченные сферы, которые возникли позднее, в процессе усложнения человеческой деятельности.

Языковое и этническое состояние. В настоящее время наибольшим признанием пользуется взгляд, по которому языковое состояние на стадии раннепервобытной общины характеризовалось так называемой первобытной лингвистической непрерывностью. Такое состояние обнаружено в ряде обществ низших охотников, рыболовов и собирателей и лучше всего изучено у аборигенов Австралии. У них существовало множество языков и их вариантов — диалектов. Но если языки, относительно далеко отстоящие друг от друга, существенно различались, то соседние языки были близки до взаимопонимаемости. Имело место нечто вроде спектра: краски в нем различны, но не дискретны, а постепенно переходят одна в другую. Такая ситуация объяснялась как дифференциацией исходных языков, так и их активным взаимодействием в контактных зонах. Немалую роль в этом взаимодействии играли межгрупповые связи — обменные, брачные и др. В результате общее праязыковое состояние ойкумены на данной стадии рассматривается как некое множество совокупностей одновременно сходных и варьирующих языков.

С большей или меньшей степенью гипотетичности выделяют следующие основные праязыковые совокупности. Большую часть языков Евразии, а также Северной и отчасти Восточной Африки возводят к ностратической * совокупности с центром в Передней Азии. На остальной территории Азии выделяют сино-тибетскую и аустрическую совокупности с центрами в Восточной и Юго-Восточной Азии; по другой гипотезе, аустрическая совокупность состояла из нескольких других. В Тропической Африке реконструируют конго-сахарскую, или зинджскую, совокупность с центром в области между Нилом и Нигером. Для Австралии установлено общее праязыковое состояние, но его внеавстралийский источник еще не ясен. Для Америки пока удалось лишь установить связи некоторых индейских языков с теми или иными праязыковыми совокупностями Старого Света.

Языковые общности, как правило, связаны с этническими общностями, т. е. совокупностями людей, обладающих одной культурой (включая язык), что находит отражение в самосознании и самоназвании. Обычно

существуют этнические общности разного уровня, и общности основного уровня называются этносами. Некоторые этнографы различают два вида этносов: обладающие только культурно-языковой общностью (этникосы) и к тому же связанные общностью социально-потестарной организации (этносоциальные организмы). До недавнего времени считалось, что на раннем этапе развития первобытного общества уже существовали древнейшие этносы — племена, которые, хотя они еще не были этносоциальными организмами, могут рассматриваться как этникосы. Действительно, уже с возникновением дуально-родовой организации не могла не начать складываться какая-то культурно-языковая общность родов — зародыш племенной общности. Подобные же зародышевые формы племенной общности возникали и при других системах брачной регуляции — дуально-фратриальной или кольцевой. Для этого достаточно было одних только брачных контактов, но дело не ограничивалось ими одними. Связанные между собой ранне-первобытные общины предпринимали совместные охотничьи облавы, вступали в отношения дарообмена, устраивали общие празднества и т. п., что также способствовало культурно-языковому взаимодействию. Однако для того, чтобы возникли выраженные этнические общности, межобщинные системы должны были быть достаточно дискретны. Между тем не только их языкам, но и их культуре было свойственно состояние своего рода непрерывности, которая действовала в направлении, противоположном этнической консолидации. Так, у соседних межобщинных систем могли быть различными одни орудия труда и сходными другие, различными орудия, но сходными жилища и т. д., и только далеко отстоящие друг от друга группы сколько-нибудь заметно разнились в культурном отношении. Близкая картина, по-видимому, фиксируется археологически, хотя часть археологов считает, что к мезолиту или даже раньше сложились достаточно оформленные варианты локальных культур. Соответственно у соседних межобщинных систем не было резко выраженной оппозиции «мы — не мы», которая питала бы их этноцентристское самосознание.

В этих противоречивых условиях складывавшиеся культурно-языковые общности были еще слишком аморфны, неструктурированы и расплывчаты, чтобы могли рассматриваться как древнейшие этнические общности

Скорее они, как это показал советский этнограф В. А. Шнирельман, были только протоэтническими общностями. При этом им, так же как и позднейшим этническим общностям, была свойственна иерархическая структура. Как показывают данные этнографии низших охотников, рыболовов и собирателей, известным культурно-диалектным своеобразием могли обладать уже община или ее родовое ядро. Следующим уровнем иерархии была система взаимобрачных групп, вышшим — более широкая культурно-языковая общность ряда таких групп, в большинстве случаев ограниченная какими-нибудь природными рубежами. Именно к числу последних общностей принадлежат упоминавшиеся выше яганы, алакалуфы, австралийцы-аранда и т. д., обычно получавшие название по своим языкам. В этнографической литературе этнические общности среднего уровня часто называют племенами, а высшего уровня — как племенами, так и соплеменностями. Видимо, для данной стадии правильнее было бы говорить о предплеменах и предсоплеменностях. Ученые даже расходятся во мнениях о том, какой из этих уровней был основным, что лишний раз свидетельствует об аморфности этнического состояния в рассматриваемое время.

§ 4. СТАДИЯ ПОЗДНЕПЕРВОБЫТНОЙ (ПОЗДНЕРОДОВОЙ) ОБЩИНЫ

Общие сведения. Стадия позднепервобытной (позднеродовой) общины характеризуется развитием производящего хозяйства ранних земледельцев или земледельцев-скотоводов в одних частях ойкумены, высокоспециализированного присваивающего хозяйства так называемых высших охотников, рыболовов и собирателей — в других. На протяжении всей этой стадии повсюду, где имелись благоприятные природные условия, первая форма хозяйства вытесняла вторую. Но дело даже не в их количественном соотношении. Возникновение производящего хозяйства было величайшим достижением первобытной экономики, фундаментом всей дальнейшей социально-экономической истории человечества, важнейшей предпосылкой получения регулярно избыточного, а затем прибавочного продукта. В перспективе именно оно повело к разложению первобытного и складыванию классовых обществ. Недаром за этим поворотным моментом, приходящимся в основном на

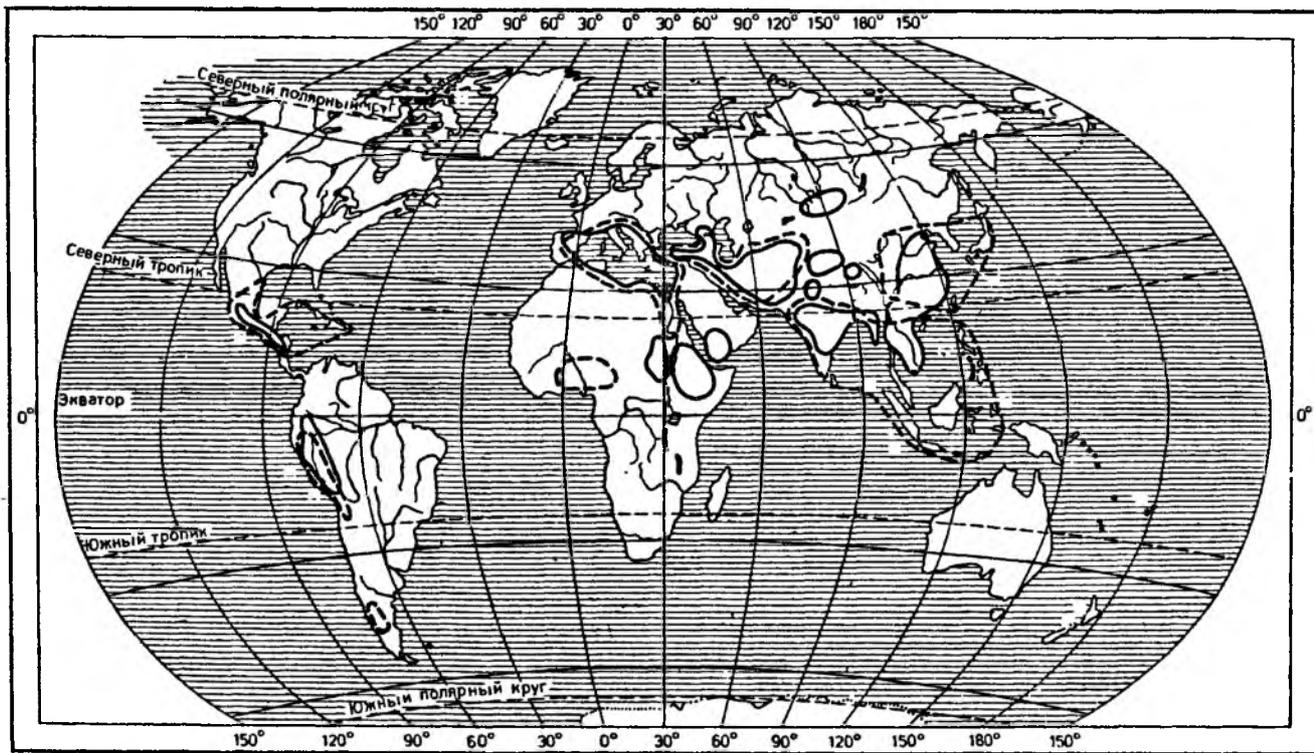
время неолита, закрепилось название «неолитической (или аграрной) революции», предложенное английским археологом Г. Чайлдом по аналогии с введенным Ф. Энгельсом термином «промышленная революция». Высокоспециализированное хозяйство высших охотников, рыболовов и собирателей также открывало значительные возможности для дальнейшего развития. Но они были несравненно ограниченнее: его носители смогли подняться лишь до предклассового уровня, да и то только в немногих, особенно благоприятных районах ойкумены.

Возникновение производящего хозяйства и новые производственные сдвиги. Когда, как и где возникли скотоводство и земледелие? Формальный ответ на эти вопросы относительно однозначен: скотоводство, во всяком случае, возникло в палеолите. На протяжении многих десятилетий в археологической литературе фигурировало утверждение, поддержанное многими палеонтологами, о том, что верхнепалеолитический человек приручил собаку и использовал ее на охоте. Это утверждение базировалось на описании многих остатков якобы домашних собак (некоторые из них, правда, потом были оспорены в качестве домашних). Однако недавно был описан, бесспорно, одомашненный экземпляр из мадленских слоев стоянки Оберкассель на левом берегу Рейна. В общем, приручение и использование собаки в верхнем палеолите вряд ли сейчас вызывает сомнения. Аналогичная проблема существует в отношении лошади — многие исследователи вновь и вновь возвращаются к идее приручения лошади на исходе верхнего палеолита, хотя приводимые для подобного умозаключения аргументы выглядят не очень убедительно. Тем не менее, если даже в распоряжении верхнепалеолитических людей были собаки, значит, они уже перешли к разведению животных, следовательно, производящее хозяйство зародилось в верхнем палеолите. Однако столь прямолинейную логику вряд ли можно считать оправданной: ведь производящее хозяйство, действительно, существует тогда, когда происходит обеспеченное определенными технологическими приемами стабильное воспроизведение общественного продукта. Бесспорно, собака помогала человеку при охоте, может быть, даже при загонной охоте, хотя конкретные формы ее использования определить сейчас трудно, но меняла ли эта помощь кардинально размеры добычи и делала ли ее стабильной?

В этом можно сомневаться. Гораздо существеннее доместикация продуктивных животных, а она произошла позже. Правда, и сейчас нет-нет да и появляются идеи о возникновении производящего хозяйства не только в верхнем палеолите, но и у неандертальцев, но пока они фигурируют в литературе без сколько-нибудь серьезных фактических доказательств.

Какова древность более или менее бесспорных находок остатков культурных растений и домашних животных? Они относятся к IX—VIII тысячелетиям до н. э. и происходят из Передней Азии — Палестины, Сирии, юго-восточной Турции. Из растений это полба-эммер, пшеница, ячмень, чечевица, одним словом, те растения, которые требовали в то же время изобретения определенных навыков приготовления, чтобы быть употребляемыми в пищу. Археологически зафиксировано интенсивное собирательство этих растений в диком состоянии, поэтому несомненно навыки их приготовления в пищу относятся к более раннему времени, чем время их введения в культуру. Первыми продуктивными домашними животными были овца и коза, крупный рогатый скот был приручен и начал использоваться позже. Бесспорные свидетельства одомашнивания осла, лошади, верблюда, северного оленя, ламы относятся к значительно более позднему времени.

В настоящее время трудно назвать единичный фактор, который бы привел к освоению новых природных ресурсов и переходу к производящему хозяйству. Существовавшие в мезолите техническое вооружение и способы охоты, как их сейчас можно реконструировать, были достаточно продуктивны, чтобы обеспечить существование земледельческих общин. Переход к могильникам как к коллективной форме захоронения покойников, зафиксированный именно в это время, косвенным образом свидетельствует об увеличении их числа, а значит, и об увеличении численности коллективов, невозможном при недостаточности средств к жизни. Другое дело, что охотничье хозяйство, как показывают многочисленные этнографические примеры, по природе своей нестабильно. Оно подвержено спадам из-за перемен в природной обстановке, обуславливающих нарушение экологических ниш и резкое падение численности промысловых животных, чревато поэтому периодическим наступлением голода, иногда продолжающегося несколько лет. Это обстоятельство было сильнейшим стимулом поиска но-

Границы очагов происхождения культурных растений

Границы очагов происхождения домашних животных

Древнейшие центры происхождения культурных растений и домашних животных. Карта составлена В. П. Алексеевым (использованы карты Н. И. Вавилова)

ых источников пищи и до какой-то степени может рассматриваться как экономический стимул или фактор перехода к производящему хозяйству. Но, несомненно, не меньшую роль должно было играть хорошее знакомство с миром животных и растений, приобретенное в процессе многотысячелетней охоты и собирательства. По отношению к животным важность этого знакомства подчеркивается тем обстоятельством, что поведенческие стереотипы животных и птиц, на которых охотился палеолитический и мезолитический человек, были существенно иными, что недостаточно учитывается в современной литературе по domestикации животных. Зоологи обратили внимание на то, что человек смог приручить только тех животных, которые имели в своем собственном поведении предпосылки для одомашнивания — отсутствие боязни человека, смирный нрав. Однако весьма вероятно, что отсутствие страха перед человеком было вообще свойственно животным палеолитической и мезолитической эпох, этот страх появился как реакция на человека позже, а может быть, есть даже итог естественного отбора на протяжении тысяч поколений (более пугливые животные имели преимущественный шанс выжить при соприкосновении с человеком). Человек был естественным компонентом фауны, охота являлась таким же естественным процессом, как охота хищников на травоядных, а ведь даже современные биоценозы, скажем, в Африке дают нам картину достаточно локально близкого сосуществования хищников и травоядных. Знание повадок животных и продуктивных свойств растений, а также мест их возможного обнаружения образовало другой фактор или стимул перехода к производящему хозяйству, который можно назвать производственно-познавательным.

При использовании плодов и семян диких растений какая-то их часть оставалась неиспользованной и давала всходы вблизи жилища. Переход от этого в культуру — дело времени. Более того, сразу же начинался процесс, выразительно описанный еще Дарвином, — бессознательный отбор, когда человек начинал выращивать рядом с жилищем наиболее крупные семена так же, как он сохранял на племя крупных животных. Приручение их, конечно, начиналось с ловли молодняка, содержания его в неволе и подкармливания, в процессе которого животные привыкали к человеку. В литературе по зоопсихологии и социальной психологии до сих пор

нет работ, в которых бы исследовался удивительный феномен — тяготение неполовозрелых особей разных видов друг к другу. Человек в данном контексте не образует исключения. Внимание детей к молодняку и уход за ним, не исключено, играли немаловажную роль на заре одомашнивания. А содержание взрослых животных не составляло трудностей, потому что человек, как уже говорилось, знал их повадки в диком состоянии.

Проблема очагового, т. е. приуроченного к определенным замкнутым пространствам, или непрерывного по всей ойкумене, так сказать, панойкуменного возникновения производящего хозяйства, представляет собою в настоящее время одну из кардинальных проблем истории первобытного общества. На одном полюсе ее решения стоит крупная фигура Николая Ивановича Вавилова, сформулировавшего гипотезу прерывистого очагового происхождения земледелия как в Старом, так и в Новом Свете и аргументировавшего ее результатами тщательных исследований культурного растительного покрова планеты. С другой стороны ему противостоят современные преемники его гипотезы, указывающие на непрерывность процесса введения растений в культуру, отсутствие локальной приуроченности возникновения земледелия, скажем, в Африке. Считается, и это неоднократно подчеркивалось в основном в советской литературе, посвященной этой проблеме, что новейшие археологические исследования в целом поддерживают гипотезу Вавилова. Следовательно, в намеченных им очагах ими практически везде зафиксировано очень древнее земледелие. Гипотеза очагов сформулирована достаточно широко, чтобы подвести под нее любые археологические открытия последних лет. Но не было ли самостоятельных очагов возникновения земледелия, а следовательно, и производящего хозяйства за пределами тех территорий, которые традиционно считаются очагами первичного земледелия, например, в Африке или в степной полосе европейской и азиатской частей СССР? Позитивный ответ на этот вопрос одинаково и вероятен, и невероятен, пока в нашем распоряжении нет достаточно полных археологических и археоботанических данных.

При неполной определенности ответа на поставленный выше вопрос целесообразно все же очертить фигурирующие в литературе представления об очагах перехода к первичному земледелию и производящему хозяй-

ству, восходящие к творчеству Вавилова и обогащенные археологическими раскопками последних лет. Древнейшим из очагов земледелия является, наверное, переднеазиатский в широком смысле слова, охватывающий огромную территорию и настолько сложный по составу культурной флоры, что он, по многим высказываниям ученых, сам распадается на самостоятельные и независимые очаги, скажем, кавказский, среднеазиатский, переднеазиатский в узком смысле слова. Близок к нему территориально средиземноморский очаг, сформировавшийся при бесспорном влиянии из Передней Азии и, в свою очередь, распадающийся на западносредиземноморский, балканский, восточносредиземноморский, североафриканский очаги, каждый из которых сформировался частично самостоятельно, а частично при значительных воздействиях со стороны. На востоке Старого Света громадным очагом возникновения земледелия и, может быть, самостоятельного введения в культуру животных была Восточная Азия, оказавшая влияние на возникновение производящего хозяйства на Японских островах, в бассейне Амура, в материковой части Юго-Восточной Азии. Между этими большими и давшими значительное количество видов культурных растений очагами располагался южноазиатский, или индийский, очаг, в отличие от предшествующих, похоже, достаточно гомогенный. До сих пор в ботанической, историко-этнологической и археологической литературе фигурирует в качестве центрального очага возникновения производящего хозяйства Мексика и Центральная Америка с ответвлениями в разных областях Андийской горной страны — Перу, Боливии, а также на островах Карибского бассейна. Но, похоже, начатки земледелия у североамериканских индейцев также могут иметь самостоятельное происхождение. В Африке, наконец, наибольшую роль в окультуривании растений и доместикации животных сыграли области, расположенные сразу же к югу от пустыни Сахара.

Возникновение земледелия и скотоводства сопровождалось другими сдвигами в развитии производительных сил. Прежде всего значительно прогрессировала техника изготовления каменных орудий труда. Еще более усовершенствовалась техника отжимной ретуши. Местами известные уже в мезолите шлифование, или полирование, а также пиление и сверление камня в неолите получили намного большее распространение, так

как для расчистки леса под поля и огороды потребовались более эффективные топоры и тесла. Наряду с прежними стали обрабатываться новые, более твердые породы минералов — нефрит, жадеит, обсидиан. Началась разработка подземных отложений камня, появились крупные «мастерские» каменных орудий, распространявшихся далеко от места своего производства. Нужды земледелия потребовали усовершенствования не только топоров, но и других орудий труда. Применявшиеся собирателями палки-копалки и примитивные жатвенные ножи эволюционировали в настоящие мотыги и серпы, а зернотерки и ступки с пестами широко вошли в хозяйственный быт. Местами стали практиковаться простейшие приемы мелиорации почв, например ирригации в Передней Азии или дренажа на Новой Гвинее.

Там, где развилось высокоспециализированное охотничье-рыболовческое-собираательское хозяйство, орудия труда также приобрели намного более совершенный облик. В сухопутной охоте стали применяться изощренные ловушки, капканы, силки, в морской охоте и рыболовстве — более усовершенствованные гарпуны, сети, удочки с крючками. Широкое распространение получили средства передвижения: лодки-долбленки, волокуши, в которые со временем стали запрягать собак, на севере — сани и лыжи. Для изготовления многих из этих орудий труда и транспортных средств также нередко применялись шлифованные топоры.

Переход к производящему или высокоспециализированному присваивающему хозяйству совершался там, где уже к концу предыдущей стадии развития была достигнута относительная оседлость, и, в свою очередь, упрочивал эту относительную оседлость. Поэтому теперь примитивные хижины стали сменяться более долговременными землянками или полужемлянками, а затем и прочными наземными домами. Одежда в разных широтах варьировала от набедренной повязки до глухого мехового комбинезона; с изобретением в неолите прядения и простейшего ткачества стала появляться также одежда из растительного волокна, а позднее и шерсти. Домашняя утварь пополнилась одним из крупных нововведений — изобретенной теперь керамикой. Керамики не знали лишь относительно немногие общества, которые по другим признакам могут считаться неолитическими, и поэтому неолит иногда даже называют керамическим веком. Изготавливали керамику

чаще всего методом налепа, или спирально-жгутовым: глиняные жгуты толщиной в 2—3 см накладывали по спирали друг на друга, сдавливали и заглаживали. Обожженная огнеупорная посуда позволила улучшить способы приготовления пищи и расширить ассортимент пищевых продуктов.

... Основные производственные достижения на стадии позднепервобытной общины — становление земледелия и скотоводства, усовершенствование техники обработки камня, изобретение керамики, ткачества и т. п. — свидетельствуют о значительном расширении опыта и навыков человечества. Эти достижения требовали также дальнейшего совершенствования организации труда. Труд по-прежнему оставался простой кооперацией, но его разделение стало уже не только половозрастным. Новый производственный уровень сделал возможной дальнейшую индивидуализацию и специализацию в некоторых областях деятельности.

Раннее земледелие и скотоводство чаще всего были как мужским, так и женским занятием, причем на долю мужчин обычно приходились наиболее тяжелые, а на долю женщин — наиболее кропотливые работы. В высокоспециализированном присваивающем хозяйстве почти всегда мужчина был охотником и рыболовом, женщина — собирательницей. Изготовление орудий труда, средств передвижения, предметов обихода по большей части считалось делом мужчин, и только в изготовлении керамики лидирующая роль чаще принадлежала женщинам. Зато такие домашние работы, как доставка воды и топлива, приготовление пищи, уход за детьми, неизменно оставались за женщинами. Разделение труда по возрасту заметнее всего сказывалось в том, что молодым мужчинам чаще доставались более трудные и опасные, пожилым — более сложные работы. Некоторые общинники, выделявшиеся своим опытом и умением, как бы специализировались в некоторых сферах деятельности, но эта специализация обычно еще не предполагала особых знаний, не передавалась по наследству и в принципе не освобождала от других работ.

Дальше продвинулось межобщинное и межплеменное разделение труда. Это было подлинно общественное разделение труда, т. е. закрепление определенных занятий за определенными группами людей, не связанное с их половозрастным делением. До конца XIX в. считали, что первым крупным общественным разделением

труда было выделение пастушеских племен. Позднее выяснилось, что скотоводство не старше земледелия (см. об этом дальше), но на стадии позднепервобытной общины действительно произошло первое крупное разделение труда — выделение племен с производящим хозяйством из общей массы других племен. Это способствовало развитию обмена между ранними земледельцами или земледельцами-скотоводами и охотниками-рыболовами, как низшими, так и высшими. Наряду с сырьевыми ресурсами и изделиями стали обмениваться скот и пищевые продукты.

Ранние земледельцы и земледельцы-скотоводы не только известны по археологическим находкам, но и широко представлены этнографическими аналогами в Юго-Восточной Азии, Африке, Океании, Северной и Южной Америке. Высшие охотники, рыболовы и собиратели, помимо того, до сравнительно недавнего времени имелись в Северной Сибири. Материал по ним огромен, и трудности характеристики стадии позднепервобытной общины состоят главным образом в том, чтобы отделить подлинную первобытность от явлений, возникших под воздействием соседних классовых обществ.

Социально-экономические отношения. И раннее производящее, и высокоспециализированное присваивающее хозяйство по-прежнему требовали тесной кооперации трудовых усилий. Расчистка леса, выпас скота, сколько-нибудь эффективные охотничьи и рыболовецкие предприятия были не под силу отдельным семьям. Получаемый в хозяйстве продукт также еще оставался ограниченным. Первоначальное земледелие и скотоводство нередко были менее продуктивны, чем присваивающее хозяйство, а успех охоты или рыболовства не мог быть предсказан с уверенностью. Все это способствовало более или менее широкому сохранению коллективной собственности и уравнительного распределения. К тому же и тогда, когда производимый продукт являлся достаточным и даже избыточным, не могла не действовать сила традиций, сложившихся на предшествующей стадии развития. Все же на данной стадии возросшие и продолжавшие возрастать производительные силы обеспечивали намного более заметное получение избыточного продукта, постепенно становившегося регулярным. А это не могло не повлечь за собой начавшуюся парцелляцию собственности и расширение сферы трудового распределения.

Экономическую основу общества, как и раньше, составляла коллективная, преимущественно родовая, собственность на землю. Возделываемая земля и пастбища, охотничьи, рыболовные и собирательские угодья в одних случаях прямо принадлежали роду, в других — рассматривались как принадлежащие племени или фратрии, но были закреплены за входившими в них отдельными родами. Внутри рода земля, особенно часто обрабатываемая, являвшаяся уже не только предметом, но и продуктом труда¹, обычно передавалась во владение группам ближайших сородичей и в пользование отдельным сородичам. Земельная собственность не могла быть отчуждена: считалось, например, у папуасов Новой Гвинеи, что полученная от предков, она должна перейти к потомкам. Другие средства производства и предметы потребления, созданные собственным трудом — скот, орудия, утварь и т. п. — со всей несомненностью были личной собственностью и могли отчуждаться. Но в то же время еще широко практиковалось свободное заимствование личных вещей сородичей, а после их смерти их движимое имущество все чаще не уничтожалось, а наследовалось в пределах рода.

Сходные явления происходили в области распределения пищи. Сохранявшееся уравнительное распределение только при экстремальных ситуациях охватывало всю общину, а в обычных условиях замыкалось в более узких группах близких родственников по крови и браку. Но и такое распределение постепенно вытеснялось трудовым, при котором человек, получивший хороший урожай или приплод скота, преуспевший на охоте или в рыбной ловле, оставлял продукт себе или делился либо обменивался им только с теми, с кем хотел. Так, если у папуасов голодный мог самовольно взять несколько клубней ямса с огорода близкого родственника, известив о своей готовности отплатить тем же, то у кубео Южной Америки это считалось кражей и каралось.

Рост избыточного продукта, упрочение личной собственности и замещение уравнительного распределения трудовым повели к развитию особого вида социально-экономических отношений, получивших название престижной экономики. На стадии позднепервобытной общины престижная экономика проявлялась главным образом в уже известном нам обмене дарами, или даро-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 192.

обмене, существуя преимущественно пока только в системе получения избыточного продукта. Дарообмен существовал как внутри общины, так и в особенности за ее пределами, связывая между собой значительный круг общин, и совершался как коллективно, так и индивидуально. При этом дариться могли не только вещи, представлявшие хозяйственную ценность, но и, казалось бы, совершенно бесполезные. Так, у меланезийцев Тробрианских островов описан обычай «кула» — бесконечная циркуляция двух видов высоко ценимых раковин, у некоторых групп папуасов — выращивание специально для дарообмена особой разновидности ямса и т. д. Но на деле дарители или даритель приобретали общественный престиж, причем тем больший, чем щедрее был дар. В то же время они ничего не теряли, так как действовал принцип эквивалентности дачи и отдачи — взаимность, или реципрокальность *. С помощью дарообмена упрочивались брачные и другие социальные связи, укреплялись мирные отношения, усиливался авторитет общин и их предводителей. Последнему особенно способствовал дарообмен с «переplatой» — стремление дать больше, чем получить, потому что в этом случае взаимность переставала быть сбалансированной и возникало известное неравенство статусов. Собственно экономическая сторона престижной экономики противоречива. С одной стороны, она способствовала развитию производства: в Меланезии для нужд дарообмена возделывали специальные огороды, в Африке местами выращивали особые стада скота. Стали появляться обменные эквиваленты: редкие раковины, особо ценимые птичьи перья и т. п. С другой стороны, церемониальный характер дарообмена вел к непродуктивным тратам: во многих племенах Меланезии, Юго-Восточной Азии, Африки и Америки его сопровождали, а часто и заменяли обильные пиры и попойки. Противоречивой была также социальная сторона престижной экономики. Она стимулировала внутриобщинную и межобщинную взаимопомощь, но и порождала начатки общественного и имущественного расслоения. Позднее престижно-экономические отношения сыграли крупную роль в углублении социально-экономического неравенства, и первые предвестия этих перемен стали появляться уже на стадии позднепервобытной общины.

Но пока еще появление избыточного продукта, распределявшегося по своеобразным каналам престижной

экономики, не подорвало коллективистической природы общинно-родового строя. Этот строй продолжал цементироваться крупной ролью общинного труда, господством родовой собственности, сочетанием отношений уравнительного и трудового распределения.

Народонаселение и его воспроизводство. В условиях раннего производящего или высокоспециализированного присваивающего хозяйства постепенно увеличились обеспеченность жизненными ресурсами и связанная с ней оседлость. Это не могло не ослабить влияния природной среды на процесс воспроизводства и динамику численности народонаселения. И действительно, даже по самым скромным палеодемографическим оценкам, прирост населения приблизился к промилле, т. е. увеличился не менее чем в 100 раз. Такой огромный скачок (его даже называют первой «демографической революцией») явился результатом действия многих факторов, которые все больше давали о себе знать по мере развития позднепервобытной общины.

Новые виды хозяйственной деятельности позволяли повысить плотность населения. Этнографически установлено, что с переходом даже к примитивному земледелию размеры общин увеличивались и продолжали расти с упрочением земледельческой оседлости. Раннепервобытные общины обычно насчитывали до нескольких сотен, а в отдельных случаях даже до нескольких тысяч человек.

Подобные размеры коллективов и их оседлый быт уже почти не лимитировали рождаемость и детность. Соответственно несколько уменьшился межродовой интервал, более редким стал инфантицид. В земледельческих и земледельческо-скотоводческих обществах впервые отмечено стремление к многодетности, что некоторые ученые связывают с возможностями использования в таких обществах детского труда. Лучшая обеспеченность пищевыми продуктами и появившаяся возможность искусственного вскармливания детей снизили детскую смертность. Реже стал практиковаться и геронтицид. В целом более высокий уровень жизни повел к повышению ее средней продолжительности. При этом стал уменьшаться прежде очень большой разрыв в средней продолжительности жизни женщин и мужчин.

Действие всех этих экономико-демографических факторов было не прямолинейным. Обращено внимание на то, что на первых порах переход к земледельческой

оседлости мог несколько снизить среднюю продолжительность жизни и такое мнение, видимо, находит подтверждение в некоторых палеодемографических выкладках. Это чаще всего объясняют немалыми хозяйственными затруднениями при переходе от старой экономики к новой и вспышками заразных заболеваний в условиях большей плотности населения.

Но это был лишь временный спад перед реализацией потенций, заложенных в производящем хозяйстве.

Половозрастная организация. Сохранявшееся в позднелервоыбитной общине естественное разделение труда поддерживало существование специфических половозрастных групп с их бытовой обособленностью, своими правами и обязанностями, тайными обрядами и т. д. Нередко именно на этой стадии развития, с упрочением оседлости и общим подъемом культурного уровня, происходили институционализация таких групп и их обзаведение постоянными домами холостяков, домами девушек, мужскими и женскими домами.

Наибольшее значение по-прежнему придавалось мужским группам, и наибольшее распространение имели мужские дома. Здесь устраивались собрания мужчин, велись многие работы, проходила обрядовая жизнь, хранились предметы культа, принимались гости. Здесь же спали холостяки, а нередко и все мужчины. Женщины и неинициированные подростки в мужской дом не допускались. В многогородовых общинах каждый род мог иметь свой мужской дом для культовых отправлений. Женские дома встречались намного реже мужских, причем в большинстве случаев это были дома, где девушки спали под присмотром старших женщин. Там, где женских домов не было, обособление полов достигалось расположением мужского дома в центре селения, а домов женщин с детьми на его периферии. Там, где, как, например, у многих индейских племен Америки, не было и мужских домов, тот же результат достигался выделением в общинном доме мужской и женской половин площадок и т. п.

Разобщение полов было не только пространственным. Очень часто мужчины и женщины продолжали работать и принимать пищу врозь. Личная собственность их могла быть мужской и женской. Так, во многих папуасских племенах мужчины владели посаженными ими деревьями, свиньями, орудиями труда, женщины — выращенными ими огородными культурами и кухонной

дварью. Только дом, в котором жила женщина с детьми, рассматривался как совместная мужская и женская собственность.

У ряда племен Новой Гвинеи, Южной Америки и особенно Восточной Африки к этому же времени относится институционализация возрастных групп. Так, у апи-наи Южной Америки четко различались неиницированные дети и подростки, инициированные юноши, получавшие право жениться, молодые мужчины, «зрелые люди» и старики лет за пятьдесят, составлявшие совет общины. Столько же возрастных категорий существовало у некоторых групп папуасов. Юноши и молодые мужчины были основной рабочей силой. Они же составляли главную военную силу, так как только отличившись в бою могли перейти в следующую возрастную категорию. Институционализированные возрастные группы женщин встречались реже и обычно насчитывали не больше трех ступеней: девушки до первой беременности, женщины, родившие хотя одного ребенка, старухи. Более сложные возрастные группировки как мужчин, так и женщин известны у народов Восточной Африки, но они изучены уже на стадии разложения первобытного общества.

Положение основных половозрастных групп должно определяться их ролями в разделении труда и отношением к родовой собственности. В земледелии и скотоводстве, как уже говорилось, были заняты и мужчины, и женщины. В высокоспециализированном присваивающем хозяйстве по-прежнему сохраняли свое значение как мужские охота и рыболовство, так и женское собирательство. Сфера домашнего хозяйства была целиком делом женщин. Как мужчины, так и женщины обладали равными правами на родовую собственность. В условиях матрилокального или уксорилокального поселения собственницами и распорядительницами родовой земли были преимущественно женщины, в условиях патрилокального или вирилокального поселения — преимущественно мужчины. В целом в позднепервобытной общине нормой оставалось равное участие и мужчин, и женщин в жизнеобеспечивающей экономике. Нередко, особенно у мотыжных земледельцев с их выдающейся ролью женского труда, складывалось так, что в хозяйстве (и не только домашнем) доминировала женщина. «Без женщин, — говорили ирокезы автору одной из миссионерских реляций, — мы вели бы жалкое существова-

ние, так как в нашей стране именно женщины сеют, сажают, возвращают зерно и овощи и готовят пищу для мужчин и детей». В то же время развитие престижной экономики, полностью монополизированной мужчинами, начало создавать им особый престиж, и в общественной жизни доминировали не женщины, а мужчины. Поэтому в современной этнографии, видимо, правильно обращается внимание на то, что уже в позднепервобытной общине возникли предпосылки позднейшего господства мужской части общества.

На этой же стадии в связи с увеличением продолжительности жизни и общим усложнением социально-экономической деятельности четче обозначилось главенство старшей возрастной группы мужчин. О его конкретных проявлениях, преимущественно в социально-потестарной организации, речь будет дальше.

Брак и семья. На стадии позднепервобытной общины продолжал господствовать парный брак. Как и раньше, он был легко расторгим по желанию любой из сторон и сопровождался чертами групповых отношений. У племен с ранним производящим хозяйством чаще практиковалась полигиния, в частности сороратная, так как большое значение женского труда в земледелии делало выгодным иметь нескольких жен. Напротив, у племен высших охотников, рыболовов и собирателей большее распространение имела полиандрия, в частности леви-ратная, так как здесь основным добытчиком был мужчина. Поскольку на первых порах совмещались обе формы хозяйства, местами полигиния сочеталась с полиандрией. Так, у ранних земледельцев ирокезов и гуронов в XVII в. мужчина мог иметь «добавочных жен», а женщина — «добавочных мужей»; у гуронов, кроме того, были еще и особые «охотничьи девушки», сопровождавшие охотников в качестве жен. У высших рыболовов тлинкитов и их соседей морских зверобоев алеутов, по словам И. Е. Вениаминова, «женщине дозволялось иметь двух мужей, из них один был главным, а другой помощник, или, как называют русские, половинщик». По-прежнему широко сохранялась и нередко даже поощрялась свобода добрачных связей, так как девушка должна была доказать свою способность к деторождению.

Браки долгое время оставались кросскузенными, но с расширением связей между общинно-родовыми коллективами (и в целях этого расширения) кросскузен-

ность сперва перестала быть обязательной, а затем почти исчезла. Тем самым браки утратили свой обменный характер и потребовали возмещения за рабочую силу женщин. Последнее поначалу принимало преимущественно форму отработки, впоследствии же, с развитием престижной экономики, — главным образом форму брачного выкупа. В связи с этим в брачном выборе стала возрастать роль близкой родни, помогавшей платить выкуп, и начала развиваться практика сговора о браке между несовершеннолетними, даже малолетними детьми. Бывало, что родственники договаривались о браке еще не родившихся детей (утробный сговор) или младенцев (колыбельный, или люлечный, сговор). Стала развиваться и свадебная обрядность. Если раньше мужчина и женщина просто объявляли о своем желании стать мужем и женой или как-нибудь иначе давали об этом знать, то теперь появился обычай оформлять их союз более или менее сложными церемониями. Центральное место в них занимал дарообмен между родней обеих сторон. Такой церемонией могло быть и обрядовое, или фиктивное, похищение невесты, реже жениха. Отработки за невесту и ее обрядовое похищение у высших рыболовов и охотников ительменов (камчадалов) хорошо описаны С. П. Крашенинниковым: «Когда камчадал, высмотрев себе невесту (обязательно в чужом, а не в своем острожке), пожелает на ней жениться, он переселяется в острожек, откуда родом невеста. Явившись к родителям невесты, он сообщает им о своем намерении и после этого работает, показывая свое удальство и проворство, услуживая всем пуше холопа, и больше всего будущему тестю, теще и невесте, после чего просит разрешения хватать невесту... Кто схватит невесту, тот безвозбранно проводит с ней следующую ночь и на другой день безо всяких церемоний уводит ее в свой острожек».

В науке долгое время господствовало мнение, что похищение невесты было древнейшей и широко распространенной формой заключения брака. Доказательства этого видели в имитации насильственного захвата невесты женихом в свадебном обряде и обрядовой враждебности их родни (так называемых свадебных антагонизмах), известных у многих первобытных племен, а в пережитках и у самых развитых народов. Однако позднее выяснилось, что подлинного похищения как преобладающей формы за редкими исключениями ни-

когда не существовало. Поэтому теперь этот взгляд полностью оставлен, а объяснение обрядового похищения видят в другом. В частности, весь комплекс свадебных антагонизмов убедительно истолкован стремлением предотвратить путем имитации похищения воображаемые опасности, связанные с нарушением обособления полов и половых запретов. Кроме того, определенную роль в появлении такой имитации могли сыграть факторы психологического порядка — демонстрация нежелания расставаться с родственниками и т. п.

Локализация брачного поселения в позднепервобытной общине была как матрилокальной, так и патрилокальной или уксорилокальной и вирилокальной. Первый порядок, по-видимому, встречался чаще. У племен Америки, по имеющимся подсчетам, в больших семьях матрилокальность в 2—3 раза преобладала над патрилокальностью. У племен Океании в таких семьях одинаково часто встречались как матрилокальность или патрилокальность, так и амбилокальность. В то же время, как мы видели раньше, в обществах низших охотников, рыболовов и собирателей чаще встречалась патрилокальность. Может создаться впечатление, что с переходом к новым видам хозяйственной деятельности патрилокальность стала сменяться матрилокальностью. Но такая смена порядка брачного поселения этнографии практически неизвестна, и дело, видимо, в другом. Из обществ с простым присваивающим хозяйством до недавнего времени сохранялись преимущественно бродячие патрилокальные общества охотников и собирателей, тогда как более стабильные матрилокальные общества успели перейти к новым видам хозяйства. Вместе с тем большое значение женского труда в земледелии могло способствовать укреплению матрилокальности, а развитие престижной экономики — переходу к патрилокальности. В качестве переходного порядка брачного поселения почти повсеместно широко бытовала авункулокальность * — поселение с мужскими родственниками, но не с отцом, а с братом матери.

Возникновение трудового распределения, при котором отец получал возможность материально заботиться о своих детях, повлекло за собой, по мнению одних ученых, появление, а по мнению других, укрепление парной семьи. Вопреки продолжавшемуся разобщению полов муж и жена все чаще вместе работали, у них стало появляться общее имущество, и сама свадебная церемо-

ния, например у значительной части папуасов, состояла в символической совместной трапезе новобрачных. Постепенно более редкими становились разводы. В патрилокальных обществах по мере развития престижной экономики и повышения социального статуса мужчин жены уже отчасти включались в роды и внутриродовые группы мужей, что находило выражение в их участии в родовых обрядах, захоронении на родовых кладбищах и т. п. Отцы все чаще старались передать личное имущество своим детям. Словом, уже наблюдались какие-то зачатки превращения парной семьи в позднейшую малую, или моногамную. Но пока еще это были только зачатки. Хотя хозяйственные и социальные функции парной семьи несколько расширились, она по-прежнему имела несоизмеримо меньшее значение, чем общинно-родовая организация. У нее не было отдельной от родовой, общей для обоих супругов собственности на такое основное средство производства, как земля. Да и совместное движимое имущество супругов, за исключением жилища, чаще всего было невелико, намного уступая по размерам и значению их раздельному имуществу. Если мужу или жене случалось нанести ущерб имуществу другого супруга, они должны были рассчитаться с пострадавшими или с их родней. На наследство мужчин претендовали не только их дети, но и их сородичи, и чаще всего именно они одерживали верх. При матрилокальном поселении мужчина, переходя в группу жены, не порывал хозяйственных связей с собственной родней и работал как бы «на два дома». При патрилокальном поселении женщине в какой-то мере приходилось делать то же. Такая двойственность была особенно заметна в многородовых общинах, где заключались внутриобщинные браки и ни один из супругов не менял места жительства. В целом на стадии позднепервобытной общины парная семья и родовая община находились в состоянии усиливавшегося противоборства. Чем более крепкими оставались общинно-родовые связи, тем слабее была семья, а чем более укреплялась семья, тем слабее становилась родовая община.

Наряду с парными, хотя и реже их, на стадии позднепервобытной общины существовали уже упоминавшиеся большие материнские семьи, или домохозяйства. Они описаны, например, у земледельцев — меланезийцев Тробрианских островов и ирокезов, высших охотников — алгонкинов, высших рыболовов — тлинки-

тов. Для них были характерны матрилокальность или авунколокальность, нередко также дислокальность или амбилокальность. Костяк их составляли женщины со своими детьми, но очень крепкими были также связи с братьями и соответственно с дядьями по матери. В противоположность этому связи жен с мужьями и детей с отцами только намечались. Все плоды своего труда мужчина отдавал не жене, а замужней сестре, сам же кормился главным образом тем, что его жена получала от своего брата. Воспитателем и попечителем детей также был не столько отец, сколько дядя по матери, который устраивал их судьбу и передавал им свое имущество. Тесная связь племянников с их дядьями по матери получила название авункулата *. Большие материнские семьи даже трудно назвать семьями в собственном смысле этого слова, и если одни этнографы относят их к этой категории, то другие считают просто подразделениями рода. Не рассматривали их как семьи в нашем понимании и сами аборигены: так, у меланезийцев острова Добу слово «сусу» обозначало только родню по матери, а слова для ячейки, включавшей также и отца, не было совсем. В советской этнографии для них предложено название «родья».

В историческом плане большие материнские семьи, гипотетически реконструируемые и на стадии раннепервобытной общины, возможно, предшествовали парным. Но в дальнейшем они сохранялись не как пережиток, а как параллельный вариант развития, нередко доживавший до эпохи классового образования (см. далее). В таких семьях также вызревали начала экономической обособленности от родовой общины, но еще медленнее, чем в парных семьях.

Общинно-родовая организация. В обществах с ранним производящим и высокоспециализированным присваивающим хозяйством общинно-родовая организация не претерпела принципиальных изменений, но заметно усложнилась. Это относится как к структуре общины, так и к характеру родовых связей.

По сравнению с предыдущей стадией резко увеличилось количество многородовых общин. Это было вызвано в одних случаях возросшими потребностями в кооперации труда, в других — хозяйственными и общественными интересами мужчин в условиях матрилокального брачного поселения. Ведь только при совместном поселении членов не менее чем двух родов мужчины могли

сохранить непосредственные связи со своей родней. Поскольку же брачная сеть к этому времени расширилась, многогородовые общины обычно состояли не из двух, а из нескольких групп сородичей. Члены каждой такой группы со своими мужьями или женами образовывали как бы субобщину в общине. В свою очередь, они могли делиться на еще меньшие общинные ячейки, например тяготевающие к упоминавшимся выше материнским семьям.

В таких общинах не могли не возникать соперничество и даже враждебность между отдельными родами. Между тем нужды широкой трудовой кооперации, защиты от набегов и т. п. требовали сплочения общинников. Это вызывало к жизни различные институты внутриобщинной интеграции. Так, наряду с культовыми мужскими домами отдельных родов стали появляться мужские дома для общинных собраний. Устраивались совместные пиршества, появлялись общие культы, чаще всего на основе культа древнейшего или крупнейшего из входивших в общину родов. На соседей-общинников могли даже распространиться термины кровного родства, как это имело место, например, у многих племен североамериканских индейцев. Сплочению общин способствовала ставшая возможной в условиях их многогородовой структуры эндогамия, характерная на этой стадии для большого числа общин, в особенности крупных. Но бывало, как, например, у племен Нижнего Амура, что складывался противоположный порядок — локальная, общинная экзогамия (так называемый институт доха, или духа), которая в еще большей степени консолидировала общинников.

Потребности в широкой кооперации труда, обмене, защите от врагов, а нередко и в поддержании мирных отношений, установлении брачных контактов способствовали завязыванию связей на межобщинном уровне. Возможности для этого предоставляло развитие престижной экономики, которая и сама стимулировала такие связи. Регулярный дарообмен между общинами сопровождался изобильными пиршествами, например знаменитыми «свинными праздниками» папуасов, которые резали для этого лучших, нередко специально выращенных свиней. Укрепление межобщинных отношений способствовало развитию таких по большей части зародившихся уже раньше институтов, как гостеприимство, побратимство, адопция *.

Родовые связи и родовая организация на стадии позднепервобытной общины стали более сложными. На этом основании часть ученых полагает, что род вообще возник только в это время. В действительности же он теперь стал лишь более выраженным.

Прежде всего с ростом народонаселения и сопутствующим ему почкованием родов родовая организация сделалась более разветвленной. Роды разделились на внутриродовые группы, те в свою очередь — на еще меньшие группы сородичей и т. д. Это был процесс, шедший параллельно выделению субобщин и, вероятно, его опережавший и определявший. В отличие от родов, возводивших себя к очень отдаленным и часто мифическим предкам, внутриродовые группы сородичей были потомками более или менее реальных и памятных предков. Такие группы называют ставшим международным термином «линидж» *. Поскольку для рода существует и другое обозначение — клан *, внутриродовые группы называют также субкланами. Дробная и разветвленная структура родов и внутриродовых групп получила название сегментарной * организации. Поначалу имелось всего два уровня таких структур: сами роды (кланы) и их сегменты — линиджи (субкланы). Род обеспечивал важнейшие экономические, социальные и идеологические функции (распределение земли, трудовая и материальная взаимопомощь, наследование имущества, одного из родовых имен и т. п., взаимозащита, экзогамия, культовая жизнь), линидж был родственным ядром домохозяйства. Однако постепенно возникали линиджи трех-четырёх уровней, так как в условиях роста народонаселения и усиливавшейся делокализации родов необходимо было наиболее целесообразно делить эти функции. На меланезийских, африканских и других этнографических материалах выделены линиджи максимальные, совпадавшие с самими родами; большие, осуществлявшие взаимозащиту, а подчас также бравшие на себя роль экзогамных ячеек; малые, обеспечивавшие трудовую и материальную взаимопомощь (например, при уплате брачного выкупа); минимальные, в рамках которых велись непосредственное жизнеобеспечение и повседневная деятельность. Обычно сегментарная организация линиджей сопрягалась с такой же организацией общин.

С усложнением родовой организации изменился сам характер родства: из горизонтального оно быстро пре-

вращалось в вертикальное, или предковое. Определяющее значение приобрела генеалогически прослеживаемая связь с отдаленным предком рода, ее линия и ее степень. Поэтому такое родство называют еще линейно-степенным. Оно могло быть унилинейным — матрилинейным или патрилинейным (агнатным *) и билинейным (когнатным *). В первом случае связь с родоначальником прослеживалась только по одной — материнской или отцовской — линии, во втором — по обеим линиям. Наиболее примитивным обществам ранних земледельцев-скотоводов была свойственна преимущественно матрилинейность, более развитым — как матрилинейность, так и патрилинейность. Билинейность встречалась реже. Ее обычно рассматривают как форму перехода от первой ко второй, но бывало, что она становилась не этапом, а вариантом развития.

Хотя родство на новом этапе в большей мере, чем раньше, осознавалось как кровная связь, оно и теперь не утратило своего социального аспекта. Выше уже говорилось о стремлении как-то приравнять соседей-общинников к сородичам. В ряде обществ (Новая Гвинея, Южная Америка) отмечена и более четкая тенденция считать сородичами всех тех, кто жил бок о бок, помогал трудом и делился пищей. Нередко таких людей или целые их группы формально интегрировали в свой род путем адопции. Сложнее обстояло дело со свойственниками, даже живущими рядом. Местами их тоже приравнивали к сородичам, но это могло повести к прекращению дальнейшего взаимообращения. Поэтому чаще сохранялась отчужденность, даже нарочитая. Но тогда вырабатывались особые механизмы для предотвращения конфликтов и поддержания мирных отношений. Одним из них было широкое распространение обычаев избегания между свойственниками, особенно разных полов и возрастных категорий. Другим, более всего характерным для обществ Тропической Африки, явилось распространение обычаев подшучивания* — демонстративно шуточных действий или высказываний, призванных снять напряженность в отношениях.

Сегментарная организация еще больше усложнялась там, где роды продолжали группироваться в фратрии. Фратрии по-прежнему могли быть исходными, первоначальными родами, но могли и возникать в результате искусственного объединения нескольких родов. Те же процессы, что вели к завязыванию связей на

межобщинном уровне, способствовали развитию межродовых контактов и подчас приводили к возникновению новых фратрий. Соответственно фратрии могли быть экзогамными или не экзогамными, считаться родственными или не родственными, но у них по меньшей мере было общее наименование.

Фратрии (а если их не было, то непосредственно роды) объединялись в племена, на этой стадии обозначившиеся четче, чем на предыдущей. Типичный пример родоплеменной организации дает исследованная Л. Г. Морганом одна из групп индейцев-ирокезов. Линиджи составляли здесь восемь родов, те — две фратрии, а все вместе — племя сенека. Функции были поделены между ними следующим образом. Линиджи были материнскими семьями, образовавшими домохозяйства — «овачиры». Роды являлись экзогамными коллективами матрилинейных родственников, объединенных прежде всего отмеченными выше отношениями общей собственности, взаимного наследования, взаимопомощи и взаимозащиты. Они имели свои тотемные имена, с которыми, как правило, были связаны и личные имена сородичей. Так, дети, родившиеся в роде Ястреба, получали имена Длинного крыла, Белоглазой птицы и т. п. Род имел право адапции, на практике осуществлявшееся одной из овачир, и свое отдельное от других родов кладбище. Фратрия была объединением «братских» родов в противоположность «двоюродным» родам другой фратрии. Во внутривременной жизни роды одной фратрии всегда выступали солидарно, поддерживая друг друга в случае надобности против родов другой фратрии. Так обстояло дело, например, когда в племени случалось убийство, расходились мнения по поводу кандидатуры нового предводителя, составлялись партии для общественной игры в мяч и т. д. Фратрии имели свои религиозно-знахарские братства с особым ритуалом посвящения и другими церемониями. Вероятно, фратрии в какой-то мере выступали в качестве особых военных единиц. Племя было верховным собственником территории, носителем определенной культурно-бытовой общности, кругом эндогамных браков и, что особенно важно, уже обладало не только этнокультурными особенностями, но и социально-потестарными функциями. Но об организации власти и об этнической ситуации на стадии позднепервобытной общины надо сказать особо.

Организация власти. Организация власти в большой мере сохраняла начала первобытного народовластия. Все важные вопросы (обсуждение крупных хозяйственных предприятий, проступков, военных конфликтов и т. п.) решались на собраниях общинников или сородичей под руководством их признанного главы. Вместе с тем развитие общинно-родового и родоплеменного строя, а в особенности сегментарной организации, способствовало начавшейся иерархизации органов коллективной власти. Появились и новые механизмы приобретения личного главенства.

В собраниях или на советах принимали участие все взрослые, полноправные общинники либо сородичи, хотя все чаще они превращались в собрания только взрослых мужчин и проходили в мужских домах. Решения принимались сообща, причем большое значение придавалось тому, чтобы было достигнуто единство мнений, а не просто подчинение одних воле других, пусть даже большинства. Поэтому многое зависело от глав и других уважаемых людей коллектива, их авторитета и красноречия.

Соподчинение органов коллективной власти могло достигаться путем представительства глав домохозяйств в общинных и родовых советах, а глав таких советов — в советах фратрий и племен. Но принцип представительства еще только вытеснял принцип всеобщего участия. Так, у ирокезов в советы родов входили все их взрослые члены, а в советы фратрий и племен — только главы родов. Каждый уровень этой потестарной иерархии обладал своей сферой компетенции. У тех же ирокезов на советах домохозяйств решались их внутренние вопросы, на родовых советах — общеродовые вопросы хозяйственной, общественной и идеологической жизни, на советах племен — вопросы, связанные с взаимоотношениями родов и отношениями с другими племенами. Совет племен охранял высшие интересы соплеменников. Он утверждал родовых глав и мог смещать их даже вопреки желанию рода, улаживал межродовые конфликты, отправлял и принимал посольства, объявлял войну и координировал действия отдельных отрядов во время крупных военных походов, заключал мир и устанавливал межплеменные союзы. Совет племен собирался нечасто. Поэтому, чтобы в промежутках между собраниями племя не лишалось общего руководства, у некоторых ирокезских племен одного из родовых глав

выбирали верховным главой. Однако его полномочия были незначительны, а его решения подлежали последующему утверждению на совете племени.

Главы всех уровней, как правило, избирались из числа наиболее пригодных и достойных. Важнейшими качествами руководителей считались хозяйственный опыт, трудолюбие, организаторские способности, красноречие, знание обычаев и обрядов, щедрость, нередко также воинское искусство или культовые знания. В одних обществах, где функции главенства оставались неразделенными, от главы требовалось обладание если не всеми, то многими из этих качеств; в других, где принцип целесообразности повел к разграничению сфер руководства, обычный глава, военный предводитель, знахарь или колдун должны были обладать выдающимися способностями в своей специфической области. Например, у меланезийцев острова Добу все функции руководства принадлежали одному лицу, у ирокезов были обычные главы — «сахемы» и военные предводители, у кубео Южной Америки — обычные главы и колдуны и т. д. Бывало и так, что в том или ином племени особое значение придавалось какому-нибудь определенному виду деятельности, скажем, военной или культовой. Тогда при выборе «универсального» главы в первую очередь принимались во внимание его способности именно в этом виде деятельности, а при наличии «дифференцированных» глав наиболее высокий статус получал один из них. Имелись и другие факторы, влиявшие на выбор глав.

Там, где существовали сколько-нибудь институционализованные возрастные категории, лидер должен был принадлежать к старшей из них, наиболее привилегированной. В других случаях также в той или иной мере принимался во внимание возраст претендента. В условиях многогородных общин было важно, чтобы руководитель общины принадлежал к наиболее многочисленной родовой группе, а в условиях разрастания и расселения общинно-родовых коллективов определенные преимущества приобретали группы первопоселенцев. Тем самым обозначалась тенденция закрепления главенства за определенными родами или входившими в них линиями.

Появление избыточного продукта и личных богатств повели к тому, что институт главенства стал испытывать воздействие также и имущественных факторов. У ряда

племен Меланезии, Юго-Восточной Азии, а в менее выраженной форме также Северной Америки и Африки появился особый вид лидеров — так называемые большие, или значительные, люди. В международной научной терминологии за ними закрепилось название бигменов*. Это были мужчины, выделявшиеся своим богатством и щедростью, выдвигавшими их на первый план в условиях широкого развития престижной экономики. Бигмен стремился иметь побольше жен, чтобы они, а в какой-то мере и их родственники на него работали. Бигмена не выбирали — он становился им благодаря своему высокому престижу, создававшему ему множество сторонников из числа сородичей и сообщников. Были бигмены помельче и покрупнее. Чтобы стать настоящим крупным бигменом, надо было обладать не только богатством и щедростью, но и другими выдающимися способностями: силой, умом, умением организовать и убедить людей, разносторонними, в том числе магическими, знаниями. Имя такого бигмена звучало, как говорили папуасы-мбовамб, «на все стороны света».

На стадии позднепервобытной общины главенство, как правило, еще не наследовалось. Лидер либо, как ирокезский сахем, избирался, либо, как папуасский бигмен, добивался как можно более широкого признания. Для этого он стремился отличиться, очень часто соперничая с другими претендентами, вербовал сторонников, устраивал престижные пиры, предпочитал дарообмен «с переплатой», старался привлечь к себе внимание на собраниях общинно-родовых групп, во время военных действий и т. п. Но предпосылки наследственного главенства уже складывались. Усложнившаяся на этой стадии производственная, социальная и идеологическая деятельность часто требовала от руководителя намного лучших, чем у других членов общинно-родовой организации, умений и знаний. Приобрести их легче было тому, кто чаще всех общался с лидером — сыну, племяннику и т. п. При этих условиях у него было больше шансов в свою очередь стать лидером. При главенстве типа бигменства сюда добавлялись материальные преимущества сыновей бигменов — возможность уже при жизни отца обзавестись несколькими женами и доставшиеся по наследству богатства. Это как бы давало им жизненный старт. Подсчитано: у тех же папуасов-мбовамб три четверти сыновей крупных и половина сыновей мелких бигменов также становились бигменами.

Не до конца ясен для этой стадии вопрос о постарших ролях и статусах мужчин и женщин. Сторонники матриархальной концепции всегда указывали, что если бродячее охотничье хозяйство могло выдвинуть на первый план мужчин, то земледельческая оседлость давала преимущества женщинам. Особенно это должно было сказываться в условиях однородных общин при матрилокальном брачном поселении, когда преимущественно женщины являлись собственницами и распорядительницами родовой земли. Но даже здесь реализации предпосылок их главенства препятствовала высокая социальная роль мужчин. Во всяком случае, сообщения о власти женщин даже в материнских семьях-домохозяйствах немногочисленны и неоднозначны. В качестве примера подобного порядка чаще всего приводят овачиры ирокезов и их соседей — гуронов. Ж. Ф. Лафито в XVIII в. писал, что здесь властвовали женщины. В их руках были поля, урожай, сами дома. Напротив, мужчины были изолированы и ограничены и даже их дети были им чужими. В то же время, по другим сообщениям, ирокезские правительницы овачир должны были делить власть со своими старшими братьями. Вообще, сведения о главенстве в домохозяйствах мужчин — неженатых или периодически возвращавшихся сюда братьев, а нередко и пришельцев-мужей — намного многочисленнее и определеннее. Сходны этнографические данные о принадлежности власти в более широкой общественной сфере. Имеются известия, что у гуронов каждый род возглавлялся четырьмя женщинами и одним мужчиной и даже совет племени на четыре пятых состоял из женщин. Но несравненно изобильнее относящиеся к самым различным обществам этой стадии развития свидетельства о главенстве в общинах, родах и племенах мужчин. Они относятся как к патрилокальным и патрилинейным, так и к матрилокальным и матрилинейным обществам. Различие главным образом в том, что в первых лидерство всегда принадлежало одному из сородичей, а во вторых могло перейти к одному из пришельцев. Во всяком случае, понимание также и этой стадии как стадии господства матриархальных порядков современной наукой оставлено.

Применять свою власть по отношению к членам коллектива совету или лидеру по-прежнему приходилось не так уж часто. Семейные и внесемейные механизмы социализации продолжали надежно обеспечивать со-

блюдение индивидами установленных порядков. Конфликты имели не столько внутригрупповой, сколько межгрупповой характер. И с разветвлением сегментарной организации они, естественно, учащались. Между членами разных линиджей, родов и тяготевших к ним общин возникали ссоры из-за несоблюдения правил дарообмена, полового и брачного соперничества и по различным другим причинам. Как и раньше, в общинно-родовых нормах главенствовало групповое начало, однако в новых условиях его понимание зависело от степени консолидированности втянутых в конфликт групп.

Члены линиджа, рода, общины могли заступиться за своего, пусть даже и виновного, члена, но могли и выдать его обиженным. Все же значительно чаще за своего заступались, а в случае его смерти мстили. Так получила развитие кровная, или родовая, месть, при которой любой из близких убитого был обязан отплатить за кровь любому из близких убийцы. В то же время с появлением богатств не редкостью стали случаи, когда виновная сторона откупалась от потерпевшей стороны материальными ценностями — композициями *. Те же экономические процессы на стадии позднепервобытной общины и возросшая консолидированность близкородственных групп по отношению к другим звеньям сегментарной организации повели к заметному переосмыслению прежних норм. Нарушение экономического равновесия внутри группы местами стало рассматриваться как более тяжкое преступление, чем даже убийство. У папуасов описано немало случаев, когда человек, убивший близкого сородича, подвергался лишь символическому наказанию, так как иначе родственный коллектив был бы еще больше обескровлен.

Родоплеменная организация власти, как правило, жестко подчиняла поведение индивида интересам коллектива, одновременно ставя вне закона все, что находилось за рамками высшего звена этой организации — племени.

Духовная культура. Развитие производства и усложнение социальной жизни дали новый толчок подъему духовной культуры первобытного человечества. Особенно заметным это было в обществах, перешедших к производящему хозяйству, у которых отложились новые пласты полезных знаний, искусства, мифологии, религии.

Показательны знания, накопленные в процессе освоения земледельческого хозяйства. Меланезийцы острова Новая Ирландия знали и умели выращивать 10 разновидностей ямса, 14 разновидностей хлебного дерева, 52 разновидности банана, 220 разновидностей таро. Ирокезы выращивали 11 разновидностей маиса, и им были известны такие агротехнические приемы, как повышение всхожести семян путем их вымачивания в отваре из определенных корней и трав. Папуасы уваживали почву, после уборки урожая пуская в огород свиней. С возникновением скотоводства стали эмпирически накапливаться знания в области зоотехники, и прежде всего селекции — искусственного отбора наиболее полезных пород домашних животных. Некоторые группы папуасов и меланезийцев допускали гибридизацию одомашненных свиноматок с дикими кабанами, но другие специально держали производителей-боровов. По остеологическим * материалам установлено, что уже в европейском неолите практиковалось холощение самцов домашних животных. Согласно преобладающему мнению, это делалось для того, чтобы животные стали более послушными и безопасными как для человека, так и для других животных. Несомненно, очень скоро было установлено и то, что холощенные самцы быстрее набирают вес, а мясо их становится жирнее. Начали практиковаться и другие способы искусственного воздействия на животных. Так, в Меланезии местами ценились только боровы с длинными завитыми клыками, и, чтобы добиться этого, им удаляли верхние резцы. Дальше папуасов и меланезийцев продвинулись скотоводческие племена Южной Америки. Контролируя размножение путем учета половозрастных характеристик и индивидуальных свойств животных, они получили две разные породы домашних верблюдовых — ламу и альпака. Известно также, что селекция применялась здесь к морским свинкам. Таким же эмпирическим путем сибирские оленеводы пришли к контролю за воспроизводством стада путем ограничения убоя животных, дифференцированно важенок и быков.

Развитие престижной экономики с ее подсчетом подарков и отдарков стимулировало накопление арифметических знаний. В частности, известно, что некоторые папуасские племена именно при дарообмене пользовались бирками. Сходные примитивные счетные приспособления — кучки камней или связки соломы, шнурь

с нанизанными на них раковинами или с узелками — известны у многих других раннеземледельческих племен Меланезии, Америки и Африки. В древнейших земледельческих поселениях Передней Азии найдены глиняные шары, полусферы, конусы, которые, видимо, также использовались для счета. В первобытной Европе для этого применялись камешки: к латинскому *calculus* — «камушек», «счетный камень» восходит слово «калькуляция». Нужды распределения земли и возникшей местами ирригации расширили начатки геометрических знаний. Та же ирригация была невозможна без каких-то сведений из области гидродинамики. Широкое применение высшими охотниками всевозможных хитроумных ловушек требовало пополнения сведений из области механики. С началом керамического производства, при котором из глины удаляется связанная с ней вода, было совершено одно из крупных открытий в химической области.

Переосмыслилось восприятие пространства и времени. Существует, видимо, правильное мнение, что с переходом от бродячего образа жизни к оседлому динамическое (маршрутное, линейное) осознание пространства преобразовалось в статическое (радиальное). Оседлый земледелец стал представлять себе пространственную протяженность в виде концентрических кругов, затухающих к горизонту. Свою печать наложило на это также развитие сегментарной и родоплеменной организации, породившее социально-структурное представление о пространстве. Независимо от реального расстояния более «близким» считалось то селение, где жили более близкие сородичи или соплеменники. Время по-прежнему воспринималось экологически, но теперь уже в связи с новыми видами хозяйственной деятельности — скажем, с мотыженьем земли или уборкой урожая, выгоном или пригоном скота. В то же время, по мнению некоторых ученых, наряду с экологическим представлением о времени большое и даже большее распространение получило представление структурное, определяемое социальной средой. Такое время могло исчисляться линейно-степенным родством (родство по отцу — это продолжительность жизни одного поколения, по деду — двух поколений и т. д.) или особенностями возрастной организации (события связываются со сроками инициаций, пребывания в определенных возрастных категориях и т. д.). Но так или иначе восприятие пространства

и времени оставалось связанным с хозяйственной и общественной практикой. С общественной практикой социализации были связаны и сохранявшиеся представления о мифологическом времени.

Сегментация родоплеменных подразделений, дарообменные и военные походы вели к дальнейшему накоплению топографических и географических знаний. Появились первые карты — обозначения маршрутов, нанесенные на древесную кору, дерево или кожу. Получила значительное развитие пиктография, с помощью которой теперь подчас делались довольно сложные записи. Такие записи известны у племен Северной Сибири, американских индейцев, во многих обществах Меланезии и Тропической Африки. Записываться могли сообщения, предназначенные как для передачи на расстояние (предложения дарообмена, установления мирных отношений, любовные послания и пр.), так и для сохранения во времени (фиксация важных преданий и памятных событий). Существовали целые пиктографические хроники, например знаменитая «Валам олум» («Красная запись») североамериканских индейцев-делаваров, изобразивших 184 рисунками на древесной коре все свои исторические предания — от начала мироздания до появления в стране европейских колонизаторов. У некоторых племен из счетных шнуров развились своеобразные эквиваленты пиктографии, передававшие мысль формой, цветом и расположением узелков («узелковое письмо») или раковин («вампум» североамериканских индейцев). Но, как и прежде, если не все, то большинство пиктографических символов и тем более целые пиктограммы требовали устных пояснений.

В изобразительном искусстве в основном продолжался начавшийся ранее переход к условной манере исполнения. В графике, живописи, петроглифике*, пластике этого времени отражено стремление к нарочитой упрощенности, изображению взамен целого какой-либо его характерной части, нередко к значительной стилизации. Так, если в ранненеолитических петроглифах Евразии сравнительно легко узнаются изображения людей и животных, то в позднем неолите они часто едва узнаваемы. В общей же массе высеченных на скалах знаков едва ли не преобладают круги, спирали, кресты, полумесяцы, свастики и другие солярные и лунарные символы. То же фиксируется этнографически, например, в эволюции африканских масок, в которых по мере

развития позднепервобытных общин усиливалась условная манера пластики. Очень широко распространилось декоративное направление в изобразительном искусстве, т. е. украшение всех предметов обихода, в особенности одежды, утвари и оружия, художественной росписью, резьбой, вышивкой, аппликацией и т. п. Так, керамика, в раннем неолите лесной полосы СССР обычно ничем не украшенная, в позднем неолите стала орнаментироваться ямочно-гребенчатыми оттисками. Широко распространилась роспись керамики, часто многокрасочная.

Известно множество условных изображений эпохи палеолита и реалистических — эпохи неолита, но все же можно сказать, что изобразительное искусство палеолита было чаще реалистическим, а неолита — чаще условным. Чем объясняется этот поворот в стиле изобразительной деятельности человека? Одни ученые связывают его с изменением материала, например, с тем, что люди от росписи стен пещер перешли к украшению керамики, другие — с развитием абстрактного мышления, третьи — с распространением предписываемой передачи информации, некоторые — с усложнением религиозных представлений, требовавших умышленного отклонения изображений от сходства с земными оригиналами. Согласно еще одной точке зрения, поворот в первобытном искусстве был связан с тем, что с переходом от охотничье-рыболовческого хозяйства к земледелию и скотоводству интерес к зверю уже стал ослабевать, а интерес к человеку еще только зарождался. Все перечисленные факторы могли сыграть свою роль, но в целом этот сложный вопрос пока недостаточно изучен и остается открытым.

Продолжали развиваться и другие формы искусства, в частности устное, музыкальное и танцевальное творчество. В сказках, рассказах, песнях и других жанрах устного фольклора возникли сюжеты, отражающие зависимость человека от плодородия земли и благоденствия стад. Сказки, у одних племен (например, в Меланезии и Америке) еще слабо отдифференцированные от мифов, у других (в частности, в Тропической Африке) стали самостоятельным жанром. Наряду с родовыми и личными появились песни институционализированных половозрастных групп и в особенности мужских объединений. У ряда племен (эскимосы, южноамериканские ваиваи, отдельные племена Тропической Африки) со-

перничество из-за женщин или борьба за власть породили обычай соревнования в песнях, иногда в форме полусхутиливой перебранки. В песнях всегда присутствовал музыкальный элемент, достигавшийся ритмизацией или инструментальным сопровождением. В числе музыкальных инструментов появились новые, снабженные резонаторами струнные инструменты, усложненные мембранные барабаны, многоствольные «флейты Пана». В танцевальном фольклоре также появились новые виды, тесно связанные с земледелием и скотоводством. Это, например, так называемые «бесстыдные танцы» плодородия. Они существовали едва ли не у всех ранних земледельцев и земледельцев-скотоводов и описаны, в частности, Н. Н. Миклухо-Маклаем у папуасов. «Женщины двигаются медленно, делая маленькие шаги и выставляя зад, которым они вертят из стороны в сторону; так как туловище при этом наклонено вперед, то груди при этом болтаются». Существовали и сидячие танцы с колебательными движениями, которые, возможно, археологически зафиксированы раннетрипольскими женскими статуэтками с откинутым назад корпусом. В мужских домах при инициационных и других обрядах исполнялись специфически мужские танцы. Вообще, теперь существовало множество самых разнообразных танцев. Так, у ирокезов-сенека насчитывалось более тридцати одних только основных танцев, в том числе одиннадцать мужских, семь женских, четырнадцать общих, шесть в масках и т. д. Устный, музыкальный и танцевальный фольклор вместе с изобразительным искусством, как и раньше, зачастую сливался в театрализованных представлениях, которые теперь имели уже не только охотничий, но и аграрный характер. Не случайно в языке хинди слово «ната» (актер) восходит к санскритскому «нрит» (танцевать).

Новые условия хозяйственной и социальной жизни, а также общий подъем духовной культуры нашли свое отражение и в мифологии. Она стала более развитой, включив в себя этиологию не только людей, животного и растительного мира, простейших общественных установлений, но и культурных растений, домашних животных, усложнившихся социальных институтов, нередко и мироздания в целом. В раннеземледельческих обществах получили распространение мифы о браке мужчины-Неба и женщины-Земли как начале всех начал. Так, по папуасским мифам, животворные дожди

проливаются тогда, когда Небо и Земля пребывают в объятиях любви. В большинстве племен североамериканских индейцев считается, что отец-Небо и мать-Земля — родители всего сущего. Некоторые земледельческо-скотоводческие племена считают, что, оскоряя самцов домашних животных, они оплодотворяют землю. В то же время возрастание социальной роли мужчин широко отразилось в мифах о создании мира мужчиной без участия женщины. Характерен миф западноафриканского племени бауле, в котором мир сотворила не женщина, а ее сын.

В такой же степени эволюционировала и усложнилась религия. По мере накопления знаний о своей собственной и внешней природе люди позднепервобытной общины все меньше отождествляли себя с природной средой, все больше осознавали свою зависимость от неведомых сверхъестественных сил. Эти силы виделись добрыми и злыми. В результате старые представления о дуалистическом разделении предметов и явлений природы вылились в представления о извечной борьбе доброго и злого начал. Добрым силам стали поклоняться как постоянным защитникам и покровителям линиджа, рода, общины, племени; противостоящие им злые силы старались умиловить. Содержание тотемизма изменилось; тотемические «родственники» и «предки» сделались объектом религиозного поклонения. В дальнейшем зооморфные предки стали вытесняться антропоморфными, и тотемизм продолжал сохраняться не столько как живая система верований, сколько в пережитках (например, в тотемных названиях и символах родов). На той же анимистической основе начал складываться культ природы, олицетворяющейся в образах всевозможных духов животного и растительного мира, земных и небесных сил.

С возникновением земледелия стал зарождаться культ возделываемых растений и тех сил природы, от которых зависело их произрастание, особенно Солнца и Земли. Например, ирокезы почитали духов маиса, тыквы и бобов, называя их «тремя сестрами», «нашей жизнью» или «нашими кормилицами» и представляя в образе трех женщин в одежде из листьев соответствующих растений. Четыре из шести праздников ирокезов были связаны с земледелием: это были праздники нового года, посева, зеленого зерна и урожая. Представление о Солнце как оплодотворяющем мужском и Земле

как оплодотворяемом женском начале вместе с цикличностью благотворного воздействия Солнца породило почитание его в качестве умирающего и воскресающего духа плодородия. Получила распространение магическая практика укрепления силы Солнца, усиления плодородия Земли, вызывания дождя и т. п. Подобным же образом возникал культ покровителей скота (например, покровителя свиней Геру у папуасов) и развивалась специфически скотоводческая магическая практика.

С развитием родоплеменной и в особенности сегментарной организации стала зарождаться вера в помогающих людям духов умерших прародителей. Возник культ предков. Как правило, он был культом мужских предков, хотя в материнскородовых обществах, возможно, уже начал складываться культ женских предков-прародительниц, местами известный на более поздней стадии развития. В то же время нередко обращают внимание на то, что едва ли не большинство духов-покровителей представлялось в виде женщин и в этом видят одно из оснований для реконструкции первоначального матриархата. Но для возникновения таких представлений достаточно было культа хозяек и охранительниц домашнего очага, культа плодородия и т. п.

До культа лидеров было еще далеко, но уже имелись некоторые его предпосылки. Они создавались верой в наличие у людей некой сверхъестественной силы, ограниченной у рядовых сородичей или общинников, намного более действенной у старейшин, военачальников, колдунов. Эта вера существовала почти повсеместно, но в науке за ней закрепилось меланезийское слово «мана». Постепенно даже возникла вера в то, что хорошую мана может заполучить не только кровный родственник, но и всякий вкусивший от тела ее носителя. Так появилась практика съесть сердце или печень убитого врага и эндоканнибализм* по отношению к собственным сородичам, в особенности выдающимся.

Языковое и этническое состояние. В целом для стадии позднепервобытной общины с ее первой «демографической революцией» характерны дальнейшее расселение носителей праязыковых совокупностей и образование отдельных языковых семей. Но этот процесс шел постепенно, в условиях сохранявшейся лингвистической непрерывности, и между первоначальными совокупностями и позднейшими семьями, видимо, лежали посредствующие общности среднего уровня. К тому же

расселялись в основном общества, перешедшие к производящему хозяйству, и на новых местах своего обитания они контактировали и смешивались с обществами охотников, рыболовов и собирателей. Бывало, что аборигены переходили на язык пришельцев. Поэтому образование языковых семей нельзя представлять себе только как процесс распада праязыковых совокупностей. Поэтому же, говоря о границах распространения языковых семей, теперь различают «ранние прародины», где начинался процесс сложения этих семей, и «поздние прародины», где он продолжался.

В самом общем и неполном виде этот процесс представляется следующим образом. В ностратической совокупности выделились афразийская, индоевропейская, картвельская, эламодравидская, уральская и алтайская семьи. Афразийцы первоначально локализовались в сиро-палестинской области, а позднее также в Северной и Восточной Африке. Раннюю прародину индоевропейцев предполагают на севере Передней Азии, позднюю — вплоть до территории Восточной Европы. Картвелы сперва располагались на южной границе Кавказа, затем утвердились в Закавказье. Эламодравиды из Ирана распространились в Индию. Уральцы и алтайцы из Северного Ирана и Средней Азии продвинулись далеко на север и восток. В Африке из конгосахарцев выделились нило-сахарцы и нигеро-кордофанцы, ставшие теснить расположенных южнее палеафриканцев. В Восточной и Юго-Восточной Азии синотибетцы стали контактировать с эламодравидами, а австрійцы (или образывавшие их совокупности) распались на несколько семей. Из них австроазиаты из предгорьев Гималаев широко расселились в Южной Азии, а австронезийцы из южного Китая проникли в Индонезию и Океанию.

При сохранявшейся лингвистической непрерывности языки отдельных этносов пока возникали только как исключение в результате особенно сильной изоляции, например в горных ущельях. Зато, как показывают этнографические данные по Новой Гвинее и Южной Америке, отдельные сгустки этой непрерывности уже могли использоваться для широкого общения в обменных или других целях.

Языковая и соответствовавшая ей культурная непрерывность по-прежнему тормозили сложение четко очерченных этнических общностей со своим языком, осо-

бенностями культуры, самосознанием и самоназванием. Но теперь уже намного сильнее ощущались и противоположные тенденции. С переходом к земледельческой оседлости и сами общины, и их конгломераты стали более устойчивыми, чем были при бродячем присваивающем хозяйстве. Межобщинное разделение труда и развитие престижной экономики укрепляли надобщинные связи. При не всегда достаточных, хотя и повсеместно увеличившихся, размерах общин в этом же направлении действовали межобщинные браки. Еще сильнее сказывалось действие новой потестарной организации — появление надобщинных и надродовых советов и лидеров. Сложилась условия для превращения протоэтносов в этносы, причем не только в этникосы, но и в этносоциальные организмы. Применительно к этой стадии уже можно говорить о первом из исторических типов этнических общностей — племени. Но пока еще только об очень раннем племени с лишь намечающейся культурно-языковой общностью и социально-потестарным единством. Соответственно и племенное самосознание еще только превращалось из диффузного в выраженное, а самоназвание далеко не всегда было достаточно четким. В то время как у каждого из звеньев сегментарной организации существовало представление о родоначальнике-эпониме *, у племени его, как правило, еще не было.

Как и протоэтнические общности, ранние этнические общности сохраняли иерархическую структуру. Какую-то культурную и языковую (диалектную) специфику могли иметь и крупная община, и племя, и соплеменность, которой были, например, ирокезы.

ГЛАВА 4

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА: ЭПОХА КЛАССООБРАЗОВАНИЯ

§ 1. ПОДЪЕМ ПРОИЗВОДСТВА

Непосредственной предпосылкой процесса разложения первобытного общества и классовообразования был рост регулярного избыточного продукта. Только на его основе мог возникнуть отчуждаемый при эксплуатации человека человеком прибавочный продукт. Рост регулярного избыточного и появление прибавочного продукта были обусловлены подъемом в различных областях производства. Особенно большую роль здесь сыграли дальнейшее развитие производящего хозяйства, возникновение металлургии и других видов ремесленной деятельности и интенсификация обмена.

Долгое время главный производственный фактор классовообразования усматривали, а иногда и теперь усматривают в открытии и освоении полезных свойств металлов, в переходе от камня к металлу. Действительно, роль такого перехода трудно переоценить. Но как теперь стало ясно, в эпоху классовообразования он произошел еще далеко не всюду. Универсальным, повсеместно действовавшим фактором было дальнейшее развитие хозяйства, в первую очередь производящего, а также и его высокоспециализированных присваивающих аналогов

Развитие производящего хозяйства и его аналогов. Зарождение производящего хозяйства уже на стадии позднепервобытной общины сделало возможным его прогрессирующее развитие в эпоху классовообразования. Сложилась различные системы земледелия, комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства и скотоводства.

В земледелии развились такие формы, как обработка постоянных участков и перелог, возделывание неполивных (богарных) и поливных (ирригационных) земель, а также некоторые другие. Вопрос о их хозяйственных возможностях не может быть решен однозначно: многое зависело не только от природных условий, но и от уровня агротехники. Так, одно дело примитивная обработка

постоянных участков благодаря их особому плодородию и высокому уровню стояния подпочвенных вод и другое — благодаря внесению в такие участки удобрений. Одно — простейший перелог на основе подсечно-огневого земледелия и другое — на основе севооборота. Поэтому эволюцию первобытного земледелия чаще видят в переходе от ручных орудий к пахотным и соответственно от ручного (палочно-мотыжного) земледелия к пашенному, предполагающему использование тягловых животных.

Как именно совершился этот переход — в точности неясно. До недавнего времени одни пахотные орудия возводили к мотыгам или заступам, другие — к палкам с сучьями, использовавшимся в качестве бороны. Теперь преобладает мнение, что пахотные орудия восходят к так называемым бороздовым орудиям, универсально служившим и для прокладывания борозд и для боронения поля. Они засвидетельствованы и археологически, и этнографически. Это были те же палки или заступы, но тяжелее обычных; их волочили по уже взрыхленному полю силой двух-трех человек. Отсюда было недалеко до превращения такого ручного рала в упряжное, влекомое ослом или быком. Производительность упряжных рал была в несколько раз более высокой, чем производительность ручных орудий обработки почвы.

В то же время переход от ручного земледелия к пашенному в эпоху классообразования совершался не всюду. Он произошел в Западной и Средней Азии и почти повсеместно в Европе. Многие развитые земледельцы Азии и Африки остались верны ручным орудиям и пошли по пути интенсификации связанного с ними земледелия. Это начавшееся в период распада первобытного общества и сохранившееся поныне (или сохранившееся до недавнего времени) развитие земледельческой техники по двум разным линиям — пашенной и ручной — не может быть объяснено исчерпывающе. Все же следует предполагать, что во многих странах Азии определенную роль сыграл недостаток пригодных для обработки земель, что повело к интенсификации ручного земледелия, а в Тропической Африке — распространение мухи цеце, укусы которой вызывают смертельную болезнь «нагана» у упряжного домашнего скота.

Развитие земледелия позволяло использовать часть выращенного продукта для прокорма скота и тем самым

способствовало развитию скотоводства. Особенно это относится к пашенному земледелию, требовавшему тягловой силы и прямо стимулировавшему разведение пригодных для тягла животных. Важной причиной роста скотоводства в эпоху классового образования были также нужды обмена, речь о котором будет дальше.

Рост стад постепенно все больше опережал кормовые ресурсы оседлых земледельцев-скотоводов. По мере увеличения поголовья скота его владельцам приходилось все шире использовать подножный корм и там, где это было возможно, передвигаться в поисках пастбищ. Часть оседлых племен перешла к полукочевому земледельческо-скотоводческому (иногда земледельческо-рыболовческо-скотоводческому) хозяйству, в котором сезоны полевых работ чередовались с сезонами кочевков. Нередко часть племени занималась преимущественно земледелием, другая часть — преимущественно скотоводством. В дальнейшем многие земледельческо-скотоводческие племена, обитавшие в особенно благоприятной для разведения животных природной среде, на границах степей, полупустынь и пустынь, стали ограничивать земледелие и переходить к кочевому скотоводству, т. е. круглогодичному содержанию скота на подножном корму с периодическими перекочевками с одних пастбищ на другие. В эпоху классового образования полукочевое и кочевое скотоводство широко распространилось в Западной, Средней и Центральной Азии, Северном Причерноморье, Поволжье, Южной Сибири, Северной и Восточной Африке. Возникновение этих видов скотоводства явилось дальнейшим углублением и разветвлением первого крупного общественного разделения труда, возникшего, как мы видели раньше, в форме выделения племен с производящей экономикой из массы других первобытных племен.

Наряду с развитием производящего хозяйства в эпоху классового образования продолжалось развитие высокоспециализированного присваивающего хозяйства. Роли последнего в эту эпоху разные исследователи придают неодинаковое значение. Одни всячески подчеркивают его теперь уже совсем второстепенное значение и существование только на немагистральных, периферийных путях исторического развития. Другие указывают, что как бы то ни было большинство населения мира продолжало пока еще вести присваивающее хозяйство и многие племена на основе его высокоспециа-

лизированных форм вступили на путь классовообразования. Как на яркие примеры таких племен чаще всего указывают на индейцев северо-западного побережья Северной Америки или на алеутов, которые, занимаясь специализированным рыболовством и морским зверобойным промыслом, заметно продвинулись по пути социального расслоения. Обе приведенные точки зрения содержат рациональное зерно. Высокоспециализированное присваивающее хозяйство действительно лежало в стороне от магистрального пути развития, так как ни одно из живших им обществ не перешагнуло порога классовообразования. Но оно сыграло свою роль в социально-экономических процессах эпохи, хотя бы уже потому, что стимулировало межплеменные обменные отношения и тем самым способствовало быстрейшему продвижению обществ с производящей экономикой.

Открытие металлургии. Первым имеющим производственное применение металлом, ставшим известным человеку, была медь. Использование самородной меди путем ее холодной или горячейковки, а позднее плавки медных руд началось уже в конце неолита и повело к возникновению энеолита, или халколита. Как показывают сами данные термины, это было время, когда металл еще только пытался соревноваться с камнем и по большей части не очень успешно. Медь встречалась редко, стоила дорого, а по своим рабочим качествам не всегда превосходила камень. Но освоение нового вещества для изготовления орудий — металла в дальнейшем в огромной степени определило прогресс в развитии техники.

То же в значительной степени относится к пришедшей на смену меди бронзе — ее сплаву в различных пропорциях с оловом, иногда также свинцом, цинком, сурьмой, мышьяком. Бронзовые орудия по своим рабочим качествам превосходят медные: они тверже, острее, а литье их легче, потому что бронза плавится при более низкой температуре, чем медь. В то же время бронза была еще менее доступна, нежели медь, так как олово встречается в природе особенно редко, и также далеко не всегда превосходила по своим рабочим свойствам камень. Последний довольно широко применялся не только в медно-каменном веке — энеолите, но и в классическом бронзовом веке.

Положение изменилось только с освоением железа и наступлением раннего железного века. Железо —

наиболее широко распространенный в природе металл, и в этом отношении оно несравненно доступнее меди и бронзы. Очень важно и то, что его рабочие качества намного выше и меди, и бронзы, и камня, который впервые был полностью вытеснен только в железном веке. Но освоено человеком железо было сравнительно поздно, так как в чистом виде оно встречается очень редко (метеоритное железо), а получить его из руд трудно. Вообще, железо обрабатывается намного труднее, чем медь: медь плавится при температуре немногим более 1000°C , а железо — свыше 1500°C . Древнейшим способом получения железа из руды был так называемый сыродутный процесс, открытый во 2 тысячелетии до н. э. Для этого в печь с железной рудой кузнечными мехами через сопло нагнетали воздух, что позволяло получить на дне печи крицу — комок тестообразного пористого железа, который для уплотнения и удаления шлака проковывали молотом. Кричное железо было мягким, и его закаляли или цементировали (обуглероживали).

В разных областях ойкумены бронзовый и ранний железный век наступали в разное время. Освоение бронзы раньше всего, в 5-4 тысячелетиях до н. э., началось на Ближнем Востоке и вплоть до 1 тысячелетия до н. э. происходило в большинстве стран Азии, Европы и Северной Африки. Была известна бронза и в наиболее развитых областях Америки, но лишь с 1 тысячелетия н. э. Кричное железо впервые стало вырабатываться, по-видимому, в 3 тысячелетии до н. э. на юге Закавказья и на востоке Малой Азии, а ко 2 тысячелетию до н. э. относится немало находок железных предметов (отдельные находки мелких предметов из железа метеоритного и земного происхождения восходят и к намного более раннему времени). Однако массовое изготовление железных орудий и тем самым возникновение раннего железного века происходит в 1 тысячелетии до н. э., когда он наступает почти повсеместно в Азии, Африке и Европе. Лишь в Америке, Океании и Австралии железо стало известно с появлением там европейцев.

В целом понятия, с одной стороны, медно-каменного и бронзового, с другой — железного века не вполне сопоставимы. Два первых указывают, из какого металла делались, как правило, еще редкие, дорогие, малораспространенные, часто имеющие лишь престижное значение и доступные общественной верхушке металлические орудия и другие предметы. Второе указывает, из чего

делались основные орудия труда — орудия, получившие теперь широкое распространение.

Возникновение ремесел. Производственные достижения эпохи способствовали дальнейшему развитию домашних промыслов (т. е. производства изделий для собственных нужд) и возникновению ремесел (т. е. производства изделий для обмена или продажи). Первостепенное значение в этом отношении имела сама металлургия, стимулировавшая переход от домашнепромысловой к собственно ремесленной деятельности.

Из металла выделывали орудия труда, оружие, предметы домашнего обихода, украшения. Так, в частности, только с наступлением бронзового века появились меч и боевая колесница, широко распространились защитные доспехи. Железо еще более расширило ассортимент металлических изделий, а главное, способствовало развитию ремесла как особой сферы деятельности. Изготовление каменных и костяных орудий, плетение и ткачество, гончарство и даже литье бронзы — все это были процессы, доступные каждому члену общины, а металлургия железа требовала особых сооружений, сложных навыков, вообще, профессиональной специализации и квалификации. Этнографически установлено, что в первобытные времена кузнецы повсюду составляли обособленный слой населения. Иногда, как у большинства племен Тропической Африки, они пользовались почетом, иногда, как у берберов, арабов, нуристанцев (кафиров) или у некоторых народов Индии, их презирали, но в обоих случаях к ним питали чувство суеверного ужаса. О том же говорят факты языка: в русском, например, слова «кузнец» и «козни» происходят от одного корня. Археологи часто находят стоящие особняком кузницы или даже отдельные поселки кузнецов, то же фиксируется этнографически. Все это позволяет считать, что кузнецы очень быстро выделились из среды других общинников, а кузнечество стало первым профессиональным видом ремесла. В то же время степень их ремесленной специализации не надо переоценивать. Даже и работая по заказу или на рынок, кузнецы со своими семьями долгое время продолжали заниматься также и производящим или присваивающим хозяйством. Окончательное отделение кузнечного ремесла от других видов хозяйственной деятельности происходило уже только в раннеклассовых обществах, да и то не сразу и не везде.

Происходило становление также и других видов ремесленной деятельности. Развивалось гончарство, чему в особенности способствовало изобретение печей для обжига керамики и гончарного круга. Последний появился не в классовом, как считалось раньше, а уже в предклассовом обществе, причем уже тогда из первоначальных архаичных форм (поворотный столик, круг медленного вращения) мог эволюционировать в более совершенную форму (круг быстрого вращения). Но ни керамические печи, ни гончарный круг не были обязательным условием становления раннего гончарного ремесла. Например, во многих районах Африки и Америки керамика производилась на рынок и без них.

Изобретение в эпоху бронзы ткацкого станка дало стимул развитию ткацкого ремесла. Постепенно ремесленный характер принимали и многие другие формы домашнепромысловой деятельности: обработка камня, кости и дерева, плетение и т. п. Повсеместно шло второе в истории человечества крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от других занятий, и прежде всего важнейшего из них — земледелия.

Интенсификация обмена. Углубление первого и становление второго крупного общественного разделения труда сопровождалось развитием обмена. Обмен как обмен первобытных коллективов специфическими богатствами их природной среды, как мы видели выше, существовал уже в эпоху раннепервобытной общины. Мы видели также, что в эпоху позднепервобытной общины получила значительное распространение другая форма обмена — дарообмен. Теперь, в ходе дифференциации хозяйственно-культурных типов и с дальнейшим развитием престижной экономики обе эти формы приобрели еще большее значение. Но, что еще важнее, наряду с ними стал возникать подлинно экономический обмен, при котором в отличие, например, от дарообмена, ценились не столько обменные связи, сколько сами получаемые путем обмена вещи.

Земледельцы, у которых не было или которым не хватало своего скота, стремились получить у скотоводов мясо, молочные продукты, шкуры, шерсть и особенно рабочий скот, необходимый как тягловое и транспортное средство. Скотоводы, в свою очередь, нуждались в земледельческих продуктах и, поскольку подвижный образ жизни препятствует многим видам ремесленной деятельности, в металлических, гончарных и других изделия-

ях. Кроме того, и те и другие вели интенсивный обмен с носителями присваивающего хозяйства, снабжая их сельскохозяйственной продукцией и получая от них «дары» леса, моря и т. п. Развитие регулярного межобщинного обмена повело на этой стадии к дальнейшему упрочению ряда связанных с ним общественных институтов. Таково в особенности гостеприимство, гарантировавшее чужакам, прибывавшим чаще всего с целями обмена, защиту их жизни и имущества. Таковы же отношения постоянного обменного партнерства, эволюционировавшие в одних случаях во взаимное приятельство типа кавказского куначества, в других — в такой вид искусственного родства, как побратимство.

С начавшимся выделением ремесла обмен получил еще большее развитие, а главное, стал регулярно вестись не только на границах общин, но и внутри них. Какая-то часть продукции производилась уже специально в обменных целях. То, что делалось не по заказу, не в рамках отношений партнерства и т. д., могло уже поступать на примитивные рынки, где в известные дни недели из окрестных селений сходилась подчас очень значительное (например, как местами в Тропической Африке, до нескольких тысяч) число людей.

И престижный, и в особенности подлинно экономический обмен способствовали складыванию в обществе представлений об эквивалентности обмениваемых предметов, возникновению мерил стоимости и средств обмена. Ими становились самые различные предметы, представлявшие ценность из-за своей редкости, экзотичности или вложенного в них труда. Это могли быть ожерелья из собачьих, свиных, медвежьих, акульих зубов; связки красивых перьев или (особенно вдали от побережья) редких раковин; снизки табачных листьев, мешочки с бобами какао, циновки, куски ткани, каменные кольца, богато орнаментированные кувшины, бусы и т. п. В Старом Свете одним из наиболее распространенных средств обмена были добываемые в районе Мальдивских островов раковины каури («змеиная голова», «ужовка»). Воспоминание об этом в некоторых языках сохранилось до настоящего времени: современная денежная единица государства Гана седи на языке ашанти значит «раковина». Довольно широко в качестве обменного эквивалента применялись бруски соли. Таковую же, если не еще большую, роль играли меха и скот, от наименования которого в ряде древних языков

было произведено наименование денег (санскритск. рупия, латинск. пекуния, древнерусск. скот). Но там, где были известны металлы, главными мериллами стоимости очень рано обычно становились именно они в виде слитков, пластинок, прутьев или различных готовых изделий. Так, в бронзовом веке Европы, судя по составу сконцентрированных вдоль важнейших торговых путей кладов, вернее, спрятанных в землю складов материалов или изделий для обмена, самым распространенным средством обмена были оружие и украшения из бронзы. Этнографически металлические «первобытные деньги» хорошо известны в Африке: простые и крестообразные медные слитки стандартной формы, деревянные стержни, обвитые медной проволокой определенной длины, железные мотыги и т. п.

Развитие обмена (хотя и не только оно одно) способствовало совершенствованию средств сообщения. Благоустроивались дороги и мосты, получали распространение колесные повозки и корабли на веслах и парусах. С середины 2 тысячелетия до н. э. в качестве упряжного животного стала применяться лошадь, в следующем тысячелетии в качестве вьючного транспорта в пустынных районах Азии — одnogорбый и двугорбый верблюды.

Рост обменных операций долгое время не требовал выделения специалистов в данной области — торговцев. Этими операциями занимались сами производители общественного продукта, и особенно вожди и бигмены, для которых посредничество в обмене и накопление обменных эквивалентов было одним из важнейших средств повышения своего престижа. Но и появление профессиональных или полупрофессиональных торговцев, означавшее третье крупное общественное разделение труда и отнесенное Ф. Энгельсом уже к раннеклассовому обществу, произошло в последнем не сразу. Оно постепенно вызревало в эпоху классовообразования, что, по-видимому, прослеживается археологически. Так, на известных в 4 тысячелетии до н. э. во многих странах Передней Азии полых глиняных шарах с миниатюрными глиняными же изделиями внутри, употреблявшихся для фиксации количества и качества посланных товаров, обнаружены оттиски печатей как знаков собственности.

Рост общественного продукта и превращение избыточного продукта в прибавочный. В эпоху классовообразования были созданы самые мощные за всю историю

первобытности производительные силы. Они сделали возможным относительно далеко зашедшее общественное разделение труда, что, в свою очередь, стало решающим фактором дальнейшего повышения производительности трудовой деятельности. Специализация в земледелии, скотоводстве, различных видах высокоразвитого присваивающего хозяйства, ремесленных занятиях способствовала усовершенствованию орудий и навыков, увеличению количества и улучшению качества производимого продукта. В этом же направлении действовало дальнейшее развитие престижной экономики, требовавшей создания все новых и новых материальных благ для надобностей дарообмена, пышных пиршеств, щедрых раздач или даже церемониального уничтожения богатств. Об увеличении объема производства в эту эпоху прямо свидетельствует увеличение, например, в бронзовом веке Закавказья, хранилищ для запасов продукции — зерновых ям, больших сосудов для хранения зерна и другой пищи и т. п.

Рост массы производимого продукта и обеспечение регулярности его получения создали условия для превращения избыточного продукта в прибавочный, т. е. такой, который производится одним человеком, а присваивается другим, порождая отношения эксплуатации. Подробно о них речь будет дальше. Пока лишь отметим, что уже Ф. Энгельс указывал на тесную связь между подъемом производства на исходе первобытной истории и начавшимися процессами классовообразования. Более того, в широкой исторической перспективе уже «первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности, при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»¹.

Подъем производства в эпоху классовообразования в различных областях ойкумены происходил в далеко не одинаковых формах. Развитие производящего или присваивающего хозяйства, наличие или отсутствие металлургии, характер этой последней, особенности дру-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 161.

гих видов ремесленной деятельности и т. д.— все это принимало различные конкретно-исторические, локальные формы, отражавшие неравномерность исторического развития.

Неравномерность и разнообразие хозяйственного развития человечества в эпоху классового образования. Неравномерность исторического развития наметилась еще в палеолите, выразившись в разных формах внешней культуры и разном характере специализированной охоты. Дальнейшим шагом на этом пути было, как мы помним, возникновение земледелия и скотоводства, при котором человеческие коллективы во многих областях ойкумены продолжали оставаться охотниками, рыболовами и собирателями. Овладение металлом и особенно переход к эпохе железа еще более усилили этот процесс. Тот феномен, который отражает неравномерность исторического развития и с которым имеют дело археологи, а именно территориально приуроченные комплексы предметов материальной культуры, получившие наименование археологических культур, достиг значительного развития еще в неолите, но наивысший его расцвет падает как раз на рассматриваемое время. На наиболее изученной археологически территории Европы, например, выделены десятки таких культур, каждая из которых отличается специфическими чертами, начиная от какого-то своеобразия хозяйственной деятельности и кончая орнаментацией керамики. Общее представление о них дают археологические курсы. Мы же ограничимся здесь обзором наиболее существенного в хозяйственной деятельности человеческих коллективов в этот период.

Разделение на земледельцев и скотоводов имело экологически обусловленный характер: долины больших рек всегда были средоточием преимущественно земледельческих коллективов, горные местности и степи — преимущественно областями скотоводства. Однако зависимость человека от географической среды никогда не была абсолютной, тем более она не была абсолютной на этом уже достаточно высокоразвитом этапе истории первобытного общества. Развивалось высокогорное земледелие с террасовой организацией полей, земледельцы держали скот, используя его при стойловом содержании как тягловую силу и пользуясь параллельно продуктами животноводства. Кстати говоря, упомянутая Европа была зоной преимущественного распростра-

нения земледелия со стойловым скотоводством, лишь в горных районах земледелие уступало скотоводству, но нигде хозяйство не было чисто безземледельческим. В лесной зоне Европы продолжали кое-где обитать племенные группы охотников и рыболовов, немало их было на побережье Балтийского моря и крупных озер — Женевского, Ладожского, Онежского, аналогичный культурный комплекс был распространен вдоль всего северного побережья Евразии. На востоке севера Евразии, Аляске, в Канаде и на юге Гренландии охота приобрела именно в это время специализированный характер, будучи охотой на морских млекопитающих. Комплексное хозяйство, опирающееся на земледелие со стойловым содержанием скота или отгонным скотоводством, было распространено по всей степной полосе Евразии, хотя в отдельных районах, например в Монголии, ряде горных районов юга Средней Азии, полупустынных и пустынных местностях Средней и Передней Азии, преобладало кочевое скотоводство. В принципе тот же набор хозяйственных укладов был представлен в Южной и Юго-Восточной Азии, модифицируясь в зависимости от местных природных условий. Восточная Азия, как уже указывалось, была очагом мощнейшего земледельческого хозяйства, оказывавшего разнообразные культурные импульсы на окружающие территории как в способах ведения хозяйства, так и в наборе культивируемых растений. Островной мир Юго-Восточной Азии, Австралия с Тасманией, Океания демонстрируют довольно большую культурную чересполосицу, которая примерно в тех же границах, судя по археологическим данным, существовала и несколько тысяч лет назад: в Австралии и Тасмании — охота, на островах Юго-Восточной Азии — земледелие со скотоводством, кое-где охота, рыболовство в прибрежных районах, в Океании — рыболовство с небольшими зачатками производящей экономики в виде культуры кокосовой пальмы и разведения свиней. Громадный географический массив обеих Америк был преимущественной областью распространения охотничье-рыболовческого хозяйства с собирательством, в Центральной Америке и прилегающих районах развивалось, как уже говорилось, земледелие, сопровождавшееся пастушеским скотоводством. Африка в силу разнообразия своих природных условий имела, наверное, уже в это время отдельные земледельческие культуры в центральных районах, кочевое ското-

водческое хозяйство — в полупустынных и на окраине пустынь, в джунглях продолжали проживать охотники и собиратели.

§ 2. ВЗРЕВАНИЕ ИНСТИТУТОВ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

С зарождением в эпоху классового образования прибавочного продукта начинается вызревание институтов классового общества и в том числе важнейших из них — частной собственности, общественных классов и государства. Решающее значение имела частная собственность, делавшая возможным существование всех других институтов.

Становление частной собственности. Становление частной собственности было результатом двуединого процесса, обусловленного подъемом позднепервобытного производства. Во-первых, рост производительности труда и его специализация способствовали индивидуализации производства, что, в свою очередь, делало возможным появление прибавочного продукта, создававшегося одним человеком и присваивавшегося другим. Во-вторых, те же возросшая производительность и специализация труда делали возможным производство продукта специально для обмена, создавали практику регулярного отчуждения продукта. Так возникала свободно отчуждаемая частная собственность, которая отличалась от коллективной или личной собственности эпохи родовой общины прежде всего тем, что открывала дорогу отношениям эксплуатации.

Первоначальная частная собственность накапливалась в виде некоторых пищевых продуктов и ремесленных изделий, производственного инвентаря и оружия, а у народов, знавших скотоводство, — прежде всего скота. К сравнительно ранним видам частной собственности принадлежали и рабы, речь о которых будет дальше. Но поскольку уже существовали обменные эквиваленты, естественно, что те, кто имел излишки, стремились накапливать их не только в натуральной форме реальных потребительных стоимостей, но и в превращенной форме сокровищ, общепринятых в данной местности эквивалентов, предметных денег.

О зарождении и накоплении частной собственности свидетельствуют многочисленные данные археологии. Так, вещи, находимые в додинастических погребениях Древнего Египта (амратская культура) уже помечены

знаками собственности, несомненно, не родовыми, а семейными или индивидуальными, так как в разных погребениях они различны. По-видимому, подобными же знаками собственности (хотя в то же время и магическими оберегами) были так называемые пуговицевидные и чечевицеобразные печати, известные в энеолитических культурах Передней Азии и Греции, в частности, в месопотамских культурах халафа и убайд. Соответствующие функции более поздних — цилиндрических — месопотамских и протоэламских печатей рассматриваются как бесспорные.

Очень многочисленны археологические находки, свидетельствующие о все возрастающем накоплении богатств. К энеолиту, бронзовому и раннему железному веку Азии и Европы относятся многочисленные клады металлических слитков, орудий, оружия и украшений, игравших роль сокровищ и, по-видимому, денег. В этом отношении интересен найденный у с. Бородино близ Белгорода-Днестровского клад богатого, вероятно, церемониального оружия какого-то воина, содержащий серебряное копье, серебряный кинжал, позолоченную серебряную булаву, нефритовые топоры — все это явно не местного происхождения.

Эти же находки говорят об очень неравномерном распределении богатств между членами общества. Так, погребения иньской и в особенности чжоуской эпох в предклассовом Китае подразделяются на несколько категорий, — от содержащих драгоценности до совсем не имеющих инвентаря. Характерно появление наряду с обычными сложными по устройству и богатыми по сопровождающему инвентарю погребений представителей социальной верхушки. Таков, в частности, древнейший памятник этого типа на территории нашей страны — знаменитый Майкопский курган конца 3 тысячелетия до н. э. В нем под 11-метровой толщей земли, под балдахином, поддерживаемым шестью метровыми серебряными трубками, захоронен мужчина с множеством украшений из золота, лазурита, бирюзы и сердолика, чеканными золотыми и серебряными сосудами, медным оружием и орудиями. В двух соседних меньших и несравненно более бедных по сопровождающему инвентарю погребальных камерах кургана найдены остатки двух женщин, судя по золотым серьгам и бусам, рабынь-наложниц. Сходные с Майкопским так называемые княжеские, но, несомненно, предшествовавшие появлению

государственных образований погребения бронзового и раннего железного века известны во многих областях СССР и в ряде зарубежных стран.

Со своей стороны, этнографические данные указывают на то, что накопление частных богатств происходило прежде всего в семьях представителей родоплеменной верхушки. Это и понятно: ведь именно бигмены были основными собственниками богатств, а наследственные вожди — хранителями и распорядителями тех ценностей, которые первоначально еще принадлежали роду или общине, а затем все чаще становились собственностью самих вождей. Так, у меланезийцев полуострова Газель (о. Новая Британия) главари являлись хранителями всех общинных сокровищ — раковин, которые они должны были использовать для общественных нужд, но использовали и для своих целей, ссужая малоимущим. У северо-западных индейцев квакиютль вожди по наследству передавали считавшиеся неотчуждаемой собственностью рода сокровища — медные пластины. Отсюда и быстрый рост частных сокровищ вождей квакиютль. Одному из них принадлежали 4 большие лодки, 4 раба, 40 шкур морской выдры и 120 лыковых накидок, другому — 4 большие лодки, 6 рабов, 60 меховых одеял и 200 лыковых накидок. Все же богатства не были полностью монополизированы родоплеменной верхушкой. Скапливались они также у наиболее трудолюбивых или наиболее удачливых из рядовых общинников.

Становление частной собственности происходило в острых противоречиях между новыми и старыми порядками. Пробивавшимся к жизни частнособственническим началам приходилось преодолевать и еще многочисленные коллективистические формы производства, и еще прочную психологию общинно-родовой эгалитарности. Накопление отдельными семьями излишков не нужной им продукции как в натуральной форме, так и в превращенной форме сокровищ было противно самому духу первобытнообщинных традиций, и от более имущих требовали, чтобы они так или иначе делились с менее имущими. Свою роль здесь играли также престижно-экономические традиции, получившие новый толчок в порядках эпохи классообразования.

Разбогатевший человек, в особенности если это был бигмен или вождь, чтобы не лишиться авторитета и влияния, должен был устраивать пышные пиры, щедро одаривать родичей, соседей и гостей, помогать нуждав-

шимся и т. п. Скупой богач не только лишался авторитета, но и мог лишиться имущества. Так, у некоторых оленеводческих народов Сибири в XVII—XVIII вв. отдельная семья не должна была иметь стада более чем в сто голов, а все поголовье сверх этого, если оно не раздавалось добровольно, отбиралось родственниками и соседями. Бывало, что скупца убивали. Хрестоматийным примером этого служит случай из быта папуасов, когда общинники заставили ближайших родственников богача застрелить его из лука со словами: «Ты не должен быть единственным богатым человеком, мы все должны быть равны, ты всего лишь равен нам». Более того, в некоторых обществах даже выработалось неприязненное отношение к самой возможности возникновения излишков. Например, у бемба Центральной Африки удачливого земледельца или бортника объявляли злокозненным колдуном. Такая психология делает понятным, почему в эпоху классовообразования самое широкое распространение получили обычаи публичного уничтожения накопленного имущества. Во множестве обществ при погребении умершего, в особенности бигмена или вождя, его богатства демонстративно уничтожались. Бывало, что так же поступали при жизни: например, на некоторых островах Меланезии состоятельные лица систематически уничтожали запасы циновок, считавшихся здесь одним из мерил богатства.

В сопротивлении коллективистических традиций тенденциям накопления движимой собственности выявляется общая закономерность: от требования ненакопления или уничтожения к требованию раздачи. Именно так, в частности, обстояло дело со знаменитым потлачем северо-западных индейцев, давшим свое название всей совокупности потлачевидных институтов, и прежде всего торжественных пиров и раздач. На празднике потлача, пришедшем на смену уничтожению имущества в день смерти владельца и устраивавшемся по различным важным событиям жизни (получение имени, вступление в тайное общество, женитьба, похороны, поминки и пр.), его устроитель выставлял свои богатства и затем с гордостью раздавал гостям. Этим он обеспечивал себе и своим наследникам высокое общественное положение, приобретал авторитет и право на занятие почетных общественных должностей и, что также немаловажно, становился участником ответных потлачей, на которых возвращал обратно, по крайней мере, значительную

часть розданных богатств. По мнению ряда исследователей, устроитель потлача со временем возвращал свои богатства сторицей. При всех обстоятельствах потлач, как и другие потлачевидные институты, не был лишь актом горделивого саморазорения. Даже и ограничивая прямое накопление частной собственности, он в диалектически противоречивой форме в конечном итоге способствовал развитию частнособственнических отношений.

Развитие частной собственности в эпоху классового разложения отчасти тормозилось и другими порядками, в частности обычным сохранением коллективной собственности на землю, — это основное условие и всеобщее средство труда. В то время как движимое имущество, в том числе и орудия производства, уже становились частной собственностью отдельных семей, обрабатываемые земли, пастбища, сенокосы, охотничьи и рыболовные угодья по большей части оставались собственностью того или иного производственного коллектива. Между тем, пока существовала коллективная собственность на землю, частная собственность на движимое имущество имела второстепенный, подчиненный характер, потому что, как отмечал Маркс, *«частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где... внешние условия труда принадлежат частным лицам»*¹. Индивидуализация труда и развитие частнособственнических начал с неизбежностью должны были привести к появлению частной собственности и на землю. Но зарождалась она в еще более ожесточенной борьбе, чем частная собственность на движимое имущество, и поначалу становилась возможной только за пределами своей общины — на свободных землях. Отсюда широко распространенные на этой стадии развития обычай преимущественных земельных прав первооселенцев, выступавших как традиционные главы вдовь возникавшей общины, привилегированные старожилы, ритуальные «хозяева земли» и т. п. На землях своей общины обрабатываемые участки и особенно различные неземледельческие угодья очень долго продолжали оставаться неотчуждаемой собственностью коллектива, хотя отдельные семьи всячески стремились закрепить за собой право наследственного владения и даже полного,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 411.

частнособственнического распоряжения своим наделом земли. Такое переходное состояние образует целый спектр, фиксируемый как этнографически, так и письменными источниками. Например, у ряда народов Африки или на большинстве островов Меланезии семья владела общинной землей лишь до тех пор, пока ее обрабатывала, но на о. Новая Каледония она сохраняла право и на необрабатываемый надел, а у древних германцев распоряжалась пашней как своей собственностью.

Особенно долго сохраняли форму коллективной собственности на землю кочевые и полукочевые скотоводы, хотя и у них очень часто распоряжение вождей пастбищами и водоемами, реализовавшееся через руководство перекочевками, граничило с фактической частной собственностью на то и другое. Но из-за кочевого образа жизни частнособственнические поземельные отношения у номадов никогда не складывались. Да и у земледельцев эти отношения, если и складывались в чистом виде, то, как правило, только уже в классовом обществе.

Замедленность становления частной собственности сказывалась и в том, что переход от коллективной собственности к частной редко совершался непосредственно. Многие исследователи выделяют промежуточную категорию обособленной собственности, т. е. собственности, уже обособленной от коллективной, но еще не создающей отношений эксплуатации и в этом смысле не частной. Промежуточной категорией, по-видимому, можно считать также групповую частную собственность, т. е. совместную частную собственность не одного, а нескольких лиц. Она не специфична для эпохи классового образования и существует даже в самых развитых классовых обществах, но в рассматриваемую эпоху получила особенно широкое распространение, очень часто предшествуя утверждению индивидуальной частной собственности. И обособленная, и групповая частная собственность характерны для экономической структуры свойственного данной эпохе типа семьи (речь о чем будет дальше).

Зарождение эксплуатации и общественных классов — классового генезиса. С появлением прибавочного продукта и частной собственности все более заметной становится общественная и имущественная дифференциация. В то время как у родоплеменной и общинной

верхушки скапливались богатства, рядовые сородичи и общинники обладали лишь незначительными излишками, не обладали ими совсем или даже испытывали лишения. По разным причинам рядовые сородичи и общинники оказывались в неравных условиях: сказывались неодинаковая численность и половозрастной состав семей, личные качества работников и всевозможные случайности. Это неравенство усугублялось тем, что престижно-экономические отношения, в прошлом в основном межобщинные, стали все шире проникать внутрь общины. Тем самым сюда стал проникать и принцип эквивалентности дачи и отдачи, вытеснявший прежний принцип безвозмездной взаимопомощи. Теперь за материальную помощь, полученную сородичем или однообщинником, ему приходилось расплачиваться — сперва в том же, а затем и в большем размере.

Нередко встает вопрос, какой вид расслоения — общественное или имущественное — предшествовал другому. Единодушного ответа на него нет. Большинство ученых считает, что оба они складывались одновременно: различия в общественных статусах способствовали имущественной дифференциации, а последняя постепенно вела к неравенству статусов членов общества. В то же время этнографии известно немало обществ, в которых неравные статусы их членов еще не повлекли за собой сколько-нибудь заметного экономического неравенства.

Возникновение прибавочного продукта и частной собственности не только усиливало общественную и имущественную дифференциацию, но и порождало отношения эксплуатации. Среди ранних видов эксплуатации различают эксплуатацию внутриобщинную (эндоэксплуатацию) — кабальничество и зачатки феодализма и эксплуатацию межобщинную (экзоэксплуатацию) — военный грабеж, контрибуции и данничество. Промежуточное между ними положение занимало рабство, или рабовладение, — наиболее заметный и поэтому лучше всего изученный вид эксплуатации.

В первобытной, в особенности раннепервобытной, общине, не располагавшей регулярным избытком продукции, рабство, как и другие формы эксплуатации, было невозможно. Поэтому захваченных в межплеменных схватках боеспособных мужчин здесь обычно умерщвляли, а женщин и детей адоптировали, делая их полноправными членами племени-победителя. Иногда,

особенно в тех случаях, когда нужно было возместить потерю убитых в бою, адаптировали и взрослых мужчин. Так, по одному из сообщений XVII в., у некоторых племен североамериканских индейцев военнопленных передавали тем семьям, которые потеряли близких родственников. «Если пленников принимали, наступал конец их бедам: их одевали наилучшим образом, они были совершенно свободны, хотя и не могли вернуться в свою страну, и пользовались всеми правами того, на чье место были приняты. Но чаще их отвергали, и они погибали в пытках».

Появление регулярного избытка продукции сразу же сделало возможным использование труда военнопленных. Теперь их стали намного чаще адаптировать на правах младших членов семьи, делая тем самым первый шаг к учреждению рабства. Существует мнение, что первоначально рабы становились собственностью всей общины и что таким образом древнейшее рабство было коллективным, или общинным. Но подобная форма нигде четко не зафиксирована ни исторически, ни этнографически, и, по-видимому, ее реконструкция должна быть оставлена. Это подтверждается и тем, что первых рабов трудно отличить от младших домочадцев. Они использовались преимущественно в домашнем хозяйстве, выполняя самые непрестижные работы. Так, у юкагиров они помогали женщинам, у нивхов заготавливали дрова, носили воду, готовили пищу, кормили собак. Рабы жили вместе с хозяевами, спали с ними под одной крышей, ели за одним столом. В других случаях они могли поселяться в отдельных жилищах и иметь собственное небольшое хозяйство, помогая по хозяйству и своим владельцам. Обращение с ними было сравнительно мягким, и в большинстве случаев раб пользовался определенными личными и имущественными правами. Во многих обществах рабы поначалу наследовали своим хозяевам, вступали в брак со свободными, участвовали в общественной и религиозной жизни. Обычай запрещал продажу, убийство и даже жестокое обращение с рабом, который в случае недовольства хозяином был вправе уйти к другому владельцу. Особого присмотра за рабами не было, так как, находясь в сносных условиях, раб обычно не стремился к побегу. К тому же у многих племен ему было и некуда бежать: попавший в плен считался утратившим покровительство духов и не принимался сородичами обратно. В ряде обществ рабство

вначале не было пожизненным, и раб, пробыв в этом состоянии несколько лет, становился полноправным соплеменником. Освобождение раба считалось актом великодушия и щедрости, достойным поступком. Став пожизненным, рабство не сразу стало наследственным: в зависимости от степени развития рабовладения дети, внуки или правнуки раба получали свободу. Эта примитивная форма рабства, при которой рабы экономически еще не занимают особого места в производстве, а юридически близки к младшим членам семьи, получила название домашнего, или патриархального, рабства. Термин «патриархальный» здесь применяется в смысле «простой», «примитивный», а не как свойственный именно мужевластию-патриархату.

С ростом общественного производства расширялась сфера приложения рабского труда и открывались возможности для увеличения числа рабов. У северо-западных индейцев рабы использовались уже не только для домашней работы, но и при устройстве рыболовных запруд, постройке домов и лодок, ловле и заготовлении впрок рыбы, в качестве гребцов, в собирательстве и т. п. Сравнительно мало применялся рабский труд лишь в работах, считавшихся почетными, например в охоте и зверобойном промысле. Сходным образом у земледельческих индейских племен рабы применялись в земледелии преимущественно там, где оно считалось непрестижным женским занятием. Но так или иначе число рабов росло. У тех же северо-западных индейцев оно достигало 15—20, а в некоторых племенах даже 30 % населения. Расширились источники рабства: к захвату военнопленных добавились рождение в неволе и работорговля. Положение рабов резко ухудшилось. Рабы не могли владеть собственностью и жениться по своему усмотрению. Даже и разрешенный им брак не имел общественного значения и считался как бы простым сожителем. В знак отличия от свободных они должны были коротко стричь волосы. Обращение с рабами было жестоким; кроме того, так и в древней Спарте, практиковались периодические массовые нападения на хижины рабов, чтобы посеять ужас и предотвратить восстания. Широко бытовало ритуальное умерщвление рабов, например, при постройке новых домов и лодок, во время инициаций и на похоронах. Это был остаток более архаичного обычая убивать пленных, отчасти приобретший новую функцию — терроризировать рабов и еще

возможный ввиду того, что потребность в рабской рабочей силе оставалась все же ограниченной.

Положение рабов у северозападных индейцев с теми или иными специфическими чертами характерно и для других обществ эпохи классового образования, в которых домашнее рабство начинало превращаться в рабство производственное. Повсюду здесь рабы из младших домочадцев трансформировались в лишенную средств производства бесправную группу населения со своим особым местом в общественном производстве.

Возникновение рабовладения имело и другие последствия. Уже домашнее рабство ускоряло и усиливало расслоение среди свободных общинников. Пленные, как и другие виды военной добычи, становились собственностью прежде всего представителей родоплеменной и общинной верхушки. Эксплуатируя рабов, они поднимали свой общественный престиж и увеличивали свои богатства. С развитием частной собственности это приводило к тому, что в их руках оказывались большие и лучшие пашни, стада, промысловые угодья, запасы ремесленных изделий. Естественно, что одновременно происходило обеднение другой части членов общества, подчас совсем нищавших и лишавшихся возможности вести самостоятельное хозяйство. Прибегая к займам, некоторые из них попадали в долговую кабалу, кончавшуюся продажей или самопродажей в рабство. В ряде обществ положение долговых рабов-соплеменников отличалось от положения других рабов: их рабское состояние было ограничено во времени, обращение с ними было мягче, их личные права — шире (например, включали запрет продавать их за пределы племени). Тем не менее прежние источники рабства — захват на войне, рождение в неволе и работорговля — пополнились еще одним — долговым, или кабальным, рабством соплеменников.

Способствуя общественному и имущественному расслоению, рабство оказывало свое влияние и на развитие внутриобщинных видов эксплуатации, хотя они могли складываться и совершенно независимо от рабства. Те обедневшие общинники, которые сохраняли свое маленькое хозяйство и личную свободу, должны были время от времени прибегать к натуральным или денежным займам у богатых родственников и соседей. На этой основе возникали кабальные виды эксплуатации: отработка в хозяйстве займодавца, ростовщичество и особенно издольная аренда средств и орудий производства.

В последнем случае малоимущий общинник, позаимствовав у богача, например, зерно для посева, тягловую упряжку или несколько голов молочного скота, расплачивался с ним частью произведенного продукта. Подобная издольщина иногда также в конце концов приводила к долговому рабству, но чаще, напротив, надолго консервировалась и прикрывалась архаичными традициями, позволявшими придать эксплуатации видимость родственной или соседской взаимопомощи. Этот порядок получил, в частности, универсальное распространение в полукочевых и кочевых скотоводческих обществах, где крупные собственники, наделяя бедноту скотом «на подой», «в настриг», «под съезд» и т. д., обеспечивали себе одновременно и получение прибавочного продукта, и зависимость «облагодетельствованных» родственников или соседей. Такая издольщина в кочевом скотоводческом хозяйстве обозначается в советской литературе казахским словом «саун», «саунные отношения». Кабальная эксплуатация, или кабальничество, долгое время рассматривалась как одна из форм примитивного феодализма, но теперь такой взгляд признан ошибочным. Кабальничество — особый вид эксплуатации, соединяющий в еще слабо расчлененной форме как экономическую, так и личную зависимость в положении человека, работающего и в собственном хозяйстве, и в хозяйстве эксплуататора.

Для другого вида внутриобщинной эксплуатации было характерно то, что ее объектом постепенно становились и вполне самостоятельные в экономическом отношении люди. Выше мы видели, что уже до того, как разного рода руководители стали присваивать себе богатства коллективов, распоряжение этими богатствами давало им возможность приумножить свое влияние и имущество. По мере усиления руководителей усиливался их контроль над хозяйственной жизнью коллективов, а вместе с тем и их возможности получения относительно большей доли в совокупном общественном продукте. Расходы общества на содержание лиц, занимавшихся организаторско-управленческой деятельностью, все больше превышали их непосредственные потребности и из формы разделения труда между работниками и организаторами становились формой эксплуатации первых вторыми. Для этого перераспределения продукта по вертикали некоторые советские этнографы используют принятый в западной литературе

термин «редистрибуция»; другие считают его вуалирующим отношения эксплуатации. Подобная эксплуатация могла быть более или менее скрытой: от традиционных отчислений на страховые и иные нужды коллектива до «даров» непосредственно руководителям. Но во всех случаях отчуждение прибавочного продукта у экономически самостоятельных, располагавших всеми средствами производства работников их организаторско-управленческой верхушкой, олицетворявшей в себе власть общины над землей и людьми, по сути дела было уже прафеодальной, или примитивно-феодальной, эксплуатацией. Отсюда начиналось развитие к собственно феодальным формам, связанным с присвоением социальной верхушкой непосредственных прав на землю и сидящих на ней людей. Это развитие относительно хорошо изучено на африканском, океанийском и другом этнографическом материале. Так, у меланезийцев вожди, как правило, еще не получали никаких приношений, но, ведая богатствами общин, широко использовали их для собственного обогащения. У маори Новой Зеландии они уже получали от рядовых общинников посильные «дары», и их земельные наделы были больше наделов других общинников, но они еще не посягали на общинные земли. На Фиджи они пытались претендовать на земельную собственность общин. На островах Тонга вся земля рассматривалась как собственность вождей, простые же общинники не должны были под угрозой смерти переходить от одного землевладельца к другому и несли в их пользу обязательные, хотя и не зафиксированные точно, повинности. На Таити повинности были зафиксированы и тем самым процесс практически завершен.

Простейшим видом межобщинной эксплуатации были военные грабежи, получившие в эпоху классовообразования заметное распространение вместе с появлением и ростом богатств. Чтобы избежать грабежей, слабые общины и племена нередко соглашались платить своим более сильным соседям сначала единовременную контрибуцию, а затем и более или менее постоянную дань. Так распространилось кое-где известное и на стадии позднепервобытной общины данничество — вид эксплуатации, состоящий в регулярном отчуждении прибавочного продукта победителями у побежденных, но в основном не утративших прежней экономической и социально-потестарной структуры коллективов. Данники располагали собственными, не принадлежавшими полу-

чателям дани средствами производства и эксплуатировались посредством внеэкономического принуждения, которое распространялось не на отдельные личности, а на весь коллектив. Получал дань также поначалу весь коллектив, но со временем это право все больше присваивалось его руководящей верхушкой. Как и грабительские войны или контрибуции, данничество — особый примитивный вид эксплуатации. В то же время по своей сути (производство прибавочного продукта в собственном хозяйстве работника, внеэкономическое принуждение) оно близко к феодальной эксплуатации, в которую чаще всего и перерастало в своем дальнейшем развитии. Так было, например, у раннесредневековых славян, кельтов, германцев, арабов, японцев, у которых одним из источников феодализации было данничество. В других случаях данничество было одним из источников складывания рабовладельческих отношений, однако в таких их своеобразных полурабовладельческих-полукрепостнических формах, которые лучше всего представлены спартанской илотией, фессалийской пенестьей, критской кларотией и т. д.

Какие из ранних видов эксплуатации исторически старше других? Ответить на этот вопрос с уверенностью трудно. Этнография застала перечисленные виды эксплуатации не всегда в одних и тех же, но приблизительно в одинаковых по уровню социально-экономического развития обществах Меланезии, Тропической Африки, Южной и Северной Америки, стоявших на начальных ступенях разложения первобытнообщинного строя. Поэтому одни исследователи считают начальным видом эксплуатации рабство, другие — эксплуатацию рядовых общинников, некоторые — данничество, хотя ни одна из этих точек зрения не подкреплена широким историко-этнографическим материалом. Однако некоторые факты для суждения по данному вопросу все же имеются. У племен с высшим присваивающим хозяйством постоянно встречаются домашнее рабство, эксплуатация экономически неполноценных общинников и межобщинная эксплуатация, а у племен с производящим хозяйством наряду с этими формами — также и эксплуатация основной массы общинников организаторско-управленческой верхушкой общины. Первая группа видов эксплуатации вообще проще, так как при них не требуется общественная организация труда и упорядоченная сеть перераспределения продукта по вертикали. Это косвен-

но указывает на относительно большую элементарность, а тем самым и легкость возникновения видов первой группы. Поэтому можно думать, что во многих случаях они подготовили почву для сложения более развитых видов второй группы.

Для сравнительной оценки ранних видов эксплуатации важен не столько их исторический приоритет, сколько их исторические судьбы. Примитивные данничество и кабальничество, какое бы широкое распространение они не получали в распаде первобытного общества, не составляли самостоятельных способов производства и в дальнейшем всегда превращались во второстепенные, побочные методы отчуждения прибавочного продукта. Напротив, зачатки рабовладения и феодализма, в своем развитии перерастали в классические рабовладельческий и феодальный способы производства антагонистического классового общества. Недаром именно на них обратил внимание Энгельс, рассматривая в «Анти-Дюринге» два сопутствующих друг другу основных процесса классового образования, из которых один связан с обособлением в господствующий класс лиц, связанных с организаторско-управленческой деятельностью, а второй — с развитием рабовладельческих отношений¹.

С углублением общественно-имущественного расслоения и ростом эксплуатации в разлагавшемся первобытном обществе началась поляризация групп населения, различавшихся по своему месту в системе производства, отношению к средствам производства и роли в общественной организации труда, т. е. общественных классов. Появление общественных классов было тем рубежом, который отделял первобытнообщинную форму от первой классовой, но их зарождение происходило уже в процессе распада первобытного общества. При этом в зависимости от экологии и конкретно-исторических условий признаки формирующихся классов могли быть более или менее выраженными. Так, в Тропической Африке, практически не знавшей земельного голода, собственность господствующего класса на землю долго не получала развития, а в Океании она сложилась сравнительно рано. По тем же причинам у кочевых скотоводов не оформилась собственность социальной верхушки на пастбища, хотя многие их группы переступили порог классового общества.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 183—185.

Классовое расслоение было качественно иным, нежели предшествовавшее ему общественно-экономическое расслоение. Наряду со своими экономическими основаниями оно получало несравненно более полное социальное и идеологическое оформление. Так, уже на исходе эпохи классовообразования свобода и рабство часто настолько противопоставлялись друг другу, что в принципе несравнимыми считались статусы не только свободного и раба, но и свободнорожденного и несвободнорожденного. Подобная же противоположность складывалась и в среде самих свободных. Богатая и влиятельная социальная верхушка обособлялась в наследственную знать, претендовавшую на неизменное главенство, особое почетное положение, благородство происхождения, специфические знаки отличия и другие привилегии. Беднота, рядовые общинники противопоставлялись им как безродные, простолюдины, чернь. В ходе классовообразования возникали и более сложные системы, генетически связанные с соподчинением старших и младших линий родства, привилегированных и непривилегированных профессиональных групп, завоеванных и завоевателей и т. п. Например, в ряде обществ Полинезии, Тропической Африки, а также у части кочевых скотоводов значительное распространение получил так называемый конический клан, или рэмидж *, в условиях которого социальный статус людей и целых родственных групп определяется степенью их генеалогической близости к родоначальнику. В той же Полинезии и на западе Тропической Африки, а также в Южной Аравии, Египте и особенно в Индии большую роль в классовообразовании сыграла система каст * как иерархизированных замкнутых профессиональных групп, нередко к тому же восходящая к подчинению одних племен другими. Одни из таких систем, как конические кланы, после перехода к классовому обществу стирались, другие, как касты, сохранялись, но даже самые устойчивые из них, усложняя социальную дифференциацию, не препятствовали основному делению общества на богатую наследственную знать и более или менее зависимую от нее бедноту.

Складывание государства и права — политогенез. Усложнение общественного производства требовало укрепления организационно-управленческой функции, т. е. функции власти. К тому же общественное и имущественное расслоение порождало противоречия и конфликты. Привилегии и богатства верхушечных слоев

общества нуждались в охране от посягательств со стороны рабов, простолюдинов, бедняков. Традиционные родоплеменные органы власти, проникнутые духом первобытной демократии, были для этого непригодны. Они должны были уступить место новым формам сперва потестарной, а затем и политической организации.

Одной из важнейших таких форм были мужские, или тайные, союзы. Некоторые ученые их различают, называя мужскими союзами те, в которые входили все мужчины, а тайными — объединявшие не всех, а только часть мужчин. По-видимому, тайные союзы выросли из мужских, но функции их настолько близки, что они могут рассматриваться как единый эволюционирующий институт.

Выше мы видели, что в позднепервобытных общинах имелись мужские дома, где устраивались собрания и проходила культовая жизнь мужчин рода. В эпоху классообразования они стали организационными центрами особых союзов, включавших как родственников, так и неродственников, в том числе членов разных общин. Во многих обществах (оджибве Северной Америки, йоруба Тропической Африки и др.) союзы в своем развитии превратились в объединения главным образом богатых людей, так как для вступления в них требовались крупные натуральные или денежные взносы, устройство дорогостоящих пиров и т. п. Этим же было обусловлено и приобретение общественных рангов иногда вплоть до главенства в союзе. Зато союзы вырывали своих членов из-под власти традиционной родоплеменной организации, защищали их влиятельное положение и собственность, терроризировали всех недовольных. Например, глава союза Дук-Дук на Новой Гвинее присвоил себе право табуировать плодовые деревья и целые плантации членов союза, насаждая и охраняя таким образом их частную собственность. Нередко, как, например, в ряде обществ Западной Африки, союзы вообще оттеснили на задний план родоплеменные органы власти и превратились в могучие межплеменные организации, завладевшие функциями охраны общественного порядка, отправления суда, решения вопросов войны и мира.

Мужские, или тайные, союзы имели широкое распространение в Меланезии и Западной Африке, были известны в Микронезии, Полинезии, Индонезии и Америке, а в пережитках также у ряда древних и современных народов Старого Света (древние греки и римля-

не, кельты, германцы, китайцы, народы Средней Азии). Существовали и женские союзы (Меланезия, Микронезия, Северная Америка, Западная Африка), но они имели намного меньшее распространение и нигде, кроме Западной Африки, не пользовались сколько-нибудь заметным влиянием. В целом подобного рода союзы как органы зарождавшейся государственной власти были все же не универсальны. Тем большее значение имели процессы трансформации в эту эпоху власти родоплеменных и общинных лидеров.

Дифференциация деятельности и усложнение социально-потестарной жизни в эпоху классообразования повели к тому, что теперь в разных сферах жизни уже нередко имелись свои лидеры — руководители для мирного времени, военные предводители, жрецы, режиссеры. Такое разделение функций было не обязательным (две и даже три из них могли находиться в руках одной категории лидеров), но достаточно частым. Тем не менее даже разделенная власть становилась не слабее, а крепче, так как по самой своей природе она все заметнее отличалась от первобытной власти.

Руководителей для мирного времени в литературе обычно обозначают как родоплеменную знать, или родоплеменную аристократию. И действительно, с монополизацией руководства общественным производством и перераспределением общественного продукта и носители родоплеменной власти, и сама их власть все больше отделялись от народа. Распоряжение общественным продуктом позволяло таким руководителям окружать себя ораторами, вестниками, советниками, личными стражами и палачами и т. п. Власть их была особенно велика тогда, когда они одновременно были военными и (или) религиозными лидерами. В первом случае в их руках оказывался такой аппарат прямого принуждения, как военные дружины, во втором — такое средство идеологического и психологического воздействия, как религия.

Военные предводители могли выходить из среды как родоплеменной знати, так и прославленных воинов-простолюдинов. С развитием в эпоху классообразования военной деятельности они нередко оттесняли на задний план или совсем вытесняли других лидеров. Так было, например, у индейцев-ирокезов в XVIII в., у которых два традиционных военных предводителя из племени сенека с нарастанием военной активности из второ-

степенных лидеров сделались главенствующими. В то же время именно удачливым и добычливым военным предводителям было легче всего обзавестись сильной, преданной им дружиной, спаянной не столько родоплеменными связями, сколько общностью военно-грабительских интересов. Опираясь на такую дружину, предводитель имел возможность ломать старые традиции и навязывать соплеменникам свою волю. Родоплеменной знати, если она вообще сохраняла какие-то позиции в управлении, постоянно приходилось уступать место военному предводителю и его ближайшему окружению — старшим дружинникам, но, будучи заинтересована в крепкой власти и надежной защите своей собственности, она не слишком решительно сопротивлялась новым тенденциям. Тем более приходилось смиряться рядовым соплеменникам, частью подкупаемым военной добычей, частью устрашаемым военной силой.

Реже на передний план выдвигались религиозные лидеры, но зато очень часто другие лидеры присваивали себе также и религиозные функции, тем самым освящая, сакрализуя свою власть. Во многих обществах считалось, что такие носители власти обладают сверхъестественной благодатью, харизмой *, и являются связующим звеном между высшими силами и простым народом. Понятно, что это не могло не оправдывать все действия сакрального лидера, в том числе и направление на ломку демократических традиций.

Укрепление, бесперебойное функционирование и стабильность власти в эпоху классовообразования требовали ее институционализации как власти наследственной. Только наследственная передача власти могла обеспечить надежную трансляцию опыта руководства в бесписьменном обществе; только она гарантировала, что новый носитель власти будет наделен харизмой, которая, как считалось, являлась достоянием не только самого сакрального лидера, но и его ближайшей родни. Наследственное лидерство было известно уже на стадии раннепервобытной общины (например, части аборигенов Австралии и бушменам), но скорее как исключение. Теперь исключением стало ненаследственное главенство типа бигменства, при котором сын лидера имел только относительно большие возможности приобрести статус отца, правилом же — наследование власти. В современной литературе наследственного лидера эпохи классовообра-

зования, в отличие от всякого другого, все чаще обозначают прилагаемым только к нему термином «вождь».

От этого термина в настоящее время, в свою очередь, производят обозначение организации власти в развитых предгосударственных обществах — вождествах. Всякое вождество возглавляется вождем, но не всякий вождь, т. е. наследственный лидер эпохи классовообразования, возглавляет вождество. Вождество — это только крупное потестарное образование, как правило, не меньше, чем племя, и имеющее несколько звеньев субординации (вождь, субвожди, старосты). Власть в вождестве может быть как, условно говоря, аристократической, так и военной; часто она сакрализована (так называемые сакральные вожди и вождества), яркий пример чего дают предгосударственные образования Полинезии и Тропической Африки. Для вождеств характерна далеко простирающаяся власть правителя над народом, нередко включающая право жизни и смерти. И хотя эта власть все же еще ограничена теми или иными, подчас ритуализованными традициями, она уже оторвалась от родоплеменной организации и использовалась общественной верхушкой против собственного народа.

По большей части именно в вождествах завершалось превращение потестарной организации в политическую, или государственную, представлявшую собой более или менее открытую классовую диктатуру. Ее важнейшим признаком было появление особой, не совпадающей непосредственно с населением, отделенной от него общественной, или публичной, власти, располагающей аппаратом управления и принуждения. Вождь превращался в правителя — князя, короля, царя и т. п. Его ближайшие родственники и другие помощники становились советниками в центре и заместителями на периферии со своим штатом помощников для отправления организаторской функции государства. Дружина превращалась в войско, с помощью которого государство подавляло сопротивление эксплуатируемых масс и вело как оборонительные, так и захватнические войны; впрочем и население обычно еще оставалось вооруженным. Особым органом государственной власти становился суд с его неизбежными придатками — тюрьмами и палачами; судопроизводство осуществлялось как самим правителем, так и его помощниками и заместителями, а также специальными судьями. Еще один рычаг государственной власти, предназначенный для идеологического воздей-

ствия на массы, составляли органы подвергшегося классовой трансформации религиозного культа; к нему мы еще вернемся дальше. Зачатки всех этих органов власти имелись и в вождествах, но только с их институционализацией вождества превращались в ранние государства.

Другим важным признаком политической организации был переход от добровольных форм перераспределения прибавочного продукта и приношений вождям к упорядоченному налогообложению. Возможность к этому давало то же отделение публичной власти с ее аппаратом насильственного подавления и идеологического воздействия. Предгосударственные отчисления в страховые фонды и приношения вождям не всегда легко отличались от государственных податей. Отличие часто видят к фиксированности податей, но и фиксированные подати иногда, как кое-где в Океании и Тропической Африке, появлялись уже в догосударственное время.

Еще одним общим признаком государственного устройства было разделение населения не по родоплеменному, а по территориальному принципу. Возникали округа, волости и т. д., не совпадавшие с прежними родоплеменными единицами, хотя еще иногда и сохранявшие их названия. Это было конечным результатом давнего процесса перехода от кровнородственных связей к соседским. Вместе с тем введение территориального деления ослабляло остатки родоплеменной солидарности и там, где власти были в этом заинтересованы, — влияния старинной родоплеменной знати. Правда, на первых порах подразделение населения по территориальному признаку было еще неполным и непоследовательным. Так, в Западной Европе согласно раннесредневековым «варварским» узаконениям каждый человек судился по своему племенному праву. В Тропической Африке и в некоторых других регионах и после появления государства нередко в основном сохранялось родоплеменное подразделение подданных. Но в целом политическое и территориальное устройство настолько взаимосвязаны, что многие исследователи рассматривают территориальное деление как критерий возникновения государственности.

Таким образом, ни один признак государственности не был самоочевидным рубежом, разделявшим постаршую и политическую организацию общества. Не

было таким рубежом и обязательное сочетание всех трех признаков, так как в конкретной истории народов одни признаки могли появляться раньше, другие — позже. Вывод о возникновении ранней государственности обычно делается на основе развитости и выраженности перечисленных признаков, а также присутствия не одного, а хотя бы двух из них.

В процессе становления государства формировалась и неотделимое от него право. Оно складывалось путем расщепления первобытных мононом на право, т. е. совокупность норм, выражающих волю господствующего класса и обеспеченных силой государственного принуждения, и нравственность (мораль, этику), т. е. совокупность норм, обеспеченных только силой общественного мнения. Право, в том числе и становящееся право, по своему содержанию в каждом обществе едино, хотя в многоплеменном обществе и может различаться по форме в разных племенах; мораль даже по содержанию различна в разных общественных слоях, а затем классах. В процессе разделения общества на классы господствующая верхушка общества отбирала наиболее выгодные для нее нормы и, видоизменяя их применительно к своим нуждам и духу времени, обеспечивала их принудительной силой государства. Это были и нормы, регулирующие хозяйственную жизнь общества, и нормы, обеспечивающие его целостность, и — что особенно показательно — нормы, защищающие собственность и привилегии социальной верхушки. Например, если раньше в случае кражи большое значение придавалось тому, сородичем или чужаком совершен поступок, и сородича обычно лишь принуждали вернуть похищенное, то теперь всякое посягательство на собственность влекло за собой наказание, а посягательство на собственность представителей социальной верхушки каралось особенно жестоко. За него брали многократное возмещение, обращали в рабство, калечили, убивали. Тягчайшее в прошлом преступление — нарушение экзогамных запретов — у многих народов перестало быть преступлением, зато нарушение сословно-кастовых брачных запретов теперь подчас влекло за собой суровое наказание. При нанесении побоев, увечье, убийстве, при оскорблении словом первостепенное значение приобрел вопрос не о родоплеменной, а о социальной принадлежности сторон. Например, во многих племенах кровь благородного оценивалась вдвое и втрое выше, чем

кровь простолюдина, а часто она вообще не имела цены, т. е. не подлежала материальному возмещению.

Источником первоначального права были не столько законодательные акты или даже устанавливающие прецедент судебные решения, сколько санкционированные государственной властью мононормы, или обычаи, эпохи классовообразования. Поэтому древнейшее право получило название обычного права (на мусульманском Востоке — адата *). Иногда обычным правом называют и сами обычаи эпохи классовообразования или, еще шире и неопределеннее, социальные нормы в первобытном обществе вообще. Но это неточно, так как права в строгом смысле этого слова не могло быть там, где еще не было государства. В других случаях обычным правом называют уже санкционированное государством, но еще не записанное, не кодифицированное, так называемое неписаное право. Это также неточно, так как определяющим признаком права является не форма его бытования, а его классово-обусловленный и государственно-принудительный характер. Известны общества (например, в Тропической Африке и на Северном Кавказе), где в условиях ранней государственности существовало еще не записанное право. Все же поскольку возникновение государственности сопровождается появлением упорядоченной письменности, обычное право в раннеклассовых обществах, как правило, уже записано и только на стадии своего становления в предклассовых обществах остается неписанным.

Вариативность и инвариантность в процессах вызревания институтов классового общества. Как отчасти уже можно было видеть, становление частной собственности, классов и государства достигалось не в единообразных, стандартных формах. Идя разными путями и под действием различных механизмов, эти процессы отличались значительной вариативностью.

Это в известной мере относится уже к экономической основе данных процессов — складыванию частной собственности на основное условие производства. Если в ряде обществ Океании в предклассовое время стала известна частная собственность на землю, то в Тропической Африке ее не знали многие раннеклассовые образования. Большая вариативность была свойственна процессу классовообразования, в котором ту или иную роль играли конкретная история, экология, военная активность, развитие обмена и другие факторы. Могут быть

выделены три основных пути классовообразования и соответственно становления государственной власти, условно называемые аристократическим, плутократическим и военным.

Аристократический путь связан с сохранением старинной родоплеменной верхушкой своих экономических и потестарных позиций, что позволяло ей монополизировать, а затем и узурпировать перераспределение общественного продукта. Основным практиковавшимся при этом способом эксплуатации был обозначенный выше как прафеодальный, хотя попутно могли использоваться рабство, кабальничество и межобщинная эксплуатация. Формой предгосударственной власти, возникшей на этом пути, были вождества — как сакральные, так и несакральные.

Плутократический путь связан с выдвижением бигменов, осуществлявших преимущественно кабальные формы эксплуатации и пользовавшихся ненаследственной властью. Распространение бигменства на Новой Гвинее, казалось бы, характеризует его как стадийно ранний этап классовообразования и политогенеза, но бигменство известно и в намного более развитых обществах Юго-Восточной Азии. Этот путь и его соотношение с другими путями становления классов и государства еще плохо изучены.

Широкое распространение имел военный путь основных процессов эпохи, связанный с бурным развитием военной активности. Конечно, войны существовали и раньше — из-за нарушения племенных границ, убийства соплеменника, похищения женщины, предполагаемой магической «порчи» и по другим поводам. Однако, как правило, они имели эпизодический характер. Теперь, с появлением богатств и жажды наживы, положение изменилось: грабеж давал возможность быстрого обогащения. Поэтому эпизодические столкновения превратились в регулярные, массовые и организованные — войны в собственном смысле слова. Войны, которые стали вестись ради грабежа, сделались как бы постоянным промыслом. Победители забирали с собой все, что представляло ценность — сокровища, скот, рабов, а затем, с ростом населения, начали захватывать и соседние земли. Превращение войн в постоянный промысел способствовало развитию военной техники и военной организации. Появилось отличное от охотничьего специализированное наступательное и оборонительное воору-

жение — боевые копья и палицы, мечи, щиты, латы, панцири, шлемы. Вокруг селений возникли земляные валы, рвы, палисады. К началу железного века во многих странах Евразии распространились особые укрепленные убежища — крепости, боевые башни и т. п., где население спасало жизнь и имущество во время вражеских набегов. Усложнилась и усовершенствовалась тактика нападения и обороны, потребовалось упорядочение ведения совместных военных действий. Начала меняться сама психология людей эпохи классового образования: грабеж стал считаться почетным занятием, мирный труд — непрестижной и даже постыдной деятельностью для настоящего мужчины.

В этих условиях преимущественными способами получения прибавочного продукта становились экзоплуатация и рабство, а соответствующей им формой становления политической власти — военное предводительство. Возникла специфическая форма организации общества на стадии перехода от первобытнообщинного строя к государству, которую Маркс и Энгельс вслед за Морганом называли военной демократией. Это была еще демократия, потому что сохранялись такие первобытные демократические учреждения, как народное собрание, совет старейшин, племенной вождь. Но это была уже иная, военная демократия, потому что народное собрание было собранием лишь вооруженных воинов, а военный вождь и его старшие дружинники захватывали все больше богатств и власти.

Военная демократия до недавнего времени рассматривалась как универсальный путь классового образования и становления государства. Теперь многие советские ученые считают, что, хотя в эпоху классового образования военная активность почти всегда играла заметную роль, говорить о ней можно применительно не ко всем, а лишь к значительной части обществ. Наибольшее выражение она получила у племен, соседствовавших и воевавших с классовыми обществами — например, ранних германцев или норманнов. К тому же обращено внимание на то, что военная демократия никогда не перерастала непосредственно в классовое общество. В процессе классового образования и политогенеза она развивалась в военную иерархию, в которой остатки прежней демократии вытеснялись иерархическим соподчинением воинов, дружинников, военачальников. Примеры таких обществ, которые могут быть определены как вожества военного

типа, дают германские племена или южноафриканские зулусы эпохи европейской колонизации.

Варианты классовобразования и политогенеза имели свои субварианты, например, уже известные нам сакральные и несакральные вождества. Вариативность процессов эпохи иногда сказывалась и иначе: хотя становление частной собственности, зарождение общественных классов и складывание государства шли параллельно, в определенных конкретно-исторических условиях один из этих процессов мог временно опередить другие. Но при всех обстоятельствах сущность вызревания институтов классового общества оставалась инвариантной. Она состояла в том, что возникшая частная собственность порождала ту или иную форму классовой дифференциации, которая, в свою очередь, требовала оторванных от народа органов политической власти.

Такое понимание сущности основных институтов эпохи противостоит еще иногда встречающемуся в литературе пониманию этих институтов как имеющих «естественное» происхождение, свойственное самой природе человека. Согласно этой «естественной» теории, частной собственностью была уже личная собственность членов раннепервобытной общины, отношениями эксплуатации — межполовое разделение труда, а зачатками государственной власти — власть главы семьи или общинно-родового главаря. «Естественная» теория находится в таком несоответствии с объективно истолковываемыми данными первобытной истории, что в настоящее время сторонников у нее немного. Мало сейчас приверженцев и у теории насилия, согласно которой классовое общество возникло в результате завоевания одного общества другим, составившим господствующий класс и создавшим для закрепления своей власти государственную организацию. На смену этим пришли некоторые более изощренные теории интерпретации процессов становления классов и государства. Такова в особенности теория «взаимной эксплуатации». В основе ее лежат некоторые реальные факты: большинство ранних форм эксплуатации постепенно выросло из обычаев, свойственных первобытнообщинному строю, долгое время сохраняло обличье общинно-родовых институтов, казалось взаимовыгодным обеим сторонам и в какой-то мере действительно было таковым. Так, содержание организаторов работниками отвечало хозяйственным интересам общины, издоляцина выросла из взаимопо-

мощи и т. д. Но это рациональное зерно теории «взаимной эксплуатации» сильно гипертрофировано. Одно дело — видеть диалектически противоречивый процесс генезиса эксплуатации и совсем другое — трактовать уже сложившиеся отношения эксплуатации как взаимовыгодные. Из чего бы ни исходили создатели теории «взаимной эксплуатации», она притупляет остроту социальных противоречий в любом антагонистическом классовом обществе.

§ 3. ПЕРЕВОРОТ В ПОЛОЖЕНИИ ПОЛОВ

Подъем производства и вызревание отношений частной собственности в эпоху классовообразования повели к изменениям в положении полов. Первоосновой этого послужил новый порядок межполового разделения труда. В противоположность ручному земледелию пашенное земледелие было сферой главным образом мужской деятельности. Скотоводство, как правило, было исключительно мужским делом: у некоторых народов, как, например, тогда Индии и зулусов Южной Африки, женщинам даже запрещалось подходить к домашним животным. Мужским занятием было в большинстве случаев металлургическое и металлообрабатывающее производство, хотя кое-где, например в Тропической Африке, к нему допускали и женщин. Но даже и там, где сохранялись прежние направления хозяйственной деятельности, их новое развитие неизменно поднимало значение мужского труда — например, в том же ручном земледелии, теперь все чаще требовавшем подсеки леса, ирригации, осушения почв и т. п. Коснулось это и таких исконно женских домашних промыслов, как гончарство и ткачество, которые стали превращаться в специализованные отрасли ремесленного производства, оказавшегося в руках не столько женщин, сколько мужчин.

Все это повлекло за собой три важных последствия. Первое: отстранение женщины от основных видов хозяйственной деятельности, ограничение ее участия в общественном производстве главным образом домашним хозяйством, да и то по большей части его второстепенными и непрестижными сферами, такими, как заготовление продуктов впрок, приготовление пищи, обслуживание мужчин и т. п. Второе, производное от него: переход практически всех основных средств производства в рас-

поряжение, а затем и в собственность мужчин, повлекший за собой экономически зависимое, неравное положение женщин. Отныне, даже работая часто не меньше мужчины, но будучи лишена собственных средств производства, женщина рассматривалась как его нахлебница, иждивенка. И третье, производное от второго: стремление мужчин передать свою собственность детям почти всюду обусловило переход от женского счета родства и наследования к мужскому и смену материнского рода отцовским (подробнее об этом будет сказано дальше). Таковы главные основания совершившегося в эпоху классовобразования у подавляющего большинства народов мира переворота в положении полов и установления патриархата.

Экономические перемены в положении женщины сопровождались изменениями в ее общественном положении и отражением всего этого в идеологической жизни общества. Рассматриваемая как иждивенка, женщина имела и соответствующий общественный статус. К тому же патриархат повсеместно сопровождался переходом к патрилокальности или вирилокальности, в результате чего по выходе замуж женщина попадала в чужую среду, не входя органически в род мужа и в значительной мере утрачивая связь с собственным родом. Тем самым она все больше исключалась из общественной жизни членов родоплеменного общества. Позднее в некоторых обществах, как, например, у древних римлян, женщина стала формально включаться в род мужа, но уже действовала традиция ее неравенства. Она устранялась от участия в народных собраниях, судебных заседаниях и культовых сборищах или лишь молча на них присутствовала. У многих народов женщина не могла выступать как истица, ответчица или свидетельница либо выступала с ограниченной правоспособностью—вместе с соответчиками и соприсяжниками-мужчинами. Появился ряд специфически патриархальных бытовых установлений, предписывавших женщинам уступать дорогу мужчинам, не посещать места мужских сходок, не показываться без особой надобности в других общественных местах. Последнее в своем крайнем выражении привело к женскому затворничеству, позднее санкционированному религиозным правом мусульман — шариатом, но по понятным причинам широко вошедшим в быт только состоятельных слоев населения.

Почти повсеместный теперь переход от материнского счета родства и наследования к отцовскому также не способствовал сохранению женщиной ее прежнего статуса. Больше того, идеологически закрепляя сложившееся положение, патриархальные племена стали смотреть на женщину как на нечистое существо, которое своим присутствием, особенно в период специфических женских отправлений — менструаций, родов, может осквернить окружающее. В связи с этим женщин во время таких отправлений изолировали, запрещали им прикасаться к мужским орудиям и особенно к оружию. В частности, у нивхов Приамурья они не должны были рожать в домах, переступать через орудия охотничьего и рыболовного промысла, а во время менструаций подходить к охотникам и укладывать груз на нарты. Многие из таких норм поведения и представлений возникли уже в эпоху первобытной общины, закрепляя тогда межполовое разделение труда и обособленность полов, но теперь они переосмыслились как нормы и представления, отражающие приниженное положение женщин.

Экономические, общественные и идеологические принципы патриархата нередко активно внедрялись в жизнь уже известными нам мужскими и тайными союзами. По-видимому, уже до того как эти союзы стали органами подавления широких слоев населения, они сделались органами устрашения женщин. Члены таких союзов, как Дук-Дук и Ингиет в Меланезии, в масках грозных духов нападали на женщин, вымогая или отбирая их имущество, совершая насилия и даже убийства. Считалось, что союзы действуют втайне как от непосвященных мужчин, так и от женщин, но эта тайна была очень относительной, потому что союз на каждом шагу обнаруживал и даже афишировал свою антиженскую деятельность.

Патриархат был абсолютно преобладающим, но все же не универсальным порядком во взаимном положении полов в эпоху классовообразования. В некоторой части обществ господство мужчин и неполноправие женщин не установились вплоть до возникновения ранних государств, да и тогда в них сохранились заметные остатки влиятельного положения женщин. В своем большинстве это были общества, практиковавшие ручное земледелие, что еще раз указывает на роль межполового разделения труда и его влияния на отношения собственности для переворота, совершившегося в положении полов. К их

числу относятся микронезийцы о. Трук, гаро и кхаси Индии, индейцы-пуэбло Северной Америки и ряд других частью предклассовых, частью раннеклассовых обществ. Для них характерны сохранение больших материнских семей, материнский счет родства и порядок наследования, независимое и равноправное положение женщины. В этой связи давно уже обратили на себя внимание заметные остатки материнско-родовых порядков, известные в ряде древних и средневековых государств. Так, в Древнем Египте материнский счет родства и наследования еще только вытеснялся отцовским, и поэтому фараоны женились на своих сестрах, чтобы их дети приходились им детьми также и по женской линии. У этрусков и в ахейской Греции также сохранялся материнский счет родства. В африканских государствах Лунда и Буганда цари женились на своих сестрах, и их жены или матери считались их соправительницами, а в соседнем государстве Йоруба даже возник обычай ритуального убийства матери царя. Известно, что в Древнем Египте, иньском Китае, древней Спарте женщина занимала достойное положение в обществе. Все эти факты свидетельствуют о том, что у ряда народов классовое общество вызревало без коренного переворота в положении полов.

Этот своеобразный и относительно хуже изученный вариант развития до недавнего времени называли «поздним матриархатом». Предполагалось, что с ним было сопряжено не только равноправное, но и подчас даже доминирующее положение женщин. Исследования последнего времени показали, что обществ с господствующим положением женщин в эпоху классовообразования, так же как и раньше, не существовало. Тем самым термин «поздний матриархат» утратил свой смысл. Вместе с тем применительно к положению полов в эпоху классовообразования можно говорить о двух формах развития. При первой из них, основной и особенно выраженной в пашенно-земледельческих и скотоводческих обществах, относительно быстро получали преобладание патриархальные тенденции. При второй из них, сравнительно нечастой и особенно выраженной в обществах ручных земледельцев, патриархальные тенденции задерживались и получали преобладание лишь ко времени окончательного сложения раннеклассового общества или даже еще позже — в процессе его последующего развития.

§ 4. БРАК И СЕМЬЯ

Подъем производства и рост производительности труда открывали путь к индивидуализации производственного процесса, делали возможным «парцеллярный труд как источник частного присвоения»¹. Ведь чем выше становилась техническая вооруженность человека в его борьбе за существование, чем больше он мог производить, тем меньше было необходимости в совместной деятельности крупного коллектива. Отсюда, во-первых, характерное для эпохи классовобразования постепенное превращение коллективного хозяйства и коллективной собственности общины и рода в частное хозяйство и частную собственность отдельных семей и, во-вторых, необходимость превращения таких семей в устойчивые, целостные экономические и социальные общности, потребовавшая новых брачно-семейных форм.

Началось вытеснение непрочного парного (первобытноэгалитарного) брака и соответствующей формы семьи прочным соединением супругов, которое обычно называют единобрачием, или моногамией. Этот термин не совсем удачен, так как аналогичный порядок возникает и при многоженстве, или полигинии; точнее предложенное в современной литературе обозначение такой брачно-семейной организации как патриархической. Вместе с тем чем больше возрастала хозяйственная роль мужчины, тем настоятельнее требовались дальнейшее развитие и упрочение возникших на стадии позднепервобытной общины форм заключения брака и решительный поворот от матриликального или уксорилокального брачного поселения к патрилокальному или вирилокальному.

В позднепервобытной общине брачный выкуп был относительно невелик, мог быть без особого труда возвращен и не обеспечивал устойчивости брака. Теперь, когда мужчина стал в принципе навсегда забирать женщину себе, он должен был в полной мере возместить ее ценность. Так возник не просто брак с выкупом, а в полном смысле слова покупной брак. В эпоху классовобразования покупной брак сделался господствующей формой заключения брака по соглашению сторон (в этнографической терминологии — по сговору). Вместе с тем из-за тяжести брачного выкупа и в связи с разви-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 419.

тием военно-грабительской деятельности участился редкий в прошлом брак похищением, или умыканием, хотя и теперь он оставался все же второстепенной, побочной формой заключения брака. Часть обществ (отдельные племена банту и туарегов, малагасийцы, арабы, многие народы восточного Кавказа и западной части Средней Азии, южноамериканские инки), стремясь сохранить брачный выкуп в пределах родственной группы, уменьшить его или даже совсем ликвидировать, стала практиковать ортокузенные браки*. Они известны в двух формах: общераспространенной — между сыновьями и дочерьми родных, двоюродных и т. д. братьев и зафиксированной у немногих народов — между детьми сестер.

Начавшийся широкий переход к патрилокальности или вирилокальности брачного поселения сопровождался различными компромиссными формами, многие из которых надолго сохранились в виде пережитков. Сюда относятся, например, обычаи временной дислокальности (обычно до уплаты брачного выкупа или до рождения первого ребенка), возвращения жены в ее родительский дом на время первых родов или поселения ее, хотя и в семье мужа, но в особом изолированном помещении, как бы обеспечивающем ей своего рода экстерриториальность. Таковы же некоторые из обычаев избегания между родственниками и свойственниками, в частности, распространенные в патриархальных обществах запреты, по которым жена не должна была появляться при старших родственниках мужа, а оба супруга — рядом друг с другом или и своим ребенком при них и т. п. Так достигалась видимость того, что молодая пара не нарушала прежних матрилокальных норм.

Новые брачные обычаи поначалу не были тяжелыми и унижительными для женщины: они лишь улаживали отношения между группами жениха и невесты. Но с течением времени они все заметнее принимали именно такой характер. Это в особенности относится к брачному выкупу, постепенно превращавшему невесту в предмет купли-продажи. Кроме того, практика покупного брака повлекла за собой оживление других патриархальных брачных обычаев, прежде всего женитьбы состоятельных стариков на молодых девушках, многоженства и левирата, к которому теперь часто стали прибегать только для того, чтобы не возвращать брачного выкупа. Такие порядки, как похищение невест, тоже не способствовали сохранению женщиной ее высокого статуса.

Переход к новой форме семьи совершался не прямо, а через своеобразные промежуточные формы. При смене матрилокальности или уксорилокальности патрилокальностью или вирилокальностью, как правило, некоторое время еще сохранялся материнский счет родства и порядок наследования. Это вело к широкому развитию и упрочению уже известного нам авункулата. В то время как женщина поселялась в группе мужа, ее дети, не принадлежа к роду отца, по достижении определенного возраста возвращались в род матери. Здесь их ближайшим родственником становился брат матери, дети которого в силу тех же причин уходили в другой род. Племянники жили у дяди, работали в его хозяйстве, приводили сюда жен, наследовали его имущество. Возникала семья, состоящая по вертикали не из родителей и детей, а из дядьев и племянников — авункулатная семья. Некоторые этнографы видят ее остатки в обычае воспитательства — обязательной отдачи детей на воспитание в чужие семьи, распространенной в предклассовых и раннеклассовых обществах в верхушечных слоях населения. Воспитательство известно у алеутов, монголов, тюрок, ряда народов Кавказа, славянских народов, кельтов, германцев. Связь его с авункулатом все же остается предположительной.

Но мужчина стремился передать свое имущество не племянникам, а собственным детям. Это могло быть достигнуто только путем ставшей теперь особенно широкой замены материнского счета родства и порядка наследования отцовским. Как и переход к патрилокальности или вирилокальности, это был длительный процесс, породивший компромиссные порядки. Таковы, например, очень частые теперь амбилинейность * или билинейность, при которых человек либо выбирал себе принадлежность к материнскому или отцовскому роду, либо считал себя принадлежащим к обоим родам и в соответствии с этим осуществлял свои права наследования. Известное распространение получила перемежающаяся филиация *, при которой одни дети вели происхождение и наследовали по материнской линии, другие — по отцовской. У ряда племен (меланезийцы, гереро Южной Африки, туареги Сахары и др.) получил распространение обычай, по которому собственность, унаследованная от сородичей, продолжала передаваться по материнской линии, добытая же собственным трудом переходила от отца к детям. У других народов

возник обычай наследования от брата к брату, так как родство между ними было одновременно и материнским, и отцовским. Тем не менее раздел наследства часто сопровождался спорами и столкновениями между детьми и племянниками или братьями умершего, и обычно отец еще при жизни старался разными способами закрепить побольше имущества за своими детьми. Старые обычаи упорно сопротивлялись новым, но были не в силах остановить параллельные процессы укрепления отдельных семей как целостных экономических ячеек общества и превращения материнского счета родства и порядка наследования в отцовский.

Естественно, что человеку того времени, в поведении и сознании которого еще огромное значение имела сила традиции, это превращение давалось очень непросто. Чтобы оправдать новшества перед окружающими и в собственных глазах, а тем самым и облегчить торжество новых начал, он старался, как называл это Маркс, ломать традицию в рамках традиции. Отсюда присущий эпохе классового образования расцвет таких ставших известными уже раньше обычаев, как травестизм * и кувада *. Травестизм — отмеченная у ряда индейских и сибирских племен практика «перемены пола»: мужчина (реже женщина) отрекался от своего пола, надевал женское платье и выполнял женские обязанности вплоть до супружеских, но тем самым присваивал себе и женские права. Еще выразительнее кувада — демонстрация отцом его тесной связи с ребенком, отмеченная во множестве обществ Старого и Нового Света и в пережитках еще недавно существовавшая у басков, французов и англичан. В своих проявлениях кувада варьирует от прямой симуляции мужчиной акта деторождения до различных косвенных знаков причастности к этому акту, например, жалоб на слабость или соблюдение диеты. Со времен Бахофена большинство ученых объясняет куваду как борьбу мужчины за признание его отцовских прав и установление отцовского счета родства.

Первой формой отдельной семьи как целостной экономической ячейки общества была большая семья, называемая также сложной семьей, семейной, больше-семейной или домашней (домовой) общиной. Еще одно ее название — патриархальная семья — применимо не ко всем формам большой семьи, потому что, как мы уже видели, могли существовать и авункулатные большие семьи. Однако авункулатные семьи существовали срав-

нительно недолго, и с развитием патриархата большая семья действительно стала патриархальной.

В такой семье различают два основных типа. Это вертикальная (или однолинейная) большая семья, состоящая из нескольких, обычно трех-четырёх, поколений женатых и неженатых родственников по прямой линии, и горизонтальная (или многолинейная) большая семья, образованная несколькими женатыми и неженатыми родственниками по боковой линии. В реальной жизни многие большие семьи вертикально-горизонтальны, так как состоят из женатых родственников как по прямой, так и по боковой линии, т. е., например, родителей и нескольких их сыновей с внуками и правнуками. Большая семья могла быть основана как на единоженстве, так и на многоженстве; в некоторых классификациях полигинические большие семьи отнесены к особой категории составных. Там, где существовало домашнее рабство, большая семья включала и рабов. Известны случаи, когда такая семья достигала 200 и даже 300 человек, образуя население целого поселка.

Все члены семьи жили вместе, сообща владея землей, скотом и другими средствами производства, совместно вели хозяйство и потребляли произведенное, питаясь и одеваясь из общих запасов. Семью возглавлял «старший», ее женскую часть — «старшая», обычно его жена. Чаще всего они действительно были старшими по возрасту, но в случае их дряхлости или непригодности к руководству семья могла выбрать и кого-нибудь другого. «Старший» и «старшая» распределяли хозяйственные работы между членами семьи и ведали их ходом, распоряжались расходом средств и запасов, наблюдали за порядком и нравственностью, возглавляли отправление семейного культа. Главе семьи помогал старший сын, его жене — старшая невестка. Однако важнейшие дела семьи, как, например, отчуждение или приобретение имущества, женитьба или выдача замуж, решались на общем совете, состоящем из всех взрослых мужчин и женщин. Таким образом, это была ячейка, хотя и обособившаяся внутри родовой или другой общины и качественно отличавшаяся от нее своим близкородственным составом, но внутри себя еще сохранявшая начала первобытного коллективизма и демократии. Это диктовалось экономическими условиями эпохи классового образования: начавшейся, но еще ограниченной в своих возможностях парцелляцией труда.

Подобного рода большие патриархальные семьи хорошо известны как по этнографическим, так и по историческим данным. Так, в Полинезии до недавнего времени существовали большие семьи из нескольких десятков человек, живших в одном или нескольких расположенных рядом домах. Они владели своими земельными участками, лодками и т. п., вели общее хозяйство и сообща потребляли продукцию своего труда. Руководил семьей старший мужчина, который, однако, должен был считаться с мнением семейного совета. Известны большие семьи составного типа и у некоторых скотоводов, например у африканских банту.

С течением времени коллективистические отношения в большой семье начинали подтачиваться частнособственническими тенденциями. Ее глава стремился стать единоличным распорядителем, практически собственником семейного имущества, усилить свою власть, стать неограниченным домовладыкой. Это вызывало сопротивление других взрослых мужчин и их жен, старавшихся обособиться в самостоятельные семьи. В связи с этим учащались выделы и разделы — большие семьи делились на другие, пока еще также большие, но уже меньшие по размерам семьи. Однако и они оказывались непрочными, раздирались внутренними противоречиями, делились снова и снова. Большая семья постепенно уступала место исторически новой семейной форме — малой (простой, нуклеарной, элементарной и т. п.) семье, в наибольшей степени воплощающей в себе начала частной собственности. Происходило это, как правило, уже на пороге классового общества, да и то далеко не всюду, а преимущественно там, где развитие товарного хозяйства создавало особенно благоприятные условия для утверждения частнособственнических отношений. Таким образом, эволюция семьи в эпоху классовообразования в основном совпадала с развитием форм семейной собственности. На первом этапе образовывались архаичные большие семьи с их частной по отношению к внешнему миру, но коллективной по отношению к самой семье групповой собственностью. На втором этапе они трансформировались в поздние большие семьи с их тенденцией к возникновению сперва обособленной, а затем частной собственности отдельных внутрисемейных ячеек. На третьем этапе эти ячейки давали начало малым семьям, ставшим носителями сложившейся частной собственности.

В быту семьи установились патриархальные порядки выраженного неравенства мужчин и женщин, старших и младших. Девушка должна была беспрекословно повиноваться своим старшим родственникам, замужняя женщина — купившей ее семье: «старшему», «старшей», своему мужу и т. п. Развод стал практически односторонней привилегией мужчин, так как, если женщина хотела вернуться в родительский дом, ее родственники должны были вернуть брачный выкуп; к тому же и новое замужество оказывалось для такой женщины не всегда возможным. Обычай левирата обеспечивал порядок, по которому даже после смерти мужа вдова продолжала принадлежать его семье. Уменьшение имущественных и наследственных прав женщины привело к тому, что у многих народов ее собственность свелась к одному приданому. Ограничились и ее права на детей, в случае развода остававшихся с отцом или возвращавшихся к нему, когда они подрастали. Патриархальный порядок наследования, требуя бесспорности факта отцовства, вызвал к жизни новые правила брачной морали. Супружеская неверность жены наказывалась отсылкой домой, членовредительством, продажей в рабство, даже смертью; напротив, муж продолжал пользоваться остатками прежней половой свободы. Состоятельные люди брали рабынь-наложниц и более или менее широко практиковали обычное многоженство. Особенности брачных норм нравственности оказали свое влияние на добрачные нормы: от девушек, в отличие от мужчин, стали требовать строгого целомудрия, и нарушивших его до брака после первой брачной ночи с позором отсылали домой, где их не ждало ничего хорошего. Все это не могло не сказаться на бытовом положении женщин и специфике предписанного им патриархального этикета. В частности, женщинам полагалось есть после мужчин, оказывать демонстративные знаки внимания мужу и его старшим родственникам и т. п.

Во многом сходным с этим оказалось положение младших мужчин, которые постепенно все больше попадали в зависимость от старших, и прежде всего от главы семьи. Они не были свободны в своем брачном выборе и не имели возможности по собственному желанию выделиться в самостоятельное домохозяйство. Обычай многих племен предписывали сыновьям беспрекословное повиновение отцу под страхом лишения наследства,

изгнания из дома и даже продажи в рабство или смерти. Их подчиненное положение также закреплялось патриархальным этикетом, запрещавшим младшим, например, лежать или сидеть, громко разговаривать или смеяться в присутствии старших, показываться им небрежно одетыми или заговаривать с ними первыми.

§ 5. ОБЩИННАЯ И РОДОПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Противоречивая природа эпохи классового образования разительно сказалась на ее общинных и родоплеменных структурах. Внешне они во многом напоминали сходные с ними структуры прошлого, на деле же были формами их классового превращения в ходе становления частной собственности общественных классов, политической власти и других, связанных с ними явлений.

Эпохе классового образования были свойственны два вида общин: минимальные — семейные, или домашние, и максимальные — первобытные соседские. О первых из них уже говорилось как о больших семьях: они же в основном стали причиной превращения родовых общин в первобытные соседские общины.

В условиях развивавшейся парцелляции труда экономически крепкие семейные общины стремились обособиться от других, менее состоятельных общинников и сородичей. Ведь общинно-родовые нормы требовали совместного пользования родовой собственностью, безусловной взаимопомощи, а в экстремальных ситуациях даже равнообеспечивающего распределения общественного продукта. Поэтому власть родовой общины, производственные отношения в которой все больше переставали соответствовать новым производительным силам, должна была быть сломлена. И в этой связи не случайны такие статьи древнейших «варварских» Правд, как статья «О желающем отказаться от родства». Но, с другой стороны, даже самые крепкие семейные общины редко имели возможность обособиться полностью — для таких работ, как подсека леса, ирригация, устройство степных колодцев, отгонный выпас скота и т. п., оставалась необходимой кооперация трудовых усилий. Компромисс достигался начавшейся заменой родовых связей соседскими. Эти связи, как и прежние, обеспечивали трудовой процесс, но, в противоположность прежним, не препятствовали накоплению частных богатств. Если с сородичем нужно было делить-

ся безвозмездно, то соседу давали в долг и часто не без выгоды для себя.

Маркс считал, что соседская (сельская, земледельческая) община была первым социальным объединением людей, не связанных узами родства. Он характеризовал ее как последнюю фазу первичной, т. е. первобытно-общинной, общественно-экономической формации и первую фазу вторичной формации и подчеркивал свойственную ей двойственность, дуализм. В то время как собственность на ряд средств производства — сельскохозяйственный двор с его орудиями у земледельцев, скот у скотоводов — уже сделалась частной, собственность на главное условие производства — землю, еще оставалась коллективной¹. О том, что такая община в ее ранней, первобытной форме возникла уже в эпоху классовообразования, свидетельствует не только обширный этнографический, но и археологический материал. Так, на неолитическом Кипре в пределах отдельных селений обнаружены границы как общесельских угодий, так и особых семейных участков, то же еще более четко — в поселениях бронзового века в Дании.

Первобытная соседская община была формой превращения родовой общины в соседскую. Соответственно в ней переплетались распадавшиеся родовые и завязывавшиеся соседские связи. С одной стороны, сородичи, даже и утрачивая постепенно территориальное и экономическое единство, еще долго сохраняли различные черты общественной и идеологической общности. Эти черты сказывались как в отношениях между родственными семьями одной соседской общины, так и в отношениях между осколками родов, разбросанных в разных соседских общинах. С другой стороны, более прогрессивные для этой стадии развития соседские связи, где могли, вытесняли родственные, но лишь преодолевая силу традиции. В этих условиях переплетались родовая и соседская собственность на землю, родовая и соседская взаимопомощь и взаимозащита, влияние родовых и влияние общинных лидеров или мужских домов, родовые культы и культы общины. Как всегда, новые отношения рождались в противоречиях. Например, нередко к родственникам начинали относиться как к соседям или соседей во всех отношениях приравнивали к родственникам. Последнее породило распространенные обычаи

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 411.

общинной, или сельской (так называемой локальной), экзогамии, известной, в частности, кое-где на Кавказе, в Северной Албании, в Юго-Восточной Азии и т. п. Отношения с соседями укрепляли также различными видами искусственного породнения — усыновлением, побратимством, покумлением, для чего с этого времени стали широко использовать самые различные случаи, в том числе обряды жизненного цикла.

Таковы характерные черты первобытной соседской общины, отличающие ее от собственно соседской общины классовых обществ. Имеются у нее и другие черты отличия. Особенно важна одна из них — экономическая. В то время как в собственно соседской общине сельскохозяйственный двор уже находился в частной собственности, в первобытной соседской общине такая собственность, как мы видели выше, еще только вызревала.

Родовым структурам в эпоху классовообразования, как и на стадии позднепервобытной общины, была присуща сегментарная организация с ее закреплением за разными структурными уровнями существенно различающихся функций. Основных таких уровней обычно было три: ближайшие родственники, составляющие родственное, или генеалогическое, ядро большой семьи; другие относительно близкие родственники, ведущие происхождение от общего реального и памятного предка, т. е. члены линиджа; члены рода. Генеалогическое ядро большой семьи цементировало эту ячейку, представляя собой настоящих собственников и сонаследников ее основного имущества, ее коренных членов, в случае нужды солидарно противостоящих пришлым членам, а нередко и носителей особых большесемейных культов. Линиджи этого времени в советской литературе часто называют патронимиями или матронимиями, что соответствует патрилинидгам или матрилинидгам, либо семейно-родственными группами. Члены такой группы часто продолжали жить по соседству, образуя отдельный поселок или отдельный квартал селения, и могли сохранять совместное владение землей, например, некоторой частью обрабатываемой земли, покосом или другими угодьями. Они были объединены трудовой и материальной взаимопомощью, считавшейся для них обязательной, взаимозащитой и взаимоответственностью, общим культом и общим наименованием, как правило, восходящим к имени предка-родоначальника,

т. е. своего эпонима. В большинстве случаев такая группа имела общепризнанного главу из числа старших мужчин, совет старейших, образованный главами семей и обычно выполнявший также судебные функции, нередко практиковала общие собрания всех своих взрослых членов. В обществах, сохранявших экзогамию, зачастую именно патронимия или матронимия брали на себя утрачиваемые родом функции экзогамной общности. Там, где экзогамия уже стала разрушаться, патронимия, напротив, делалась носителем эндогамии, которая достигалась известной нам практикой ортокүзенных браков, позволявших сохранить имущество внутри этой родственной группы. Вместе со своими супругами, но без ушедших по браку в другие группы членов члены патронимии или матронимии составляли своего рода общину — более широкую и несравненно менее консолидированную, чем большая семья. По мере разрастания и сегментации патронимий и матронимий эти группы образовывали новые, еще более широкие общности — патронимии и матронимии второго, третьего и т. д. порядка. Такие группы осознавали свое родство, но не имели территориального единства и какой-либо экономической общности и поэтому никогда не были общинами.

Вся совокупность патронимий или матронимий составляла отцовский или материнский род. Поздний отцовский род эпохи классообразования в силу господства в нем патриархальных порядков чаще называют патриархальным. Такому роду могла принадлежать, хотя и не всегда принадлежала, верховная собственность на землю, поделенные между соседскими общинами или патронимиями. Если участки обрабатываемой земли уже были частной собственностью, то внутри рода существовало право их преимущественной покупки — преэмпции *, а также преимущественного наследования любого выморочного имущества сородичей. Род мог сохранять свои экзогамные брачно-регулирующие функции. Считалось, что в принципе все сородичи остаются связанными узами взаимопомощи, взаимозащиты и взаимоответственности и, действительно, такие узы в какой-то мере имели место, хотя и были несравненно менее тесными, нежели в патронимии или матронимии. Члены рода были объединены общим именем и соответственно общим культом родоначальника-эпонима, общими религиозными церемониями, празднествами и т. п. В целом

связи внутри позднего отцовского или материнского рода имели скорее общественный и особенно идеологический, нежели реальный экономический характер. Да и они быстро терялись из-за утраты родами своего территориального единства и вытеснения родственных связей соседскими. В процессе классового образования чем дальше, тем больше экономические функции рода переходили к большим семьям и первобытным соседским общинам, а общественные и идеологические — к патрионимиям или матронимиям.

Эта своего рода факультативность рода на данной стадии развития в ряде случаев повела к тому, что он вообще сравнительно рано прекратил свое существование. Так обстояло дело у чукчей, коряков и ительменов на северо-востоке Сибири, у меланезийцев южной части Новых Гебрид, у полинезийцев и даяков в Индонезии. Все функции рода выполняли у них большие семьи, их родственные объединения и первобытные соседские общины. Причиной этого, видимо, послужили миграции, поведшие к особенно сильной децентрализации родов, тем более если они происходили при смене материнско-родовой организации отцовско-родовой, т. е. тогда, когда эта организация была вообще неустойчива.

Та же децентрализация родов и смешение между собой внутриродовых групп способствовали укреплению в эпоху классового образования племенной организации, которая стала получать резкое преобладание над организацией родовой. Там, где значительную роль начала играть военная активность, племенная организация к тому же превращалась в своего рода военно-племенную организацию. Поэтому именно в эпоху классового образования племя как социально-потестарная общность получило наибольшее развитие, из-за чего в литературе даже можно встретить утверждения, что племя только тогда и возникло.

Еще важнее то, что племя почти повсеместно перестало быть высшим звеном родоплеменной организации: нужды организации крупных работ (ирригация, создание многотонных мегалитических * культовых комплексов и т. п.), межплеменного обмена, войны и обороны повели к созданию родственными и неродственными между собой племенами различного рода объединениями. Обычно вслед за Морганом, изучавшим такие объединения у североамериканских индейцев, их называют союзами или конфедерациями, имея в виду относительную

автономию и равенство вошедших в них племен. Однако, как позднее было установлено, Морган переоценил степень этого равенства даже в сравнительно ранних объединениях племен. Например, уже в Лигу ирокезов в XVIII в. на правах младших, неполноправных членов входили племена делаваров и тутело. Тем более иерархичными были такие стадияльно более поздние объединения племен, как «королевство» Мбау на Фиджи, бантуские и туарегские вождества в Африке, скифские и массагетские — в евразийских степях и многие другие. Например, объединения туарегов Сахары включали каждое одно господствующее «благородное» и несколько зависимых от него племен. Члены первого, ахаггары, были преимущественно воинами, члены последних, амгиды, — преимущественно пастухами, обязанными им натуральными повинностями и податями. Это показывает, что высшие звенья племенной организации эпохи классовообразования были не союзами или конфедерациями, а объединениями неравных по своему статусу племен.

§ 6. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Подъем производительных сил, рост населения, бурные процессы классовообразования — все это способствовало новому быстрому росту начатков полезных знаний, развитию искусства, возникновению новых форм религии. В эволюции духовной культуры произошли качественные сдвиги, нашедшие, в частности, свое выражение в начавшемся разделении умственного и физического труда и в утверждении принципиально новой формы накопления и передачи информации — письменности.

Рост полезных знаний. Развитие земледелия, в особенности ирригационного, потребовало точного определения начала полевых работ, сроков полива и т. п., а тем самым и упорядочения астрономических и календарных знаний. Если меланезийцы не пошли дальше различения звезд и планет, то полинезийцам уже были известны многие отдельные звезды и созвездия. Возможно, что на рубеже классовых обществ началось применение простейших астрономических приборов: по крайней мере древние майя уже пользовались для фиксации точки наблюдения двумя перекрещенными палками. Первые календари обычно были лунными (воспоминание об этом сохранилось в часто одинаковых или сходных

названиях Луны и календарного месяца — ср. греч. *Μενη* и *μην*, русск. *Месяц* и *месяц*, англ. *Moon* и *Month*), т. е. основанными на изменении фаз «непостоянной» Луны, с усложнением же хозяйственной деятельности начался переход к более точным солнечным календарям. Но лунный месяц состоял приблизительно из 29, 5 суток, лунный год был на 11 суток короче солнечного, и необходимость согласования лунного и солнечного года стимулировала развитие математических знаний.

В том же направлении действовали и другие процессы эпохи: так, развитие скотоводства требовало подсчета крупных поголовий скота, знания количества обмена — подсчета мерил стоимости и т. д. В ряде обществ на этой стадии развития (айны, алеуты, полинезийцы и др.) счет уже велся до 10 000 и выше. Необходимость обращения с такими числами и развитие абстрактных представлений привели к появлению числовых разрядов и систем счисления, в основание которых были положены разные, но почти всегда связанные со счетом на пальцах принципы. Например, в распространившейся в Тропической Африке пятеричной системе счисления за единицу второго разряда принято число пальцев руки, в современной десятичной — число пальцев обеих рук, в отмеченной у чукчей или фиксируемой в виде языковых пережитков у французов (по-французски «восемьдесят» звучит как «четырежды двадцать») — число всех пальцев на руках и ногах. С важнейшими процессами эпохи классообразования, по-видимому, связана и начавшаяся дифференциация математических знаний, в частности, развитие начатков геометрии. Без появления геометрических знаний невозможно было строительство ирригационных сооружений, свайных построек на озерах, защитных укреплений и т. п. Тем более невозможно было без них зарождение частного землевладения с его «землемерием», давшим название самой геометрической науке.

С практическими нуждами эпохи было связано развитие и других отраслей полезных знаний. Строительство укреплений и мегалитических культовых комплексов, постройка таких усовершенствованных сухопутных и водных транспортных средств, как повозка и парусный корабль, способствовали развитию не только математики, но и механики. С возникновением выплавки рудных металлов зародились металлосведение и в какой-то степени химия. Дальние торговые экспедиции и военные

походы, сухопутные и морские, послужили накоплению тех же астрономических наблюдений, а также развитию начатков географии и картографии. Среди датируемых бронзовым веком петроглифов долины Валькамоника на севере Италии обнаружена карта одного из проходивших здесь древних торговых путей из Средиземноморья в Центральную Европу. Полинезийцы во время своих длительных, на расстояния свыше тысячи километров, морских походов, пользовались картами из палочек, стеблей, камешков или раковин, изображавших направления течений и ветров, морские пути и острова.

Те же практические нужды послужили расширению биологических знаний о культурных растениях, домашних животных и особенно о самих людях. Рост народонаселения, его скученность в оседлых поселениях и развитие скотоводства увеличили опасность заразных заболеваний, эпидемий и эпизоотий. Борясь с ними, первобытная медицина местами, как, например, в Восточной Африке или на Северном Кавказе, эмпирически пришла к примитивным предохранительным прививкам ослабленной формы болезни. Войны сыграли свою роль в усовершенствовании хирургии, а развитие металлургии обогатило ее более совершенными, чем каменные, орудиями. Возможно даже, что именно к этому воинственному времени восходят некоторые элементы современной медицинской терминологии: «прострел», «колющая», «режущая», «стреляющая» боль и т. п.

Начатки обществоведческих, прежде всего исторических, знаний по-прежнему были тесно связаны с религиозными и мифологическими представлениями о чудесной природе всего сущего. Вот как, например, объясняет в передаче Геродота так называемая первая этногоническая легенда скифов их происхождение, занятия, этнический состав и организацию власти. В скифской земле от Зевса и дочери реки Борисфена родился первый человек по имени Таргитай. «...У него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай. При них упали-де на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший из братьев, первым увидев эти предметы, подошел ближе, желая их взять, но при его приближении золото воспламенилось. По его удалении подошел второй, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом, золото, воспламеняясь, не допускало их к себе, но с приближением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он отнес

к себе золото. Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство. И вот от Липоксая-де произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпоксая — те, которые называются катиарами и трапиями, а от младшего царя — те, что называются паралатами; общее же название всех их сколоты, по имени одного царя; скифами называли их эллины» (Герод., IV, 5 — 6). Здесь присутствует и историко-этнографическая концепция (представление о местном происхождении и характеристика этнического состава скифов), и социально-постеларная доктрина (представление о божественном происхождении власти и о главенстве так называемых царских скифов — паралатов), но все это еще не выдвинулось из общего религиозно-мифологического миропонимания.

Важным разделом исторических знаний стала такая их своеобразная отрасль, как генеалогистика — собрание родословий. Генеалогистика и раньше помогала освещению прошлого, представляя собой как бы живую канву, на которую нанизывались исторические события. Но теперь ее значение возросло, так как она давала родоплеменной знати доказательства ее древности и благородства.

Развитая генеалогистика засвидетельствована в ряде обществ эпохи классового образования. В Полинезии родословия обычно насчитывали 20 поколений, начиная со времени заселения островов, но здесь имелись и свои рекорды: 92 поколения от предка Ту-те-ранги-марама на о. Раратонга, 159 поколений от мифического предка Неба на Маркизских островах.

Кое-где, как, например, в Полинезии, в это время уже возникло формальное обучение в школах, а стало быть, получила развитие педагогика. В ней отчетливо отражалось социальное расслоение: детям из простых семей в школах низшей категории преподавали только хозяйственные знания и навыки; детям знати в школах высшей категории — наряду с этим религию, мифологию, историю. Программа обучения в этих последних школах предусматривала также умение совершать «чудеса», недоступные непосвященным.

С зарождением государства и права стали возникать правовые знания. Они также еще переплетались с психологическими установками общинно-родового быта, религиозными представлениями и т. д. Суд руководство-

вался «доброй славой» сторон, довольствовался ритуальной присягой, придавал большое значение наличию соприсяжников, широко практиковал судебные поединки сторон и ордалии * — испытания освященной пищей, ядом, погружением в воду со связанными руками и т. п. Некоторые ордалии имели рациональное зерно (страх виновного перед карой свыше, заставлявший его себя обнаружить или делавший его менее ловким), другие не имели такого зерна совсем. Но наряду со всем этим получали распространение (например, у племен Западной Африки) и вполне рациональные методы следствия и судопроизводства: осмотр места преступления, ознакомление с вещественными доказательствами и свидетельскими показаниями.

Искусство. В эпоху классового образования появились новые виды искусства, а искусство в целом стало дифференцироваться на элитарное и простонародное.

Возникла монументальная архитектура. Прототипом ее были известные уже в неолите мегалитические сооружения: монолиты-менгиры, их параллельные ряды — алиньеманы, составленные из них круги — кромлехи, вертикальные плиты, перекрытые горизонтально уложенными плитами — дольмены. Но это скорее была протоархитектура. Теперь наряду с ними появились циклопические или сырцовые укрепления, храмы, усыпальницы, которые, как это прослеживается в древних Месопотамии и Египте, прямо связаны с выделением крупных вождей. С вождями или выдающимися воинами по большей части связано и появление монументальной скульптуры — надгробных статуй.

Выделение ремесла сопровождалось замечательным расцветом прикладного искусства, лучшие образцы которого создавались опять-таки для нужд вождей. Это были изукрашенная одежда, ювелирные изделия, дорогое оружие, домашняя утварь и т. п. Получили распространение художественное литье, торевтика *, тиснение, золочение металлических изделий, применение эмали, инкрустация драгоценными камнями, перламутром, костью, рогом, черепаховым щитом и т. д. Начальный этап художественной обработки металла отражен в искусно выкованных и гравированных тотемными знаками медных пластинах северо-западных индейцев, расцвет — в знаменитых скифских и сарматских изделиях, украшенных реалистическими или условными изображениями людей, животных, растений.

Устное творчество характеризуется рождением таких новых жанров, как героический эпос и панегирик, волшебная сказка. Героический эпос уходит корнями еще в первобытную мифологию с ее деяниями культурных героев, но в основном отражает обстановку нескончаемых войн, культ воинской доблести и славы. Таково основное содержание всех наиболее знаменитых из дошедших до нас героико-эпических произведений — древневавилонских сказаний о Гильгамеше и Рамаяне, эпического раздела Пятикнижия и бедуинских преданий об Антаре, Илиады и Одиссеи, Эдды и ирландских саг, богатырских поэм тюрко-монгольских кочевников и нартских сказаний кавказских горцев. «Малым жанром» прославления был панегирик, восхвалявший богов, вождей, великих воинов, почетных гостей и т. п., а также, в соответствии с практикой эпохи классового образования, часто адресованных вождями к самим себе во время их публичных выступлений. На долю простого народа оставались попытка самоутверждения и мечта о восстановлении социальной справедливости в волшебной сказке. Ее сюжетная основа — повествование о простом, обычно обездоленном и гонимом человеке, которому, однако, с помощью волшебных сил удастся преодолеть все трудности и получить заслуженную награду. У меланезийцев, североамериканских индейцев и сибирских палеоазиатов, этот человек предстает в образе «бедного сиротки», страдающего от несправедливости социальной верхушки, но затем неизменно торжествующего. Таким образом, если в героическом эпосе преобладает аристократическая оценка процессов эпохи классового образования, то в волшебной сказке ей противостоит народная оценка этих процессов.

Религия. Процессы превращения первобытного общества в классовое получали отражение в адекватных им формах религиозных представлений и культов. С более заметным, чем прежде, выделением и самоутверждением личности развилась вера в личных покровителей, чаще всего известная как нагуализм*. С переходом к патриархату возникли представления о семейных, патронимических и родовых мужских предках-покровителях, ставших объектом почитания. В некоторых обществах, сохранивших материнско-родовую организацию, в частности у микронезийцев и кхаси, развился аналогичный культ женских предков. С распространением земледелия и скотоводства утвердились присущие уже

первобытной соседской общине культа плодородия. Для них характерны эротические обряды и человеческие жертвоприношения, символизирующие передачу земле половой потенции человека, а также связанные с земледельческим циклом образы умирающих и воскресающих духов. Отсюда ведут начало многие боги древнего мира — египетский Осирис и вавилонский Думузи, финикийский Адонис и фракийско-греческий Дионис; отсюда же — центральный в христианстве образ Христа. С усилением племенной организации и образованием объединений племён получил распространение культ племенных покровителей, в которых соединились черты культурных героев, олицетворенных явлений природы, духов инициаций, духов-воителей и т. д.

Особенно специфичны для эпохи классообразования культ духов мужских или тайных союзов и культ племенных вождей. Первые мыслились в виде предков, помогающих членам союза и страшных для всех остальных. Вторые, если это были харизматические, сакральные вожди, становились объектом поклонения уже при жизни. В них видели носителей благополучия племени, способных повелевать явлениями природы, обеспечивать урожай, приплод скота, военный успех. Они же обеспечивали социальную гармонию, табуируя собственность и освящая кастовое или другое неравенство. После смерти они становились духами, продолжающими помогать племени, но прежде всего своим потомкам и наследникам. Культ сакральных вождей непосредственно переходил в культ таких священных правителей, как древнеегипетские фараоны, но пока еще бывало, что вождя, не оправдавшего ожиданий или с наступлением старости утратившего свою благодать, смещали или убивали.

Как и сама эпоха классообразования, свойственные ей религиозные представления и культы были эклектичны. Они смешивались между собой, образуя почитание одновременно семейно-родовых и племенных покровителей, аграрных и космических духов, устрашающих духов тайных союзов и окруженных священным ореолом вождей. Но постепенно возникала иерархия объектов культа — от обычных духов до нескольких особенно могущественных божеств и поклонение этим божествам — политеизм *. Божества — космические, природных явлений, плодородия, войны и другие — также образовывали определенную иерархию, во главе которой с разви-

тием военной активности часто становилось божество войны.

С развитием и усложнением культа выделялась особая категория его служителей — жрецов. Если некогда культовые способности в принципе признавались за всеми или по крайней мере за многими членами коллектива и соответствующие функции обычно выполнялись лидерами лишь как его представителями, то теперь эти способности приписывались лишь определенным лицам, считавшимся обладателями сильных предков-покровителей, чудесных качеств, тайных знаний и т. п. В связи с этим даже получила развитие особая форма религии — шаманизм *, состоящая в выделении определенных лиц — шаманов, которым приписывается способность путем приведения себя в состояние экстаза вступать в непосредственное общение с духами. Служители культа могли монополизировать не только религиозные функции, но и некоторые полезные знания, виды художественной деятельности, обучение молодежи, толкование обычаев, судопроизводство. В одних случаях их иерархию возглавлял вождь, становившийся главным жрецом, в других случаях они обособливались и соперничали со светской властью. Однако в соответствии с общими тенденциями эпохи они всегда использовали свое положение для обогащения, смыкались с другими слоями социальной верхушки и обращали религию в орудие утешения и устрашения простого народа, бедноты, рабов. Религиозная практика того времени настолько способствовала процессу политогенеза, что в западной литературе даже получила широкое хождение теория сакрального происхождения государства. В действительности, как мы видели, сакрализация власти была частым, но не единственно возможным оформлением этого процесса.

В эпоху классового образования религия впервые стала не только превратным миропониманием, но и средством идеологического воздействия на эксплуатируемые массы.

Выделение умственного труда. Развитию духовной культуры в рассматриваемую эпоху способствовало выделение из недифференцированной трудовой деятельности умственного труда. Начало этому было положено выделением организаторско-управленческой, жреческой и полководческой деятельности, занятие которой в процессе усложнения хозяйственной и общественной жизни

стало сперва частично, а затем и полностью освободить от непосредственного участия в производстве. Процесс разделения физического и умственного труда шел все дальше, захватывая новые профессионализирующиеся области духовной жизни. Профессиональными интеллигентами становились выдающиеся певцы, сказители, танцоры, постановщики театрализованных мифологических представлений, прославленные мастера в различных областях изобразительного и прикладного искусства, знатоки обычаев и родословий, знахари.

Обычно такие люди обслуживали значительные по размерам общности людей и получали за свой труд вознаграждение продуктами, вещами и примитивными деньгами. Основной их клиентурой становилась родоплеменная знать, и многие из них оседали при дворах вождей. Например, при дворах верховных вождей зулусов известны имбонги — одновременно шуты, певцы и ораторы, обязанные прославлять своих хозяев и хулить их врагов, у кельтов Галлии при знатных военачальниках состояли певцы и музыканты, которые своим искусством вдохновляли идущих в бой воинов, и т. п. Социальная верхушка для укрепления своего престижа и власти нуждалась в талантливых художниках, генеалогистах и других профессионалах; поэтому она не только вознаграждала их труд, но и оказывала им покровительство и вообще всячески стимулировала их деятельность. Со своей стороны, такие профессионалы были заинтересованы в сотрудничестве с представителями социальной верхушки, так как те обеспечивали их материально, предоставляли им наиболее широкое поприще для демонстрации их талантов, создавали им имя. В результате многие из них становились прихлебателями при вождях, военачальниках, жрецах, главах тайных союзов. Были и такие, преимущественно странствующие, профессионалы, которые связывали свою деятельность с удовлетворением потребностей простого народа и своим мастерством помогали ему в его сопротивлении развивавшейся эксплуатации и нараставшему произволу. Но, каковы бы ни были ценностные ориентации этой древнейшей интеллигенции, сам факт выделения профессионального умственного труда, как и другие виды специализации, в огромной степени способствовал развитию и обогащению духовной культуры.

От «дописьменности» к письменности. Важнейшим достижением духовной культуры первобытного челове-

чества было изобретение средства графического закрепления речевой информации — письменности. Как правило, возникновение настоящей, упорядоченной письменности происходило путем постепенного превращения пиктографической «дописьменности», передававшей лишь общий смысл сообщения, в идеографию *, или логографию *, в которой строго фиксированные знаки обозначали отдельные слова или, как в наших ребусах, их знаменательные слоги. Позднее из идеографии возникли более развитые слоговые и буквенно-звуковые (алфавитные) системы письменности, почти полностью лишившиеся первоначального картинного характера. Такой путь проделала древнейшая, так называемая иероглифическая *, письменность шумеров, египтян, критян, японцев и многих других народов. Идеография сохранилась только у китайцев.

Возникновение упорядоченной письменности со времени Моргана рассматривается как критерий перехода от первобытности к цивилизации. И действительно, это культурное достижение тесно связано с потребностями формирующихся классовых обществ и складывающихся государств в точной фиксации управленческой, хозяйственной, статистической информации, организации официальной и деловой переписки, записи правовых норм и религиозных ритуалов, деяний правителей и других исторических событий. В то же время только в условиях если не классового, то предклассового общества мог возникнуть причастный к письменности круг людей. В отличие от общедоступной примитивной пиктографии крайне сложная идеография (так, шумерское письмо предполагало знание приблизительно 1000 знаков) требовала длительного специального обучения и была недоступна широким слоям населения. Более того, хранители (и, вероятно, как правило, создатели) идеографии — жрецы на первых порах держали ее в строгой тайне и окружали ореолом сверхъестественности. Во многих раннеклассовых обществах письменность была привилегией жрецов, из числа которых выходили специалисты-писцы, а также знати. Однако и в руках избранных она стала отныне мощным средством накопления и передачи знаний, новым чрезвычайно эффективным орудием развития культуры.

Первые идеографические системы возникли в IV тысячелетии до н. э. в Шумере и Египте. Они обнаруживают некоторое сходство между собой и с другими

идеографическими системами Старого Света, в особенности с протоиндийской и с крито-минойской. Это дает исследователям-диффузионистам известные основания считать, что первоначально идеография возникла в одном месте, скорее всего в Шумере, и отсюда распространилась в другие очаги цивилизации. Однако сторонники теории конвергентного возникновения письменности с еще большими основаниями объясняют это сходство идентичностью изображенных на идеограммах реальных объектов внешнего мира, например, людей, частей человеческого тела, животных. Скажем, понятие быка, воспроизводившееся схематическим изображением его головы, очень похоже передавалось не только в идеографии Старого Света, но и в развитой пиктографии Америки. По-видимому, по крайней мере в нескольких культурных очагах древности — Шумере, Египте, Китае, Мезоамерике — упорядоченная письменность самостоятельно возникла вместе со складыванием здесь классов и государства, в других же центрах она заимствовалась вступавшими на этот порог народами у соседей. Косвенно это доказывается тем, что известно немало народов (в Тропической Африке, на Северном Кавказе), входивших в классовое общество бесписьменными и уже в условиях ранней государственности усваивавших созданные другими народами системы письменности.

§ 7. ЭТНИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ

Для рассматриваемой эпохи характерна наибольшая выраженность племенной организации не только как организации социально-потестарной, но и как формы культурно-языковой, т. е. собственно этнической, общности. Этому способствовали такие процессы, как развитие межобщинного обмена и межобщинной кооперации труда, ослабление родовой и усиление за ее счет племенной организации. Кристаллизации этнического аспекта племенной организации непосредственно способствовало укрепление ее социально-потестарного аспекта, этнообразующая роль уже даже предгосударственных форм жизни в повсеместно возникающих вождествах.

Этническому состоянию эпохи была свойственна наметившаяся на предшествующей стадии иерархическая структура. Племена — и как этносоциальные орга-

низмы, и как этникосы — образовывали надплеменные образования, которые также выступали в обеих этих ипостасях этнических общностей. При этом надплеменные этносоциальные организмы обычно совпадали с объединениями родственных племен, а надплеменные этникосы, как и раньше, были соплеменностями. Важной особенностью иерархической структуры этнических общностей эпохи классового образования, по-видимому, можно считать то, что общностью основного уровня теперь становилось не племя, а надплеменное образование.

Этнические общности эпохи классового образования существенно отличались от известных нам на предыдущей стадии развития. В эпоху даже поздней первобытной общины этническим общностям еще не была свойственна сколько-нибудь заметная социальная дифференциация, и поэтому их культура была вполне однородной. Кроме того, племенная организация в ту эпоху независимо от степени выраженности племенного самосознания в силу эндогамии и своей относительной обособленности была организацией в основном кровнородственной. Теперь, с развитием общественного расслоения и вытеснением классового неравенства началось расщепление общеплеменной культуры и стали складываться различия в культуре социальной верхушки и широких слоев населения. Это было началом процесса, заключительную стадию которого В. И. Ленин образно назвал наличием двух культур в каждой национальной культуре. Одновременно вступили в действие многочисленные механизмы разрушения кровнородственной общности племени. В процессе перехода от родовой общины к соседской стали ослабевать и рваться связи между сородичами. Переставала быть нормой племенная эндогамия. С развитием грабительских войн, сопровождавшихся завоеваниями и миграциями, началось массовое смешение родов и племен. Возникновение объединений племен, не всегда между собой родственными, также способствовало этническому смешению. В том же направлении действовало развитие домашнего рабства с его широко практикующимся отпуском рабов на волю, браками между свободными и рабами и использованием рабынь как наложниц. Словом, социально однородные кровнородственные этнические общности сменялись такими, в которых оказались перемешанными члены разных родов и племен, а также люди разных

социальных статусов. Но так как ослабление внутренней однородности и разрыв кровнородственных связей угрожали консолидированности племенной организации, она стремилась нейтрализовать эти процессы. Хотя повсеместно уже возникали отличные от других благородные родословия знати, племена и их объединения упорно связывали себя едиными генеалогиями, искусственно привязывая к ним даже заведомо чуждые по происхождению роды и племена.

Основные этнические общности классовообразования — объединения племен как этносоциальные организмы, соплеменности как этникосы — хорошо известны по античным и раннесредневековым источникам. Ими были, например, ахеяне и доряне древнейшей Греции, латиняне и сабиняне древнейшего Рима, германские «племена» саксов, баваров, тюрингов и т. п., восточнославянские — полян, древлян, вятичей, кривичей, дреговичей и т. д.

Складывание таких общностей хорошо прослеживается на этнографическом материале, в частности, на примере одной из групп южноафриканских банту — знаменитых своей борьбой с английскими колонизаторами зулусов. В XVII—XVIII вв. они жили первобытнообщинным строем, уже переходившим в стадию классовообразования. В начале XIX в. вождь одного из племен, Дингисвайо, чтобы дать отпор английской агрессии, стал вооруженной рукой объединять соседние племена. Ему, а затем его прославленному полководцу Чаке и их преемникам, продолжавшим бороться с англичанами и бурами, удалось прочно подчинить себе несколько племен и создать сильную военно-племенную организацию. Подобное же сильное объединение создали в тех же целях другой бантуский вождь — Моселекатсе и его сын Лобенгула. В ходе межплеменной и внутрплеменной борьбы усиливалась социальная дифференциация, развивались отношения эксплуатации, происходило массовое перемещение и смешение родов и племен. В то же время в ходе объединения завязывались экономические связи, шла языковая и культурная интеграция. Весь этот процесс, значительно ускоренный необходимостью обороны от внешнего врага, уже к началу XX в. привел к образованию четко выраженной межплеменной этнической общности, которая по наименованию родного племени Чаки получила название зулу (амазулу), или зулусов.

В ходе процессов классовообразования объединения племен и соответственно соплеменности перерастали в первый исторический тип этнических общностей классовых обществ — народности. Перерастание межплеменной общности в народность могло произойти и до и после возникновения классового общества. Первый вариант развития представлен, например, Древним Египтом или Гавайями, где цивилизация возникла уже в моноэтнической среде. Второй вариант, распространенный несравненно шире, вел к возникновению полиэтнических государств. Его наиболее известный пример — государства раннесредневековых германцев, в которых надолго удержались остатки догосударственного этнического деления. В результате территории этнических общностей превратились в отдельные земли (герцогства, графства, княжества и т. д.), сохранявшие и только очень постепенно изживавшие свои диалекты, культурно-бытовые особенности и самосознание. Так, о саксах даже после укрепления в Германии X в. королевской власти один из современников сообщал, что их «племя» отличается от всех других народов знатностью, благородством, древностью происхождения. Но вообще механизм превращения объединений племен и соответственно соплеменностей в народности изучен пока плохо, как, впрочем, и сам этот исторический тип этнических общностей докапиталистических классовых формаций.

Языковая ситуация эпохи классовообразования характеризовалась зашедшим еще дальше процессом расселения носителей праязыковых совокупностей, их расширившимися контактами и смешениями. В Африке продолжалась экспансия афразийских языков к югу, вызывавшая аналогичное движение нило-сахарских и нило-кордофанских языков, в результате чего еще более сохранился ареал распространения палеоафриканских, койсанских языков. Индоевропейцы распространились не только в Европу, но и через Нижнее Поволжье на восток по степному поясу Евразии, и на юг до Северной Индии. Динамика других языков по сравнению с ее предшествующей стадией пока не может быть охарактеризована точно. Что касается языков американских индейцев, то хотя и предложены их очень различающиеся классификации и аналогии языкам Старого Света, большинство ученых теперь рассматривает их как единую макросемью.

ГЛАВА 5

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Более 5 тыс. лет назад начали складываться сперва древние, а впоследствии средневековые цивилизации. В конце 4 тысячелетия до н. э. классовые общества появились в Египте и Месопотамии, в середине 3 тысячелетия — в Индии, во 2 тысячелетии — в бассейне Эгейского моря, в Малой Азии, Финикии, Южной Аравии, Китае, в 1 тысячелетии до н. э. и 1 тысячелетии н. э. — на большей части территории Старого Света, в Центральной и Южной Америке. С точки зрения периодизации всемирно-исторического процесса появление уже первых цивилизаций было концом первобытной истории человечества и началом его классовой истории. Но с точки зрения истории множества отдельных стран и народов, еще не перешагнувших рубежа классовообразования, это было лишь концом их аполитейной и началом синполитейной истории. Да и те страны и народы, которые переступали этот рубеж, далеко не сразу и не полностью расставались с остатками первобытнообщинного строя. Поэтому первобытное наследие в эпоху цивилизаций принято рассматривать в двух ракурсах: во-первых, на постепенно сужавшейся периферии классовых обществ и, во-вторых, в структуре самих этих обществ.

§ 1. ПЕРВОБЫТНАЯ ПЕРИФЕРИЯ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

Типы первобытной периферии и ее контактов с цивилизациями. По крайней мере до второй половины 1 тысячелетия н. э., на которую приходилось возникновение большинства феодальных государств, первобытная периферия по своим размерам намного превосходила очаги древних цивилизаций. Однако и после этого она оставалась очень значительной. В Старом Свете к ней принадлежали вся Арктика, Субарктика и почти вся зона тропических лесов Афразии, не говоря уже об отдельных труднодоступных горных и пустынных районах. Новый Свет, за исключением сравнительно небольшой области древних цивилизаций Мезоамерики

и Андского надгорья, входил в нее целиком. Полностью или почти полностью принадлежал к ней Новейший Свет, где под сомнением остаются только Гавайские острова. Ко времени европейской колонизации классовое общество здесь интенсивно складывалось, но вполне сложилось оно все же после контакта с европейцами.

Такое широкое и длительное сохранение значительной частью человечества первобытнообщинного строя после перехода другой части на ступень цивилизации было обусловлено неравномерностью всемирно-исторического процесса. Но чем была вызвана эта неравномерность в данном случае? По-видимому, прежде всего самим затяжным процессом освоения окраин ойкумены. Племена, оставшиеся на исторической прародине человечества в центральной части Старого Света, и племена, заселившие Америку, Океанию, Австралию, оказались в неравном положении. В то время как первые развивались относительно нормальными темпами, вторым пришлось потратить века на само расселение и приспособление к новой природной среде. В худшем положении оказались также те племена Старого Света, которые были оттеснены в неблагоприятные природные условия: в тропические джунгли, в пустыни и полупустыни, в Арктику и Субарктику, в области, не пригодные для земледелия, лишены подходящих для одомашнивания видов животных, не имеющие легкодоступных ископаемых богатств. В дальнейшем на культурном развитии племен, населявших окраинные, обособленные и труднодоступные части ойкумены сильнейшим образом отразились условия изоляции, отсутствие или недостаточность контактов как между собой, так и в особенности с более развитыми племенами.

Однако постепенно расширение ареала классовых обществ повело к поэтапному ослаблению этой изоляции. Цивилизации и их первобытная периферия вошли в соприкосновение, обусловившее возникновение различных типов периферии и различных видов контактов, а также во многом в принципе различающиеся на сменявших друг друга ступенях мировой истории.

В зависимости от расположения первобытной периферии по отношению к цивилизации появились периферия ближняя и дальняя. Первая была представлена теми, которые непосредственно граничили с цивилизациями; вторая — теми, что контактировали с цивилизациями через посредство ближней периферии. Первая

развивалась быстрее, вторая — медленнее; в результате появились первобытная периферия развитая и отсталая. Расположением СПО по отношению к классовому обществу определялась также первобытная периферия внешняя (находившаяся за пределами ареала цивилизации) и внутренняя (сохранявшаяся в границах этого ареала). Но бывало и так, что ближняя периферия военной силой подчиняла себе соседние классовые общества: в этом случае возникала вторичная первобытная периферия, существовавшая до тех пор, пока завоеватели под воздействием завоеванных сами не трансформировались в классовое общество. Подобная ситуация возникала в истории не так уж редко — как следствие всех без исключения «варварских» завоеваний.

Контакты между цивилизациями и СПО различаются прежде всего по способу их реализации. Это контакты непосредственные и опосредованные, односторонние и двусторонние, мирные и военные. Непосредственные контакты устанавливались с ближней периферией, опосредованные — через нее с дальней периферией. Односторонние контакты предполагали воздействия, двусторонние, или взаимные, — взаимодействия. Первые чаще имели место при значительном разрыве в уровне развития контактирующих обществ, например при соприкосновении цивилизаций с племенами охотников и собирателей; вторые были более характерны для относительно близких по степени продвинутости обществ, скажем, раннеклассовых цивилизаций и их «варварского» окружения, хотя известны и в других случаях. В целом же взаимоотношения цивилизаций и СПО почти всегда были асимметричны в том смысле, что воздействие классовых центров на их первобытную периферию было несравненно большим, нежели наоборот. Среди мирных контактов основные виды — обменно-торговые, миграционные и путем инфильтрации, т. е. в ходе постепенного просачивания небольших групп к соседям, а также массовые и элитарные, т. е. на уровне лишь верхушечных слоев контактирующих обществ; среди военных контактов — военно-грабительские и военно-захватнические, хотя те и другие не всегда четко различимы.

По функциональной роли контакты чаще всего делят на имевшие место в хозяйственной, социальной, потестарно-политической и духовно-идеологической сферах. Так же классифицируются и те культурные заим-

ствования, которые делались обществом-реципиентом у общества-донора Установлено, что заимствования легче делались тогда, когда культурный разрыв между донором и реципиентом не был слишком большим. Иначе говоря, заимствования, как правило, делались тогда, когда общества-реципиенты были к ним подготовлены своим собственным спонтанным развитием. Так, хотя на севере Австралии обнаружена импортная керамика, датируемая уже началом I тысячелетия н. э., аборигены не усвоили ее производства и к приходу европейцев остались на уровне простого присваивающего хозяйства. Все же в определенных функциональных сферах контактов могли делаться и малоподготовленные заимствования. Это объяснялось тем, что обычно они были не системными и даже не субсистемными, а выборочными, т. е. заимствовалась не целостная система культуры или ее крупный блок, а только отдельный элемент: использовались орудия труда, принимался обычай, усваивался фольклорный мотив и т. п.

Самыми легкими и широкими, по-видимому, были хозяйственные контакты. Через них шло общественное разделение труда и в некоторых случаях даже создавались новые хозяйственно-культурные типы или подтипы. Так было, например, в юго-западной Азии I тысячелетия до н. э., где нужды караванной торговли стимулировали распространение в среде стоявших на пороге классовообразования бедуинских племен хозяйственно-культурного подтипа кочевых верблюдоводов. Через хозяйственные контакты распространялись все важнейшие технические и технологические достижения, заимствовавшиеся одними обществами у других: керамическое производство и металлургия, колесный и парусный транспорт и т. п. Хозяйственные контакты с цивилизациями по большей части способствовали экономическому развитию СПО. Так, археологически показано, что племена бассейна Эгейского моря, будучи втянуты в сферу влияния древнейших ближневосточных цивилизаций в качестве поставщиков сырья для бронзолитейного производства, затем сами развили металлургию бронзы и, в свою очередь, сделали поставщиками сырья племена Центральной Европы. Однако из этого правила могли иметься и исключения. Например, в средневековом Судане усиленный вывоз золота и рабов повел к консервации застойных форм хозяйственной деятельности. У народов Сибири пушная торговля с югом ускорила про-

никновение в экономику товарных отношений, но это не сопровождалось подъемом производительных сил.

В противоположность этому, контакты в социальной сфере и связанные с ними воздействия были затруднены невозможностью прямого социального копирования. Например, греки и римляне вовлекли в работорговлю большинство племен своей ближней первобытной периферии, но у тех самих развивалось не античное, производственное, а лишь домашнее рабство. В то же время косвенно, в виде тех изменений в общественном строе, к которым приводило воздействие со стороны обществ-доноров, контакты в этой сфере часто были очень действенны, причем особенно тогда, когда они были сопряжены с миграциями или войнами. Такие контакты сыграли заметную роль в установлении кастового строя, например, там, где он возникал при соприкосновении разных по уровню развития этнических общностей (наиболее характерный пример — древняя Индия). Немалое значение они могли иметь, скажем, и для развития военной демократии или военной иерархии при длительной военной конфронтации цивилизаций и СПО, как это было у древних кельтов, германцев, славян, арабов. Уже приведенный пример с кастовым строем показывает, что воздействие в социальной сфере не всегда способствовало прогрессивному развитию СПО.

Сходный характер имели контакты и заимствования в потестарно-политической сфере, где также исключалось прямое копирование нововведений. Китайские императоры в знак своей милости посылали вождям дружественных племен один из символов принадлежности к чиновничьему сословию — церемониальный зонтик, но получившие его отнюдь не становились чиновниками. Все же союзнические отношения, обычно сопровождающиеся обменом посольствами и подарками и нередко «династическими» браками, играли свою роль в вовлечении СПО в сферу притяжения и влияния цивилизаций.

В силу относительной автономности надстройки, и особенно ее верхних слоев, намного большие возможности открывались в области духовно-идеологических контактов и их последствий. Это хорошо видно на примере мифологии и религии. Известно, что изображение египетской солнечной ладьи, это отражение мифа о круговороте Солнца, обнаружено на скалах Закавказья, Южной Швеции, Карелии и многих сибирских рек вплоть до Амура, что свидетельствует о миграции мифологиче-

ского мотива на огромных пространствах Евразии. В средние века такие мировые религии, как христианство, ислам, буддизм и индуизм, распространялись на ближнюю и дальнюю первобытную периферию цивилизаций и даже оказывали свое влияние на общественный и семейный быт. Например, с проникновением ислама к туарегам Сахары у них возникло своего рода сословие слугителей этого культа. В то же время многие заимствования в духовно-идеологической сфере передавались социальной верхушке наиболее развитых СПО, главным образом, путем элитарных контактов: вкусы, моды, роскошные образцы прикладного искусства, иногда письменность. В целом воздействия в этой сфере способствовали культурному развитию СПО, хотя не обходилось без исключений. Может быть, самое яркое из них — распространение под влиянием греческих колонистов пьянства среди жителей Боспора.

Первобытные общества на основных этапах мировой истории. Взаимодействие цивилизаций и их первобытной периферии имело свои особенности на каждом из основных этапов мировой истории. Первые цивилизации — раннеклассовые общества Древнего Востока, Средиземноморья, Мезоамерики, Андского нагорья, принадлежавшие, по мнению части ученых, к так называемой азиатской общественно-экономической формации, — были лишь островками в море СПО, а достигнутый ими уровень развития не так уж сильно отличался от уровня развития наиболее продвинутой первобытной периферии. Это облегчало контакты между ними, а через ближнюю периферию и с более отдаленными соседями. Но для каждой из сторон значение контактов было неодинаковым. Раннеклассовые общества эксплуатировали своих первобытных соседей в широком спектре, от неэквивалентного обмена до прямого порабощения. Преобладали все же военный грабёж, контрибуции и данничество. Все это обогащало господствующий класс, но расширение экзоэксплуатации (как всегда, подчас за счет эндоэксплуатации) не могло не тормозить спонтанное развитие раннеклассовых обществ. В этой связи примечательно, что развитие переднеазиатских цивилизаций ускорилось во 2—1 тысячелетии до н. э., т. е. тогда, когда они стали непосредственно граничить не столько с СПО, сколько друг с другом. Конечно, аналогичные последствия могла иметь эксплуатация СПО и более развитыми классовыми обществами, но, будучи

более развитыми, они легче справлялись с издержками тех выгод, которые давала им внешнеэксплуататорская деятельность. В свою очередь, ближняя первобытная периферия не только страдала от соседства ранних цивилизаций, но и получала импульсы для своего развития. В целях защиты СПО укрепляли свою относительно аморфную потестарную организацию на племенном и надплеменном уровне и нередко сами переходили в наступление, завоеывая ранние цивилизации. Так, в частности, во 2 тысячелетии до н. э. энеолитические племена поглотили Гуджератскую ветвь Хараппской цивилизации Индостана, а в середине 1 тысячелетия до н. э. охотничьи племена чичимеков — Толтекскую цивилизацию Мезоамерики.

В античном Средиземноморье значение взаимодействий между цивилизациями и СПО для обеих сторон еще больше увеличилось. Для Греции и Рима первобытная периферия была важным (временами, как при Цезаре, важнейшим) источником, откуда черпались рабы. Греческая и римская колониальная экспансия в земли СПО расширяла античный способ производства и продлевала его существование. В результате эксплуатация первобытной периферии становилась одним из важных условий самого существования античной цивилизации. А это делало воздействие последней на СПО еще более разрушительным, чем воздействие раннеклассовых обществ. Однако даже при таких обстоятельствах последствия воздействия античной цивилизации были неоднозначны. Племена ближней периферии, с одной стороны, подвергались хищнической экспансии, но, с другой — получали стимулы для ее отражения. И как следствие этого многие СПО (германцы на западе, славяне и арабы на востоке) сделались действующей стороной в феодальном синтезе на развалинах Римской империи.

Ко времени средневековья ареал цивилизаций значительно расширился, причем на западе намного больше, чем на востоке. Это повело к тому, что отныне возникли особенно заметные региональные различия в контактах цивилизаций с их первобытной периферией. В Западной Европе последняя теперь была представлена только норманнами на севере (до XI в.) и некоторыми горскими обществами на юге. В то же время в Восточной Европе, Азии и Африке, а также в Америке классовые общества продолжали осваивать и эксплуатировать

свою внешнюю и внутреннюю первобытную периферию, в свою очередь, подвергаясь опустошительным «варварским» вторжениям — тюркским, монгольским, арабским и др. Продолжавшая сохраняться большая роль первобытной периферии в жизни этих регионов, будучи результатом их более сложной географической среды, сама наряду с другими факторами замедляла их развитие. Что касается первобытных обществ, то характер оказываемых на них воздействий был неодинаков в раннем и развитом средневековье. Если в начале средних веков относительно небольшой разрыв в культурном уровне цивилизаций и СПО облегчал воздействие первых на вторые, то позднее, с увеличением разрыва, это влияние уменьшилось. Вот почему начавшиеся в позднем средневековье Великие географические открытия и последовавшая за ними широкая колониальная экспансия западноевропейских стран имели для первобытной периферии в большей степени разрушительные, нежели цивилизующие, последствия. Объяснялось это еще и тем, что колонии западноевропейских стран были отделены от них водными преградами, исключавшими непосредственные контакты широких слоев населения центра и периферии. Несколько иначе обстояло дело с русской колонизацией европейского Севера и Сибири. Здесь также феодальная колонизация тяжело отражалась на местных СПО, но их соприкосновение с русскими крестьянами-колонистами оказывало на них положительное культурное воздействие.

Асимметричный характер взаимодействия классовых и первобытных обществ достиг своего апогея в капиталистическое время. Потенции капиталистической эпохи несравненно выше, чем всех предшествующих эпох, и теперь оказалось возможным развернуть невиданную систему обезземеления, уничтожения и эксплуатации СПО. Составляя значительную часть колониального мира, первобытная периферия сыграла заметную роль в первоначальном накоплении капитала и в последующем развитии капиталистического способа производства. Немалое значение имели и культурные заимствования европейцев в колониальных странах: достаточно назвать картофель и кукурузу, совершивших, как ее нередко называют, подлинную «продовольственную революцию» в Европе XVIII в. Но для самой первобытной периферии европейская колонизация зачастую имела катастрофические последствия. Не поддающаяся

сколько-нибудь точному исчислению, но, несомненно, очень значительная часть СПО была стерта с лица Земли. Были полностью истреблены тасманийцы, почти полностью погибли прибрежные племена Австралии. бушмены, огнеземельцы, племена Вест-Индии и Центральной Аргентины, исчезло более 30 племен Юго-Восточной Бразилии и приблизительно две трети индейского населения США. В Африке, уже с XV в. превратившейся, по выражению Маркса, в заповедное поле охоты на рабов для американских колоний, в результате одних только последствий работорговли погибло, по оценке некоторых ученых, около 100 млн. человек.

Другая часть населения, жившего первобытно-общинным строем, сделалась объектом рабовладельческой и капиталистической эксплуатации. Условия, в которых протекали эти процессы, были различны. Туземцев сгоняли с земли или оттесняли на неудобные земли, вывозили на плантации, загоняли в резервации (США), резерваты (Австралия), хоумленды (ЮАР и Намибия) и т. п. Но в конечном счете это повсюду приводило к тому, что они включались в структуру классового общества, как правило, образуя в нем обособленные и грубо дискриминируемые группы крестьянства или сельского пролетариата. Еще одна, меньшая часть населения оставлялась на своих землях (например, в США и Канаде для охоты на пушного зверя) и эксплуатировалась колонизаторами путем неэквивалентного обмена, данничества, налогообложения и т. д. И только сравнительно немногим удалось воспользоваться недоступностью мест их обитания или бежать, изолировавшись в особенно труднопроходимых районах тропических джунглей, пустынь и гор и в основном сохранив свою самобытность.

Тем не менее было бы неверно видеть только пагубное воздействие капиталистической колонизации на первобытные общества. Те СПО, которые попали в сферу влияния капитализма и уцелели, получили значительные импульсы для своего хозяйственного, социально-политического и культурного развития. В европейских колониях возникала промышленность, складывались кадры рабочего класса и интеллигенции, создавались политические партии, распространялись достижения современной, в особенности технической, цивилизации, и какая-то часть населения СПО также не оставалась в стороне от этих процессов. Надо только

иметь в виду, что в колониальных условиях подобное развитие шло очень медленно и мучительно для местного населения. Больше того, колонизаторы часто старались удержать и законсервировать такие традиции трибализма*, как племенная организация и власть вождей, чтобы опираться на них в своей административной деятельности. Эта система так называемого непрямого, или косвенного, управления широко применялась во многих британских и нидерландских колониальных владениях.

Первобытные общества в современном мире. Таково было положение, в котором находились СПО, сохранившиеся к началу новейшего времени. Вопрос о их судьбах приобрел особую актуальность после второй мировой войны, когда с распадом колониальной системы империализма множество отставших стран стало самостоятельным. В некоторых из них еще сохраняется внутренняя первобытная периферия, и в целом в современном мире не так уж мало СПО.

Крупнейший ареал обитания современных первобытных племен — труднодоступные даже при современной технике леса Южной Америки, главным образом бразильская сельва. По приблизительной оценке, пятая часть племен бразильских индейцев не имеет постоянных контактов с неиндейским населением, ведет традиционное примитивное хозяйство и сохраняет первобытную культуру. Некоторые сознательно изолировались до такой степени, что продолжают пользоваться каменными орудиями. Другие ареалы СПО намного меньше, но они имеются в ряде стран. Так, в 1960-х годах в одном из отдаленных горных лесов филиппинского острова Минданао было обнаружено неизвестное до этого племя тасадай; начавшие изучать его этнографы установили, что оно пользуется каменными и бамбуковыми орудиями. В том же десятилетии в бассейнах рек Сепик и Мэй в Папуа-Новой Гвинее было открыто несколько папуасских племен, также еще живущих в каменном веке. Тогда же началось изучение небольшой группы бушменов в глубине южноафриканской пустыни Калахари на территории Намибии: как выяснилось, они пользуются получаемыми от соседей железными наконечниками стрел и ножами, но в остальном их культура целиком соответствует бродячему охотничьему хозяйству мезолита. Еще больше на внутренней первобытной периферии бывших колониальных стран СПО, стоящих

на стадии разложения первобытнообщинного строя.

У всех этих СПО много общего. Сохранение ими первобытности в большинстве случаев связано с тем, что государство как бы забыло их в тропических лесах, горах или пустынях. Исключение — часть племен Бразилии, для которых созданы заповедные национальные парки Шингу и Яноама. И в этой связи в этнографии и в кругах передовой общественности нередко обсуждается вопрос, что является для СПО наименьшим злом: предоставление их самим себе или отведение им заповедников-резерваций?

На этот вопрос нет однозначного ответа. Оставление первобытных племен без государственной опеки, как мы видели, имеет для них тяжелые, нередко губительные последствия. Заповедные резервации также не спасают положения. Когда в 1970-х годах к парку Шингу подошло строительство Трансамериканской автотрассы, множество его обитателей стало жертвами эпидемий, насилий со стороны строителей и т. п. Однако и помимо этого нельзя забывать, что человеческое общество, каким бы отставшим оно ни было, — не часть фауны, и его развитие недопустимо искусственно консервировать. Оба решения плохи. Но при всех обстоятельствах надо учесть, что в реальной истории, особенно в истории нашего времени, сколько-нибудь длительная консервация, как правило, невозможна, и сама жизнь приведет современные СПО к вращению в окружающую среду со всеми отрицательными и положительными последствиями этого процесса.

§ 2. ОСТАТКИ ПЕРВОБЫТНОСТИ В КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ

Понятно, что остатки первобытности заметнее всего сохранялись в таких классовых обществах, которые могли возникнуть непосредственно в распаде первобытнообщинного строя, т. е. в обществах древневосточных и феодальных, в меньшей степени в античных и почти никогда в капиталистических. Соответственно и в нашем обществе они более всего свойственны народам, не прошедшим капиталистический путь развития. Остатками первобытности были по большей части структуры, нормы и представления эпохи классового образования, т. е. уже начавшие подвергаться классовому превращению. Многие из них затем претерпели дальнейшую трансформацию.

Остаточные структуры и общности. Крупнейшими остаточными структурами и общностями были уже упоминавшиеся реликты племен и их объединений или соответственно соплеменностей, сохранившиеся внутри первичных народностей. Подобные племена и межплеменные общности в классовых обществах часто называют «вторичными», подчеркивая этим их остаточный, реликтовый характер. Они известны в составе множества древних, средневековых и современных народов — от античных эллинов или италийцев до сегодняшних казахов или туркмен. В некоторых случаях такие структуры и общности консервировались в результате своего рода социализации племенных и надплеменных различий при сложении на их основе кастовых систем, как это имело место, например, в Индии или в Южной Аравии. Однако гораздо чаще их длительное сохранение свойственно народам, исторически принадлежащим к хозяйственно-культурным типам горных земледельцев-скотоводов или кочевых и полукочевых скотоводов аридной зоны, что связано с замедленным становлением у них классов и государства. Рассматриваемые остаточные явления могут удерживаться в двух формах. При первой форме, характерной для курдов, пуштунов, арабских бедуинов, удерживаются остатки как собственно этнических племенных общностей с их диалектно-культурной спецификой, так и соответствующих им этносоциальных племенных структур с известным единством экономической и социальной жизни, какой-то организацией власти и т. п. При второй форме, характерной для значительно более широкого круга народов (только в СССР — народы Южной Сибири, казахи, киргизы, туркмены, ногайцы, адыгейцы), удерживаются лишь остатки собственно этнических племенных общностей. Первая форма очень архаична и указывает на то, что в обществе еще живы традиции эпохи классового образования. Вторая форма представляет собой ее сглаженную модификацию, но и она свидетельствует о том, что общество не так уж давно стало классовым и обрело государственность.

Многим обществам были свойственны остаточные родственные структуры, которые могут быть названы вторичными родами. Вторичные роды в значительной мере напоминали патриархальные роды эпохи классового образования с их преимущественно общественными и идеологическими функциями: взаимопомощью, взаимозащитой, генеалогиями и общими культурами. Еще

больше было обществ, в которых реально сохранялись только сегменты таких родов — патрилиниджи, или патронимии, возводившие себя к реальному и памяtnому предку и связанные особенно тесной взаимопомощью, взаимозащитой, идеологическим осознанием близости. Если вторичные роды существовали все же преимущественно на ранних ступенях развития классовых обществ, то патронимии бытовали и позже. Они находили себе место всюду, где географические условия или политическая обстановка требовали от индивидов и семей объединения трудовых усилий, материальной взаимоподдержки, взаимного обеспечения безопасности и т. п. Поэтому патронимическая организация в наибольшей степени была характерна для горных и степных областей, а за их пределами — для периферийных областей новой колонизации либо для периодов длительных политических смут. На территории СССР в новое время она обнаружена на Кавказе, в Средней Азии, в Южной Сибири, в Поволжье, на русском Севере, в Белоруссии, на Украине, в Молдавии. У тех народов мира, у которых разложение родовой организации проходило не в патриархальной, а в позднематеринской форме, в классовом обществе также подчас сохранялись материнские роды и матрилиниджи, или матронимии. Так было у ашанти и яо в Тропической Африке, кхаси в Индии, минангкабау в Индонезии, наси в Южном Китае. Однако эти формы, нечастые и в эпоху классовообразования, в классовых обществах представляли собой редкий вариант развития.

Очень широко сохранялась такая важная остаточная структура, как соседская община, по мнению ряда ученых, выросшая из ее позднеримовыбитной формы. Маркс рассматривал ее как очень заметный остаток в истории цивилизованных обществ¹. Он же наметил эволюцию трех ее исторических форм — азиатской, или древневосточной, античной и германской, или средневековой, различавшихся последовательным сужением соседско-общинного коллективизма. С тех пор полностью подтвердилось понимание соседской общины как производственного и социально-бытового коллектива, сохраняющегося в структуре докапиталистических классовых обществ из-за незавершенности развития частной собственности на землю, потребности в трудовой коопе-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 151.

рации и фискальных интересов господствующих классов.

Подтвердилось также понимание соседской общины как структуры, остатки коллективизма в которой в ходе истории теряли свое значение. Это относится не только к отмеченной раньше эволюции азиатской общины в античную, а античной в германскую, но и к собственной эволюции каждого из этих типов общины. Так, на Древнем Востоке прослежено постепенное исчезновение земельной собственности соседской общины, в античном мире — уменьшение земельного фонда внегородской, крестьянской общины, в средние века — превращения общины с переделами пахотной земли в непередельную общину, а затем в общину-марку со свободно отчуждаемыми земельными участками-аллодами и коллективной собственностью только на второстепенные угодья — альменду.

Если в прошлом соседская община была известна только у земледельцев (откуда ее синонимы — поземельная, сельская, деревенская община), то теперь она обнаружена также в раннеклассовых обществах кочевых и полукочевых скотоводов как пастбищно-кочевая, или аульная *, община. Тем самым установлен универсальный характер этой остаточной структуры. Конечно, универсальность нельзя понимать упрощенно: бывало, как, например, на Гавайях, что в условиях хуторской системы расселения соседские связи рвались уже на пороге классообразования. Но это было скорее исключение. Соседская община обнаружена практически во всех докапиталистических классовых обществах Европы, Западной, Южной и Восточной Азии, Северной и Тропической Африки, Центральной и Южной Америки.

С соседской общиной нередко сосуществовала семейная община, сохранение которой объяснялось теми же причинами — незавершенностью развития частнособственнических отношений, потребностью в кооперации труда, заинтересованностью властей в круговой поруке налогоплательщиков. Были и другие, специфические причины консервации семейно-общинной организации. К ним относится недостаток обрабатываемых земель при экстенсивном земледелии, затрудняющий раздел семейных общин не только «изнутри», но и «извне», т. е. из-за отказа соседской общины предоставить новым семьям земельные участки. Распространенная причи-

на — натуральный характер семейного хозяйства или его комплексное земледельческо-скотоводческое (особенно отгонно-скотоводческое) направление, требующее большого количества рабочих рук. Та же потребность в кооперации могла консервировать семейную общину и при ирригационном земледелии. Имела значение даже длительность проживания на одном месте, так как переселения часто совершались малыми семьями (которые, впрочем, на новом месте могли снова разрастись в семейные общины).

Там, где эти причины не действовали, семейно-общинная организация могла распасться: жесткой связи между ее сохранением и общим уровнем социально-экономического развития докапиталистических обществ не было. Поэтому сосуществование семейной и соседской общин не было повсеместным. Известны, хотя и нечастые, случаи бытования семейных общин вне соседских общин и соседских общин, состоящих преимущественно не из больших, а из малых семей. Вообще, семейная община менее универсальна, чем соседская. Она не характерна, например, для чисто кочевых скотоводов, у которых отсутствие находящихся в общей собственности обрабатываемых земель облегчало семейные разделы. Зато она очень характерна для горных областей с их малоземельем и комплексным хозяйством. Классические образцы семейной общины в классовом обществе обнаружены в Югославии (задруга) и на Кавказе.

Имелись также остатки тайных обществ, мужских и сверстнических объединений. Они обнаружены, если не универсально, то очень широко: на Древнем Востоке от Передней Азии до Китая, в античном Средиземноморье, в раннесредневековой Европе, в Средней Азии и Дагестане, в Северной и Тропической Африке, а предположительно и в Мезоамерике. В одних случаях сохранялись остатки только либо тайных обществ, либо сверстнических объединений, в других — и те и другие одновременно. Функции их были самыми различными. Остатки тайных обществ (например, в древнем Китае или в раннесредневековой Европе) могли играть роль неформальных судов и органов охраны порядка, тем более действенную, что, сохраняя религиозно-мистический характер, они считались учреждениями до некоторой степени сакральными. Мужские объединения в целом (как спартанские фидитии) или их сверстнические

преимущественно юношеские, группировки (как древнеиранские парны) выступали в качестве военных отрядов. Местами (как, например, в древнем Мали) такие группировки могли выполнять хозяйственные функции, совместно обрабатывая поля.

Как остаточные структуры первобытнообщинного строя, хотя и такой его противоречивой поры, какой являлась эпоха классовобразования, тайные и мужские объединения нередко становились организационными центрами народных движений: Маздака в Иране, Муканны в Согдиане, карматов или батинитов от Северной Индии до Северной Африки. Почти повсюду они были также сообществами для совместного проведения досуга с устройством коллективных трапез (хрестоматийный пример — спартанские сисситии) и развлечений — пения, игры на музыкальных инструментах, а также спортивных состязаний. Это и понятно, так как функция организации досуга как сравнительно второстепенная позднее других была вытеснена механизмами развития классового общества.

Остаточные нормы и представления. Как мы уже видели, в отношениях родства и соседства большую роль играли нормы взаимопомощи, взаимозащиты и взаимоответственности. Они немало облегчали труд и быт широких слоев населения, но они же вуалировали отношения эксплуатации или облегчали классовое принуждение. Родственная и соседская взаимопомощь по экономической сути мало различались между собой, так как не только соседи, но и родственники жили разными домохозяйствами и материальные отношения между ними либо строились на взаимной основе, либо нередко вели к установлению кабалы. Важнейшей нормой взаимозащиты и взаимоответственности была кровная месть, дожившая в части отставших в своем развитии классовых обществ (Южная Италия, Корсика, Югославия, Албания, Кавказ, арабские страны, Китай, Япония) до новейшего времени. Для остаточных норм кровной мести характерны такие черты, как сужение круга мстителей и ответчиков (например, у албанцев только до членов семьи убийцы), замена самой мести композициями (например, сотней верблюдов по шариату), получение разрешения на месть властей (например, в китайском и японском праве). Кровная месть здесь предстает в классово трансформированном виде. Обычно бывало так, что высшие сословия или касты мстили, но

сами мести не подлежали, отделяваясь композициями, либо композиции за их кровь были во много раз разорительнее, чем композиции за кровь лиц низшего статуса. Нормы внутригрупповой взаимопомощи и взаимозащиты дополнялись нормами межгруппового гостеприимства. Оно могло быть частным — отдельных семей и патронимий, и официальным — местных властей. Стремясь упорядочить общественно-политическую жизнь, власти нередко запрещали частное гостеприимство, и в этих случаях частная форма постепенно вытеснялась официальной. Нормы гостеприимства также подвергались классовому превращению: так, у кавказских горцев князья и дворяне принуждали крестьян содержать свиту своих гостей, у них же гостеприимство через посредствующий институт куначества * стало одним из источников отношений патроната — клиентеллы.

Как внутригрупповой, так и межгрупповой характер имели остаточные нормы искусственного родства. Наибольшее значение они сохраняли там, где государственная власть не обеспечивала охрану личных и имущественных интересов населения, а родственные и соседские связи даже в своей совокупности были для этого недостаточны. Вторичность искусственного родства в классовых обществах проявлялась, в частности, в том, что оно устанавливалось не столько специально (так называемая казуальная форма), сколько как побочный результат различных обрядов жизненного цикла (так называемая окказиональная, или обрядовая, форма). Во время обрядов детского цикла люди рождались с семьей повитухи, с человеком, нарекавшим ребенку имя, впервые его постригшим, у христиан — с крестными отцом и матерью, у мусульман — с человеком, участвовавшим в обряде обрезания, у ряда народов — с тем, кто брал ребенка на воспитание; во время обрядов свадебного цикла нередко рождались с тем, кто усыновлял жениха или удочерял невесту, со свадебным дружкой или венчальным кумом. Многие из таких обычаев также подверглись классовой трансформации и прикрывали отношения патроната — клиентеллы, а позднее сюзеренитета — вассалитета. Так, в ряде древневосточных обществ патрон «усыновлял» закабаленного им клиента, в раннесредневековой Скандинавии феодал — попадавшего к нему в зависимость крестьянина, в патриархально-феодальной Абхазии крестьянин — феодала.

Много остаточных норм сохранялось в брачных порядках и в семейном быту. Это относится прежде всего к варварским нормам патриархального закрепощения женщины и в особенности к покупному браку. Он был принят в большинстве обществ древности и средневековья, подчас дожив до новейшего времени (китайцы, низшие касты Индии). Правда, в некоторых обществах, и прежде всего исламских, была сделана попытка регламентировать его таким образом, чтобы он не был простым актом купли-продажи невесты. Первоначальный брачный выкуп ее родне был заменен выкупом ей самой, рассматривающимся как ее обеспечение на случай вдовства или развода. Но и родне невесты обычно продолжала вноситься плата «за материнское молоко», «за воспитание» и т. п. Так или иначе брачные платежи часто оставались обременительными и поэтому дали новую жизнь таким в своем большинстве существовавшим и раньше формам, как брак отработкой, обменный брак, утробный или колыбельный сговор, ортокузенный брак, левират, сорорат. По тем же причинам не исчез брак умыканием, хотя он был запрещен почти всеми правовыми кодексами (только индийские законы Ману рекомендовали умыкание для касты воинов). Не без связи с брачным выкупом или его аналогами широко удерживалось наложничество, а у части народов также узаконенное некоторыми правовыми системами, и прежде всего шариатом, многоженство. Промежуточное положение между ними заняли такие институты, как конкубинат у древних римлян и китайцев или мута (сигэ) — временные браки мусульман-шиитов.

Для всех докапиталистических классовых обществ характерны более или менее выраженные нормы патриархального всевластия главы семьи над домочадцами, а старшей женщины — над женской частью семьи. Наиболее яркий пример дает почти не ограниченная власть отца семейства в Древнем Риме, но и в других обществах вплоть до дореформенной России с ее большаками и большухами эта власть была очень велика. В отношениях между другими членами семьи также по-прежнему сохранялось неравенство статусов мужчин и женщин, старших и младших братьев и сестер, а также коренных и пришлых членов семьи, что ставило в наиболее приниженное положение невесток. В семейном быту как древних, так и средневековых обществ существовал своего рода культ мужчин и культ старших. Сохранялся

и даже получил дальнейшее развитие патриархальный этикет. В этих условиях даже такие удерживавшиеся во многих, преимущественно восточных, обществах порядки, как обычаи избегания, стали восприниматься как подчеркивание подчиненного, зависимого положения младших членов семьи.

Немало остатков первобытнообщинного строя прослеживается и в формах общественного сознания — праве, морали, религии. Может быть, в этом отношении характернее всего эгалитаристские тенденции в древнейших памятниках права. В ряде законов месопотамских правителей проводилось требование, чтобы богатые не притесняли бедных, а сильные — слабых, в некоторых — отменялись долги и долговая кабала. То же было не чуждо античному Средиземноморью: реформы Солона провозгласили сейсахфию, законы XII таблиц несколько смягчили долговую кабалу. Сходные тенденции наблюдались на Востоке. Так, шариат установил единый размер платы за кровь для всех слоев населения, западноадыгские адаты в начале XIX в. нивелировали цену крови дворян и крестьян. Эгалитаристские черты были свойственны и ранним религиозным верованиям, в том числе и предписаниям мировых религий. В первоначальном буддизме понятие совершенства предполагало отказ не только от удобств и роскоши, но и от всякой собственности. В противоречивой христианской догматике немало идей, направленных на осуждение богатых и прославление бедных. В исламе все правоверные равны перед богом, предписан налог в пользу бедных, осуждено ростовщичество.

В религиях классовых обществ удержалось также немало прямых остатков первобытных представлений и ритуалов. Самый известный из них — пережиток мужских инициаций в иудаистском и мусульманском обрезании мальчиков. Таково же наложение священного шнура на подростков в ведической религии древней Индии. К инициациям, сопровождавшимся ритуальным очищением, восходит также водяное крещение в христианстве. В политеистических религиях древних греков, римлян и других народов сохранялся, а в конфуцианстве до сих пор сохраняется культ семейно-родовых предков. В древнем Китае наряду с другими религиями существовал шаманизм, остатки которого имеются и в современном буддизме-ламаизме. Даже в наиболее развитой из современных религий — христианстве — заметны ре-

ликты шаманской практики заклинания и изгнания злых духов, нагуалистической веры в ангелов-хранителей, магических приемов обеспечения плодородия и даже тотемистических представлений и обрядов (вера в непорочное зачатие и причащение-«богоядение»).

Роль остатков первобытности в новейшее время. Многие из остатков первобытности в классовых обществах дожили до новейшего времени, а значение части их в жизни современных народов даже стало предметом споров.

Более всего это относится к соседской общине и общинным традициям. В свое время русские народники выдвигали ошибочную идею об общине как зародыше социализма, позволяющем миновать капиталистический путь развития. Позднее, уже в советское время некоторые ученые высказали мысль, что в СССР община сыграла роль опорных пунктов первоначальных аграрных преобразований и только последующее «раскрестьянивание» не позволило реализовать заложенный в ней потенциал. Это, возможно, отчасти так: в некоторых из молодых независимых государств общинные традиции не без успеха используются в кооперировании крестьянства. Но касается это все же не общины в целом, а именно позитивных общинных традиций, да и то лишь на первых порах кооперирования в деревне.

По-разному оценивают такие сохраняющиеся в быту многих народов (главным образом не прошедших капиталистической стадии развития) остатки первобытности, как брачный выкуп, многоженство, избегание и т. п. В среде самих этих народов, и советских и зарубежных, на них нередко смотрят как на народные традиции, составляющие неотъемлемую часть этнической культуры. Так же считают культурные релятивисты, по мнению которых культуры и их элементы не бывают более или менее продвинутыми — все они одинаково полноценны. Другие ученые указывают на антиисторичность подобных взглядов, и их позиция подтверждается тем, что по мере распространения современной цивилизации названные элементы культуры уходят в прошлое.

То же в еще большей степени касается таких явлений трибализма, как родоплеменная солидарность и рознь, влияние вождей или тайных обществ и т. п. Они характерны главным образом для молодых государств третьего мира, но некоторые черты трибализма и прежде всего территориально-племенное соперничество не ред-

кость также у народов Советского Востока. Трибализм ограничивается и вытесняется с трудом, а в некоторых восточных республиках нашей страны в последнее время даже отмечено его оживление.

Таким образом, первобытное наследие еще играет определенную роль для обширного круга народов, причем не только первобытных, но и сохраняющих остатки первобытности.

ГЛОССАРИЙ

- Австралопитеки** (от лат. *australis* — южный и греч. *pithekos* — обезьяна) — подсемейство семейства человечьих (гоминид — см.).
- Авункулат** (от лат. *avunculus* — дядя по матери) — совокупность порядков, предполагающих особую связь человека с его дядей по матери.
- Авункулокальность** (от лат. *avunculus* — дядя по матери и *locus* — место) — брачное поселение супругов у дяди по матери или в его группе.
- Агнатное родство** (от лат. *agnatio* — родство по отцу) — родство по отцовской линии, то же, что и патрилинейность.
- Адат** (от араб. *adat* — обычай) — название обычного права в странах мусульманского Востока.
- Адопция, адаптация** (от лат. *adoptio adoptatio* — усыновление) — усыновление или удочерение.
- Амблинейность** (от лат. *ambo* — оба и *linea* — линия) — определение родства либо по отцовской, либо по материнской линии.
- Амбилокальность** (от лат. *ambo* — оба и *locus* — место) — брачное поселение супругов по выбору, либо в группе мужа, либо в группе жены.
- Анимизм** (от лат. *anima, animus* — душа, дух) — вера в сверхъестественные существа, заключенные в материальные тела (души) или существующие сами по себе (духи).
- Антропогенез** (от греч. *anthrōpos* — человек и *genesis* — возникновение) — процесс возникновения человека.
- Антропоморфный** (от греч. *anthrōpos* — человек и *morphe* — форма) — человекообразный.
- Антропосоциогенез** (от греч. *anthrōpos* — человек и лат. *societas* — общество, и греч. *genesis* — возникновение) — параллельный процесс возникновения человека и человеческого общества.
- Аполитейные общества** (от греч. *apo* — до и *politeia* — цивилизация) — первобытные общества, существовавшие до возникновения первых цивилизаций.
- Артефакт** (от лат. *arte* — искусственно и *factum* — сделанный) — любой предмет не природного, а искусственного происхождения.
- Архантроп** (от греч. *archaios* — древний и *anthrōpos* — человек) — древнейший человек.
- Аульная община** (от тюрк. *аул* — селение, кочевье) — термин, установившийся в советской науке для обозначения соседской общины у кочевых и полукочевых скотоводов.
- Аустрическая общность** (от лат. *australis* — южный) — реконструируемая первоначальная общность многих языков Южной Азии.
- Бигмен** (от англ. *big man* — большой человек) — мужчина, пользующийся особым влиянием и фактически являющийся лидером в общине.
- Билинейность** (от лат. *bis* — дважды и *linea* — линия) — определение родства как по отцовской, так и по материнской линии, то же, что и когнатное родство.
- Билокальность** (от лат. *bis* — дважды и *locus* — место) — брачное поселение супругов поочередно как в группе мужа, так и в группе жены, то же, что и дуолокальность.

- Биогеоценоз** (от греч. *bios* — жизнь, *ge* — земля и *koinos* — общий) — сложная природная система, объединяющая на основе обмена веществ и энергии совокупность живых организмов (биоценоз) с неживыми компонентами — условиями обитания.
- Вирилокальность** (от лат. *vir* — муж и *locus* — место) — брачное поселение супругов у мужа. Вирилокальность одними авторами различается, другими не различается с патрилокальностью (см.).
- Геронтицид** (от греч. *gerōn* — старик и лат. *caedes* — умерщвление) — умерщвление стариков.
- Геронтократия** (от греч. *gerōn* — старик и *kratos* — власть) — власть старейших.
- Гетеризм** (от греч. *hetaira* — подруга, любовница) — термин, утвердившийся для обозначения свободы добрачных и внебрачных отношений в первобытном и раннеклассовом обществе.
- Гинекократия** (от греч. *gynē* — женщина, жена и *kratos* — власть) — господство женщины в семье и обществе, то же, что и матриархат или материнское право.
- Гипергамия** (от греч. *hyper* — над и *gamos* — брак) — вступление в брак с лицом высшего статуса. Иногда так называют только подобный брак женщины.
- Гипогамия** (от греч. *hypo* — под и *gamos* — брак) — вступление в брак с лицом низшего статуса. Иногда так называют только подобный брак женщины.
- Глоттохронология** (от греч. *glōtta* — язык и *chronos* — время) — метод датировки по лексическим изменениям в языке.
- Гоминиды** (от лат. *homo* — человек) — семейство или, по другой классификации, надсемейство человекообразных.
- Гоминины** (от лат. *homo* — человек) — подсемейство или, по другой классификации, семейство людей.
- Гомо примигениус** (лат. *homo primigenius*) — человек первородный.
- Гомо сапиенс** (лат. *homo sapiens*) — человек разумный.
- Гомо хабилис** (лат. *homo habilis*) — человек умелый.
- Гомо эректус** (лат. *homo erectus*) — человек выпрямленный, прямоходящий.
- Дендрохронология** (от греч. *dendron* — дерево и *chronos* — время) — метод датировки по годичным кольцам деревьев.
- Дефлорация** (от лат. *de* — приставка, означающая устранение, и *flos* — цветок, девственность) — устранение девственности плывы.
- Диастема** (от греч. *diastema* — промежуток) — промежуток между резцами и клыками.
- Диморфизм** (от греч. *di* — дважды и *morphe* — форма) — свойство выступать в двух формах; половой диморфизм — двуполость.
- Дислокальность** (от лат. *dis* — приставка, означающая разъединение и *locus* — место) — раздельное поселение супругов.
- Дисэкономическая семья** (от лат. *dis* — приставка, означающая разъединение, и греч. *oikos* — дом, хозяйство) — семья, не ведущая общего хозяйства, какой в значительной мере была парная семья.
- Доместикация** (от лат. *domesticus* — домашний) — одомашнение растений или животных.
- Дриопитеки** (от греч. *drys* — дерево и *pithekos* — обезьяна) — ископаемые человекообразные обезьяны, среди которых, видимо, были предки современных человекообразных обезьян.
- Дуальная организация** (от лат. *duo* — два) — взаимобрачная организация двух родов или позднее фратрий (см.). В более широком смысле двоичная, или бинарная, организация общества, а также ее

- отражение в духовной культуре, универсальным образом распространённые в первобытном обществе
- Дуолокальность** (от лат. *duo* — два и *locus* — место) — брачное поселение поочередно как в группе мужа, так и в группе жены, то же, что и билочальность.
- Идеография** (от греч. *idea* — идея и *graphō* — пишу) — письменность, знаки которой (идеограммы, или иероглифы — см.) передают целые слова — понятия. Синоним — логография.
- Иерархическое общество** (от греч. *hieros* — священный и *archē* — власть) — принятое у западных авторов обозначение первобытного общества, уже затронутого процессами социального и имущественного расслоения.
- Иероглифы** (от греч. *hieros* — священный и *glipho* — вырезаю; т. е. вырезанный на камне священный знак) — название, данное греками знакам египетской идеографии (см.).
- Избегание** — совокупность запретов во взаимоотношениях между родственниками и (или) свойственниками.
- Избыточный продукт** — общественный продукт, превышающий жизнеобеспечивающий, но еще не поведший к отношениям эксплуатации и тем самым не ставший прибавочным продуктом. Выделение избыточного продукта широко вошло в современную советскую этнографию, хотя и принято не всеми учеными.
- Инициации** (от лат. *initiatio* — посвящение) — обряды приобщения подростков к категории взрослых, мужчин и женщин.
- In situ** [ин ситу] (от лат. *situs* — положение) — в первоначальном, неперевоженном состоянии.
- Ифантицид** (от лат. *infans* — ребенок и *caedes* — умерщвление) — умерщвление маленьких детей.
- Каста** (от португ. *casta* — раса, род, сословие) — замкнутая общность людей, исторически восходящая к их профессиональной специализации, а нередко и особой этнической принадлежности.
- Клан** (от гэлск. *clan, clanne* — род, племя) — в наиболее распространенном словоупотреблении то же, что и род. У некоторых авторов — только отцовский род или родовое ядро общины.
- Когнатное родство** (от лат. *cognatio* — родство по рождению) — родство как по отцовской, так и по материнской линии, то же, что и билинейность.
- Композиции** (от лат. *compositio* — возмещение) — материальное возмещение за убийство или увечье как альтернатива кровной мести.
- Конкубинат** (от лат. *con* — со и *cubo* — лежу) — допускавшееся древнеримским правом длительное внебрачное сожительство с незамужней женщиной.
- Кросскузенный брак** (от англ. *cross* — перекрестный и *cousin* — двоюродный брат, двоюродная сестра), или перекрестно-кузенный брак, — брак с дочерью брата матери или дочерью сестры отца.
- Кувада** (от франц. *couvade* — высиживание яиц) — обычай демонстрации отцом своей причастности к рождению ребенка.
- Куначество** (от тюрк. *кунак* — гость) — систематическое взаимное гостевание с установлением дружеских связей.
- Кьеккенмьеддинги** (от датск. *køkken* — кухня и *mødding* — свалка) — скопления раковин как кухонных отбросов.
- Левират** (от лат. *levir* — деверь, брат мужа) — брак с двумя или более братьями одновременно, а позднее с братом умершего мужа.
- Линидж** (англ. *lineage* — происхождение, род, от лат. *linea* — линия) — внутривидовая группа близких родственников. ведущих

- происхождение от памятного предка. Различаются патрилинейные патрилиниджи и матрилинейные матрилиниджи.
- Логография** (от греч. *logos* — слово и *graphō* — пишу) — письменность, знаки которой (логограммы, или иероглифы — см) передают целые слова-понятия. Синоним — идеография.
- Локальная группа** (от лат. *locus* — место) — распространенное в советской этнографии обозначение раннепервобытной общины охотников, рыболовов и собирателей.
- Локомоция** (от лат. *locus* — место и *motio* — движение) — перемена места, передвижение.
- Магия** (от греч. *mageia* — колдовство) — вера в возможность особыми, необычными способами воздействовать на окружающее и сами связанные с этим действия.
- Макролиты** (от греч. *makros* — большой и *lithos* — камень) — крупные и грубые каменные орудия.
- Матриархат** (от лат. *mater* — мать и греч. *archē* — власть) — господство женщины в семье и обществе, то же, что и гинекократия или материнское право.
- Матрилинейность** (от лат. *mater* — мать и *linea* — линия) — счет родства по линии матерн.
- Матрилокальность** (от лат. *mater* — мать и *locus* — место) — брачное поселение супругов в группе жены.
- Матрифокальность** (от лат. *mater* — мать и *focus* — очаг) — группировка вокруг матерн.
- Матронимия** (от греч. *mater* — мать и *onoma* — имя) — группа, именующая себя по общему матрилинейному предку; распространенное в советской этнографии обозначение матрилиниджа (см. Линидж).
- Мегалиты** (от греч. *megas* — большой и *lithos* — камень) — постройки из каменных глыб, по-видимому, культового назначения.
- Мезолит** (от греч. *mesos* — средний и *lithos* — камень) — среднекаменный век.
- Микролиты** (от греч. *mikros* — малый и *lithos* — камень) — мелкие каменные вкладыши в составные орудия.
- Микроцефал** (от греч. *micros* — малый и *kephalē* — голова) — малоголовый, человек с маленькой головой.
- Мифология** (от греч. *mythos* — предание) — совокупность мифов.
- Моногамия** (от греч. *monos* — один, единый и *gamos* — брак) — единобрачие.
- Мононорма** (от греч. *monos* — единый и лат. *norma* — правило) — обязательное правило поведения, в котором еще не дифференцировались различные нормы социальной регуляции: права, нравственности, этикета.
- Нагуализм** (от слова индейцев-маяя «*нагуаль*» — какое-либо животное, жизнь которого таинственным образом связана с жизнью данного человека) — термин, часто служащий для обозначения веры в личных духов-покровителей.
- Неоантроп** (от греч. *neos* — новый и *anthrōpos* — человек) — человек современного вида.
- Неолит** (от греч. *neos* — новый и *lithos* — камень) — новокаменный век.
- Неолокальность** (от греч. *neos* — новый и лат. *locus* — место) — брачное поселение супругов отдельно от родни мужа или жены.
- Номинация** (от лат. *nomen* — имя) — название, наименование.
- Ноосфера** (от греч. *noōs* — разум и *sphaira* — шар) — область существования разума, разумных существ.

- Ностратическая общность** (от лат. *noster* — наш или *nostras* — здешний) — реконструируемая первоначальная общность большинства языков Старого Света.
- Ойкумена** (от греч. *oikeō* — населяю) — заселенная человеком часть земного шара.
- Ономастика** (от греч. *onoma* — имя) — раздел языкознания, изучающий собственные имена.
- Ордалии** (от позднелат. *ordalium* — суд) — в предклассовом и раннеклассовом обществе судебные испытания, во время которых, как считалось, высшие силы обнаружат виновного
- Ортокузенный брак** (от греч. *orthos* — прямой и англ. *cousin* — двоюродный брат, двоюродная сестра), или параллельно-кузенный брак — брак с дочерью брата отца или сестры матери.
- Остеодентокератическая индустрия** (от лат. *os* — кость, *dens* — зуб, греч. *keras* — рог) — преимущественное использование костей, зубов и рогов в качестве материала для поделок.
- Остеология** (от лат. *os* — кость и греч. *logos* — слово, наука) — раздел анатомии, изучающий кости.
- Палеоантроп** (от греч. *palaios* — древний и *anthrōpos* — человек) — древний человек.
- Палеоантропология** (от греч. *palaios* — древний, *anthrōpos* — человек и *logos* — слово, наука) — раздел антропологии, изучающий ископаемых людей.
- Палеодемография** (от греч. *palaios* — древний, *demos* — народ и *graphō* — пишу) — раздел демографии, изучающий состав и движение народонаселения в первобытном обществе.
- Палеолит** (от греч. *palaios* — древний и *lithos* — камень) — древнекаменный век.
- Палеонтология** (от греч. *palaios* — древний, *on* — существующее и *logos* — учение) — наука об ископаемых организмах.
- Паранстория** (от греч. *para* — около и *historia* — история) — то же, что протоистория (см.).
- Парантроп** (от греч. *para* — около и *anthrōpos* — человек) — ископаемая человекообразная обезьяна, близкая к австралопитеку (см.).
- Патриархат** (от лат. *patēr* — отец и греч. *archē* — власть) — господство мужчины в семье и обществе, то же, что отцовское право.
- Патрилинейность** (от лат. *pater* — отец и *linea* — линия) — счет родства по линии отца, то же, что и агнатное родство.
- Патрилокальность** (от лат. *pater* — отец и *locus* — место) — брачное поселение супругов в группе мужа
- Патронимия** (от греч. *patēr* — отец и *onoma* — имя) — группа, именующая себя по общему патрилинейному предку; распространенное в советской этнографии обозначение патрилиниджа (см. Линидж).
- Петроглиф** (от греч. *petra* — камень, скала и *glyphe* — резьба) — высеченное на скале слабо углубленное изображение.
- Пиктография** (от лат. *pictura* — картина и греч. *graphō* — пишу) — примитивное рисуночное письмо, предназначенное главным образом для запоминания.
- Плезантроп** (от греч. *plesios* — близкий и *anthrōpos* — человек) — ископаемая человекообразная обезьяна, близкая к австралопитеку (см.).
- Подшучивание** — совокупность обычаев, предписывающих демонстративно шуточные взаимоотношения между свойствами-камами.

- Полиандрия** (от греч. *poly* — много и *andros* — муж) — многомужество.
- Полигамия** (от греч. *poly* — много и *gamos* — брак) — собирательное обозначение для полигинии (см.) и полиандрии (см.).
- Полигиния** (от греч. *poly* — много и *gynē* — жена) — многоженство.
- Популяция** (от лат. *populus* — народ) — группа людей, внутри которой заключаются браки.
- Потестарная организация** (от лат. *potestas* — власть) — термин, принятый в советской этнографии для обозначения организации власти в догосударственном, дополитическом обществе.
- Потлач** (от слова индейцев-нутка «*натсхатл*» — давать подарок) — раздача накопленных богатств на специальном празднике, устраиваемом по поводу одного из событий жизненного цикла.
- Преистория** (от лат. *prae* — до, перед и греч. *historia* — история) — доистория, принятое у западных авторов обозначение истории первобытного общества, часто в отличие от протоистории (см.).
- Пресапиенс** (от лат. *prae* — перед и *sapiens* — разумный) — предшественник *homo sapiens*, человека разума.
- Преземпция** (от лат. *prae* — до, перед и *emptio* — покупка) — право предпочтительной покупки.
- Приматы** (от лат. *primus* — первый) — отряд высших млекопитающих, включающий полуобезьян, обезьян и человека.
- Промискуитет** (от лат. *promiscuus* — смешанный, общедоступный) — ничем не ограниченная свобода отношений между полами.
- Протоистория** (от греч. *prōtos* — простейший, первый и *historia* — история) — предыстория, принятое у западных авторов обозначение истории тех первобытных обществ, которые могут исследоваться по письменным памятникам соседних цивилизаций.
- Протонеолит** (от греч. *prōtos* — простейший, первый и неолит — см.) — принятое некоторыми авторами обозначение мезолита (см.).
- Пуналуа** (гавайск. *punalua* — близкий товарищ) — практиковавшийся у гавайской знати брак нескольких братьев с несколькими женщинами-неродственницами. На основе этого обычая Л. Г. Морганом была ошибочно реконструирована одна из древнейших форм брачно-семейных отношений.
- Ранжированное общество** (от франц. *rang* или англ. *rank* — ранг) — принятое у западных авторов обозначение первобытного общества, уже затронутого процессами социального расслоения.
- Редистрибуция** (от лат. *redistribuo* — перераспределяю) — перераспределение продукта между различными членами группы или слоями общества.
- Реципрокальность, реципрокность, реципрокация** (от лат. *reciproco* — возвращаю) — взаимность, эквивалентный обмен материальными ценностями или услугами.
- Рэмидж** (от лат. *ramage* — ветвь), или конический клан — иерархизованная родственная общность, социальный статус в которой определяется генеалогической близостью к общему родоначальнику как по прямой, так и по боковой линии.
- Сегментарная организация** (от лат. *segmentum* — кусок) — система разделения рода и (или) общины на подгруппы, которые, в свою очередь, делятся на еще меньшие звенья.
- Сиблинги** (от англ. *siblings*) — родные братья и сестры.
- Синполитейные общества** (от греч. *syn* — одновременный, сосуществующий и *politeia* — цивилизация) — первобытные общества, сохранившиеся после возникновения первых цивилизаций.

- Сорорат** (от лат. *soror* — сестра) — брак с двумя или более сестрами одновременно, а позднее с сестрой умершей жены
- Социогенез** (от лат. *societas* — общество и греч. *genesis* — возникновение) — процесс возникновения человеческого общества
- Стратифицированное общество** (от лат. *stratum* — слой) — принятое у западных авторов обозначение первобытного общества, уже затронутого процессами имущественного расслоения
- Топонимика** (от греч. *topos* — место и *onoma* — имя) — раздел ономастики (см.), изучающий географические названия.
- Торевтика** (от греч. *tovevo* — вырезаю, чеканю) — художественная чеканка по металлу.
- Тотем** (от «от-отем», слова из языка индейцев-оджибве, означающего «его род») — какой-либо вид животных, реже растений, еще реже других предметов или явлений природы, считающийся кровным родственником, а позднее — предком. В дальнейшем тотем становился только эмблемой рода.
- Тотемизм** (от «тотем» — см.) — вера в существование тесной связи с тотемом.
- Травестиизм** (от франц. *travestir* — переодеваться) — обычай демонстративной перемены пола, практиковавшийся мужчинами и, реже, женщинами.
- Трибализм** (от лат. *tribus* — племя) — собирательное обозначение таких отрицательных пережитков родоплеменной организации, как солидарность соплеменников в ущерб другим социальным связям, племенная рознь, влияние вождей и т. п.
- Уксорилокальность** (от лат. *uxor* — жена и *locus* — место) — брачное поселение супругов у жены. Уксорилокальность одними авторами различается, другими не различается с матрилокальностью (см.).
- Унилинейность** (от лат. *unus* — один и *linea* — линия) — счет рода только по одной, материнской или отцовской линии.
- Унилокальность** (от лат. *unus* — один и *locus* — место) — совместное поселение супругов.
- Фетишизм** (от португальск. *feitico* — талисман) — вера в сверхъестественные свойства определенных неодушевленных предметов.
- Филиация** — (от лат. *filius, filia* — сын, дочь) — установление родства через одного из родителей.
- Фратрия** (греч. *phratría* — братство) — группировка нескольких родов одного племени в результате деления одного из родов, реже их искусственного объединения. Группировка родов только в две фратрии была наиболее распространенной формой дуальной организации (см.).
- Халколит** (от греч. *chalkos* — медь и *lithos* — камень) — медно-каменный век, то же, что и энеолит (см.).
- Харизма** (от греч. *charisma* — благодать) — особая благая сила, ниспосланная человеку свыше.
- Хоумленд** (от англ. *home* — дом и *land* — земля, страна; приблизительное значение «родная земля») — резервации для туземцев в ЮАР и Намибии.
- Шаманизм** (от эвенкск. *шаман* — вышедший из себя) — вера в способность определенных людей в экстатическом состоянии общаться с духами.
- Эгалитарное общество** (от франц. *égalitaire* — равноправный, уравнительный) — принятое в западной науке обозначение первобытного общества, еще не затронутого процессами социального и имущественного расслоения.

- Эго** (лат. *ego* — я) — термин, принятый для обозначения точки отсчета родства.
- Экзогамия** (от греч. *exō* — вне и *gamos* — брак) — запрещение вступать в брак внутри своей группы и предписание браков с членами другой или других групп.
- Эндогамия** (от греч. *endon* — внутри и *gamos* — брак) — вступление в брак внутри определенной общности. Может быть предписанной (нормативная эндогамия) или практикуемой в силу фактической частоты контактов женихов и невест (фактическая эндогамия).
- Эндоканнибализм** (от греч. *endon* — внутри и испанск. *canibal*, испорч. *кариб*. — людоед) — обрядовое поедание умерших родичей, вождей и т. п.
- Энеолит** (от лат. *aeneus* — медь и древнегреч. *lithos* — камень) — медно-каменный век, то же, что и халколит (см.).
- Эпипалеолит** (от греч. *epi* — после и палеолит — см.) — принятое некоторыми авторами обозначение мезолита (см.).
- Эпоним** (от греч. *epi* — около, за, после и *onoma* — имя) — давший кому-либо имя, обычно предок-родоначальник.
- Этиология** (от греч. *aitia* — причина) — объяснение причин, объяснение происхождения.
- Этноистория** (от греч. *ethnos* — народ и *historia* — история) — то же, что протоистория (см.).
- Этноним** (от греч. *ethnos* — народ и *onoma* — имя) — термин, обозначающий наименование народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.* Историческая антропология. М., 1979.
- Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984.
- Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
- История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
- История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.
- Марков Г. Е.* История хозяйства и матеральной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.
- Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (по данным археологии). Л., 1976.
- Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. (Свод этнографических понятий и терминов).
- Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
- Шнирельман В. А.* Происхождение производящего хозяйства. М., 1989.
- Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1 Источниковедение и историография истории первобытного общества	17
1. Источниковедение первобытной истории	17
2. Историография первобытной истории	48
Глава 2. Становление первобытного общества: эпоха праобщины	99
1. Происхождение человека	99
2. Возникновение человеческого общества	136
3. Возникновение и развитие мышления и речи	141
4. Истоки идеологических представлений	145
Глава 3. Зрелость первобытного общества: эпоха первобытной общины	151
1. Завершение процесса антропогенеза	151
2. Возникновение общинно-родового строя	159
3. Стадия раннепервобытной (раннеродовой) общины	165
4. Стадия позднепервобытной (позднеродовой) общины	217
Глава 4 Разложение первобытного общества: эпоха классового образования	255
1. Подъем производства	255
2. Вызревание институтов классового общества	267
3. Переворот в положении полов	292
4. Брак и семья	296
5. Общинная и родоплеменная организация	303
6. Духовная культура	308
7. Этническое и языковое состояние	318
Глава 5 Первобытное общество и цивилизация	322
1. Первобытная периферия классовых обществ	322
2. Остатки первобытности в классовых обществах	332
Глоссарий	343
Литература	350